Personal Memoirs of H.P. Blavatsky

Mary K. Neff

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга предназначена для тех, кто интересуется оккультизмом и его современной интерпретацией. Автор-составитель постаралась собрать и изложить в хронологическом порядке все события, факты и опыт яркой, сильной, загадочной и прекрасной жизни Елены Петровны Блаватской.

- Личные мемуары
  - Предисловие автора-составителя
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
  - Глава 31
  - Глава 32
  - Глава 33

- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Хронологическая таблица
- Список использованной литературы

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35

- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68

Личные мемуары

Мэри К. Нэфф

Личные Мемуары Е. П. Блаватской

Предисловие автора-составителя

Эта книга предназначена для тех, кто интересуется оккультизмом и его современной интерпретацией. Автор-составитель постаралась собрать и изложить в хронологическом порядке все события, факты и опыт яркой, сильной, загадочной и прекрасной жизни Елены Петровны Блаватской. В предисловии к своей книге «Разоблаченная Изида» Е.П.Б. писала: «В процессе работы свои мысли я сравниваю с брусочками и пластинками из дерева различной формы и цвета, как в детской игре «casse tete» (головоломка). Я прикладываю их друг к другу и стараюсь получить в результате красивую геометрическую фигуру». Применив этот метод, я сложила факты ее жизни, используя различные источники. Сбору материалов и тщательному их анализу было посвящено семь лет.

Началось же все в 1927 году, когда г-н К. Джинараджадаса пригласил меня приехать в Адьяр. Там по указанию д-ра Анни Безант мне было поручено разобрать и систематизировать архивы Теософического Общества. Для выполнения поставленной задачи потребовалось перебрать массу бумаг, книг, газет, журналов, писем и брошюр. Вскоре мне стало очевидным, что в архивах Теософического Общества хранится большое количество документов, связанных с Е.П.Б., с помощью которых можно было заполнить многие пробелы в ее биографии. По предложению д-ра Джорджа Арундейла я опубликовала серию статей о жизни и деятельности Блаватской. Написав затем эту книгу, я во-первых, выражаю надежду, что в ней создан правдивый портрет Е.П.Б., который завершают неизвестные ранее детали и штрихи. Во-вторых, книга отчасти проливает свет на великую науку Оккультизма. Е.П.Б. часто спрашивала: «Разве трудно поверить тому, что человек должен развивать свои новые способности и чувства, ближе соприкасаясь с природой?» И отвечала: «Вся логика эволюции учит нас этому правильному выводу». Я благодарна д-ру Анни Безант и д-ру Джорджу Арундейлу за предоставленную возможность исследовать архивы Теософического Общества. Значительное количество использованных в этой книге материалов получено из данного источника. В сносках они помечены как «Архивы» и «Альбомы». Я также благодарна м-ру Тревору Баркеру за возможность использовать его книги «Письма Махатм к А. П. Синнету» и «Письма Е. П. Блаватской А. П. Синнету» и д-ру Евгению Роллин Корсону за такую же возможность относительно его книги «Некоторые неопубликованные письма Е. П. Блаватской». И

наконец, хочу выразить искренню признательность мисс Константин Ришбит из Аделаиды, которая помогла осуществить издание этой книги.

Мэри К. Нэфф
Адьяр, Мадрас, Индия
27 февраля 1935 г.

Глава 1
Происхождение и детство

«Мое детство? В нем баловство и проказы с одной стороны, наказания и ожесточение с другой. Бесконечные болезни до семи-восьми лет, хождение во сне по наущению дьявола. Две гувернантки — француженка мадам Пенье и мисс Августа София Джефрис, старая дева из Йоркшира. Несколько нянек, и одна наполовину татарка. Родилась в Екатеринославле в 1831 году. Солдаты отца заботились обо мне. Мать умерла, когда я была ребенком». [14, с.149]

Следует добавить, что в то время ей было одиннадцать лет. «Мисс Джефрис… пришла в отчаяние от своей ученицы, и девочку опять отдали ее нянькам почти до шести лет, после чего ее с младшей сестрой отправили к отцу. В течение следующих двух или трех лет маленькие девочки находились под опекой ординарцев отца; старшая всегда предпочитала их общество компании женщин. Военные брали их везде с собой и всячески баловали как «детей полка». [20, с.17]

Госпожа Блаватская продолжает: «Странствовали с отцом и его артиллерийским полком до восьми-девяти лет, иногда навещая бабушку и дедушку. Когда мне исполнилось одиннадцать лет, бабушка взяла меня к себе. Жила в Саратове, где дедушка был губернатором, а прежде он занимал эту должность в Астрахани и под его началом было несколько тысяч (80 тыс. или 100 тыс.) калмыцких буддистов». [14, с.150]

«В детстве я познакомилась с ламаизмом тибетских буддистов. Я провела месяцы и годы среди ламаистских калмыков Астрахани и с их первосвященником.

…Я была в Семипалатинске и на Урале вместе со своим дядей, владельцем обширных земель в Сибири у самой границы с Монголией, где находилась резиденция Терахан Ламы. Совершала также путешествия за границу, и к пятнадцати годам я узнала многое о ламах и тибетцах» [8, XX, с.190].

Старый друг семьи, Е. Ф. Писарева говорила: «У Е.П.Б. очень интересное происхождение — среди ее предков были французы, немцы, русские. Ее отец принадлежал к роду наследных макленбургских принцев Ган фон Роттенштерн-Ган. Ее мать была правнучкой гугенота Бандрэ де Плесси, изгнанного из Франции по религиозным причинам; в 1784 году его дочь вышла замуж за князя Павла Васильевича Долгорукого; их дочь — княжна Елена Павловна Долгорукая вышла замуж за Андрея Михайловича

Фадеева — это была бабушка Елены Петровны Блаватской, которая воспитывала рано осиротевших детей своей дочери. Она была выдающейся, высококультурной и исключительно образованной женщиной необыкновенной доброты; она переписывалась со многими учеными, например с м-ром Мурчесоном, президентом Лондонского Географического Общества, и другими известными ботаниками и минералогами…

Она знала пять иностранных языков, прекрасно рисовала и была во всех отношениях замечательной женщиной. Свою одаренную натуру она передала дочери — Елене Андреевне, матери Елены Петровны. Елена Андреевна писала романы и рассказы, была известна под псевдонимом «Зинаида Р.» и пользовалась широкой популярностью в 40-х годах. Многие горевали из-за ее ранней кончины, а Белинский посвятил ей несколько лестных строк, назвав ее «русской Жорж Санд».

Я много слышала о семье Фадеевых от Марии Григорьевны Ермоловой, обладавшей прекрасной памятью и хорошо знакомой с ними по Тифлису, где ее муж в 40-х годах был губернатором. Она вспоминала Елену Петровну как весьма одаренную, но очень своенравную девочку, не подчинявшуюся никому. Их семья пользовалась высокой репутацией, особенно о бабушке окружающие были самого хорошего мнения, и хотя она почти не выезжала с визитами, весь город приходил к ней «засвидетельствовать свое уважение». Кроме дочери Елены Андреевны, ставшей женой артиллерийского офицера Гана, и другой дочери (в браке Витте) у нее было еще двое детей: Надежда Андреевна и Ростислав Андреевич Фадеевы…

Рано осиротев, Елена Петровна большую часть своего детства провела у своего деда Фадеева, вначале в Саратове, а затем и в Тифлисе. Летом вся семья выезжала в летнюю резиденцию губернатора — большой старинный особняк, окруженный садом с множеством таинственных уголков, прудом и глубоким оврагом, за которым до самого берега Волги простирался густой лес. Пылкая девочка наблюдала загадочную жизнь природы; она часто разговаривала с птицами и животными. Зимой же кабинет ее ученой бабушки был самым интересным местом, разжигающим даже менее богатое воображение. В этом кабинете было много удивительного: чучела различных животных — оскаленные морды медведей и тигров, а также изящные маленькие колибри, совы, соколы и ястребы, и над ними под самым потолком огромный орел раскинул свои величественные крылья. Но самым впечатляющим был белый фламинго, вытянувший, как живой, свою длинную шею. Когда дети приходили в кабинет бабушки, они садились верхом, как на коня, на белого тюленя и в сумерках

им начинало представляться, что чучела оживали и приходили в движение, а маленькая Елена Петровна рассказывала им многие страшные и захватывающие истории, например о фламинго, чьи бело-розовые крылья, казалось, были забрызганы кровью.

Кроме видимой всеми части природы она наблюдала и кое-что другое. С раннего детства маленькая ясновидящая видела какого-то величественного индуса в белом тюрбане. Она знала его так же хорошо, как своих родных, и называла своим Хранителем. Она часто говорила, что он всегда спасал ее во всех бедах.

Один из таких случаев произошел, когда Блаватской было 13 лет. Лошадь, на которой она ехала верхом, внезапно испугалась и встала на дыбы. Девочка была выброшена из седла и повисла, запутавшись в стременах. Все то время, пока не остановили лошадь, она чувствовала, что чьи-то руки поддерживают ее тело.

Другой похожий случай произошел в более раннем возрасте, когда она была совсем еще маленькой. Ей очень захотелось лучше рассмотреть одну картину, которая висела высоко на стене и была прикрыта белым покрывалом. Она попросила снять покрывало, но ее желание не исполнили. Тогда однажды, когда девочка была одна, она пододвинула к стене стол, поставила на него еще один маленький столик и на нем установила стул. Затем взобралась на этот стул, одной рукой опираясь на стену, а другой схватила за край покрывала. Но тут потеряла равновесие и больше уж ничего не помнила. Когда же она пришла в себя, то увидела, что лежит на полу, здоровой и невредимой, а оба стола и стул стоят на своих прежних местах. Единственным свидетельством, подтверждающим, что это событие действительно имело место, были следы ее маленьких ручек на пыльной стене под картиной». [23, январь, 1913, с.503]

Предоставим г-же Блаватской продолжить рассказ о своем детстве: «Поездка в Лондон? Впервые я была в Лондоне вместе с отцом в 1844, а не в 1851 году… Отец привез меня в Лондон для занятий музыкой. Позднее брала уроки музыки у старого Мошеле. Жили мы где-то недалеко от Пимлико — но я за это не поручусь». [14, с.150]

А. П. Синнет пересказывал забавный случай, происшедший во время ее первого приезда в Лондон: «Что касается ее знаний английского языка, то здесь ее самолюбию был нанесен тяжелый удар. Говорить по-английски ее учила первая гувернантка мисс Джефрис; но на юге России не очень разбирались в диалектных тонкостях. А так как гувернантка была родом из Йоркшира, то стоило мадемуазель Ган начать говорить, как это вызвало дружный смех среди ее знакомых. Смесь йоркширского диалекта

с екатеринославским производила столь комический эффект, что мадемуазель Ган вскоре решила, что больше не станет подобным образом развлекать своих друзей и оставила попытки освоить английский язык». [20, с.38]

Госпожа Блаватская продолжает: «Мы с отцом провели неделю в Бат и целыми днями были оглушены колокольным звоном. Я захотела проехать верхом по-казацки, но он мне не разрешил, и я закатила истерику. Он благословил небеса, когда мы наконец вернулись домой. Путешествовали два или три месяца по Франции, Германии и России. В России наш экипаж преодолевал за день 25 миль». [14, с.150]

«В письмах, написанных по-французски, мы добавляли de к своей фамилии — как благородные. Если же фамилия писалась по-немецки, то добавляли von. Мы были и мадемуазель de Han и von Han. Мне это не нравилось, и я никогда не ставила de к фамилии Блаватского, хотя он и был знатного происхождения; его предок, гетман Блаватко оставил две ветви — Блаватских в России и Графов Блаватских в Польше.

Что еще? Отец был капитаном артиллерийского полка, когда женился на моей матери. После ее кончины он оставил службу в чине полковника. Служил в 6-й бригаде и имел чин помощника капитана уже по выходе из Пажеского Корпуса. Дядя Иван Алексеевич фон Ган был директором департамента портов России в Санкт-Петербурге. Первая его жена demoiselle d'honneur (достойная дама) — графиня Контоузова, en secondes noces (во втором браке) он был женат на еще одной достойной даме (правда изрядно высохшей) — мадам Чатовой.

Дядя Густав в первом браке был женат на графине Адлерберг, дочери генерала Броневицкого и т. д. и т. д. У меня нет нужды стыдиться своих родственников, но мне стыдно, что я Блаватская, и если бы я приняла британское подданство и стала какой-нибудь миссис Снукс или Тафматтон, то, как говорят здесь, «целовала бы за это руки». Я не шучу. В противном случае я не смогу вернуться в Индию». [14, с.150]

«Моя сестра Вера на три года младше меня. Сестра Лиза родилась от второго брака моего отца; он женился, насколько я помню, в 1850 году на баронессе фон Ланге. Года через два она умерла. Лиза родилась, не помню точно, но кажется в 1852 году. Моя мать умерла через шесть месяцев после рождения моего брата (Леонида) в 1840 или 1839 году, точно не помню». По сведениям ее сестры Веры Желиховской, более точной в датах, их мать умерла в 1842 году. Желиховская писала: «Наша мать Елена де Ган, nee (урожденная) Фадеева умерла в возрасте 27 лет. Несмотря на раннюю кончину, она успела завоевать

литературную известность, позволившую назвать ее «русской Жорж Санд» одному из наших лучших критиков — Белинскому. В шестнадцать лет она вышла замуж за Пьера де Гана, артиллерийского капитана и вскоре полностью отдалась воспитанию детей.

Старшая дочь, Елена, была не по годам очень развитым ребенком и уже с раннего детства обращала на себя внимание всех окружающих. Она не признавала никакой дисциплины, не прислушивалась к наставлениям воспитателей, обо всем имела собственное мнение. Она была исключительно оригинальной, самоуверенной и отчаянной. Когда после смерти нашей матери мы стали жить у ее родственников, наши учителя теряли с Еленой всякое терпение, но несмотря на ее пренебрежительное отношение к урокам, их поражала необыкновенная одаренность, особенно легкость, с которой она изучала иностранные языки и ее музыкальные способности. Ей были свойственны все черты характера мальчишки, как хорошие, так и дурные; она любила путешествия и приключения, презирала опасности и была абсолютно равнодушной к указаниям старших.

Перед самой кончиной… мать очень беспокоилась о дальнейшей судьбе своей старшей дочери, и для этого беспокойства были все основания. «Ну что ж, — говорила мать, — может оно и к лучшему, что я умираю: по крайней мере, не придется мучиться, видя горькую участь Елены! Я совершенно уверена, что доля ее будет не женской и в жизни ей суждено много страдать».

Какое верное пророчество!» [14, с. 160; 15, ноябрь, 1894]

Глава 2
Ребенок-медиум

Блаватская описала следующий случай: «Вспоминаю одну из своих гувернанток. У нее была привычка прятать фрукты пока они не сгнивали в ящиках ее письменного стола. Эти ящики были постоянно полны подгнивающими фруктами. Она была уже немолодой и однажды заболела. В то время моя тетя, в доме которой я тогда жила, вычистила все эти ящики и выбросила испорченные фрукты. Эта больная, близкая к смерти женщина вдруг попросила, чтобы ей дали одно из любимых ею «поспевших» яблок. Все прекрасно поняли, что она под этим подразумевала, и моя тетя сама пошла в людскую распорядиться, чтобы дали ей какое-нибудь гнилое яблоко. И вдруг сообщили, что больная скончалась. Тетя моя бросилась бегом наверх, а я и некоторые из служанок побежали за ней. И вот когда мы проходили мимо комнаты, где стоял ее письменный стол, тетя в испуге вскрикнула. Мы поспешили за ней и увидели, что гувернантка моя стоит в комнате и ест яблоки, а потом она исчезла. Когда же мы вбежали в спальню, то на постели увидели умершую и рядом были сиделки, которые ни на минуту ее не оставляли… Так реализовалась последняя мысль умирающей. Это совершенно правдивый рассказ о том, что я видела сама». [23, апрель 1884]

Еще рассказывает Блаватская: «В течение примерно шести лет (в возрасте от восьми до пятнадцати) ко мне каждый вечер приходил какой-то старый дух, чтобы через мою руку письменно передавать различные сообщения. Это происходило в присутствии моего отца, тети и многих наших друзей, жителей Тифлиса и Саратова. Дух этот (женщина) называл себя Теклой Лебендорф и подробно рассказывал о своей жизни. Родилась она в Ревеле, вышла замуж. Рассказывала о своих детях: захватывающую историю старшей дочери З. и о сыне Ф., который покончил с собой. Иногда и сам этот сын приходил и рассказывал о своих посмертных страданиях. Старая дама говорила, что она видит Бога, Деву Марию, толпы ангелов. Двух из ангелов она представила нам всем, и к великой радости моих родных ангелы обещали охранять меня и т. д., и т. д.

Она сама описала свою смерть, дала адрес лютеранского священника, который дал ей святое причастие.

Рассказывала и о некоем прошении, которое она подала царю Николаю, и я записала текст его слово в слово, своим почерком,

моей детской рукой.

Так я писала в течение примерно шести лет, четким, старинным почерком и на немецком языке (язык, которому я никогда не обучалась и на котором я и теперь еле говорю), и на русском. Все это составило бы с десяток томов.

Тогда это еще не называли спиритизмом и считали одержанием. Так как священника нашей семьи интересовал этот феномен, то и он часто приходил на наши вечерние сеансы, окропив, однако, себя предварительно святой водой.

Один из моих дядей поехал в Ревель и выяснил, что там действительно жила когда-то очень богатая женщина, Текла Лебендорф. Из-за распутной жизни своего сына она разорилась, уехала к своим родственникам в Норвегию и там скончалась. Мой дядя узнал также, что сын ее покончил жизнь самоубийством в каком-то небольшом поселке на побережье Норвегии (все точно, как у духа).

Когда мой дядя вернулся в Петербург, он разыскал в министерском архиве упомянутое прошение Лебендорф и сравнил его с записанным мною. Оказалось, что оба они идентичны, включая даже пометку царя, которую я с полной точностью репродуцировала, как искусный гравер или фотограф.

Был ли это дух миссис Лебендорф, водивший моей рукой? Или это был дух ее сына Ф., записавший через меня своим почерком его посмертные страдания?

Казалось бы, что все это было лучшим доказательством того, что человек живет после смерти и что он имеет возможность посещать после смерти землю и общаться с живущими.

Но в действительности это было не так.

Примерно через год после приезда моего дяди в Санкт-Петербург, когда возбужденные умы успокоились, Д., офицер, служивший в полку моего отца, приехал в Тифлис. Он знал меня еще пятилетним ребенком, играл со мной, показывал свои семейные портреты, позволял мне рыться в своем письменном столе, играть с письмами и т. д. Среди многих вещей он часто показывал мне миниатюру старой дамы с белыми локонами, в шляпе и в зеленой шали. Это была его старая тетя, и он дразнил меня, говоря, что однажды и я буду такой же старой и некрасивой.

Не стоит рассказывать всю эту длинную историю, короче говоря, Д. был племянником Л., сыном ее сестры.

Он часто бывал у нас (тогда мне было четырнадцать лет) и однажды попросил, чтобы нам, детям, разрешили прийти к нему в гости. Мы отправились к нему вместе с гувернанткой. Над его письменным столом я увидела миниатюру его тетки — моего

духа! Я совсем забыла, что когда-то в детстве видела ее и узнала в ней того духа, посещавшего меня в течение шести лет и писавшего моей рукой.

«Это, это дух! — воскликнула я, пораженная, — это миссис Текла Лебендорф». «Конечно, это моя старая тетя, но неужели ты помнишь те старые вещи, с которыми когда-то играла?» — спросил Д., ничего не знавший о моем духе.

«Я хочу сказать, что вижу вашу умершую тетю, если это ваша тетя, каждую ночь вот уже несколько лет, она приходит и пишет через меня».

«Умершую?» — усмехнулся он. — «Но она не умерла. Я только что получил от нее письмо из Норвегии», — и он стал подробно рассказывать о ней.

В тот же день мои тетки посвятили Д. в тайну моего медиумизма. Трудно передать изумление Д. и удивление моих почтенных тетушек, неосознанных спириток.

Затем выяснилось не только то, что его тетя не умерла, но и что сын Ф., больной рассудком только пытался покончить с собой, его рану залечили, и в то время он работал в Берлине в какой-то конторе.

Но кто же был тот, диктовавший, кто давал такие точные сведения, например, о своей смерти, страдании сына после самоубийства и т. д.? Несмотря на полную идентичность это не были духи достопочтенной миссис Теклы Лебендорф или ее неуравновешенного сына Ф., так как оба они были еще живы.

«Это дьявол», — сказали мои набожные тетки. «Дьявол, конечно», — подтвердил священник.

Один из братьев объяснил мне, что это была моя ментальная деятельность. У меня были врожденные сверхнормальные психические способности, хотя я тогда и не подозревала об этом.

Когда я играла с портретом старой госпожи, с письмами и другими вещами, мой пятый принцип (можно назвать его животная душа, физический ум или еще как-нибудь) читал и видел в них все в астральном свете. Все это запечатлелось в моей дремлющей памяти, хотя я не сознавала этого. После многих лет неожиданный случай, какая-нибудь ассоциация восстанавливала в уме связь с давно забытым, вернее — никогда сознательно не воспринятым. Мало-помалу ментал выследил эти видения в астральном свете, втянулся в личные, индивидуальные ассоциации и эманации госпожи Лебендорф. И так как медиумический импульс был дан, ничто уже не могло его остановить, и ей надо было передать то, что она видела в астральном свете.

Необходимо вспомнить, что я была слабым и болезненным

ребенком и обладала сверхнормальными психическими способностями, которые могли развиться при дальнейшей тренировке, но в том возрасте не использовались, не имея физической свободы между материей и духом. По мере того, как я росла, набирая силу и здоровье, мой ум становился привязанным к моей физической оболочке так же, как и у других людей, и феномены исчезли.

Откуда такая точность, как смерть матери, самоубийство сына, его посмертные страдания, — трудно объяснить.

Но с самого начала все вокруг меня были убеждены, что этот дух принадлежал мертвому человеку. Кто был лютеранский священник, совершивший последний печальный обряд, я так и не узнала, — возможно, я слышала какое-то имя или прочитала о нем в книге, соотнесенное с обрядом похорон.

О самоубийстве, вероятно, было написано в письмах или же оно предстало передо мной в астральном свете и в моем сознании утвердилась его смерть. Несмотря на ранний возраст, я хорошо знала, каким грехом считалось самоубийство, и мой ментал подсказал его посмертные страдания. Конечно, не обошлось без Бога, Девы Марии и ангелов — таких привычных в нашем благочестивом доме.

Что было выдумкой, а что реальностью, я не осознавала. Пятый принцип трудился как мог, мой шестой принцип, или духовное начало, духовное сознание, еще дремал, а седьмой принцип, можно сказать, у меня в то время вообще не существовал». [11, с.120]

Глава 3
В доме дедушки

«Пять лет, которые Блаватская провела в доме своего дедушки, оставили в ней глубокий след, повлиявший на всю ее дальнейшую жизнь. Мисс Джефрис уехала, и у детей появилась другая гувернантка — скромная молодая девушка родом из Англии, на которую никто из детей не обращал никакого внимания. В том же положении были еще регент из Швейцарии и гувернантка-француженка… Дикие леса окружали огромную усадьбу, где проводили летние месяцы бабушка и дедушка мадемуадель Ган. Только гуляя в лесах или на норовистом коне с казацким седлом девочка чувствовала себя абсолютно счастливой». [20, с.20, 21]

Любимая тетя Блаватской, Надежда Фадеева, писала о ней следующее: «С раннего детства Елена отличалась от обыкновенных детей. Очень живая, невероятно одаренная, полная юмора и отваги, она удивляла всех своим своеволием и решительностью поведения. Было бы большой ошибкой обходиться с ней как с другими обыкновенными детьми. Ее беспокойный и очень нервный темперамент, ее неразумное тяготение к умершим и в то же время страх перед ними, ее страстная любовь и любопытство в отношении всего неизвестного, скрытого, необыкновенного, фантастического и, более всего, ее стремление к независимости и свободе, которое никто и ничто не могло обуздать, — все это, соединенное с необычайно богатым воображением и исключительной чувствительностью, показывало, что ее воспитателям надо применять к ней особые методы воспитания…

Малейшее противоречие вызывало в ней раздражение, доходящее часто до конвульсий. Когда же вблизи не было никого, кто мог бы помешать ей, девочка могла часами, а иногда и днями, спокойно сидеть и что-то сама себе, как полагали люди, шептать и одна, в темном углу, рассказывать об удивительных случаях, сверкающих звездах и других мирах. Ее гувернантки называли это глупыми выдумками. Любое поручение, какое ей давалось, она не выполняла, любой запрет она немедленно переступала. Ее няня серьезно верила, что ребенок одержим всеми семью духами зла и непокорности. Ее гувернантки были в своем роде мученицами. Лишь лаской можно было подействовать на ее необузданный характер.

Уже в детстве окружающие только портили ее характер —

льстивым отношением слуг и преданной любовью родных, которые все прощали «бедной сиротке». Позже, в юности, ее своенравный характер открыто восстал против всех общественных правил. К мнению окружающих она не проявляла ни малейшего уважения. Как это было в 10 лет, так и тогда, когда ей стало 15. Она ездила верхом в казацком мужском седле! Ни перед кем она не склонялась, ни общепринятые традиции, ни мнения окружающих не могли ее в чем-нибудь сдержать. Она не поддавалась ничему и никому.

Как это было в детстве, ее симпатии были всегда на стороне людей невысокого положения. Ей всегда нравилось играть больше с детьми своих слуг, чем с детьми, равными ей. В детстве за ней постоянно следили, чтобы она не убегала из дому и не дружила с оборванными уличными мальчишками. Так же и в дальнейшем она была совершенно равнодушной к так называемому «дворянству», к которому она по рождению принадлежала». [20, с. 19, 20]

Была все же одна женщина, которая в известной мере могла совладать с этим ребенком, у которой хватало на это ее огненного Долгоруковского темперамента. Это была ее бабушка по Долгоруковской линии. Полковник Олькотт в своей книге «Страницы старого дневника» описал один случай:

«В детстве ее темперамент не поддавался какому-либо послушанию, так как отец ее после смерти жены всячески баловал дочь, прямо боготворил ее. Когда в 11 лет она оказалась под руководством своей бабушки по материнской линии, то была предупреждена, что такой неограниченной свободы для нее уже не будет.

Однажды раздраженная Елена закатила пощечину своей няне. Когда об этом узнала бабушка, ребенка привели, расспросили и она признала свою вину. Тогда бабушка велела зазвонить в колокол, чтобы собрались все слуги, и сказала своей внучке, что она ударила беспомощного, ниже ее стоящего человека, который не смеет сам себя защитить, что она вела себя недостойно и что она должна просить прощения у няни и поцеловать ее руку. Вначале девочка сильно покраснела и хотела возражать. Но тогда старая дама сказала, что если сейчас же девочка не послушается, то со стыдом будет отослана обратно, и прибавила, что благородный человек не отказывается исправлять ошибку, совершенную им в отношении слуги, особенно такой, которая своим преданным служением заслужила доверие своих господ. Будучи от природы великодушной и всегда внимательно относившейся к стоящим ниже ее людям, девочка залилась слезами, упала перед няней на колени и поцеловала ее руку,

прося прощения. Ясно, что после этого случая вся прислуга молилась на нее». [18, т. III, с.9]

В книге «Детские воспоминания, собранные для моих детей» писательница Желиховская (Вера — сестра Елены Петровны) вспоминала:

«Дача, на которой мы жили в Саратове, была старым, громадным зданием с подземными галереями, давно покинутыми ходами, башнями и укромными уголками. Это был скорее полуразрушенный средневековый замок, чем дом постройки прошлого века. Нам было разрешено в сопровождении слуг обследовать эти старые «катакомбы». Мы в них нашли больше битого бутылочного стекла, чем костей, и больше паучьих сетей, чем железных цепей, но в каждой тени, отраженной на стене, нашему воображению чудились какие-то духи.

Однако Елена не ограничилась одним-двумя посещениями, оказалось, что это страшное место она сделала своим убежищем, где укрывалась от учебных занятий. Много времени прошло, пока это убежище не было обнаружено. Каждый раз, когда Елена исчезала, на поиски ее посылали большую группу прислуги во главе с тем или иным «жандармом», человеком, который не побоялся бы выловить ее силой. Из сломанных столов и стульев она соорудила в углу, под окном, закрытым решеткой, некое подобие башни. Там она долго пряталась, читая книгу с разными легендами, которая называлась «Мудрость Соломона».

Раза два ее лишь с большим трудом удалось найти где-то в сыром коридоре, так как, стараясь избежать погони, она зашла в лабиринт и там заблудилась. Но это ничуть не испугало ее, ибо она утверждала, что никогда не бывала там одна, а всегда в обществе своего «маленького горбуна» — ее товарища по играм.

Она была сверх меры нервной и чувствительной, во сне громко говорила и часто ходила во сне. Случалось, что ее находили ночью крепко спящей в далеких от дома местах, и когда ее уносили наверх в ее комнату, то она при этом не просыпалась. Однажды, когда ей было 12 лет, ее нашли в таком состоянии в одном из подземных коридоров, разговаривающей с каким-то невидимым существом.

Она была совершенно необыкновенной девочкой, по природе двойственной: с одной стороны — боевой, озорной, упрямой, с другой же стороны — мистически настроенной, со стремлением ко всему метафизическому. Ни один мальчишка школьного возраста не был таким озорным, совершающим самые невообразимые проказы, какой была она. Но когда кончались шалости, ни один ученый не мог бы быть более прилежным в своих занятиях. Ее нельзя было оторвать от книг, которые она

прямо глотала, днем и ночью. Казалось, что вся большая домашняя библиотека не сможет удовлетворить ее жажду знаний.

У дома был старинный, запущенный сад, вернее парк, с разрушенными и полуразрушенными беседками и другими строениями. Сад этот постепенно переходил в девственный лес с еле заметными тропинками, покрытыми мхом, где столетиями не ступала нога человека. Этот лес славился тем, что в нем скрывались беглые преступники и дезертиры. И вот, когда «катакомбы» уже перестали гарантировать Елене безопасность, она нашла себе убежище в этом лесу.

Воображением, вернее тем, что все мы тогда считали воображением, Елена была наделена с самого раннего детства. Часами она могла рассказывать детям моложе и старше ее невероятные истории с уверенностью очевидца, который знает, о чем он говорит.

Будучи в одних случаях храброй, бесстрашной маленькой девочкой, в других — она была охвачена сильным страхом, порожденным ее же галлюцинациями. Она говорила, что ее преследуют «ужасные, светящиеся глаза», часто боялась неживых предметов. Никто на это не обращал внимания, а многим ее поведение казалось смешным. В таких случаях она крепко зажимала глаза и отчаянно кричала, пугая весь дом, и старалась укрыться от взгляда «привидения», за которое она принимала какую-нибудь висящую одежду или мебель.

Иногда на нее находил приступ смеха. Она объясняла, что этот смех вызван шалостями ее невидимого друга. Невидимых друзей своих игр она находила в каждом укромном уголке, в каждом кусте нашего старого парка. Зимой, когда наша семья переезжала в город, она с этими друзьями играла в большой гостиной в нижнем этаже дома, который с полуночи до утра всегда пустовал. Несмотря на запертые двери, Елену много раз находили ночью в этом темном помещении, иногда в полусознательном состоянии, иногда крепко спящей, но никогда она не могла объяснить, как она туда попала из нашей общей спальни, которая была в верхнем этаже. Таким же таинственным образом умудрялась она пропадать и днем. После долгих поисков ее находили тогда в каком-нибудь никем не посещаемом месте. Однажды ее нашли на темном чердаке, под самой крышей, среди голубиных гнезд. Возле нее толпились сотни птиц, и она объяснила, что она «укладывает их спать» (по законам «Мудрости Соломона»). И, действительно, на ее руках были голуби, которые, если и не спали, то во всяком случае были неподвижными, как бы одурманенными.

Иногда после многих часов поисков ее обнаруживали в

бабушкином зоомузее доисторических ископаемых, птиц и животных, в серьезной беседе с чучелом крокодила или тюленя. Елена объясняла, что голуби воркуют ей интересные сказки, а также и другие птицы и животные, когда она с ними одна, передают ей интересные рассказы, взятые из их жизни.

Для девочки вся природа была одушевленной. Она слышала голос каждой вещи и приписывала вещам сознание, существование в них скрытых сил, которые видела и слышала только она одна. Так она относилась ко всем видимым, хотя и неживым, предметам: фосфоресцирующему пню, камешкам, холмам и т. д.

Чтобы пополнить бабушкину энтомологическую коллекцию, нас, детей, часто снаряжали на экскурсии. Но и здесь маленькая Елена отстаивала свой независимый подход. Она старалась уберечь тех бабочек, которых называли «сфинксами», на темных пушистых тельцах которых ясно виделся череп. Она говорила: «природа на каждой из них нарисовала череп какого-нибудь умершего героя, поэтому эти бабочки священны и их нельзя умерщвлять, так как это означает уничтожение останков ушедшего».

Верстах в десяти от летней дачи губернатора была песчаная площадка, где можно было найти окаменевшие останки рыб, ракушек, зубов неизвестных чудовищ и т. п.

По-видимому, в древние времена это место было морским дном или дном большого озера. Удивительным было то, что Елена рассказывала нам на этом месте. Это были ее видения, а не просто рассказы. Улегшись плашмя на землю и упершись подбородком на руки, почти зарывшись глубоко в песок, она описывала нам все это подводное царство, его жизнь, борьбу, которая в нем происходила, уверяя при этом, что все это она видит. Своим крошечным пальчиком она рисовала на песке давно вымерших морских чудовищ, и перед глазами слушающих ее проходили картины фауны и флоры в то древнее время.

Слушая ее рассказы о небесно-голубых волнах, которые в радужных красках отсвечивали на песке морского дна игру солнечного света, о коралловых рифах и сталактитовых пещерах, о морской траве с прекрасными блестящими на ней анемонами, мы как бы ощущали прикасание прохладных вод к нашим телам, которые превращались в прекрасные морские существа. Наше воображение следовало за ее рассказами, теряя представление о действительности.

Позднее она уже никогда нам так не говорила, как это было в раннем детстве. Ее источник иссяк. Но тогда она завладевала своей аудиторией и вела ее за собой, заставляя видеть то, что

видела она, хотя бы и не так ясно.

Однажды она всех нас напугала почти до нервного припадка. Заведя нас в эту сказочную страну, она внезапно перевела нас из прошлого в настоящее время, потребовала, чтобы мы представили себе, что все то, что она говорила о прохладных синих волнах и их населении, находится сейчас вокруг нас.

«Только подумайте! Удивительно! — говорила она, — Земля внезапно раскрывается, воздух сгущается и превращается в морские волны… Смотрите, смотрите! Вот волны уже видны и надвигаются на нас. Повсюду вода! Нас окружают тайны подводного мира!..» Она стояла уже на ногах и говорила с таким убеждением, в ее голосе звучало такое неподдельное изумление и ужас, а на детском личике отразились одновременно и безумная радость и страх, что в тот момент, когда она закрыла глаза обоими руками и с надсадным воплем рухнула на песок, вскричав: «Вот она эта волна!.. Она пришла!.. Море, море, мы тонем!..» — вслед за ней и все мы попадали ниц, отчаянно крича. Мы тоже искренне поверили, что нас действительно поглотила морская пучина и теперь нас уже нет в живых!..

Елена очень любила в сумерки собирать вокруг себя маленьких детей, вести их в музей бабушки и там поражать их воображение сверхъестественными рассказами, неслыханными приключениями, в которых главной героиней была она сама. Каждый экспонат музея доверял ей свои тайны, передавал свои предыдущие воплощения или эпизоды из их жизни.

Где она могла услышать про перевоплощение? Кто ей в нашей православной семье мог рассказать о переселении душ? Она любила ложиться на своего огромного тюленя, гладить его серебристую шкуру и рассказывать нам приключения, которые он ей передавал. Она говорила так красноречиво, таким красочным языком, что даже взрослые незаметно для себя оказывались увлеченными ее волнующими рассказами. Младшая же аудитория верила каждому ее слову.

Однако Елена не только любила рассказывать, но и слушать рассказы других людей. В семье Фадеевых жила старая няня, которая славилась своими сказками, число которых было бесконечным. «Иван-царевич», «Кащей бессмертный», «Серый волк», «Ковер-самолет», «Прекрасная Мелетреса», которая томилась в подземном царстве, пока ее не освободил царевич, отперев дверь золотым ключом, — все это очень волновало нас всех. Только обыкновенные дети быстро забывали эти сказки, а Елена никогда их не забывала и вовсе не считала их фантазией. Она глубоко переживала приключения этих героев, их заботы и стремления и уверяла, что все эти события вполне естественны.

Люди могут превращаться в зверей и принимать любой вид, если только они знают, как это делается, люди могут летать, если только они сильно это пожелают. Такие мудрые люди существовали во все времена и существуют в наши дни. Но они показываются только тем, кто их почитает, кто им верит и не смеется над ними…

В доказательство этого она любила указывать на столетнего старца, который жил недалеко от их поместья в лесном овраге. Этот старец «Бараниг Буряк» был, как говорили люди, настоящим волшебником, но добрым волшебником. Он охотно лечил всех больных, которые к нему обращались, но мог и наслать болезнь на грешников. Он хорошо знал оккультные свойства растений, цветов, и про него говорили, что он умеет предсказывать будущее. Рядом со своей избушкой он устроил пасеку с множеством ульев. Летом в послеобеденное время его всегда можно было увидеть на этой пасеке, медленно проходящим среди ульев, увешанным с ног до головы роями своих любимиц — пчел. Он прислушивался к их жужжанию, безнаказанно погружал свои руки в ульи и беседовал с пчелами. Пчелы замолкали, как бы вслушиваясь в его непонятную речь, похожую не то на монотонное пение, не то на бормотание. По-видимому, златокрылые труженицы и их хозяин хорошо понимали друг друга. В этом Елена была совершенно убеждена.

«Бараниг Буряк» интересовал девочку, и она при каждом удобном случае навещала его. Она задавала ему вопросы, с серьезным вниманием вслушивалась в его объяснения о том, как понять язык птиц, животных, насекомых.[1] Что касается столетнего мудрого старца, то он не раз нам говорил: «Эта маленькая барышня совсем отличается от всех вас. Большие события ожидают ее в будущем. Жаль, что я не доживу до того, чтобы увидеть исполнившимся предсказанное мною, *но оно исполнится обязательно!*» [20, с. 21—30]

Глава 4
Юность и замужество

Очень мало известно о юности Елены фон Ган, быть может потому, что юность эта была очень уж короткой: она вышла замуж, когда ей еще не исполнилось семнадцать лет. Е. Ф. Писарева (автор известной биографии Е. П. Блаватской) писала: «Одним из ее качеств, которое притягивало к ней друзей, но в то же время и очень вредило ей, был ее меткий, блестящий юмор, чаще всего доброжелательный, но нередко сильно задевавший мелких честолюбивых людей. Кто знал ее в молодости, с удовольствием вспоминает ее веселую, открытую, чистую, умную, полную юмора речь. Она любила шутить, волновать, поддразднивать людей». [23, январь, 1913]

Девочка, ездившая верхом на неоседланной казацкой лошади, не склонявшаяся ни перед чьим авторитетом, сохранила эти черты характера и в юности. Она сама говорила: «Я ненавидела так называемое «высшее общество», как ненавидела лицемерие в любом его проявлении, и устремлялась всегда против этого общества с его нормами приличия». «Я ненавижу наряды, украшения и цивилизованное общество; я презираю балы, залы. Как сильно я их презирала, показывает следующий случай. Когда мне исполнилось 16 лет, меня заставили однажды пойти на большой бал у царского наместника Кавказа. Мои протесты никто не хотел слушать, и мне сказали, что велят прислуге насильно меня одеть, вернее раздеть, соотвественно моде. Тогда я умышленно сунула ногу в кипящий котел и потом должна была 6 месяцев сидеть дома. Как я говорила вам, во мне нет никакой женственности. Если бы в моей юности какой-то молодой человек посмел заговорить со мною о любви, я застрелила бы его, как собаку, стремящуюся меня укусить. До 9 лет единственными «нянями», которых я признавала, были артиллерийские солдаты и калмыкские буддисты». [8, XXII, с.32]

Ее раннее замужество и поспешное бегство от супруга вызвало всеобщее непонимание. Е. Ф. Писарева высказывает следующие предположения: «Ее брак в 17-летнем возрасте со старым нелюбимым человеком, с которым у нее не могло быть ничего общего, можно объяснить лишь страстным ее желанием добиться большей свободы. Если представить себе жизнь женщины из «высшего общества» в провинции, со всеми предрассудками этого общества и скучнейшим этикетом, то можно легко понять, как все это подавляло такое

впечатлительное, несдержанное, свободолюбивое юное существо». [22, январь, 1913]

По мысли же ее тети, Н. А. Фадеевой, у нее не было столь серьезных соображений. Причем трудно понять, как брак с человеком более высокого положения мог освободить ее «от цивилизованного общества, нарядов и украшений». По мнению Фадеевой, причиной брака был ее легкомысленный характер. «Просто ее на это спровоцировала гувернантка, говоря, что при ее характере и темпераменте вряд ли найдется мужчина, который согласился бы жениться на ней. Чтобы еще более усилить свои слова, гувернантка добавляла, что даже тот старый человек, над которым она так смеялась и называла «ощипанной вороной», даже он не пожелал бы иметь ее своей женой! Этого было достаточно, чтобы через три дня она сделала ему предложение и затем, испугавшись, старалась увильнуть от своего обещания, но было уже поздно». [20, с. 39]

Можно спросить: «Почему поздно?». Ведь в России обручение расторгалось и раньше, почему же его нельзя было расторгнуть в этом случае? Блаватская в 1885 году, когда Синнет с большим трудом старался вытянуть у нее некоторые данные для своих мемуаров, писала ему: «Если бы вы были в моей шкуре, когда всю зиму семья моя бомбардировала меня письмами, наставляя меня не делать того или иного шага, не нарушать того или иного семейного обычая, не ругать то или иное из их достоинств и т. д., и т. д., то вы бы поняли, насколько эти воспоминания действуют мне на нервы. Дело обстояло так, что если бы я хотя бы одной фразой напомнила о своих многочисленных просьбах не выдавать меня замуж за старого Блаватского, то это вызвало бы протест со стороны моих родных, которые стремились доказать, что не тетя моя и другие родные, но мой отец и я сама виновны в этом смехотворном браке». [14, с.214]

В другом письме она писала: «Моя тетя, г-жа Витте, клялась, что она проклянет меня в свой смертный час, если разрешу опубликовать свои мемуары, пока мои родственники еще живы». [14, с.217]

«Более подробные сведения о моем браке? Смотрите, теперь они говорят, что я сама хотела выйти замуж за это старое чучело. Пусть будет так. Мой отец был в четырех тысячах миль от меня, моя бабушка была слишком больной; было так, как я вам уже говорила. Я обручилась, чтобы отомстить моей гувернантке, не думая о том, что не смогу расторгнуть обручение, ну, а карма последовала за моей ошибкой. Нет возможности сказать правду, не обижая людей, и я ни за что на свете не хотела бы осудить их теперь, когда они давно уже умерли. Пусть это останется на моей

совести. Был спор между сестрой моей и тетей, когда первая, всегда осуждавшая меня, говорила, что я своим браком опозорила своих покойных родственников. Пусть будет так». [14, с.157]

Видя, что просить членов семьи напрасно, измученная девушка пыталась убедить своего жениха, чтобы он освободил ее от данного ему слова, но и это не привело к результату. Ее сестра, Желиховская, однажды писала: «Семнадцатилетняя Елена вышла замуж за человека в три раза старше ее. Она думала, что он ближе к 70 годам, чем к 60, но он сам не хотел в этом сознаться и говорил мне о 50 годах. Ее муж, вице-губернатор Эриванской губернии в Закавказье, был во всех отношениях очень хорошим человеком, только с одним недостатком, — он женился на молоденькой девушке, которая обращалась с ним без малейшего уважения и которая откровенно ему говорила, что единственной причиной ее выбора было то, что ей было менее горестно делать несчастным его, чем кого-либо другого.

«Вы делаете большую ошибку, женясь на мне, — говорила она жениху перед венцом, — Вы очень хорошо знаете, что достаточно стары, чтобы быть мне дедушкой. Вы сделаете кого-то несчастным, но это не буду я. Что касается меня, то я не боюсь вас, но предупреждаю, что вы ничего не получите от этого брака». Он действительно мог бы сказать, что получил не то, чего ожидал». [15, ноябрь, 1894]

«Вынужденная спешить с браком, она казалась успокоенной, думая, что ей, как замужней женщине, будет большая свобода действий. Отец в этом деле не принимал никакого участия, он был далеко от нее со своим полком. Венчание состоялось в Джелалогли 7 июля 1848 года». [20, с.41] А 30-31 июля по старому календарю или 12 августа по новому — ей исполнилось 17 лет.

Ее тетя далее говорит: «Потому и сделан был этот роковой шаг. Когда было уже поздно, она поняла, что теперь вынуждена признать себя под властью этого старого человека, который был ей совершенно безразличен, которого она презирала, но что по законам страны она связана теперь по рукам и ногам. Ее обуял ужас, как она объясняла позже, все ее существо было охвачено одним непреодолимым желанием, которое велело ей порвать с ним, действуя инстинктивно, как бы спасая свою жизнь от смертельной опасности.

Когда во время венчания священник произнес слова: «Ты должна будешь чтить своего мужа и слушаться его», она, услышав это ненавистное слово — «ты должна», покраснела, потом смертельно побледнела и сквозь зубы пробормотала: «Конечно, нет». С этого момента она решила взять все в свои руки и

оставить своего «мужа» навсегда, не давая ему возможности даже подумать о ней, как о жене. Так Блаватская в 17 лет оставила свою родину и провела долгих 10 лет в чужих, трудно-доступных местах — в Центральной Азии, Индии, Южной Америке, Африке и Восточной Европе».[2] [15, ноябрь, 1894] [20, с.40]

Синнет так продолжает рассказывать эту историю: «Конечно, взгляды генерала Блаватского и его невесты на семейную жизнь были совершенно противоположными и привели они к конфликту, начиная со дня свадьбы: непривычная откровенность, несдерживаемое негодование, сожаления о непоправимом заполнили этот день… Через день после свадьбы генерал повез ее в Даретчичаг, свою эриванскую летнюю резиденцию. Уже во время этого путешествия Елена пыталась бежать через персидскую границу, но казак, который обещал сначала быть ей проводником, привел ее обратно к генералу. Это заставило генерала еще больше усилить охрану, и в губернаторский летний дом они прибыли уже без приключений, чтобы провести там свой «медовый месяц». [20, с. 41—45]

Много лет спустя об этом «медовом месяце» пришло нам неожиданное напоминание.

В 1874 году Блаватская поехала в Читтенден (США, штат Вермонт), чтобы встретиться там с полковником Олькоттом, тогдашним репортером газеты «New York Daily Graphic», который в это время исследовал спиритические феномены, происходившие на ферме Эдди. На одном спиритическом сеансе появился дух Сафар Али-Бека. В газетной статье под заголовком «Удивительные манифестации духа» Блаватская среди прочего писала следующее: «Сафар Али-Бек, молодой предводитель курдских «нукеров», всегда сопровождал меня в моих поездках верхом у горы Арарат в Армении. В одной из этих поездок он спас мне жизнь».

Полковник Олькотт так описывает этот случай: «Последний дух, который показался нам в этот вечер, был самым впечатляющим из всех 400, которые мы видели. В 1851 году[3] г-жа Блаватская проводила лето в Даретчичаге (это дачное место в Армении, в долине Арарата. Слово «Даретчичаг» означает «долина цветов»). У ее мужа, эриванского вице-губернатора, были телохранители-курды, около 50 человек. Самым смелым из них был Сафар Али-Бек Ибрагим Бек-оглы (что означает — сын Ибрагима). Он всегда сопровождал ее во всех ее прогулках верхом, и ему нравилось показывать ей свою удаль и замечательное мастерство верховой езды. И вот, дух этого человека, материлизовавшись, вышел из кабинета Вильяма Эдди, до последних мелочей одетый так, каким г-жа Блаватская видела

его в последний раз в Азии. Она в этот вечер играла на пианино в гостиной и, так как спинка инструмента была приставлена вплотную к эстраде, то она была на расстоянии 3-4 шагов от двери кабинета, из которого выходили духи. Она не могла ошибиться. Он вышел с пустыми руками, но именно в тот момент, когда мне показалось, что он уже уходит, он наклонился вперед, как бы поднимая с земли горсть песка, посыпал им перед собой и прижал руку к груди — жест, свойственный лишь жителям Курдистана. Внезапно в его правой руке оказалось самое чудесное оружие, какое я когда-либо видел. Это было копье примерно 12 футов длиной (может быть и больше, так как казалось, что конец его был за дверью кабинета). Острие его было особой формы, а основание его было украшено кольцом из страусовых перьев. Г-жа Блаватская рассказала мне потом, что такие копья носят курдские наездники и очень ловко ими орудуют. За мгновение перед этим рука его была пустой, через мгновение блестящее копье было в его руках. Откуда он пришел? От читтенденских господ-скептиков?» [17, с.320]

Синнет продолжает: «Три месяца молодожены прожили под одной кровлей, борясь каждый за свои права, пока в конце концов, после очень бурного спора, молодая госпожа вскочила на коня и поехала в Тифлис. На состоявшемся семейном совете было решено, что легкомысленную даму следует отправить к ее отцу, который встретит ее в Одессе. Старому слуге было поручено проводить ее в Поти, чтобы оттуда пароходом она смогла доехать до своего места назначения…

Генерал Блаватский сам пытался добиться официального развода на том основании, что его брак был лишь формальностью и что жена его сбежала, но законы того времени не разрешали расторжения брака, и ему ничего не удалось». [20, с.42, 44]

В 1875 году в номере газеты «New York Mercury» от 18 января была напечатана статья, озаглавленная «Героические женщины». В ней было сказано, что Блаватская, 17-ти лет, вышла замуж за русского помещика, которому было 73 года, что много лет они прожили вместе в Одессе, пока не вышло постановление о расторжении брака. Ее муж недавно умер 97 лет от роду, а его вдова живет в Нью-Йорке».

На эту статью Блаватская ответила: «Если я и вышла замуж за русского помещика, то все же с ним не жила, так как через три недели после венца я его покинула по причинам для меня достаточным, как и для мирских глаз «пуритан». Я не знаю, умер ли он в 97 лет от роду, ибо этот патриарх после моей разлуки с ним совершенно исчез с поля моего зрения и из моей памяти». [23, май, 1923]

В письме «Моя исповедь» она писала: «… в 1848 г. я, ненавидя мужа, Н. В. Блаватского (может быть и несправедливо, но уж такая натура моя, Богом дарованная), уехала от него, бросила — *девственницей* (приведу документы и письмо, доказывающее это, да и сам он не такой свинья, чтобы отказаться от этого)». [4, с.214; 21, с.85]

В одном интервью, которое было опубликовано 14 июля в 1878 г. в Нью-Йоркской газете «Star», она говорила: «Я — вдова, счастливая вдова, и я благодарю Бога. Я не хотела бы быть рабой самого Всевышнего, не говоря уже о рабстве у человека».

Так она сбежала от ненавистного ей замужества и исчезла на десять лет. Ее сестра Вера писала: «Никто не знал, где она, и мы считали ее умершей».[4]

Почему ее заставили венчаться? Требовала ли это семейная честь или в замужестве родственникам представилась счастливая возможность избавиться от такой трудной, вспыльчивой, стремительной девушки? Каким бы ни был мотив у ее родных, это было безжалостно в отношении бедной Елены фон Ган. Она так резюмирует свое горькое замужество: «Женщина находит свое счастье в приобретении сверхъестественных сил. А любовь является только дурным сном, бредом».[5]

Глава 5
Исчезновение

Двоюродный брат Е. П. Блаватской, граф Сергей фон Витте, в своих «Воспоминаниях» писал о ней: «…вскоре она бросила мужа и переехала из Эривани в Тифлис к деду… Когда Блаватская появилась в доме Фадеевых, то мой дед счел, прежде всего, необходимым отправить ее скорее в Россию к ее отцу, который в то время командовал батареей где-то около Петербурга. Так как тогда железных дорог на Кавказе еще, конечно, не было, то отправка Блаватской совершилась следующим образом: дед назначил доверенного человека — дворецкого, двух женщин из дворни и одного малого из молодой мужской прислуги; был нанят большой фургон, запряженный четырьмя лошадьми. Вот таким образом совершались эти дальние поездки. Блаватская была отправлена с этой свитой до Поти, а из Поти предполагали далее отправить ее морем в один из Черноморских портов и далее уже по России. Когда они приехали в Поти, там стояло несколько пароходов, и в их числе один английский пароход. Блаватская снюхалась с англичанином, капитаном этого парохода, и в одно прекрасное утро, когда люди в гостинице встали, они своей барыни не нашли: Блаватская в трюме английского парохода удрала в Константинополь». [3, т.1, с. 6—8]

Синнет так описывал это происшествие: «Проезжая по пути в Поти по Грузии, Блаватская постаралась устроить так, что все они, прибыв в Поти, на пароход опоздали, он уже отправился в Одессу. В порту в это время стоял английский пароход «Коммодор». Блаватская поднялась на него и за богатое денежное вознаграждение уговорила капитана взять на пароход всю группу. Однако пароход этот отправлялся не в Одессу, а сначала в Керчь, потом он должен был пойти в Таганрог на Азовском море и оттуда в Константинополь. Блаватская приобрела билеты до Керчи для себя и для слуг. В Керчи она послала слуг на берег, чтобы они нашли и подготовили до утра для всех помещение. Однако ночью она решила порвать все связи с прошлым и, оставшись на «Коммодоре», плыть на нем дальше. Дальнейшее путешествие было также полно приключений. По прибытии в Таганрог английский пароход должен был подвергнуться таможенному осмотру. Надо было устроить так, чтобы у таганрогской полиции не возникло подозрения, что на пароходе прячется лишний пассажир. Предложенный способ укрыться в угольном трюме парохода пассажирка забраковала. Решили, что

там будет спрятан пароходный юнга, а она займет его место. Для безопасности ее как больного юнгу уложили в гамак. В Константинополе возникли новые затруднения: ей пришлось с помощью стюарда поспешно бежать на берег, чтобы избавиться от преследований капитана.

В Константинополе ей посчастливилось встретиться с одной знакомой русской дамой — княгиней Киселевой, с которой она отправилась на некоторое время в путешествие по Египту, Греции и другим местам Восточной Европы». [20, с.42]

А. Л. Погосская высказывала следующую гипотезу: «В мемуарах г-жи Ермоловой, которая хорошо знала Блаватскую в ее молодые годы и обстоятельства ее жизни, мы обнаружили одну маленькую, никем еще не замеченную деталь, которая, возможно, сыграла большую роль в судьбе Блаватской. В то время в Тифлисе проживал князь Голицын, родственник царского наместника Кавказа. Он часто бывал в доме Фадеевых и очень заинтересовался необычной юной девушкой. Г-жа Ермолова сообщает, что Голицын «слыл франк-масоном, магом и предсказателем». На мой вопрос родные Е. П. Блаватской ответили, что до замужества Елены князь Голицын действительно часто посещал Фадеевых. Был ли он оккультистом, они не могут сказать, но это возможно.

Действительно, после отъезда князя Голицына из Тифлиса Елена Петровна вышла замуж за очень старого человека Н. Блаватского. Сопоставим это обстоятельство с последующим бегством ее из дома мужа. Кажется возможным, что беседы ее с «магом» — князем Голицыным, человеком хорошо знакомым с медиумическими и ясновидческими феноменами — породили в ней мысли, которые вдохновили ее на решение избежать чуждой ей жизни дамы высшего общества. Также возможно, что она рассказала ему, симпатизирующему ей, о своих видениях, о своем «Хранителе», и он дал ей некоторую информацию, может быть даже адрес того египетского копта, который стал, как полагают, ее первым учителем Оккультизма.

Это подтверждает тот факт, что, прибыв в Керчь, она отсылает слуг на берег, а сама едет не к отцу, как полагали ее родные и слуги, а в Египет, и не одна, а с другом своим, княгиней Киселевой. Может быть встреча с Киселевой была не счастливой случайностью, а все было заранее договорено. Если догадка моя верна, то меняется весь характер ее исчезновения, — это не бесцельные поиски приключений (что надо совершенно исключить), а договоренная встреча с определенной целью». [23, июль, 1913]

Что Блаватская находилась под водительством и охраной

своего Учителя, это видно из письма ее к генералу Липпиту от 16 февраля 1881 г., в котором она писала: «С этой силой я знакома уже с детства, но видела Его облик впервые много лет тому назад в одном путешествии (когда была в Эривани — столице Армении)». [23, февраль, 1909]

Глава 6
Приключения в Египте и Африке

Синнет в своей книге «Эпизоды из жизни Блаватской» писал: «В путешествии с княгиней Киселевой по Египту госпожа Блаватская начала знакомиться с некоторыми оккультными учениями, хотя и примитивными, отличающимися от тех, которые она познала позже.

В то время в Каире жил один старый копт, богатый и влиятельный человек, который окружающими признавался как маг.[6]

По-видимому, Блаватская стала его ученицей, он заинтересовался ею, и она с воодушевлением приняла его учение. Позже она вновь встретила этого человека и провела с ним некоторое время в Булаке. Ее первое знакомство с ним не было продолжительным, она тогда провела в Египте всего лишь около трех месяцев». [20, с.44]

Полковник Олькотт рассказывал о некоторых событиях, происшедших с Блаватской в то время: «Однажды, — рассказывала она с большим юмором, — я путешествовала по пустыне с одним коптом, белым магом. Как-то на ночном привале я призналась ему, что мне очень хочется выпить чашечку кофе по-французски, с молоком. «Ну конечно, если вы этого хотите», — сказал мне копт. Затем он подошел к верблюду с нашей поклажей, набрал там воды и через некоторое время вернулся с чашкой горячего кофе в руках». Она его сердечно поблагодарила и с наслаждением стала пить кофе, говоря, что даже в парижском кафе она не пила лучшего. Маг на это ничего не ответил, только любезно поклонился и продолжал стоять, как бы ожидая получить чашку обратно. Е. П. Блаватская пила кофе маленькими глотками, весело беседуя. Но что вдруг случилось? Кофе исчез, а в ее чашке оказалась простая вода. Там никогда и не было ничего другого. Она пила простую воду, ощущая иллюзорный вкус и аромат кофе мокко». [18, т.1, с.432]

В «Разоблаченной Изиде» Блаватская описывает многие из своих приключений. Вот одно из них, происшедшее в Египте: «Музыка волнует каждого. Мелодичное пение, слабое посвистывание, сладкий напевный звук флейты, привлекают пресмыкающихся, где бы они ни находились. Это факт, который мы наблюдали часто. В Верхнем Египте каждый раз, когда наш караван останавливался, один молодой человек из нашей группы путешественников, вообразивший, что он прекрасно играет на

флейте, развлекал нас своей игрой. Погонщики верблюдов и другие арабы в таких случаях всегда останавливали его, так как им очень досаждало неожиданное появление целых семей пресмыкающихся, которые обычно, наоборот, уклоняются от встреч с путешественниками. Однажды мы встретились с другой группой туристов, среди которых были профессиональные укротители змей, и наш виртуоз был приглашен ими показать свое искусство.

Только он начал играть, послышался легкий шелест и музыкант наш задрожал от ужаса, увидев у своих ног огромную змею. Змея эта с поднятой головой пристально глядела на него и медленно, как бы бессознательно, ползла, раскачивая свое тело и следя за каждым движением музыканта. Затем показалась вторая змея, третья, четвертая, за ними последовали другие. Мы все оказались таким образом в их избранном обществе. Некоторые туристы в испуге взобрались на своих верблюдов, другие спешили найти иные убежища. Но паника была напрасной: искусные чародеи из второй группы, их было трое, начали петь и вскоре они оказались покрытыми змеями с ног до головы. Когда змеи приближались к ним, они как бы оцепеневали, погружаясь в глубокую каталепсию с полузакрытыми глазами. Осталась непокорной только одна большая змея с блестящей кожей. Этот «меломан» пустыни продолжал грациозно кланяться и раскачиваться, как если бы она всю жизнь танцевала на своем хвосте, сохраняя при этом в своих движениях прежний ритм флейты. Змея эта не захотела поддаваться арабским чарам, всецело отдавшись музыке флейтиста, который в конце концов не выдержал и сбежал. Тогда присутствовавший заклинатель змей вынул из своей сумки полузавядший росток какого-то растения, сильно пахнущего мятой и повеял этим ростком перед змеей. Змея, продолжая стоять на своем хвосте, стала приближаться к растению. Еще через несколько секунд этот «исконный враг человека» оказался обвитым вокруг руки чародея и застывшим.

Многие полагают, что змеи, участвующие в таких экспериментах, специально к ним подготовлены, тренированы, или что у них вырваны ядовитые зубы, или зашиты рты. Может быть и существуют такие фокусники-обманщики, которые дали повод к возникновению подобных домыслов, однако *настоящие* заклинатели змей на Востоке настолько овладели своим искусством и так бесспорно его демонстрировали, что у них не возникает необходимости прибегать к такому дешевому обману. Это подтвердили многие знаменитые ученые-путешественники, так что нельзя этих заклинателей змей обвинять в шарлатанстве. То, что танцующие, ставшие безвредными, змеи все же остаются

ядовитыми, показал Форбес. Он говорил: «Замолкла ли вдруг внезапно музыка или по какой-то другой причине, но змея, которая танцевала в кругу крестьян, вдруг бросилась на наблюдавших ее и ужалила одну женщину в шею. Через полчаса женщина скончалась». [5, т.1, с.382]

Глава 7
Путешествия по Америке

Блаватская никогда не вела дневников, поэтому трудно указать даты ее путешествий. По сведениям Синнета, в Америке она была три раза: в 1851 году она пропутешествовала из Канады в Мексику через Новый Орлеан, в 1853-55 годах она проделала путь из Нью-Йорка в Сан-Франциско и, наконец, в июле 1873 года она вновь прибыла в Соединенные Штаты и прожила там до декабря 1878 года, после чего вместе с полковником Олькоттом уехала в Индию. Имеется записка, найденная Анни Безант, в которой указано, что дважды, в 1851 году и в 1853-55 годах она побывала в Южной Америке.

Из тех фактов, которые она сама привела в «Разоблаченной Изиде» видно, что она два раза была в Перу…

В связи с этим Блаватская писала: «Многочисленные пещеры и руины, обнаруживаемые в обеих Америках, а также на Вест-Индских островах, — все они связаны с затонувшей Атлантидой. В то время, как иерофанты Старого Света во времена Атлантиды были связаны с Новым Светом наземными путями, маги несуществующей теперь страны, имели целую сеть подземных коридоров, расходящихся по всем направлениям. В связи с этими таинственными катакомбами мы приведем здесь одну интересную историю, рассказанную нам старым перуанцем, давно уже умершим, с которым мы путешествовали по стране. Рассказанное им было подтверждено известным итальянцем, посетившим то же место. Итальянца этого информировал старый священник, которому эту тайну передал на исповеди перуанский индеец.

Мы должны добавить, что священник был вынужден совершить этот проступок, находясь полностью под месмерическим влиянием путешественника.

История эта рассказывает о знаменитых сокровищах, принадлежавших последним инкам. Перуанец утверждал, что после убийства последнего из вождей инков, совершенного Пизаро, история эта была известна всем индейцам, но ее скрывали от метисов, которым нельзя было ее доверить. Содержание ее следующее:

Вождь инков попал в плен к Пизаро и за его освобождение жена его предложила выкуп — целую комнату, наполненную золотом. «От пола к потолку на высоту, до которой мог коснуться победитель». Она выполнила это обещание, но Пизаро нарушил слово, как это было обычным у испанцев. Придя в восхищение от

этого богатства, Пизаро сказал, что он не освободит пленника и убьет его, если королева не откроет того места, откуда это золото было взято. Он слышал, что инки имеют где-то неисчерпаемые золотые прииски. Несчастная королева попросила об отстрочке и пошла за советом к оракулу. Во время священного обряда первосвященник показал ей в магическом «черном зеркале», что муж ее неизбежно будет убит, покажет ли она место пребывания сокровищ страны или не покажет. Тогда королева отдала приказ заделать вход — это было отверстие, пробитое в скальной стене узкого ущелья. Под руководством священника и магов ущелье потом было заполнено доверху огромными обломками скал и поверхность была заделана так, что не осталось следов этой работы. Короля убили испанцы, а несчастная королева покончила с собой. Место, где находятся сокровища, осталось известно лишь немногим верным перуанцам.

Наш перуанский информатор добавил, что вследствие происходивших в различные времена нарушений тайны, разные правительства направляли экспедиции на поиски сокровищ под предлогом, что они будут вести научные исследования. Они обыскали всю страну, но сокровищ не нашли. Это подтверждается отчетами д-ра Чудди и других перуанских археологов.

Много лет спустя после того, как я слышала этот рассказ и подтверждение его упомянутым итальянцем, я снова оказалась в Перу. Мы поплыли морем из Лимы на юг и к заходу солнца достигли места вблизи Арики, где мы были поражены видом огромной скалы, почти отвесной, стоявшей в угрюмом одиночестве на берегу, в стороне от гряды Андских вершин. Это было место расположения могил вождей инков. Когда последние лучи заходящего солнца осветили поверхность этой скалы, то с помощью обыкновенного театрального бинокля на этой поверхности можно было различить высеченные иероглифы.

Когда город Куско был еще столицей Перу, в нем был храм солнца, прославившийся своим великолепием по всем, даже самым отдаленным местам. Храм имел крышу из толстых золотых плит, стены были покрыты также золотом и карнизы-водостоки были из того же металла. В западной стене архитекторы проделали отверстие таким образом, что когда лучи заходящего солнца проходили через него, они фокусировались последовательно в различных местах внутри здания, освещая одну за другой мрачные статуи идолов так, что можно было увидать на них мистические знаки, в другое время невидимые. Только прочитав эти иероглифы (идентичные с теми, которые имеются на могилах инкских королей), можно было узнать тайну туннеля и ведущих к нему путей. Один из этих путей,

расположенный вблизи Куско, совершенно замаскирован. Он приводит к огромному туннелю, который ведет из Куско в Лиму, а затем поворачивает на юг к Боливии. В одном месте он проходит через королевскую гробницу. Это большое помещение имеет две двери, вернее две огромные плиты, вращающиеся вокруг вертикальных осей. Их можно отличить от других частей оснащенных скульптурами стен только по тайным знакам, ключи к которым известны только верным хранителям. Одна из этих вращающихся плит прикрывает южный конец туннеля, ведущего к Лиме, другая — северный конец туннеля, по которому можно перейти в Боливию. Этот последний, идущий к югу туннель, проходит через Трапаку и Кобихо в Арику, недалеко от маленькой речки Пейакина, которая является в этом месте границей между Перу и Боливией.

Вблизи расположены три горные вершины, образующие треугольник; они являются частью горной цепи Анд. Единственное место, откуда можно войти в этот туннель, находится на одной из этих вершин. Однако без подробных планов найти этот вход невозможно и даже если кому-нибудь удалось бы это сделать, то попытка повернуть вращающуюся плиту у входа в святилище привела бы к падению близлежащих скал, которые похоронили бы все и всех. По сторонам туннеля расположены многие комнаты, полные золота и драгоценных камней — сокровищ, собранных многими поколениями инков». [5, т.1, с. 546—548]

«Мы имели в своем распоряжении точный план туннеля, внутренних гробниц и дверей, данный нам старым перуанцем. Для того, чтобы воспользоваться этим секретом, нам потребовалось бы участие перуанского и боливийского правительств. Не говоря уже о физических препятствиях, один человек или небольшая группа не могли бы провести подобную разведку без столкновения с целой армией контрабандистов и разбойников, наводнивших побережье и которыми являлось все его население. Простая задача очищения воздуха в туннелях, которые никто не посещал в течение многих веков, оказалась бы очень серьезной. Но там лежат сокровища, и они будут там находиться до тех пор, пока последние признаки испанского владычества не исчезнут по всей Северной и Южной Америке.

Сокровища, открытые д-ром Шлиманом в Миккенах, пробудили человеческую жадность, и глаза спекулянтов ищущих приключений обратились к районам, где предположительно захоронены богатства древних народов.

Еще больше рассказов, чем о Перу, имеется о пустыне Гоби. Если они правдивы, то во время Монгольского владычества на

этом месте была одна из богатейших в мире империй.

Говорят, что под песками Гоби лежит такое количество золота, драгоценных камней, скульптур, оружия, посуды, какого не найти во всем мире. Пески Гоби, гонимые сильными ветрами, передвигаются с востока на запад. Случалось, что одно-другое из скрытых сокровищ при этом открывалось, но никто из местных жителей не смел к ним притронуться, так как все население верило в то, что нарушивший запрет умрет. Бахты, невежественные, но верные стражи, хранят эти скрытые богатства, ожидая дня, когда новый цикл откроет человечеству эту его историю.

Согласно местным сказаниям, гробница Чингисхана находится недалеко от озера Табасун-Нор. Там, как бы спит этот монгольский Александр. Через три столетия он проснется и поведет свой народ к новым победам. Хотя это сказание следует принять за легенду, но все же могу утверждать, что существование гробницы не является выдумкой, а также не преувеличены сведения о бесценных богатствах.

Пустыня Гоби, как и вся независимая монгольская территория и Тибет защищены от проникновения туда посторонних. Те, кому разрешено ступить ногой на эти земли, находятся под особой охраной и водительством и они не смеют рассказать об известных им местах и о тех, кто пребывает там. Если бы не было этого запрета, я многое могла рассказать об этих местах, что читалось бы с большим интересом. Однако, рано или поздно наступит время, когда пески пустыни раскроют свои долго скрываемые тайны и тогда нашему самомнению придется пережить не одно унижение». [5, т.1, с. 595—599]

Что в путешествиях Блаватской по Америке была определенная цель, в этом не может быть сомнений. В Мексику она отправилась в 1851 году, в Перу она была дважды и говорит, что у нее там были «дела» с каким-то «местным старцем, перуанским жрецом», и что она была в центре страны с каким-то «таинственным перуанцем».

Когда в 1872 году окончились ее поездки и началась ее настоящая работа, она попыталась сначала «одухотворить спиритуализм» и тогда, когда эта попытка не удалась, она помогла организации Теософического Общества.

Глава 8
Ее Учитель

Когда Синнет настойчиво просил Блаватскую дать ему материалы для рассказа об ее прошлом, она писала:

«В своих видениях в раннем детстве я видела Учителя. Еще до моего пребывания в Непале, я повстречалась с ним лично и узнала Его во время посещения им Англии в 1850—1851 гг. Это было дважды. В первый раз он вышел из толпы и велел мне встретить его в Гайд-парке. Я не имею права об этом рассказывать». [14, с.150]

О своей второй поездке в Лондон она пишет: «Визит в Лондон? С отцом я была в Лондоне и во Франции в 1844 году, а не в 1851 г. В этом последнем году я была в Лондоне одна и некоторое время жила в меблированных комнатах на ул. Сесилия, а потом в гостинице Майверта. Так как я жила при старой княгине Багратион, то никто не знал там моего имени. В отношении названий и нумераций вы с таким же успехом могли бы спросить у меня номер дома, в котором вы жили в своем последнем воплощении». [14, с.150]

Графиня Вахмайстер в своих «Воспоминаниях о Е. П. Блаватской» [25, с. 56—58] так описывает встречу Елены Петровны с Учителем: «В детстве своем она часто видела рядом с собой астральный образ, который всегда появлялся ей в минуты опасности, чтобы спасти ее в критические моменты. Е.П.Б. привыкла считать его своим ангелом-хранителем и чувствовала, что всегда находится под Его охраной и водительством.

В 1851 г. она была в Лондоне со своим отцом, полковником Ганом.[7]

Однажды, во время одной из прогулок, которые она обычно совершала в одиночестве, она с большим удивлением увидела в группе индийцев того, который являлся ей ранее в астрале. Первым ее импульсом было — броситься к нему и заговорить с ним, но он дал ей знак не двигаться, и она осталась стоять, остолбеневшая, пока вся группа не прошла мимо.

На следующий день она пошла в Гайд-парк, чтобы там наедине спокойно подумать о происшедшем. Подняв глаза, она увидала приближающуюся к ней ту же фигуру. И тогда Учитель сказал ей, что он приехал в Лондон с индийскими принцами для выполнения какого-то важного задания и захотел ее встретить, так как ему необходимо ее сотрудничество в некоем начинании. Затем он рассказал ей о Теософическом Обществе и сообщил ей,

что желал бы видеть ее основательницей. Вкратце, он поведал ей о всех трудностях, которые ей придется преодолеть, и сказал, что до этого ей надо будет провести три года в Тибете, чтобы подготовиться к выполнению этого очень трудного дела.

После трех дней серьезных размышлений, посоветовавшись с отцом, Е.П.Б. решила принять предложение и вскоре после этого она покинула Лондон и направилась в Индию».

В 1885—1886 г., когда Блаватская вместе с графиней Вахмайстер была в Вюрцбурге, произошло следующее. Тетя Е.П.Б., Фадеева, прислала ей ящик со всяким «хламом», как она писала. Графиня Вахмайстер вскрыла посылку и, вынимая вещи одну за другой, передавала их Е.П.Б. Вдруг Е.П.Б. вскрикнула: «Смотрите, что я здесь написала!» — и протянула ей альбом, где под каким-то рисунком было написано: «Незабываемая ночь! Значительная ночь, когда месяц зашел в Рамсгите, 12 августа (это 31 июля по русскому календарю) мой день рождения — мне исполнилось тогда 20 лет. Я встретила М.'., Учителя из моих снов!»

На вопрос графини, почему она написала Рамсгит вместо Лондона, Е.П.Б. ответила, что она это сделала умышленно, из предосторожности, чтобы какой-нибудь случайный читатель этой записи не узнал, где она встретила своего Учителя, но что ее первая беседа с Учителем действительно произошла в Лондоне.

Глава 9
В поисках Учителя

Графиня Вахмайстер пишет, что после встречи с Учителем Блаватская оставила Лондон, направляясь в Индию. Однако приехала она туда не сразу. Ее путешествие длилось более года, пока в конце 1852 года она прибыла в Бомбей. Она сначала посетила Канаду, Новый Орлеан, Техас и Мексику.

Синнет так рассказывал об ее путешествии по Америке: «В Канаду ее привлек большой интерес к жизни краснокожих индейцев и восхищение ими. В Квебеке она встретилась с некоторыми индейцами и была рада, что смогла познакомиться с этими детьми природы и их женами — «скво». С некоторыми из них она завела продолжительную беседу о тайных методах лечения, известных индейцам. Однако, когда появились индианки и с их появлением исчезли некоторые из ее вещей и среди них пара очень удобных сапог, которых нельзя было купить в Квебеке, тогда ее увлечение ослабело: индейцы настоящего времени уничтожили то представление о них, которое жило в ее воображении. Она отказалась от дальнейшего посещения индейских вигвамов и составила новую программу путешествия.

Она направилась в Новый Орлеан, где ее больше всего интересовали «вуду» — секта, состоявшая из негров и метисов с южноамериканскими индейцами, которая отдавалась изучению магии и совершала такие магические действия, что никто из обученных учеников оккультизма не стал бы иметь с ними дело. Но Е.П.Б., которая тогда еще не умела различать разные направления в магии, интересовали и эти люди.

Знакомство с членами этой секты могло привести ее к страшным осложнениям. И, вдруг, та удивительная защита, которая проявлялась в ее детские годы, и сейчас еще более отчетливо проявила себя. Тот Дух, которого она встретила теперь уже как живого человека и узнала по своим видениям, пришел ей на помощь. В одном ее видении Он показал ей те ужасы, которые грозили ей от этих «вуду». Не задерживаясь, она отправилась дальше.

Она посетила Техас, затем Мексику, где встретилась с разными народами и отдельными людьми, как цивилизованными, так и дикими, и успела познакомиться с большей частью этой небезопасной страны. Ее хранило ее собственное бесстрашие, абсолютное неподчинение различным магнетическим влияниям и, главное, появление время от времени людей, которые

заботились о ее благополучии. Надо отметить, что путешествовала она в мужской одежде». [20, с. 45—48]

«Во время ее путешествия по Америке она получила большое наследство от ее крестной матери — 85 тысяч рублей. Как она умудрилась за 2 года истратить эту сумму, этого она сама не помнила. В памяти ее осталось только то, что среди других покупок она где-то в Америке приобрела участок земли. Но где это было, она забыла и все относящиеся к этой покупке документы она потеряла». «Долгое время с нею был огромный пес ньюфаундлендской породы, которого она водила на тяжелой золотой цепочке». [20, с.48; 18, т.1, с.459]

Во время путешествия по Мексике она решила направиться в Индию. Она ясно понимала, что ей надо пересечь северную границу этой страны и там искать великих Учителей, обладающих высочайшей мудростью, с которыми был тесно связан Дух из ее видений. Вместе с одним англичанином, с которым познакомилась в Германии два года назад и у которого, как она знала, были те же устремления, она поехала в Индию. (Может быть это капитан Ремингтон, о котором Учитель К.Х. в 1880 году писал следующее: «В нашем Братстве имеется отдельная группа или секция, которая занимается случайными и весьма редкими допущениями в Братство лиц других рас и кровей; это они провели через наш порог капитана Ремингтона и двух других англичан в течение этого столетия». [16, с.19]

К ним присоединился еще один индеец, которого Блаватская встретила в Мексике и который, как она вскоре убедилась, был «челой» или учеником Наставников, восточных адептов оккультных знаний. Все трое отправились сначала на Цейлон, оттуда в Бомбей, куда и прибыли в конце 1852 г. Дальше пути их разошлись, так как у каждого была своя цель.

Она решила попытаться попасть через Непал в Тибет. Однако в этот раз попытка не увенчалась успехом. Ее задержал английский военный патруль, когда она хотела переправиться через реку Рангит… Это произошло в 1853 г., накануне Крымской войны, к которой англичане готовились»… [20, с.48, 49]

«Г-жа Блаватская отправилась тогда на юг Индии, оттуда на Яву и в Сингапур, а затем в Англию. В Англии она долго не осталась из-за своих патриотических чувств по поводу начавшейся Крымской войны, и в конце 1853 г. вернулась в Америку. Сначала она некоторое время побыла в Нью-Йорке, оттуда поехала в Чикаго, а затем с караваном эмигрантов через Скалистые горы направились в Сан-Франциско. Это пребывание ее в Америке длилось около 2 лет, после чего она решила во второй раз отправиться в Индию, через Японию. В 1855 г. она

приехала в Калькутту… В 1856 году произошла ее встреча в Лахоре с другом ее отца Кюльвейном, который вместе с двумя спутниками путешествовал по Востоку, и которого полковник Ган просил разыскать его странствующую дочь». [20, с.49, 50]

Госпожа Блаватская об этом писала следующее: «В 1856 году я поехала в Индию только потому, что тосковала по Учителю. Ездила из одного места в другое, никому не говоря, что я русская. Встретила Кюльвейна и его друзей где-то около Лахора. Если бы мне довелось описать эту мою поездку по Индии за один только год, то получилась бы целая книга.[8] Но как же я могу об этом теперь рассказать?» [14, с.151]

Синнет сообщал далее, что в этом путешествии их сопровождал один «татарский шаман», который позднее помог ей попасть в Тибет — тогда совершенно недоступную страну. Но пусть госпожа Блаватская сама, своими словами расскажет об этом.

Глава 10
Приключения в Тибете

«Много лет тому назад небольшая группа путешественников шагала по трудному пути из Кашмира в Лех, ладакский город в Центральном Тибете. Среди наших проводников был монгольский шаман очень таинственного вида. Товарищи мои по путешествию придумали для себя неразумный план попасть в Тибет в переодетом виде, но не понимая при этом местного языка. Только один из них (Кюльвейн) немного понимал по-монгольски и надеялся, что этого будет достаточно. Остальные не знали и этого. Понятно, что никто из них в Тибет так и не попал.

Спутников Кюльвейна очень вежливо отвели обратно на границу прежде, чем они успели пройти 16 миль. Сам Кюльвейн (он когда-то был лютеранским пастором) и этого не прошел, так как заболел лихорадкой и принужден был вернуться в Лахор через Кашмир. Но зато он смог увидеть нечто, что было для него так же интересно, как если бы он присутствовал при самом воплощении Будды. Он раньше слыхал об этом чуде и в течение многих лет его самым горячим желанием было увидеть и разоблачить этот «языческий трюк», как он его называл. Кюльвейн был позитивистом и очень гордился этим, однако его позитивизму суждено было получить смертельный удар.

Примерно в четырех днях ходьбы от Исламабада мы остановились на отдых в одной маленькой, ни чем не примечательной деревушке. Наш лама рассказал нам, что недалеко, в пещерном храме остановилась большая группа святых ламаистов с целью основать там монастырь. Среди них находились «Три Почитаемых».[9]

Эти бхикшу (монахи) способны творить великие чудеса. Кюльвейн сразу же нанес им визит и между двумя группами установились самые дружественные отношения.

Однако, несмотря на все предосторожности со стороны Кюльвейна и его богатые подарки, настоятель монастыря, который был Pase-Budhu (аскет высокой ступени), отказался показать нам феномен «инкарнации» (воплощения), пока пишущая эти строки не показала ему принадлежащий ей талисман. Увидев его, они сейчас же начали подготовительные работы, а в соседнем поселке у бедной женщины по договоренности был взят 3-4-х месячный ребенок. Кюльвейну пришлось поклясться, что в течение 7 лет он не разгласит увиденное им и услышанное.

Принадлежащий мне талисман — это обыкновенный агат. В Тибете и других местах его называют «А-ю» и ему присущи таинственные свойства. На нем выгравирован треугольник и в этом треугольнике мистические слова.[10]

Прошло несколько дней, пока все было приготовлено. Ничего за это время не случилось, исключая только того, что на какой-то приказ Бхикшу из глубины озера на нас взглянули некие лица. Одним из этих лиц оказалась сестра Кюльвейна, которую он оставил дома здоровой и радостной, но которая, как мы узнали позже, умерла незадолго до начала его странствий. Вначале появление этого лица взволновало Кюльвейна, но он призвал на помощь весь свой скептицизм и попытался разъяснить нам, что это видение — лишь тень от облаков или отражение веток дерева и т. п., как это делают все подобные ему люди.

В назначенное послеобеденное время ребенок был принесен в вихару и оставлен в вестибюле, так как дальше этого места, внутрь святилища, Кюльвейн не решился идти. Ребенка положили посреди пола на покрывало. Всех посторонних выслали вон. У дверей поставили двух монахов, которым поручили задерживать любопытных. Затем все ламы уселись на пол, спиной к гранитным стенам, так, что каждый был в десяти футах от ребенка. Настоятель сел в самый дальний угол на кожаный коврик. Только Кюльвейн поместился поближе к ребенку и с большим интересом следил за каждым его движением.

Единственное, что требовалось от всех нас, — это соблюдать абсолютную тишину. В открытые двери ярко светило солнце. Постепенно настоятель погрузился в глубокую медитацию, а остальные монахи, пропев вполголоса краткую молитву, единственным звуком был лишь плач ребенка.

Прошло несколько мгновений и движения ребенка прекратились. Казалось, что маленькое его тельце окоченело. Кюльвейн внимательно наблюдал. Оглядевшись кругом и обменявшись взглядами, мы убедились, что все присутствовавшие сидят неподвижно. Взор настоятеля был обращен на землю, он даже не глядел на ребенка. Бледный и неподвижный, он больше похож был на статую, чем на живого человека.

Внезапно, к нашему большому удивлению, мы увидели, что ребенок, как бы какой-то силой, был переведен в сидячее положение. Еще несколько рывков и этот четырехмесячный ребенок, как автомат, которым движут невидимыми нитями, встал на ноги. Представьте себе наше смущение и испуг Кюльвейна. Ни одна рука не пошевелилась, ни одно движение не было сделано, ни одно слово не было сказано, а этот младенец стоял перед нами прямо и неподвижно, как взрослый.

Далее процитируем записи самого Кюльвейна, которые он сделал в тот же вечер и передал нам:

«После минуты-другой ожидания, — пишет Кюльвейн, — ребенок повернул голову и взглянул на меня с таким умным выражением, что мне стало просто страшно. Я задрожал. Я щипал себе руки и кусал губы до крови, чтобы убедиться, что я не сплю. Но это было лишь начало. Это удивительное существо приблизилось на два шага в направлении ко мне, приняло вновь сидячее положение и, не спуская с меня глаз, начало на тибетском языке произносить, фразу за фразой, те слова, которые, как мне раньше сказали, принято говорить при воплощении Будды, и которые начинаются так: «Я есмь Его Дух в новом теле» и т. д.

Я был по-настоящему в ужасе. Волосы у меня стали дыбом и кровь застыла. Я не мог бы произнести и слова. Тут не было никакого обмана, никакого чревовещания. Губы младенца шевелились и глаза его казалось искали мою душу с таким выражением, которое заставляло меня думать, что это был сам настоятель, его глаза, его выражение глаз. Было так, *как будто бы в малое тельце вошел его дух и глядел на меня сквозь прозрачную маску личика ребенка.*

Я почувствовал головокружение. Ребенок потянулся ко мне и положил свою маленькую ручку на мою руку. Я вздрогнул, как будто бы меня обжег горячий уголек. Не в силах больше выдержать этот взгляд, я закрыл глаза руками. Это длилось лишь мгновение. Когда я отнял руки от глаз, младенец снова стал плачущим ребенком: он снова лежал на спине и плакал, как в начале. Все вошло в свою колею и начались разговоры.

Только после того, как этот эксперимент был повторен еще несколько раз с промежутками в 10 дней, я осознал, что был свидетелем невероятного, сверхъестественного феномена, подобного тем, которые некоторые путешественники описывали ранее, но которые я всегда считал обманом. Среди многих ответов, которые настоятель дал на мои вопросы, есть один, который следует считать особенно значительным. «Что случилось бы, — спросил я его с помощью нашего ламы, — если бы в то время, когда ребенок говорил, а я в страхе, принимая его за черта, убил бы его?» Настоятель ответил: «Если бы удар не был сразу смертельным, то был бы убит лишь ребенок». «Но, — настаивал я, — допустим, что удар был бы молниеносным?» «В таком случае, — последовал ответ, — *вы убили бы меня*».» [5, т. II, с. 598—602]

«Выше мы упоминали агат, который принадлежал мне и который оказал столь неожиданное и доброжелательное

воздействие.

У каждого шамана имеется подобный талисман. Он носит его привязанным к шнурку и держит под левой мышкой. «Какая польза вам от него и какова его роль?» — Это были вопросы, которые мы часто задавали нашему проводнику. На них он никогда не отвечал прямо, а ограничивался некоторыми разъяснениями, обещая, что когда появится подходящий случай и мы будем одни, он попросит, чтобы *камень сам ответил*. С этой, весьма неопределенной надеждой мы оставались во власти собственных представлений.

Все же день, когда камень «заговорил», пришел скоро. Это было в критический момент нашей жизни, когда душа странника — автора этих строк, завела его в такие далекие страны, каким незнакома никакая цивилизация и где безопасность человека не гарантирована ни на миг. В один послеобеденный час, когда все мужчины и женщины покинули монгольскую юрту, которая уже более двух месяцев была нашим домом, чтобы присутствовать на церемонии изгнания чутгура. (Tshoutgour — демон-элементал, в которых верит каждый азиатский житель). Этого демона обвинили в том, что он в какой-то семье, жившей на расстоянии двух миль от нас, ломает и разбрасывает все предметы быта этих бедных людей. Используя этот случай, мы напомнили нашему проводнику его обещание.

Он вздохнул, попытался оттянуть его выполнение, но после некоторого молчания поднялся со своей овечьей шкуры, на которой сидел, и вышел. Затем он надел на деревянный кол высохшую козью голову с большими рогами, закрыл брезентовый вход в палатку и поставил перед ней этот кол, сказав при этом, что козья голова это знак, что он занят и что никто не смеет входить.

Затем он вынул камень, величиной примерно с лесной орех, заботливо обтер его и, как нам казалось, проглотил. Через несколько минут его члены стали коченеть и он упал на пол, холодный и неподвижный, как труп. При каждом заданном ему вопросе губы его слегка шевелились. Все это выглядело умопомрачающе и даже страшно.

Солнце садилось, и если бы его угасающие лучи не отражались о стенки палатки, то к подавлявшей тишине присоединилась бы и полная темнота. Я бывала и в западных прериях, и в южных русских бескрайних степях, но тишина в них была совершенно не сравнимой с той тишиной, которая наступает в монгольских песчаных пустынях в час захода солнца. Это переживание нельзя сравнить и со смертельным одиночеством американской пустыни, хотя Монголия частично заселена. В

африканских пустынях не меньше жизни. На счастье наше тишина не продолжалась долго.

«Маханду! — выдохнул голос, который, казалось, исходил из глубины земли, — Да будет мир с вами. Чего вы желаете? Пусть это, доброе, я сделаю для вас». Это было потрясающим, хотя, однако, я была к этому вполне подготовленной, так как с подобными явлениями встречалась раньше. «Кто бы ты ни был, — мысленно сказала я, — пойди к К… и попытайся передать нам ее мысли. Скажи, что она делает, и расскажи ей, что делаем мы и где находимся».

«Я у нее, — ответил тот же голос, — Старая г-жа (Кокона) сидит в саду. Она надела очки и читает письмо». «Сейчас же передай содержание письма», — торопила его я, и быстро приготовила записную книжку и карандаш. Содержание письма передавалось медленно, как будто невидимое существо хотело дать мне время записать слова, отмечая их произношение. Я поняла, что это валахский язык, с которым я не знакома.

«Смотрите на запад, в сторону третьего столба юрты, — сказал монгол своим естественным голосом, (голос звучал глухо, как бы издалека), — Ее мысли тут».

Тогда в конвульсивном движении шамана верхняя часть его туловища поднялась и голова его тяжело упала к ногам автора этих строк; обеими руками я ее поддержала. Положение становилось все более неприятным, но любопытство мое взяло верх. На западной стороне палатки, слабо светясь, появился призрак моей старой приятельницы, валахской румынки. Она по природе своей мистик, но абсолютно не верит в феномены подобного рода.

«Ее мысли здесь, но тело ее спит в бессознательном состоянии, иначе я не мог бы ее привести», — произнес голос.

Я попросила ее дать нам доказательство, что это она, ответив на вопрос, но напрасно: щеки ее дрожали, все тело жестикулировало, как бы в страхе, агонии, но ни звука не слетало с ее уст. Мне только показалось, но может быть это было моим воображением, что я услышала как бы издалека румынские слова: «Non se pote!» («Это невозможно!»)

Более двух часов нам давались реальные, необъяснимые доказательства того, что астральное тело шамана выполняло мои невысказанные желания. Через 10 месяцев я получила письмо от моей приятельницы из Валахии. Она писала, что в то утро она сидела в саду и была занята приготовлением консервов. Письмо, которое она тогда читала, было от ее брата и его содержание соответствовало тому, что я записала и потом письмом передала ей. Внезапно она потеряла сознание, как ей казалось, из-за жары.

В состоянии сна она увидела группу людей в каком-то пустынном месте, сидящих в «цыганской палатке».

Но наш опыт оказался для нас очень полезным. Я послала дух шамана к одному своему другу. Это Кутчи из Лхассы. Он постоянно путешествует из Лхассы в Британскую Индию и обратно. Тем же способом мы сообщили ему о нашем критическом положении в пустыне и через несколько часов пришла к нам помощь. Нас освободили верховые, которых начальник прислал прямо в то место, где мы были и о котором ни один человек не мог знать. Начальник этот был «адептом». Ни раньше, ни позже, мы его не встречали, так как он никогда не покидал своего ламаистского монастыря. Для нас он был недоступен. Но он был личным другом Кутчи.

Все рассказанное, конечно, вызовет у читателей только недоверие, но я пишу для тех, кто верит, кто, как и автор этих строк, понимает безграничные возможности астральных сил. В этом случае, я знаю, «астральный двойник» шамана не работал один, так как он не являлся адептом, а лишь обыкновенным медиумом. Шаман всегда говорил, что как только он возьмет камень в рот, показывается его отец, освобождает его от тела и ведет туда, куда пожелает, куда прикажет». [5, т. II, с. 626—628]

Глава 11
С учителем по Индии

Хотя в 1856 г. Е.П.Б. попала в Тибет, ей все же не удалось вступить тогда в ашрам Учителя. Это не значит, что она Его не видела. Он мог посещать Индию и она могла встречаться с ним во время своего пребывания в Индии в 1852—1853 и 1855—1857 гг. Синнет уверяет, что обучение оккультизму началось в ее двадцатипятилетнем возрасте и что «в 1857 году ее оккультный Руководитель посоветовал ей оставить Индию. Это было перед началом беспорядков» — восстанием сипаев. [20, с. 45—48]

Е.П.Б. говорила: «Учитель предложил мне уехать на Яву с некоторым поручением. Там жили два человека, о которых я думала, что они чела. В 1869 г. я видела одного из них в доме Махатмы и узнала его, но он это отрицал». Это означало, что Е.П.Б. была теперь окончательно принята Учителем и ей надо было выполнять его поручения в разных частях света. [14, с.151]

Доказательством того, что Е.П.Б. встретила Учителя и путешествовала с ним по Индии, может послужить и другой источник. В 1879 году, в апреле, она и полковник Олькотт посетили Карли, пещеры недалеко от Бомбея. Олькотт об этом писал в своем «Дневнике», а Е.П.Б. в своей книге «Из пещер и дебрей Индостана», которая состоит из писем, посылавшихся ею в журнал «Русский Вестник». [18, т. II, гл. IV; 1, гл. II, III]

Эти два источника несколько противоречат друг другу.

По описанию Олькотта, группа путешественников состояла из него, Е.П.Б., и Мульджи Текерси. Их провожал слуга Бабула.

Е.П.Б. в своей книге пишет: «Мы ехали с тремя знакомыми индусами. Двое из них когда-то высокой касты, ныне исключены из нее и «отлучены» от пагоды за сообщество и сношения с нами, презренными иностранцами. На станции к нам присоединились еще двое приятелей из туземцев, с которыми мы переписывались из Америки уже несколько лет. Все они члены нашего Общества, реформаторы юной Индии и враги браминов, каст и предрассудков, сговорились отправиться вместе с нами на ежегодную ярмарку храмового праздника в пещерах Карли, посетив сперва Матаран и Кхандалу. Один из них был брамин из Пуны, другой мудельяр — помещик из Мадраса, третий сингалезец из Кераллы, четвертый земиндар — землевладелец из Бенгала, пятый — громадного роста раджпут, независимый такур из провинции Раджистана, которого мы давно знали под именем Гулаб Лалл Синга, а звали просто Гулаб-Синг».[11]

В чем причина противоречий в рассказах? Объяснение мы можем найти в одном из писем Е.П.Б. Синнету; в нем она возражает Селину, который высказал сомнение в правильности рассказанного ею случая «Может ли двойник убить?» только потому, что она спутала какие-то даты. Е.П.Б. в этом письме Синнету настаивала на своих авторских правах: «Я писала рассказы, основываясь на фактах, которые происходили в разных местах с живыми людьми, только переводила их слова… Разве я писала дневник? Или давала какие-то показания, в которых мне надо было, обрисовывая факты, вспоминать точно, строго повторять сказанные слова?.. Так же было и с моими «Русскими письмами» из Индии.

Разве мне надо было сообщать географические названия и т. п. так, чтобы эти письма служили путеводителем по Индии? Я описывала факты, как они были, называла имена действующих участников событий, но в этом литературном произведении я соединила события, происходившие в разные годы, и описала некоторые феномены, показанные Учителем в разное время. Разве это преступление?» [14, с.153]

Еще одно подтверждение дал В. С. Соловьев, который в 1884 году познакомился с Е.П.Б. в Париже:

— Надолго вы здесь? — спросил я.

— А и сама еще не знаю… Хозяин послал…

— Какой хозяин?

— Мой хозяин, учитель, гуру мой, ну назовите его хоть Гулаб Лалл Сингом из «Пещер и дебрей Индостана». [4, с.14]

После обследования пещер Карли и осмотра ближайшего базара, путешественники решили провести ночь на какой-то террасе. Заметьте, как по-разному описывают следующие далее события Е.П.Б. и полковник Олькотт. Он пишет: «На террасе перед пещерами нас угостили горячим ужином и после того, как мы налюбовались освещенной луной панорамой и в последний раз закурили, мы завернулись в одеяла, легли на каменный пол и проспали спокойно до утра. Бабу Рао сел у входа на террасу, чтобы заботиться о костре, защищавшем нас от хищных зверей… То, что в «Пещерах и дебрях» говорится о нападении ночью огромного тигра, все это фантазия».

Е.П.Б. пишет: «Был организован ужин по восточному обычаю. Мы сидели на покрытом полу и ели на банановых листах. Тихие, скользящие шаги слуг, их белые муслиновые одежды и красные тюрбаны, безграничные просторы земли перед нами, освещенные луной, за нами старинные темные пещеры, выкопанные людьми неизвестных рас неизвестно как давно в честь неизвестных доисторических божеств, — все это увело нас в сказочную страну

другой эпохи, которая так отличалась от нашей».

Здесь без сомнения Е.П.Б. описывает какое-то другое посещение Карли, с другими дорожными спутниками, среди которых был и Гулаб Лалл Синг. Е.П.Б. далее пишет: «Я распространюсь о нем более, нежели о других, потому что об этом странном человеке шли самые удивительные и разнообразные толки. Ходила молва, что он принадлежит к секте радж-йогов, посвященных в таинства магии, алхимии и разных других сокровенных наук Индии. Он был человек богатый и независимый, и молва не смела заподозрить его в обмане, тем более, что если он и занимался этими науками, то старательно скрывал свои познания от всех, кроме самых близких ему друзей.

Гулаб Лалл Синг был независимым такуром из Раджистана, название которого означает буквально «обитель или земля царей». Такуры почти все ведут свой род от Сурии (солнце) и потому называются сурьяванзами, потомками солнца, в гордости не уступая никому. По их выражению: «земная грязь не может пристать к лучам солнца», т. е. к раджпутам; поэтому они не признают никакой касты, кроме браминов, отдавая почести лишь одним бардам, воспевающим их военные доблести, которыми они так справедливо гордятся. Англичане страшно боятся их и не решились их обезоружить, как другие народы Индии. Гулаб Лалл Синг приехал со слугами и щитоносцами».

«Такуры играют в Индии ту же роль, какую играли в Европе средневековые бароны феодальных времен. Номинально они подвластны своим владетельным принцам, или же британскому правительству; но de facto они ни от кого не зависят. Построенные на неприступных скалах, их замки, кроме явного затруднения добраться до них иначе как по одному человеку, гуськом, представляют еще ту выгоду, что каждый из них сообщается с подземными ходами, тайна которых переходит лишь наследственно, от отца к сыну. Мы посетили два из таких подземных покоев; один из них способен поместить в своих обширных залах целую деревню. Одни йоги (кроме владельцев) и посвященные адепты имеют свободный к ним доступ. Хорошо известно, что никакая пытка, — тем более, что они саморучно и ежедневно прибегают к пытке сами, — не в состоянии заставить их выдать тайну».

«…До сих пор в разных местах Индии имеются обширные библиотеки, доступ куда пролил бы яркий свет не только на древнюю историю самой страны, но и на самые темные гипотезы всемирной истории. Некоторые из этих наполненных драгоценными рукописями библиотек находятся во владении туземных принцев и подвластных им пагод; но большая часть в

руках джаинов (самой древней секты) и такуров Раджпутаны, старинные, наследственные замки которых разбросаны по всему Раджистану, как орлиные гнезда, на вершинах скал».

В этом месте своего рассказа Е.П.Б. сообщает, что к их группе присоединились еще двое: мисс Х. и господин У. Последний был архитектором и секретарем полковника, а первая — пожилая художница.

Далее она продолжает: «В эту ночь все мои спутники, кроме меня, спали как убитые. Свернувшись возле догорающих костров, они нимало не обращали внимания ни на гул доносившихся с ярмарки тысяч голосов, ни на продолжительный, глухой, словно раскаты далекого грома, рев тигров, поднимавшийся из долины, ни даже на громкое моление пилигримов, шествие которых по узкому карнизу скалы, с которого мы чуть было не слетели днем, продолжалось взад и вперед всю ночь. Они приходили партиями по два, по три человека; иногда шли одинокие женщины. Так как им не было доступа в большую вихару, на веранде которой мы лежали, то, поворчав, они отправлялись в боковую келью, нечто вроде часовенки, с изображением Деваки-Мата (богини-матери) и с наполненным водой танком. Подойдя к дверям, пилигрим простирался на земле, клал приношение у ног богини и затем или окунался в «святую воду очищения», или же, зачерпнув рукой воды из танка, мочил себе лоб, щеки, грудь; потом снова простирался и шел уже назад, спиной к дверям, где опять простирался, пока с последним воззванием к «мата, маха мата!» (матери, великой матери) окончательно не исчезал в темноте. Двое слуг Гулаб-Синга с традиционными копьями и щитами из носорожьей кожи, получив приказание охранять нас от диких зверей до рассвета, сидели на ступеньке над пропастью. Не в состоянии уснуть, я следила за всем окружающим с возрастающим любопытством. Не спал в ту ночь и Такур. Каждый раз, как я полуоткрывала отяжелевшие от усталости веки, мне бросалась в глаза гигантская фигура нашего таинственного друга…

Поместясь по восточному (с ногами) на одной из высеченных в скале скамеек, у самой окраины веранды, он сидел неподвижно, обвив обеими руками приподнятые колена и вперив глаза в серебристую даль. Раджпут сидел так близко к краю, что малейшее неосторожное движение, казалось, должно было свергнуть его в зиявшую у ног его пропасть. Но он двигался не более стоявшей наискось от него гранитной богини Бхавани. Обливавшее все впереди его сияние месяца было так сильно, что черная тень под нависшею над ним скалой делалась еще непроницаемее, оставляя его лицо совершенно во мраке. Только

вспыхивавшее по временам яркое пламя догорающих костров, обливая темно-бронзовое лицо горячим отсветом, дозволяло порой разглядеть неподвижные черты сфинксоподобного лика, да как угли светящиеся, такие же неподвижные глаза.

Что это? Спит он или замер? Замер, как замирают посвященные радж-йоги, о которых он сам рассказывал утром… О Боже мой! Хоть бы заснуть!.. Вдруг громкое продолжительное шипение, раздавшееся у самого уха, как бы из-под сена, на котором мы свернулись, заставило меня внезапно вскочить с какими-то неясно определенными воспоминаниями о «кобре». Затем пробило раз, другой… То был наш американский дорожный будильник, как-то нечаянно попавший под сено. Сделалось смешно, и стыдно за невольный испуг.

Но ни шипение, ни громкий бой часов, ни мое быстрое движение, заставившее мисс Б*** сонливо приподнять голову, не пробудили Гулаб-Синга, который все также висел над пропастью, как и прежде. Прошло еще с полчаса. Несмотря на долетавший издалека гул празднества, все кругом было тихо и неподвижно; сон бежал от меня все более и более. Подул свежий предрассветный и довольно сильный ветер, разом зашелестевший листьями и вскоре закачавший кругом нас вершинами торчавших из бездны деревьев. Все мое внимание было теперь сосредоточено на группе трех сидевших предо мною раджпутов: на двух щитоносцах и их господине. Не знаю почему, но оно было особенно привлечено в эту минуту длинными развевающимися на ветру волосами слуг, сидевших сбоку веранды и более защищенных от ветра, нежели их саиб. При взгляде в его сторону, мне показалось, будто вся кровь у меня застыла в жилах: висевшую возле него крепко привязанную к колонне кисейную вуаль (топи) хлестало со всех сторон ветром; длинные же волосы саиба лежали неподвижно, словно приклеенные к плечам: ни один волос не шевелился, ни малейшего движения в легких складках обвивавшей его белой кисеи; изваянная статуя не может казаться неподвижнее…

Да что ж это такое? Бред, галлюцинация или изумительная, непонятная действительность? Крепко зажмурив глаза, я было решилась не глядеть долее. В эту минуту что-то захрустело в двух шагах от ступени, и длинный черный силуэт — не то собаки, не то дикой кошки — ясно очертился на светлом фоне неба. Животное стояло на краю обрыва боком, и высокий, трубою хвост то подымался, то опускался в воздухе… Оба раджпута быстро, но неслышно встали и повернули голову к Гулаб-Сингу, как бы ожидая приказаний… Да где же сам Гулаб-Синг? На месте, где за минуту до этого он так неподвижно сидел, никого не оказалось;

лежала лишь одна сорванная ветром топи… Страшный, продолжительный рев вдруг оглушил меня, заставив вскочить на ноги; рев этот, проникнув в вихару, казалось, разом пробудил уснувшее эхо и отозвался глухими раскатами вдоль всего обрыва. Господи… тигр! Не успела эта мысль еще ясно сложиться в уме моем, как захрустели деревья, и словно чье-то тяжелое тело покатилось в пропасть. Все мгновенно вскочили; мужчины схватились за ружья и револьверы; произошла страшная суматоха…

— Что с вами? — раздался спокойный голос Гулаб-Синга со скамьи, где он снова сидел, как ни в чем не бывало. — Что это вас всех испугало?

— Тигр! Ведь это был тигр? — посыпались вопросы европейцев и индусов. Мисс Б*** дрожала, как в лихорадке.

— Тигр, или что другое, теперь это для нас очень мало значит. Что бы ни было, теперь оно лежит на дне пропасти, — отвечал, зевая, раджпут. — Вы, кажется, особенно встревожены? — добавил он с легкой иронией в голосе, обращаясь к истерически рыдавшей англичанке, которая, видимо, колебалась, упасть ли ей в обморок или нет.

— И почему это правительство не уничтожит всех этих ужасных зверей? — всхлипывала наша мисс, вполне веровавшая во всемогущество своего правительства.

— Вероятно потому, что наши *повелители* приберегают порох на нас самих, делая нам честь считать нас опаснее тигров, — отрезал Гулаб-Синг.

Чем-то грозным и вместе насмешливым звучало это слово «повелители» в устах раджпута.

— Но каким же образом вы отделались от «полосатого?» — допытывался полковник. — Разве кто стрелял?

Огнестрельное оружие только у вас, европейцев, считается единственным или по крайней мере самым верным способом одолевать диких зверей. У нас, дикарей, есть другие средства, даже более опасные, — пояснил бабу Нарендро Дас-Сен. — Вот, когда вы приедете к нам в Бенгалию, то будете иметь хороший случай познакомиться с тиграми; они приходят к нам непрошенные и днем и ночью, даже в городах…

Начинало светать, и Гулаб-Синг предложил спуститься вниз и до первых жаров осмотреть другие пещеры и развалины крепости. В пять минут все было готово к завтраку, и в половине четвертого мы отправились другою, более покатою дорогой в долину, на этот раз без особенных приключений. Только Махрат, не говоря ни слова, отстал от нас и исчез».

«Осмотрев Логарх, крепость, взятую Сиваджи в 1670 году у

могулов, и ныне разрушенные покои, где вдова Нана Фарнавиза под предлогом протекции и 12000 рупий пенсии со стороны Англии сделалась de facto пленницей генерала Уэлеслея в 1804 году, мы поехали в богатую и когда-то укрепленную деревню Варгаон. Там мы решили переждать знойные часы (от 9 утра до 4 пополудни) и потом ехать в исторические знаменитые пещеры Бирзы и Баджах, милях в трех от Карли.

Часа в два пополудни, когда, обвеваемые огромными протянутыми через всю длину комнаты панками, мы, несмотря на то, сильно охали от жары, неожиданно предстал нам исчезнувший с дороги приятель наш — махратский брамин. Сопровождаемый полдюжиной дакни (жителей Деканского плато), он тихо ехал верхом, сидя почти на ушах лошади, которая фыркала и очень неохотно шла; когда же он подъехал к крыльцу веранды и спрыгнул с коня, мы увидали в чем дело: поперек седла лежал, волоча по земле хвост, громадный тигр. Из полуоткрытой пасти висела кусками запекшаяся черная кровь. Его сняли и положили у порога.

Неужели это наш ночной посетитель? — мелькнуло у меня в уме. Я взглянула на Гулаб-Синга. Он лежал в углу на ковре, опершись головой на руку и читал; брови его слегка нахмурились, но он не произнес ни слова. Молчал и брамин, привезший тигра, тихо отдавая приказание, словно он приготовился к торжественному таинству. По народному суеверию, то было действительно «таинством», как мы это скоро узнали…

Клочок шерсти тигра, убитого не пулей или каким-либо холодным оружием, а *словом*, считается самым верным талисманом против нападения ему подобных. «Такие случаи чрезвычайно редки, — говорил нам махрат, — так как чрезвычайно трудно встретить человека, обладающего этим *словом*. Отшельники йоги и садду не убивают их, считая убиение даже тигра или кобры грехом, а просто *отстраняют* от себя зверей. Есть только одно братство в Индии, члены коего обладают всеми секретами и для которых нет в природе тайн… А что тигр был убит не вследствии падения со скалы (они никогда не оступаются), не пулей и не каким-либо другим орудием, а просто *словом* Гулаба Лалл Синга, то в этом нам порукой тело самого зверя». «Я нашел его очень скоро, — продолжал рассказывать брамин, — в кустах, где он лежал, прямо под нашей вихарой, и у подножия скалы, с которой он скатился вниз уже мертвым… Гулаб Лалл Синг, — ты радж-йог, и я тебе кланяюсь!..», — добавил гордый брамин, присоединяя к слову дело и простираясь перед Такуром на землю.

— Не говори пустого, Кришнарао! — перебил его Гулаб-Синг, — Вставай и не представляй из себя шудры… Тигр просто свалился со скалы и сломал себе при падении шею. Иначе нам пришлось бы употребить в дело оружие, а не слова…

— Повинуюсь тебе, саиб, но… прости, что верю все-таки в *свое*… Ни один радж-йог еще не сознавался, что он принадлежит к *братству*, с тех пор, как существует гора Абу.

Он стал оделять нас клочками шерсти, вырываемой им у мертвого зверя. Все молчали. Со странным чувством любопытства я стала наблюдать над группой моих спутников. Полковник (президент нашего общества) сидел, потупив глаза в землю и очень бледный; секретарь его, мистер У***, курил сигару и лежал навзничь, вперив холодные, ничего не выражающие глаза в потолок. Он молча принял клочок шерсти и спрятал его в портмоне. Индусы стояли над тигром, а сингалезец чертил какие-то каббалистические знаки на лбу у зверя. Один Гулаб-Синг продолжал лежать, спокойно читая в углу. Мисс Б*** тихо предложила мне вопрос: «Знает ли наше правительство о существовании этого братства, и дружелюбно ли расположены радж-йоги к англичанам?»

— О, чрезвычайно дружелюбно! — серьезно отвечал раджпут, прежде чем я успела раскрыть рот, — Если они только существуют: одни радж-йоги мешали до сей поры индусам перерезать всем вашим соотечественникам горло, удерживая их… *словом*.

Англичанка не поняла». [1, с. 41, 42, 58, 76-78]

Описание путешествия, приведенное в «Пещерах и дебрях» и то, которое сделано Олькоттом в его «Страницах старого дневника», отличаются, начиная с пещер Карли. В то время, как полковник говорит лишь о действительном путешествии 1879 года в Аллахабад, Каунпур, Бхартпур, Джайпур, Амбер, Агру, Сахаранпур и Мируту, — Е.П.Б. использует свои воспоминания о более ранних путешествиях, когда она поехала в Насик, чтобы осмотреть там пещерные храмы; в Чандвад, где находятся так называемые Энке-Тенке, также пещерные храмы; в «мертвый город» Манду и в пещеры Багх в 50 милях оттуда.

В 1879 г. действительное путешествие продолжалось только три недели. Е.П.Б., после того, как в «Пещерах и дебрях» описала почти весь маршрут, пишет: «В нашем распоряжении было еще 7 недель. Куда следовало бы направиться? Как лучше всего использовать это время?».

Характер путешествия в обеих экспедициях был очень различным. В 1879 г. это была поспешная поездка по железной дороге, но в «Пещерах и дебрях» она пишет: «Ежедневно бродили

мы через реки и джунгли, по селам и развалинам старых крепостей, по проселочным дорогам между Насиком и Джепельпуром; днем, проезжая из одной деревни в другую, частью в арбах на волах, иногда на слонах, а не то так и в пальках (в паланкинах) и верхом, а ночью — обыкновенно разбивали палатку, где ни попало… Гулаб-Синга не было с нами, но благодаря магическому его влиянию мы всюду встречали привет. Он послал провожать нас и руководить нами в дороге своего доверенного слугу. И если бедные, голые крестьяне дичились и часто запирали перед нами двери, то все брамины были так услужливы, как только можно было пожелать…» [1, с.98, 99]

По-видимому в этой экспедиции у Е.П.Б. была определенная цель: исследование пещер и пещерных храмов. Очень интересен один из ее выводов. Она пишет: «Весьма замечательно то обстоятельство, что почти все без исключения пещерные храмы Индии вырыты в конусообразных скалах и горах, словно древние строители нарочно отыскивали такие природные пирамиды. О странной и необычайной, нигде не виданной мною, кроме Индии, форме уже замечено при описании поездки в Карли. Случай ли это, или же одно из правил религиозного зодчества тех далеких времен? А кто тут подражатель? Зодчие ли египетских пирамид, или же неизвестные строители подземных храмов Индии? Как в пирамидах, так и в храмах, все кажется геометрически рассчитанным и, подобно пирамидам, вход во храмы находится не внизу, но на известном расстоянии от подножия горы. Природа, как известно, никогда не подражает искусству, а напротив, последнее всегда старается воспроизвести формы природы. И если даже в этом сходстве между символами Египта и Индии не найдется ничего, кроме случайности, то остается только сознаться, что игра случая бывает иногда необъяснима. Далее нам придется, быть может, представить более веские доказательства тому, что Египет заимствовал многое у Индии».

Подобное же пишет Е.П.Б. о пещерах Насика: «Первые пещеры вырыты на конусообразном холме саженях в сорока от подножия… Затем целый лабиринт келий, очевидно, буддистских отшельников…» [1, с.94] (См. также о пещерах Багх, где говорится то же самое).

О пещерах Энкай-Тенкай: «В 12 милях на юго-восточной стороне Чандвада находится целый город пещерных храмов… Опять, как и в прочих пещерах, храмы на высоте ста футов над подножием, а холм пирамидальный».[12]

О цели своих путешествий по Индии она пишет: «Бенарес, Праяга (ныне Аллахабад), Насик, Хардвар, Бадринат, Матура — вот те священнейшие места древней доисторической Индии,

которые одно за другим мы собирались посетить, но конечно не так, как их обыкновенно посещают туристы «a vold'oiseau» («с птичьего полета»), с дешевым гидом в кармане и под командой сбивающего вас и с ног и с толку чичероне. Нет, мы хорошо знали, что вокруг всех этих мест, словно плющ на развалинах старых замков обвилось предание, веками наросли сорные травы фантазии, пока, наконец, по примеру этих паразитных растений, постоянно сдавливая в своих холодных объятиях стены, они совсем не разрушили первобытные формы здания, и археологу также трудно по обезображенным, усыпающим окрестности остаткам судить об архитектуре когда-то целого здания, как и для нас из этой массы легенд отделить плевелы от настоящего зерна». [1, с.84]

Еще раз она говорит об этом последнем маршруте, но несколько иначе: «Мы приготовлялись увидеть Бенарес, город 5000 храмов и стольких же обезьян; Каунпур, прославленный кровавым мщением Нана-Саиба, и развалины города солнца, разрушенного, по мнению Кольбрука, около 6000 лет тому назад; Агру и Дельхи, и затем, объехав весь Раджистан, с его тысячами такурских укрепленных замков, крепостей, разрушенных городов и легенд, намеревались проехать в Лахор, столицу Пенджаба, и остановиться наконец в Амритсаре». [1, с.83]

Надо заметить, что в Лахоре Е. П.Б. закончила записи, а Лахор был тем городом, где в 1856 г. она встретила Кюльвейна и его спутников, и они вместе пытались попасть в Тибет через Кашмир и Ладакх.

Глава 12
Пещеры Багх

В главе книги «Из пещер и дебрей Индостана», которая так озаглавлена, Блаватская рассказывает о другом случае, когда Гулаб-Синг спас путешественников. Он на время их покинул, но вернулся в самый критический момент. Она пишет:

«Подобно всем пещерным храмам в Индии, вырытым, как я подозреваю, аскетами с целью искушать человеческое терпение, и эти кельи находятся на вершине почти отвесной горы… Семьдесят две высеченные в скале ступени, заросшие мхом и колючками, с глубокими выбоинами, которые громко свидетельствовали о несметных миллионах ног пилигримов, выбивавших их в продолжении двух тысяч лет, — таков для начала парадный ход в Багхские пещеры. Прибавьте к прелестям подобного подъема множество горных ручьев, просачивающихся между камнями, никто не удивится, что мы в то утро положительно изнемогали под бременем жизни и археологических затруднений. Бабу, который, сняв туфли, скакал по колючкам с такой же легкостью, как если бы у него вместо человеческих подошв были копыта, посмеивался над «слабыми европейцами» и только еще больше бесил нас…

Но взобравшись на вершину горы, мы перестали роптать, почувствовав с первого взгляда, что будем вполне вознаграждены за всю нашу усталость. Едва мы взошли на небольшую расстилавшуюся под далеко нависшею над ней бурою скалой площадку, как перед нами открылась через прямоугольное отверстие, футов в шесть шириной, целая амфилада темных пещер. Мы были поражены мрачным великолепием этого давно покинутого храма. Не теряя времени на подробный осмотр потолка над площадкой, очевидно служившего когда-то верандой, над портиком с его торчащими сверху, как большие черные зубы отломками того, что некогда было колоннами, и не останавливаясь даже осмотреть две комнаты по обеим сторонам древней веранды, одну с разбитым идолом какой-то плосконосой богини, другую с Ганешей, — мы приказали зажечь факелы и вошли внутрь первой залы…

Прямо против входа дверь ведет в другую залу, продолговатую, с двумя шестиугольными колоннами и с нишами по бокам, в которых стоят довольно хорошо сохранившиеся статуи: богини в 10 футов вышины и несколько богов в 9 футов. За этою — вход в комнату с алтарем. Это правильный

шестиугольник в три фута между углами, под высеченным из цельной скалы куполом. Сюда не впускался, как и ныне не впускается, никто, кроме посвященных в таинства *адитума*. Кругом — кельи бывших жрецов; их около двадцати. Осмотрев алтарь, мы было уже собрались идти далее, как полковник, взяв из рук одного из слуг факел отправился с двумя другими осматривать эти боковые комнаты. Через несколько минут раздался его голос, громко звавший нас из второй кельи налево. Он нашел секретный ход и кричал нам: «Пойдемте далее… надо увериться, куда он ведет!..»

— В берлогу одного из «оборотней»… Смотрите в оба, полковник… берегитесь тигров!.. — прокричал за нас в ответ Бабу.

Но по дороге к «открытиям» нашего президента было нелегко остановить. Мы пошли на его зов.

— Комната… потайная келья!.. Лезьте все за мною… целый ряд комнат!.. Мой факел потух!.. несите спички… факелы!..

Но лезть за ним и нести факелы оказывалось легче на словах, чем на деле. Факельщики наотрез отказались лезть и чуть было не разбежались со страха. Мисс Б*** брезгливо посматривала на закопченную стену и на свой туалет, а У*** поместился на отвалившемся куске колонны и решил, что не пойдет, а закурит сигару и, окруженный отрядом трусливых факельщиков, станет нас ожидать. В стене было несколько выступов, очевидно, высеченных позднее пещеры, а на полу валялся большой, как бы нарочно высеченный в неправильную форму камень, соответствующий своей формой дыре в стене. Бабу на своем живописном языке тотчас же указал нам на него, как на бывшую «затычку» потаенного хода. При тщательном осмотре мы убедились в очевидном намерении каменщика-строителя сделать его похожим и даже ничем не отличающимся от прочих неровностей грубо обтесанной стены. К тому же, мы нашли в нем нечто вроде стержня, на котором его, вероятно, и поворачивали, когда являлась надобность открывать этот выход.

Первым полез в дыру, продолговатую, фута в три вышины, но не более двух в ширину — наш мускулистый «воин божий», а так как дыра, когда он стал на кусок колонны, приходилась почти на середине груди этого пенджабского Еруслана Лазаревича, то он и влез довольно легко. За ним, с ловкостью обезьяны, спрыгнул Бабу и, втащив факел, осветил всю комнату. Затем, с помощью Акали, который втаскивал меня сверху за руки, и Нараяна, помогавшего снизу, меня благополучно, хотя и с усилием, перегрузили через отверстие, в котором я, впрочем, изрядно застряла, сильно оцарапав при этом о стены руки. Как ни тяжелы

археологические расследования при пяти пудах бренного тела, я однако же чувствовала, что с двумя такими геркулесами, как Рам-Рунджит-Дас и Нараян, смело могла бы отправиться хоть на самые вершины Гималаев. Последними полезли мисс Б***, которая чуть было не проглотила горсть свалившихся ей в вечно открытый рот пыли и камешков, а за нею Мульджи. Но У***, который предпочел на этот раз чистоту своих белых панталон осмотру святынь незапамятной древности, остался внизу с людьми…

Что касается нас, то мы полезли во второе отверстие под водительством на этот раз Нараяна. Он бывал здесь и прежде, и по этому поводу рассказал нам весьма странную историю. Он уверял, и весьма серьезно, будто такие комнаты тянутся одна за другою до самой вершины горы. Затем они повертывают в сторону, спускаясь вниз до огромного подземного жилища, где по временам живут радж-йоги. Желая удалиться на время от света и провести несколько дней в уединении, радж-йоги находят его там, в подземном жилище. Наш президент как-то сбоку странно покосился через очки на Нараяна, но промолчал. Индусы не противоречили.

Вторая келья была во всем подобна первой и имела такое же отверстие. Через него мы пролезли в третью, где и сели отдохнуть. Здесь я почувствовала, что мне становится трудно дышать; но, приняв это просто за одышку, действие усталости, ничего не сказала товарищам, и мы полезли в четвертую келью. Только отверстие в эту было завалено до двух третей мелкими камнями и землей, и нам пришлось минут двадцать откапывать его прежде, чем мы могли пролезть далее. Как нам сказал Нараян, комнаты все шли в гору; пол одной находился на уровне с потолком предыдущей. Четвертая келья была в развалинах, но две повалившиеся колонки составили как бы ступени к отверстию пятой кельи и, казалось, представляли менее затруднения. Но тут полковник, остановив занесшего уже было ногу Нараяна, лаконически заметил, что теперь пришло время держать совет. «Выкурить трубку совещания», сказал он, употребляя выражение краснокожих индейцев.

— Если Нараян говорит правду, то ведь этак мы можем путешествовать из одного отверстия в другое до завтрашнего дня?

— Я сказал правду, — как-то торжественно отвечал Нараян, — но с тех пор, как я был здесь, мне говорили, будто несколько отверстий уже завалено, а именно в следующей за этой келье.

— Ну, стало быть, нечего и думать идти далее. Но кто же

завалил их? Или просто они от времени обрушились?

— Нет… их завалили нарочно… *они*…

— Кто *они*? Оборотни, что ли?..

— Полковник, — промолвил с усилием индус, и даже при постепенно слабеющем свете факелов можно было заметить, как задрожали у него губы, а сам он побледнел, — полковник… Я говорю серьезно, и не шучу!

— Да и я не шучу. Кто же это они?

— *Братья* … Радж-йоги; некоторые из них живут недалеко отсюда.

Полковник откашлялся, поправил очки и, помолчав немного, с заметным неудовольствием в голосе наконец проговорил:

— Послушайте, мой милый Нараян, не думаю, чтобы вашей целью могло быть желание морочить нас… Но неужели вы хотите нас заставить поверить или сами верите, что кто-либо в мире, даже спасающийся в джунглях аскет, мог жить в местах, куда не залезают даже тигры и откуда сами летучие мыши ретируются за недостатком воздуха?

Посмотри на огонь факелов… Еще такие две комнаты — и мы задохнемся! — Действительно, наши факелы совсем потухали, и мне становилось чрезвычайно трудно дышать. Мужчины тяжело переводили дух, а Акали громко сопел.

— И однако же, я говорю святую истину, далее живут они… Я сам был там.

Полковник задумался и стоял в видимой нерешимости перед входом.

— Вернемся назад! — неожиданно заорал Акали. — У меня кровь идет из носа.

В эту самую минуту со мной произошло нечто столь же неожиданное, как и странное для меня тогда: я почувствовала, как вдруг у меня сильно закружилась голова, и я почти в беспамятстве скорее упала, нежели опустилась на обломок колонны, прямо под отверстием в пятую келью. Еще секунда, и несмотря на тупую, но сильную, как удары молота, боль в висках, мною стало овладевать невыразимое чувство отрадного, чудного спокойствия; я смутно сознавала, что был уже не грозящий, а действительный обморок; что через несколько секунд, если меня не вынесут на воздух, я должна буду умереть. И однако же, хотя я не могла уже пошевельнуть ни одним пальцем, ни произнести и одного звука, я не испытывала ни малейшей агонии, ни искры страха в душе: одно только апатичное, но невыразимо приятное чувство успокоения, полное затишье всех чувств, кроме слуха. На минуту я, должно быть, совсем потеряла сознание, но помню как перед тем глупо внимательно прислушивалась к мертвенному

вокруг меня молчанию. Неужто это смерть? — раз неясно мелькнуло у меня в голове. Затем мне показалось, будто меня стали обвевать чьи-то мощные крылья: «Добрые, добрые крылья, ласковые, добрые крылья»… словно выбиваемые маятником, отчеканивались у меня эти слова в мозгу, и я идиотически внутренне засмеялась им. Потом я стала отделяться от колонны и знала скорее, чем чувствовала, что падаю в какую-то бездну, все ниже и ниже, среди глухого отдаленного грома. Но вдруг раздался громкий голос: я его не слухом услыхала, а словно почувствовала… В нем было что-то осязательное, что-то разом задержавшее меня в моем беспомощном падении и остановившее его. То был давно известный, хорошо знакомый мне голос, признать который в эту минуту я не имела сил. Среди грома голос этот сердито раздался издалека, как будто из самого поднебесья, и, прокричав на языке хинди: «Диувана Тумере у анека кья кама тха?» (Безумцы! Какая нужда была вам сюда заходить?) замолк…

Как меня протащили затем через пять узких отверстий, останется для меня навеки тайной… Я пришла в себя уже внизу на веранде, где дул со всех сторон ветер, так же скоро, как и повалилась наверху, в наполненной гнилым воздухе келье. Когда я совсем оправилась, то прежде всего мне бросилась в глаза нагибавшаяся надо мною высокая мощная фигура, вся с головы до ног в белом, и черная как смоль, раджпутская борода. Но лишь только я узнала обладателя бороды, как разом изъявила свою искреннюю радость, спросив его тут же: «Откуда Вы взялись?» То был наш друг, Такур Гулаб-Лалл-Синг, который обещав встретить нас в Северо-Западных провинциях, теперь являлся нам, как будто спадший с неба или выросший из-под земли, — в Багхе!

Действительно, можно было полюбопытствовать и спросить у него, откуда и как это он пожаловал к нам, тем более, что не меня одну поразило его присутствие. Но мой несчастный обморок и плачевное состояние прочих исследователей подземелья делали всякие расспросы на первое время почти невозможными. С одной стороны, мисс Б*** насильно закупоривала моим носом свою склянку с нашатырным спиртом; с другой, «божий воин» — весь в крови, как будто и в самом деле только-что сражался с афганами; далее Мульджи с сильной головной болью. Один полковник да Нараян отделались легким головокружением. Что же касается Бабу, то его никакие углекислые газы, кажется, не в состоянии были доканать, а также как и свирепые солнечные лучи, убивавшие других наповал, безвредно скользили по этой неуязвимой бенгальской оболочке. Ему только очень хотелось есть… Наконец, из запутанных восклицаний, междометий и

объяснений, мне удалось узнать следующее:

Когда Нараян, первый заметив, что я в обмороке, бросился ко мне и мигом оттащил назад к отверстию, из верхней кельи раздался вдруг голос Такура и как громом поразил их на месте. Прежде чем они могли прийти в себя от изумления, Гулаб-Синг вышел из верхнего отверстия с фонарем в руках, и соскочив вниз, кричал им из следующего отверстия, чтобы они поскорее «подавали» ему «бай» (сестру). Это «подавание» такого грузного предмета, как моя тучная особа, и представившаяся моему воображению вся эта картина чрезвычайно рассмешили меня тогда. Но мисс Б*** сочла священным долгом своим обидеться за меня, хотя на нее никто и не обратил внимания. Сдав с рук на руки полумертвую поклажу, они поспешно последовали за Такуром; но Гулаб-Синг, по их рассказам, все как-то умудрялся, несмотря на затруднение, причиняемое ему подобным багажом, действовать и без их помощи. По мере того, как они пролезали через верхнее отверстие, он был уже у другого, нижнего и, сходя в одну келью, они только успевали видеть мельком его развевающуюся белую садру, исчезающую из одного хода в следующий, нижний. Аккуратный до педантизма, точный во всех своих исследованиях, полковник никак не мог сообразить, каким это образом Такур мог препровождать так ловко почти бездыханное тело из одного конца отверстия в другой! «Не мог же он выбрасывать ее перед собою из прохода вниз; иначе она разбилась бы…», — рассуждал он. «Еще менее возможно думать, чтобы сойдя вниз первым, он затем протаскивал ее за собою. Непостижимо!..» Мысль эта долго преследовала полковника, пока не стала чем-то вроде задачи: что появилось первым — птица или яйцо? А Такур на все вопросы только пожимал плечами, отвечая, что не помнит; что он просто выносил меня из келий как можно скорее и поступал, как только умел; что ведь они все шли вслед за ним и должны были видеть, и, наконец, что в подобные минуты, когда всякое мгновение дорого, «люди не думают, а действуют», и тому подобное.

Но все эти соображения и трудность объяснить процедуру загадочного передвижения явились лишь впоследствии, когда нашлось время думать и размышлять о случившемся. Теперь же никто ничего еще не знал о том, как и откуда явился в такую минуту наш Гулаб-Синг. Сойдя вниз, они нашли меня, лежавшую на ковре на веранде, и Такура, отдающего приказания двум слугам, подъехавшим из-за горы верхами, а мисс Б*** в «грациозном отчаянии» с открытым ртом, таращившую изо всей мочи глаза на Гулаб-Синга, которого она, кажется, серьезно принимала за «материализованного духа».

Между тем, объяснение нашего друга было, на первый взгляд, и просто, и весьма естественно. Он был в Хардваре с Суами [Даянандой], когда тот послал нам письмо, чтобы отложить наш приезд к нему на время. Приехав из Джабельпура в Кандву, по Индорской железной дороге, он побывал у Холькара по делам и, узнав, что мы здесь, решил присоединиться к нам, ранее, чем предполагал. Достигнув Багхи поздно вечером, накануне, и не желая тревожить нас ночью, узнав, наконец, что мы будем в пещерах утром, он заранее приехал встретить нас. Вот и вся тайна…

— Вся?.. — воскликнул полковник, — Разве Вы знали, что мы залезем в кельи, когда забрались туда ожидать нас?..

Нараян едва дышал и смотрел на Такура глазами лунатика. Тот даже бровью не повел.

— Нет, не знал. А в ожидании вашего приезда зашел посмотреть на кельи, которые давно не видел. А там замешкался и пропустил время…

— Такур-саиб, вероятно, вдыхал в себя свежий воздух в кельях… — ввернул словцо Бабу, скаля зубы.

Наш президент ударил себя по лбу и даже привскочил.

— И в самом деле!… Как же Вы могли выдержать так долго?.. Да!.. Но откуда же Вы прошли в пятую келью, когда выход был завален в четвертую, и нам пришлось самим откапывать его?

— Есть и другие ходы. Я прошел внутренним, давно известным мне путем, — спокойно отвечал Гулаб-Синг, раскуривая гэргэри. — Не все следуют по одной и той же дороге, — добавил он медленно и как-то странно, и пристально взглянул в глаза Нараяну, который согнулся и почти припал к земле под этим огненным взглядом. — Но пойдемте завтракать в соседнюю пещеру, где все должно быть готово. Свежий воздух вас всех поставит на ноги…

Выйдя из главной пещеры, в 20 или 30 шагах на юг от веранды, мы наткнулись на другую такую же пещеру, к которой надо было идти по узкому карнизу скалы. В эту вихару нас Такур не пустил, боясь после нашего несчастного опыта с кельями, что у нас сделается головокружение. Мы сошли по раз уже пройденным ступеням на берег реки и, повернув по направлению к югу, обогнули гору, шагов на 200 от лестницы, и оттуда поднялись в «столовую», по выражению Бабу. В качестве «интересной больной», меня понесли по крутой тропинке в собственном складном стуле, привезенном мною из Америки, никогда меня не покидавшем в дороге, и благополучно высадили у портика третьей пещеры». [1, с.179, 183—190]

«В ту ночь мы ночевали в долине на берегу ручья, разбив

палатки под тенистою смоковницей. Нарочно свернув с пути в Бомбей, чтобы повидаться с нами и исполнить поручение Суамиджа, санньязи сидел с нами далеко за полночь, рассказывая о своих странствиях и чудесах своей когда-то великой родины, о старом «льве» Пенджаба Рунжит-Синге и его геройских подвигах…

Но наш новый знакомый был уроженец Амритсара в Пенджабе и воспитан в «Золотом храме», что на Амрита-Сарас (Озере Бессмертия). Там находится их верховный гуру-учитель сикхов, который никогда не выходит за пределы своего храма, где он сидит целые дни, изучая священное писание этой странной, воинственной секты — книгу Адигранта… Сикхи взирают на него как тибетские ламы взирают на своего далай-ламу. Как последний есть воплощение Будды для лам, так амритсарский маха-гуру — воплощение основателя секты сикхов, Нана ка, хотя по их понятиям Нанак никогда не был божеством, а только пророком, вдохновляемым духом Единого Бога…. Наш саньязи… был настоящим акали — одним из шестисот священников-воинов, приставленных к «Золотому храму» для божественного служения и его охраны от нападения жадных мусульман. Звали его Рам-Рунджит-Дас, и его наружность вполне соответствовала принадлежащему ему титулу «Божьего воина», как себя величают храбрые акали… Он скорее походил на геркулесоподобного центуриона древних римских легионов, нежели на кроткого служителя алтаря, хотя бы и сикхского.

Рам-Рунджит-Дас предстал перед нами верхом на прекрасной лошади… Еще издали он был признан нашими индусами за акали по совершенно отличному от других туземцев костюму. На нем была яркоголубая туника-безрукавка — совершенно такого покроя, как мы видели на изображениях римских воинов; на его мускулистых огромных руках были широкие стальные браслеты и щит за спиной. На голове конической формы синий тюрбан…» [1, с.156, 157]

«После завтрака мы простились с «божьим воином», который направлялся по дороге в Бомбей. Почтенный сикх крепко пожал нам всем руки и, приподняв правую руку ладонью вперед, с серьезным и важным видом давал нам всем поочередно свое пастырское благословение по обычаю последователей Нанака. Но когда он дошел до полулежавшего на земле Такура, облокотившегося на седло вместо подушки, с ним произошла резкая перемена. Она была до того резка и очевидна, что всем нам бросилась в глаза: до того времени он быстро переходил от одного к другому, пожимая каждому руки и затем благословляя; но когда его взгляд опустился на рассеянно глядевшего на

приготовления к отъезду Гулаб-Синга, то он внезапно остановился, и важное, немного горделивое выражение его лица перешло во что-то словно униженное и сконфуженное. Затем вместо обычного «намасте» («кланяюсь вам»), наш акали совершенно неожиданно для нас простерся перед Такуром на землю. Благоговейно, словно перед своим амритсарским гуру, отчетливо прошептал он: «Апли аднья, садду саиб, аширват»… («Повелевай слугою… святой саиб… благослови раба») — и так и замер на земле…

Мы были так поражены этой выходкой, что сами как будто чего-то сконфузились; но ни один мускул не дрогнул на спокойном и бесстрастном лице таинственного Раджпута. Он медленно отвел глаза от реки и перевел их на лежащего пред ним акали; а затем просто, не проронив ни одного слова, слегка дотронулся до его головы указательным пальцем и, встав, заметил, что и нам пора ехать…

Всю дорогу он следовал за нашим, тихо ехавшим по глубокому песку экипажем, верхом и рассказывал о местных преданиях Хэрвара и Раджистана, сложившихся с незапамятных времен в народе эпических легендах и о великих деяниях Гери-Кула («Гери-Кула» буквально: из фамилии или семейства Солнца. Кула по санскритски: фамилия, прозвище. Раджпутские принцы, особенно Махарани Уйдейпурские, чрезвычайно гордятся своим астрономическим происхождением), принцев-богатырей расы Гери (Солнца). Это имя «Гери-Кула» заставляет серьезно предполагать многих ориенталистов, что кто-нибудь из этой фамилии эмигрировал в Египет, в темные доисторические времена первых фараоновских династий, откуда древние греки и переняли вместе с именем и предания, сложив таким образом свои легенды о боге-солнце Гер-Кулесе. Древние египтяне боготворили сфинкса под именем «Гери-мукха» — или *Солнца на небосклоне*. На той горной цепи, что обрамляет Кашмир, к северу находится, как известно, громадная, похожая на голову вершина (13000 футов над уровнем моря) и называется Гери-Мукх. Имя это встречается в древнейших Пуранах. Почему гг. филологи не позаймутся этим странным совпадением имен и легенд? Кажется, почва богатая…» [1, с. 192, 193]

Так как следующий рассказ длинен и сложен, то ему следует отвести особую главу, и она будет озаглавлена так же, как в «В пещерах и дебрях Индостана».[13]

Глава 13
Таинственный остров

«Вечером нас завезли в какую-то кругом обрамленную лесом глухую лощину, из которой мы выехали на берег огромного озера. Здесь снова приключилось с нами нечто на первый взгляд не совсем обыкновенное, но в сущности весьма загадочное. Мы вышли из экипажей; у берега, густо заросшего тростником (не по нашим русским понятиям «тростником», а тростником, скорее соответствующим Гулливеровским описаниям Бробдингнагской природы) стоял большой, новый, привязанный к тростнику паром. Около парома не было никого, и берег казался совершенно пустым. Оставалось еще часа полтора, два до солнечного заката. В то время, как наши люди с телохранителями и слугами Такура выкладывали из таратайки наши узелки и поклажу и переносили их на паром, мы уселись на какой-то развалине у самой воды, любуясь великолепным озером. У*** собирался срисовать вид, который был действительно прелестен.

— Не торопитесь снимать эту местность, — остановил его Гулаб-Синг. — Через полчаса мы будем на острове, где виды гораздо красивее этого. Там мы можем провести ночь и даже все завтрашнее утро.

— Боюсь темно будет через час… А завтра нам придется рано выехать, — сказал У***, открывая ящик с красками.

— Нет… Можем остаться и до трех часов пополудни… До станции железной дороги всего три часа, а поезд в Джебельпур отходит только в восемь часов вечера. К тому же, сегодня вечером вы увидите и услышите на острове странный и чрезвычайно интересный натуральный феномен: я угощу вас концертом… — добавил он с привычной ему загадочною улыбкой.

Мы все навострили уши.

— Да на какой же это мы едем остров? — полюбопытствовал полковник. — Разве мы ночуем не здесь у берега, где так прохладно и где…

— Лес так полон игривыми леопардами, а тростник скрывает змей, хотели вы сказать, — перебил его, осклабясь, Бабу. — Вон, взгляните направо, возле мисс Б***, под тростником! Полюбуйтесь счастливым семейством в пустыне: отец, мать, дяди, тетки, дети, — начал он громко считать, — я даже подозреваю в этой компании тещу…

Мисс Б*** взглянула по направлению тростника и, заголосив так, что весь лес застонал ей в ответ, опрометью бросилась, как к

спасительному ковчегу — к тонге. В трех шагах от нее, сверкая блестящей кожей в лучах заходящего солнца, играло штук сорок змей со своими детенышами. Они кувыркались, свивались, развивались, переплетались хвостами, представляя картину полного и невинного счастья. Такур присел было на камень возле У***, который уже собирался начинать рисунок, но тут бросил его и стал смотреть на опасную группу змей, хладнокровно покуривая свой неугасимый гэргэри (раджпутский кальян).

— Криком вы только заранее привлечете сюда из леса уже собирающихся на ночной водопой зверей, — немного насмешливо заметил он мисс Б***, которая пугливо высовывала из тонги свое бледное, искаженное ужасом лицо. — Бояться никому из нас решительно нечего. Не троньте зверя, и он вас оставит в покое и даже убежит от вас скорее, чем вы от него…

С этими словами он слегка махнул чубуком по направлению семейной группы. Как громом пораженная, вся эта живая масса мгновенно стала недвижимою, а в следующую затем секунду исчезла с громким шипением и шуршанием в тростнике.

— Да это чистый месмеризм!.. — воскликнул полковник, не проронивший ни одного жеста Раджпута и сверкая глазами из-под очков.

— Как вы это сделали, Гулаб-Синг? Как научиться этому искусству?..

— Как сделал? Просто спугнул их движением чубука, как вы видели. Что же касается «искусства», то в этом действии решительно нет никакого «месмеризма», если под этим современным и довольно модным, кажется, словом вы подразумеваете то, что мы, дикие индусы, называем *вашикаран видья*, т. е. наука очаровывать людей и зверей силою воли. Змеи убежали потому, что испугались направленного против них движения…

— Но ведь вы не отвергаете, что изучили это древнее искусство и имеете этот дар?

— Нет, не отвергаю. Всякий индус моей секты обязан изучать вместе с другими тайнами, переданными нам нашими предками, тайны физиологии и психологии. Но что ж в этом? Боюсь, мой дорогой полковник, что вы вообще слишком склонны смотреть на мои малейшие действия сквозь призму мистицизма, — добавил он, улыбаясь. — Это вам Нараян видно наговорил про меня; не так ли?..

И он ласково, хотя и с тем же загадочным выражением опустил взор на сидевшего у его ног и редко спускавшего с него глаза деканца. Колосс потупился и молчал.

— Да, — тихо, но весьма иронически ответил за него

принявшийся за рисовальный аппарат У***, — Нараян видит в вас нечто более своего бывшего бога Шивы и весьма немногим менее Парабрамы… Поверите ли?.. Он нас серьезно уверял в Насике, будто «радж-йоги», в том числе и вы (хотя, признаюсь, еще до сих пор я не понимаю, что такое именно «радж-йог»), могут кого и что угодно, и одной силою воли, заставить, например, видеть не то, что у тех действительно перед глазами и что видят и все другие, а то, чего совсем нет и не было, и что находится в воображении магнетизера или «радж-йога»… Ха, ха, … он называл это, сколько помню, майя, иллюзией.

— И что ж?.. Вы, конечно, довольно посмеялись над нашим Нараяном? — также спокойно осведомился Такур, смотря в темнозеленую глубь озера.

— Гм! да… немножко, — рассеянно признался У***, который, очинив карандаш и разложив на коленях папку, внимательно начал всматриваться вдаль, выбирая самое эффективное для рисунка место. — Я, признаюсь, скептик в подобных делах, — добавил он…

— Нет… да, впрочем, правда. Я, действительно, кажется, и тогда не поверил бы, и скажу почему. Если бы я увидал перед собою несуществующее, или скорее существующее лишь для одного меня, то как бы эти предметы ни были для меня лично объективны, прежде чем принять галлюцинацию за нечто вещественное, кажется, уж в силу одной простой логики, я был бы прежде всего обязан скорее заподозрить самого себя, увериться, что я еще не сошел с ума, чем позволять себе верить, что то, что я один вижу, не только есть действительность, но что эти картины суть рефлексия мысли, управляемой волей другого человека, — человека, который, таким образом, временно управляет и моим оптическим нервом и мозгом… Что за чепуха!.. неужели кто-нибудь в состоянии меня уверить, что есть на свете такой магнетизер или радж-йог, который бы заставил… ну, хоть бы меня, видеть то, что ему заблагорассудится, а не то, что я сам вижу и знаю, что и другие видят?

— И однако же есть люди вполне верующие, ибо они убедились, что такой дар возможен, — небрежно заметил Такур.

— Что ж, что есть?.. Есть, кроме таких, еще двадцать миллионов спиритов, верующих в материализацию духов! Только не включайте меня в их число.

— Но вы верите, однако, в существование животного магнетизма?

— Конечно, верю… до известной степени. Если человек в оспе или другой прилипчивой болезни может заразить здорового человека, то, стало быть, и здоровый человек может передать

больному избыток своего здоровья и вылечить его. Но между чисто физиологическим магнетизмом и влиянием одной особы на другую — бездна: переступать же эту бездну, в силу одной слепой веры, не считаю нужным…

— Но разве так трудно убедиться в том, что то, что вы видите, или по крайней мере думаете, что видите в минуту галлюцинации, есть только отражение картины, созданной с этой целью в мысли того, кто испытывает над вами свою власть?..

— Позволяю себе думать, что для удостоверения в подобном явлении необходимо прежде всего получить дар распознавать чужие мысли и, вследствии этого, получить возможность безошибочной проверки их. Я не обладаю таким даром…

— Могут найтись и другие средства убедиться в возможности явления. Например, если пред вами предстанет картина местности действительно существующей, но отдаленной и вам совершенно незнакомой, хотя не только известной магнетизеру, но даже той самой, о которой он заранее условился со скептиками, — что именно эту, а не другую местность вы увидите и опишете. Затем, вы ее действительно и аккуратно описываете… Разве это не доказательство?

— Быть может, во время транса, припадка эпилепсии или сомнамбулизма подобная передача впечатлений и возможна. Не спорю, хотя сам сильно сомневаюсь. Но в одном, по крайней мере, я вполне уверен и всегда поручусь за это: на совершенно здорового человека, вполне в нормальных условиях, магнетизм не способен иметь ни малейшего влияния. Медиумы и ясновидящие провербиально болезненны. Желал бы я посмотреть, какой магнетизер или «радж-йог» повлиял бы на меня?

— Ну, У***, мой милый, не хвастайте! — вмешался дотоле молчавший полковник.

— Никакого тут нет хвастовства. Я просто ручаюсь за себя потому, что лучшие европейские магнетизеры пробовали свою власть надо мною, и каждый раз проваливались. Поэтому, вызываю всех магнетизеров — живых и мертвых, как и всех индусских радж-йогов в прибавку, попробовать чары своих токов надо мною… Все сказки…

У*** начинал горячиться, а Такур замял разговор, перейдя на другие предметы…

Бабу и Мульджи ушли торопить людей нагружать паром: все приутихли и над нами, как говорится, «тихий ангел пролетел». Нараян, погруженный по обыкновению в созерцание Гулаб-Синга, сидел на песке неподвижно, обхватив колена руками, и молчал. У*** прилежно и торопливо рисовал, лишь изредка подымая голову, и как-то странно хмурился, вглядываясь в другой берег,

весь погруженный в свою работу… Такур продолжал покуривать, а я, усевшись на свом складном стуле, внимательно наблюдая за всем, не могла теперь оторвать глаз от Гулаб-Синга…

«Кто и что такое, наконец, этот загадочный индус?» — думалось мне. — «Кто такой этот человек, соединяющий в себе как бы две совершенно отличные одна от другой личности: одну — внешнюю, для глаз, света и англичан, другую — внутреннюю, духовную, для близких друзей? Но даже эти самые друзья его, разве они во многом более других людей знают что о нем? И что они знают, наконец? Они видят в нем мало отличающегося от других образованных туземцев индуса, разве только наружностью, да тем, что он еще более, чем они, презирает все общественные условия и требования западной цивилизации… Вот и все. За исключением еще разве того, что он хорошо известен всем в центральной Индии; что его знают за довольно богатого человека, за Такура, то есть за феодального начальника, раджа, — одного из сотней других подобных ему в Индии раджей. Затем, он вполне преданный нам друг, который сделался нашим покровителем в дороге и посредником между нами и подозрительными и необщительными индийцами. Но кроме этого мы ровно ничего более о нем не знаем. Правда, нечто более, нежели другим, известно мне. Но я клялась молчать и молчу; да и то, что даже знаю я, до такой степени странно, что все это скорее походит на сон, нежели на действительность…

Давно, очень давно, двадцать семь с лишком лет тому назад, мы встретились с ним в чужом доме, в Англии, куда он приезжал с одним туземным, развенчанным принцем, и наше знакомство ограничилось двумя разговорами, которые хотя тогда и произвели на меня сильное впечатление своей неожиданной странностью, даже суровостью, но как и многое другое, все это кануло с годами в Лету… Около семи лет тому назад он написал мне письмо в Америку, припоминая разговор и данное обещание; и вот мы опять свиделись на его родине — в Индии! И что ж? Изменился он в эти долгие годы, постарел? Нисколько. Я была молода тогда, и давно успела сделаться старухой. Он же, явившись мне впервые человеком лет 30, как бы застыл на этих годах… Тогда его поразительная красота, особенно рост и сложение, были до того необычайны, что заставили даже чопорную, сдержанную лондонскую печать заговорить о нем. Журналисты, заразясь отходящею Байроновскою поэзией, наперерыв воспевали «дикого Раджпута», даже тогда, когда на него сильно негодовали за то, что он напрямик отказался предстать перед королевины очи, побрезгав великою честью, для которой являлись из Индии все его соотечественники… Его

прозвали тогда «Раджей Мизантропом», а солонная болтовня — «Принцем Джальмой-Самсоном», сочиняя о нем всевозможные сказки до самого дня его отъезда.»

Все это взятое вместе разжигало во мне мучительное любопытство, не давая мне покоя и заставляя забывать все остальное.

Вот почему я теперь сидела перед ним, вперив в него глаза не хуже Нараяна. Я вглядывалась в это замечательное лицо с чувством не то страха, не то необъяснимо благоговейного уважения. Вспоминалось мне и про таинственную смерть тигра в Карли, и про спасенье собственной моей жизни, за несколько часов до того, в Багхе, и про многое другое. Он явился к нам только в утро того дня, а сколько дум расшевелило его присутствие во мне, сколько загадочного он уже принес с собою!.. Да что же это такое, наконец? — чуть не вскрикнула я. Что это за существо, которое я встретила столько лет тому назад, молодым и полным жизни, но еще суровее, еще непонятнее? Неужели это брат его, а может и сын? — вдруг мелькнуло в голове. Нет, это он сам: тот же старый шрам на левом виске, то же самое лицо. Но, как и за четверть века назад, ни одной морщинки на этих правильных, прекрасных чертах, ни одного седого волоса в черной, как вороново крыло, густой гриве; то же выражение окаменелого спокойствия в минуты молчания на темном, словно вылитом из желтой меди лице… Что за странное выражение; какое спокойное, сфинксообразное лицо!..

— Сравнение не совсем удачное, мой старый друг! — вдруг как бы в ответ на мою последнюю мысль раздался тихий, добродушно насмешливый голос Такура, заставив меня страшно вздрогнуть. — Оно уже потому неправильно, — продолжал он, — что вдвойне грешит против исторической точности. Во-первых, хотя Сфинкс и крылатый лев, но он в то же время и женщина, а раджпутские Синги (Синг — лев на языке Пенджаба), хотя и львы, но никогда еще не имели чего-либо женственного в своей природе. К тому же Сфинкс — дочь Химеры, а иногда и Эхидны, и вы могли бы выбрать менее обидное, хотя и неверное сравнение.

Словно пойманная на месте преступления, я ужасно сконфузилась, а он весело расхохотался. Но мне от этого не легче.

— Знаете что? — продолжал Гулаб-Синг, уже серьезнее и вставая. — Не ломайте себе головы понапрасну: хотя в тот день, как загадка будет разгадана, раджпутский Сфинкс не бросится в море, но, поверьте, и русскому Эдипу от этого ничего не прибавится. Все то, что вы когда-нибудь можете узнать, вы уже знаете. А остальное — предоставьте судьбе…

— Паром готов! Идите!.. — кричали нам с берега Мульджи и

Бабу.

— Я кончил, — вздохнул У***, торопливо собирая папку и краски.

— Дайте посмотреть, — лезли к нему проснувшаяся Б*** и подошедший полковник.

Мы взглянули на свежий, еще мокрый рисунок и остолбенели; вместо озера с его синеющим в бархатистой дали вечернего тумана лесистым берегом, пред нами являлось прелестное изображение морского вида. Густые оазисы стройных пальм, разбросанные по изжелта-белому взморью, заслоняли приземистый, похожий на крепость туземный бенглоу, с каменными балконами и плоскою крышей. У дверей бенглоу — слон, а на гребне пенящейся белой волны — привязанная к берегу туземная лодка.

— Да где же вы взяли этот вид? — недоумевал полковник. — Для того, чтобы рисовать виды из головы, не стоило сидеть на солнце…

— Как из головы? — отозвался возившийся с папкой У***. — Разве озеро не похоже?

— Какое тут озеро! Видно, вы рисовали во сне.

В это время вокруг полковника столпились все наши спутники, и рисунок переходил из рук в руки. И вот Нараян, в свою очередь, ахнул и остановился в полном изумлении.

— Да это «Дайри-боль», поместье Такур-Саиба! — провозгласил он. — Я узнаю его. В прошлом году во время голода я жил там два месяца.

Я первая поняла в чем дело, но молчала. Уложив вещи, У*** подошел наконец, по своему обыкновению, вяло и не торопясь, как будто сердясь на глупость зрителей, не узнавших в море озера:

— Полноте шутить и выдумывать; пора ехать. Отдайте мне эскиз… — говорил он нам.

Но, получив его, он при первом взгляде страшно побледнел. Жаль было смотреть на его глупо-растерянную физиономию. Он поворачивал злополучный кусок бристоля во все стороны: вверх, вниз, на изнанку, и не мог придти в себя от изумления. Затем он бросился, как угорелый, к уложенной уже папке и, сорвав завязки, разметал в одну секунду сотню эскизов и бумаг, как бы ища чего-то… Не найдя желаемого, он снова принялся за рисунок, и вдруг, закрыл лицо руками, обессиленный и точно сраженный, опустился на песок.

Мы все молчали, изредка переглядываясь и даже забывая отвечать Такуру, стоявшему уже на пароме и звавшему нас ехать.

— Послушайте, У***, — ласково заговорил с ним

добродушный полковник, словно обращаясь к больному ребенку. — Скажите, вы помните, что вы рисовали этот вид?..

Англичанин долго молчал; наконец произнес хриплым, дрожащим от волнения голосом:

— Да, помню все. Конечно, я его рисовал, но рисовал с натуры, *рисовал то, что видел все время пред глазами своими.* Вот это-то и есть самое ужасное! (У*** сохранил этот рисунок, но никогда не намекает на его происхождение).

— Но почему же такое «ужасное»? Просто временное влияние одной могучей воли над другою, менее мощною… Вы просто находились под «биологическим влиянием», как говорят д-р Карпентер и Крукс.

— Вот это именно и страшит меня. Теперь припоминаю все. Более часа я рисовал этот вид: я его увидал с первой минуты на противоположном берегу озера и, видя его, *всё время* не находил в этом ничего странного. Я вполне сознавал или скорее воображал, что рисую то, что все видят пред собою. Я совершенно утратил воспоминание о береге, как я его видел за минуту до того, и как я его снова вижу. Но как объяснить это? Великий Боже! Неужели эти проклятые индусы действительно обладают тайной такого могущества? Полковник, я сойду с ума, если бы мне пришлось верить всему этому!..

— Ни за что, — шепнул ему Нараян с блеском торжества в пылающих глазах, — вы теперь не в состоянии более отвергать великую древнюю науку йог-видьи моей родины!..

У*** не отвечал. Шатаясь, словно пьяный, он взошел на паром и, избегая взгляда Такура, сел спиной ко всем у края и погрузился в созерцание воды». [1, с. 193—203]

«Островок был маленький, весь поросший высокою травой, и имел издали вид плавающей среди голубого озера пирамидальной корзинки зелени. За исключением нескольких пучков широких, тенистых манго и смоковниц, на которых при нашем появлении страшно засуетилась целая колония обезьян, он был, по-видимому, необитаем. В этом девственном лесу густейшей травы нигде не было заметно и следа ноги человеческой. Читая слово «трава», и здесь не следует забывать, что я говорю об индийской траве, а не о европейском подстриженном под гребенку газоне и даже не о русской траве; трава, *под* которой мы стояли, как букашки под лопухом, высоко развевала свои перистые разноцветные вершины не только над нашими головами, но даже и над белыми пэггери Такура и Нараяна: первый из них стоял, по общеупотребительному английскому выражению «шесть с половиною футов в чулках», а второй был разве на вершок ниже. Эта трава показалась нам с

парома тихо волнующимся морем черных, белых, желтых, голубых, преимущественно же розовых и зеленых цветов. Выйдя на берег, мы нашли, что то был большею частью обыкновенно растущий отдельными группами бамбук, перемешанный с гигантской травой сирки, потрясающею разноцветными перьями своих верхушек почти в уровень с манговыми и другими высокими деревьями.

Невозможно себе представить что-либо красивее и грациознее сирки и бамбука. Изолированные букеты бамбуковой травы, колоссальной, но все же не более, как травы, начинают при малейшем дуновении ветерка развевать в воздухе свои зеленые головы, словно разукрашенные страусовыми перьями. От времени до времени, при каждом порыве ветра, слышался легкий металлический шелест в тростнике; но в хлопотах устраивания ночевки мы не обратили на это особого внимания.

Пока наши кули и слуги возились, приготовляя нам ужин и палатку, да прочищали кругом дорогу, мы пошли познакомиться с обезьянами. Уморительнее мы еще ничего не встречали. Без преувеличения их было штук до 200. Собираясь на покой, макашки вели себя очень прилично: каждое семейство выбирало себе ветку и защищало ее от нападения других квартирантов на дереве, но защищало без сражения, довольствуясь лишь угрожающими гримасами. Мы переходили от одного дерева к другому осторожно и тихо, боясь их спугнуть. Но видно, что много лет, проведенных с факирами (которые очистили остров только в прошлом году), приучили обезьян к людям. То были священные обезьяны, как мы узнали, и они не проявляли ни малейшего страха при нашем приближении. Они допускали нас совсем близко и, приняв приветствие, а некоторые так и кусочек сахарного тростника, смотрели на нас с высоты своих древесных тронов спокойно, чопорно скрестив ручки и даже с некоторым важным презрением в умных карих глазках.

Но вот зашло солнце, и все мигом всположились на деревьях. Нас стали звать ужинать. Бабу, преобладающей страстью коего было (по понятиям ортодоксальных индусов) «покощунствовать», залез на дерево, откуда, перенимая все позы и жесты своих соседей, к благочестивому ужасу наших кули, отвечал на угрожающие гримасы обезьян еще безобразнейшими; затем он спрыгнул с ветки и заторопил нас «домой».

С последним, исчезнувшим за горизонтом золотым лучем вся окрестность будто разом подернулась светлофиолетовою прозрачною дымкой. С каждой минутой сгущались тропические сумерки: постепенно, но быстро утрачивали они свой мягкий, бархатистый колорит, делались все темнее и темнее. Словно

невидимый живописец накладывал на окружающие нас леса и воды одну тень за другою, тихо, но непрерывно работая гигантской кистью своей по чудным декорациям на фоне нашего островка… Уже слабые фосфорические огоньки зажигались вокруг нас: блистая против черных древесных стволов и величественных бамбуков, они исчезали на ярко перламутровых серебристых просветах вечернего неба… Еще минуты две-три, и тысячи этих волшебных живых искр, предвестники царицы ночи, запылали, заиграли кругом, то вспыхивая, то потухая, сыплясь огненным дождем на деревья, кружась в воздухе над травой и над темным озером… А вот и сама ночь. Неслышно спустившись на землю, она вступает в свои верховные права. С ее приближением все засыпает, все успокаивается; под ее прохладным дыханием утихает вся деятельность дня. Как нежная мать, она убаюкивает природу, бережно окутывая ее своим легким черным покровом; а усыпив, стоит настороже над усталыми, дремлющими силами до первой зари…

Все спит в природе; не спит в этот торжественный вечерний час лишь человек. Не спали и мы. Сидя вокруг костра, мы разговаривали почти шепотом, словно боясь пробудить эту уснувшую природу. У*** и мисс Б*** давно улеглись, да их никто и не удерживал. А мы, то есть полковник, четыре индуса, да я, забившись под эту пятисаженную «травку», не могли решиться проспать такую чудную ночь. К тому же мы ожидали обещанного нам Такуром «концерта».

— Имейте терпение, — говорил нам Гулаб-Лалл-Синг, — перед восходом луны явятся наши музыканты.

Месяц всходил поздно, почти в десять часов ночи. Пред самым его появлением, когда уже воды озера стали бледнеть на другом берегу, а небосклон заметно светлел, постепенно переходя в серебристо-молочный цвет, вдруг засвежело и поднялся ветерок. Забурлили было уснувшие волны, заплескались и зашуршали они у подножия бамбуков и затрепетали кудрявые вершины великанов, зашептали, будто передавая друг другу приказания… Вдруг, среди общего молчания, мы услышали те же самые музыкальные звуки, какие подслушали, подъезжая к острову на пароме. Словно со всех сторон вокруг нас и даже над головами настраивались незримые духовые инструменты, звякали струны, пробовались флейты. Минуты через две, с новым порывом пробивающегося сквозь бамбук ветра, раздались по всму острову звуки как бы сотен Эоловых арф… И вот разом началась дикая, странная, неумолкаемая симфония!..

Она гудела по окружающим озеро лесам, наполняла воздух невыразимой мелодией, очаровывала даже наш избалованный

европейский слух. Грустны, торжественны были ее протяжные ноты: они то плавно звучали похоронным маршем, то вдруг, перейдя в дрожащую дробь, заливались трелью соловья, гудели словно сказочные гусли-самогуды и, наконец, с протяжным вздохом замирали… Здесь они напоминали протяжный вой: заунывный, грустный, как осиротевшей волчицы, утратившей детенышей; там — они звенели, как турецкие колокольчики, звучали веселою быстрою тарантеллой; далее, раздавалась заунывная песнь будто человеческого голоса, неслись плавные звуки виолончели, заканчиваясь не то рыданием, не то глухим хохотом… А всему этому вторило из лесу со всех сторон насмешливое эхо, будто голос сотни аукающих леших, внезапно разбуженных в своих зеленых дубравах, откликающихся на призыв этого дикого музыкального шабаша!..

Полковник и я переглядывались, обезумев от удивления. «Что за прелесть!» «Что за чертовщина!» — раздались, наконец, в унисон наши два восклицания. Индусы посмеивались и молчали; Такур покуривал свой гэргэри так же безмятежно, как если бы он внезапно оглох. Но вот после минутного интервала и пока у нас невольно мелькал в голове вопрос: уж не волшебство ли опять какое? невидимый оркестр разыгрался, расходился пуще прежнего, и на минуту совершенно нас было оглушил. Полились звуки, понеслись словно неудержимою волной в воздухе и снова приковали наше внимание. Ничего и никогда не слыхали мы подобного этому непонятному для нас диву… Слышите? Будто буря на море, свист ветра в снастях, гул бешенных, опрокидывающих друг друга волн! Снежная в глухой степи метель и вьюга…

То как зверь она завоет,

То заплачет как дитя!

А вот загремели величественные ноты органа… Его могучие звуки то сливаются, то расходятся в пространстве, обрываются, перемешиваются, путаются, как фантастическая мелодия во время лихорадочного сна, музыкальное видение, вызванное завыванием и визгом ветра на дворе.

Но через несколько минут эти, вначале чарующие слух звуки начинают будто ножом резать мозг. И вот нам представляется, будто пальцы незримых артистов бряцают уже не по невидимым струнам, дуют не в заколдованные трубы, а скрипят по нашим собственным нервам, вытягивают жилы и затрудняют дыхание…

— Ради Бога перестаньте, Такур! довольно, довольно!.. — вопит полковник, затыкая обеими руками уши. — Гулаб-Синг… прикажите им перестать!..

При этих словах трое индусов покатываются со смеху и даже

сфинксообразное лицо Такура озаряется веселой улыбкой…

— Честное слово, вы меня, кажется, не шутя принимаете если не за великого Парабраму, то, по крайней мере, за какого-то гения, за Марута, владыку ветра и стихии, — говорит он нам, весело смеясь.

— Да разве в моей власти остановить ветер или мгновенно вырвать с корнем весь этот бамбуковый лес?.. Просите чего-нибудь полегче!..

— Как остановить ветер? Какой бамбук?.. Разве мы это слышим не под психическим влиянием?..

— Вы скоро помешаетесь на психологии и электро-биологии, мой дорогой полковник. Никакой тут нет психологии, а просто естественный закон акустики… Каждый из окружающих вас бамбуков — а их ведь несколько тысяч на острове — скрывает в себе природный инструмент, на котором наш всемирный артист, ветер, прилетает пробовать свое искусство после солнечного заката, особенно в последнюю четверть луны.

— Гм! ветер? да… Но ведь он начинает переходить в ужасный шум… Очень неприятно… Как бы этому помочь? — осведомляется наш немного сконфуженный президент.

— Уж право не знаю… Ничего, через пять минут вы к нему привыкнете, отдыхая в те промежутки, когда ветер минутами затихает.

И вот мы узнаем, что таких природных оркестров много в Индии; что они хорошо известны браминам, которые называют этот тростник вина-деви (гитарой богов) и, спекулируя народным суеверием, выдают звуки за божественные оракулы. К этой особенности тростника (на этот род бамбука постоянно нападает маленький жучок, который пробуравливает в очень скором времени большие дыры в совершенно пустом стволе тростника, где и задерживается ветер) факиры идолопоклоннических сект прибавили и собственное искусство. Вследствии этого, остров, на котором мы находимся, считается особенно священным.

— Завтра утром, — говорил нам Такур, — я вам покажу, с каким глубоким знанием всех правил акустики наши факиры просверлили различных величин отверстия в тростниках. Смотря по объему ствола, в каждом колене этих пустых трубок они увеличили выеденные жуками отверстия, придавая им то круглую, то овальную форму. На эти усовершенствованные ими, природные инструменты можно по справедливости смотреть, как на превосходнейшие образцы применения механики в акустике. Впрочем, удивляться тут нечему: наши древнейшие санскритские книги о музыке подробно описывают эти законы, упоминая о многих ныне не только забытых, но даже совершенно неизвестных

нам инструментах…

— А теперь, если это слишком близкое соседство распевшегося тростника беспокоит ваши нежные уши, я вас, пожалуй, поведу на поляну у берега — подальше от нашего оркестра. После полуночи ветер стихнет, и вы уснете спокойно…

Мы пришли на небольшую поляну у озера, шагов за двести, триста от бамбукового леса. Теперь звуки волшебного оркестра доносились до нас слабо и урывками. Мы сидели против ветра, и они долетали до нас как полный гармонии шепот, совершенно уже напоминая тихое пение Эоловой арфы и не имея в себе более ничего неприятного или резкого. Напротив, эти звуки придавали еще более поэтический колорит этой сцене». [1, с. 203—207, 210]

Глава 14
Хатха-йоги и Раджа-йоги

«Удивительный народ эти туземцы! Не думаю, чтобы нашлась в природе такая штука, на которой бы они не могли усидеть с величайшим комфортом, только предварительно и слегка побалансировав. Вспрыгнет индус на колышек, на железную перекладину немногим толще телеграфной проволоки, … присядет на корточки, да и сидит себе по целым часам…

— Салам, Сааб! — говорю я раз сидевшему наподобие вороны на какой-то жердочке, у взморья, почтенному нагому старичку. — Что, покойно тебе сидеть, дяденька? И не боишься свалиться?..

— Зачем валиться?.. — серьезно отвечал «дяденька»… — Ведь я не дышу, мэм-Сааб…

— Как не дышишь? Да разве может человек не дышать? — вопрошала я, немного ошеломленная таким сведением.

— Нет… не дышу теперь. А вот минут через пять, как стану снова набирать воздух в легкие, так тогда и попридержусь рукой за столб… А затем я снова стану сидеть спокойно и не дыша…

…В те дни, однако, мы даже немного обижались подобными объяснениями, принимая их за насмешку.[14] Но вот опять, и на этот раз в Джабельпуре, нам пришлось увидеть явление еще «почище». Проходя вдоль берега реки, вдоль так называемой «факирской аллеи», Такур нам предложил завернуть во двор пагоды. Это место священное, и европейцев туда не пускают, как и мусульман. Но Гулаб-Синг поговорил с главным брамином, и мы вошли. Двор был полон паломников и аскетов, между прочими мы заметили трех совершенно голых и весьма древних факиров. Черные, сморщенные, худые, как скелеты, с седыми как лунь, шиньонами на головах, они сидели или, скорее, стояли в самых, как нам показалось, невозможных позах. Один из них, опираясь буквально одной правой ладонью в землю, стоял, перпендикулярно вытянувшись, головой вниз и ногами вверх: тело его было так же неподвижно, как если бы вместо живого человека он был сухим древесным сучком. Голова не касалась земли, но, приподымаясь немного вверх в самом ненормальном положении, закатывая глаза, таращила их прямо на солнце. Не знаю, правду или нет говорили словоохотливые, подошедшие к нашей компании городские обыватели, уверявшие, будто этот аскет проводит в подобной позе все дни жизни своей от полудня до солнечного заката. Но знаю одно: мы провели с факирами ровно час и двадцать минут и во все это время факир не

пошевелился ни одним мускулом!..

Другой стоял на одной ноге на круглом, вершка в три в диаметре, камешке, называемом ими «священным камнем Шивы», поджав другую ногу под животом и выгнув все тело назад дугой; он также таращил глаза на полуденное солнце. Обе руки были сложены ладонями вместе и воздевались как бы в молитве… Он казался приклеенным к своему камешку. Почти невозможно было вообразить себе, каким способом человек мог дойти до такой эквилибристики…

Наконец, третий сидел, поджав под себя ноги: но как он мог сидеть — было столь же непонятно. Седалищем ему служил каменный лингам, вышиной с уличную тумбу, но толщиной не более окружности камешка Шивы, то есть вершка в три, много четыре в диаметре. Руки сидевшего были переплетены пальцами за шеей, а ногти глубоко вросли в верхние части рук.

— Этот никогда не изменяет своей позы, — говорили нам. — Он сидит в этом положении уже лет семь…

— Но как же он ест? — спрашивали мы в недоумении.

Ему приносили есть — или, скорее, пить — молока раз в 48 часов, из пагоды, вливая ему в горло посредством бамбука. Его ученики (всякий такой аскет имеет своих добровольных слуг, кандидатов на святость) снимают его в полночь и полощут в танке; а обмыв, ставят назад на тумбу, как неодушевленную вещь, ибо он более не разгибается.

— Ну, а эти? — спрашивали мы, указывая на двух других. — Ведь они должны постоянно падать? Малейший толчок может опрокинуть их?..

— Попробуйте… — посоветовал нам Такур, — пока человек находится в состоянии саммади (религиозного транса) его можно разбить, разломать на куски, как глиняного идола, но сдвинуть с места — нельзя…

Дотрагиваться до аскета во время транса считается индусами за святотатство; но, видно, Такур был хорошо знаком с исключениями «не в пример прочим». Он опять вступил в переговоры с нахмуренным, сопровождавшим нас брамином и, окончив быстрое совещание, объявил, что из нас никому не дозволяется трогать факира, но что он получил позволение, и покажет нам то, что еще более удивит нас. С этими словами, приблизясь к факиру на камешке и осторожно взяв его за костлявые бедра обеими руками, он приподнял его и поставил на землю немного в стороне. В теле аскета не пошевелился ни один сустав, словно вместо живого человека то была бронзовая или каменная статуя. Затем он поднял камешек и показал нам его, прося однако не дотрагиваться — дабы не оскорбить

присутствующих. Камень был, как уже сказано. плосковатый и довольно неровный. Лежа на земле, он раскачивался при одном прикосновении пальца…

— Вы видите, насколько не солиден этот избранный факиром пьедестал? И, однако же, под тяжестью аскета камень остается неподвижным, как бы врастая в землю.

И, взяв снова факира в руки, он переставил его на прежнее место. Тот, несмотря на закон тяготения, которое по всей очевидности должно было увлечь его далеко перегибающееся назад дугой туловище и голову, как будто мгновенно и вместе с камнем прирос к земле, не изменив положения ни на одну линию. Как это они умудряются достигать такого искусства, про то знают лишь они одни. Я заявляю факт, а объяснять ничего не берусь.

У ворот пагоды мы снова надели нашу обувь, которую нам велели снять у входа, и вышли из этого святилища вековых тайн, смущенные более, чем до входа в него.

В аллее факиров нас дожидались Нараян, Мульджи и Бабу. Главный брамин и слышать не хотел о том, чтобы впустить их в пагоду. Все три, они давно уже освободились от кастовых железных цепей. Они открыто ели и пили с нами, и за это уж одно их всех считали исключенными из каст, и их соотечественники унижали их даже больше чем европейцы…

Индия — страна неожиданностей. Даже для обыкновенного наблюдателя все в ней с точки зрения европейца происходит шиворот-навыворот; от мотания головой, которое всюду понимается как жест отрицания, а здесь означает полное утверждение, до обязанности хозяина выпроваживать самого приятного гостя, который иначе просидит целую неделю на своем месте и, пожалуй, даже умрет с голоду, но не уйдет без приглашения, — все здесь противоречит нашим западным идеям. Спрашивать, например, о здоровье жены, даже если она и знакома с вами, или сколько у человека детей, и есть ли у него сестры, — верх оскорбления. Здесь, когда вы находите, что гостю время уходить, вы кропите его розовой водой и, повесив ему на шею гирлянду цветов, любезно указываете на дверь, приговаривая: «Теперь я прощаюсь с вами… Заходите опять!» Странный, оригинальный народ вообще; но еще страннее и непонятнее их религия… За исключением некоторых отвратительных обрядов известных сект, да злоупотреблений со стороны браминов, религия индусов, должно быть, имеет в себе нечто глубокое и непонятно привлекательное, если она способна совращать с пути истины даже англичан. Вот что, например, случилось здесь несколько лет тому назад.

Появилась одна интересная и чрезвычайно ученая, хотя по

содержанию своему переворачивающая вверх всю современную науку, брошюра. Она была написана по-английски и напечатана в небольшом издании полковым доктором медицины и хирургии Н.С.Полем в Бенаресе. Слава Поля, как ученого специалиста по физиологии, была велика между его соотечественниками англичанами: он одно время считался авторитетом в медицинском мире. Брошюра трактовала о виденных доктором между аскетами примерах «спячки», продолжавшейся в одном случае восемь месяцев, о саммади и других явлениях, производимых йогами. Появившись под названием «Трактат о философии йога-видьи», эта брошюра разом взбудоражила представителей европейской медицины в Индии и возбудила яростную полемику между англо-индийскими и туземными журналистами. Д-р Поль провел 34 года в изучении невероятных, но для него совершенно несомненных фактов «йогизма». До радж-йогов он никогда не мог добраться, но с большим прямодушием и видимым сожалением сознается в этом; но он вошел в дружбу с факирами и светскими йогами, то есть теми, которые не скрывают своего сана и иной раз соглашаются сделать и европейца свидетелем некоторых феноменов. Д-р Поль не только описал самые странные совершавшиеся на его глазах факты, но даже и объяснил их. Левитация, например, нечто идущее совершенно вразрез с признанными законами тяготения и против чего так восставал астроном Бабине, объясняется им научно. Но главное, что помогло ему проникнуть в некоторые, считавшиеся доселе непроницаемыми, тайны, это его горячая дружба с капитаном Сеймуром. Последний, лет 25 тому назад, произвел в Индии, особенно в армии, беспримерный скандал: капитан Сеймур, богатый и образованный человек, принял браманскую веру и пошел в йоги. Его, конечно, объявили сумасшедшим и, поймав, насильно отправили в Англию. Сеймур бежал из Англии и снова явился в Индию, в одежде саньязи. Его схватили во второй раз, посадили на пароход, привезли в Лондон и заперли в доме умалишенных. Через три дня, несмотря на запоры и часовых, он исчез из заведения. Его потом снова встретили в Бенаресе, а губернатор получил от него письмо из Гималайских гор. В письме он объявлял, что был посажен в больницу; он советовал генералу не мешаться более в его частные дела и говорил, что никогда уже не вернется в цивилизованное общество. «*Я йог* (писал он) и надеюсь умереть не ранее, чем достигнув цели моей жизни: сделаться *радж-йогом*». Генерал не понял, но махнул рукой. С тех пор никто из европейцев уже не видал его, никто, кроме д-ра Поля, который, говорят, переписывался с ним до самой своей смерти и даже два раза

ездил в Гималаи — ботанизировать. Главный инспектор медицинского департамента, взирая на сочинение Поля, как «на прямую пощечину науке в лице физиологии и патологии», приказал скупить по дорогой цене от частных лиц все вышедшие экземпляры и принести их в жертву этой науке, предав публичному сожжению. Брошюра вследствие этого стала редкостью. Из нескольких спасенных книг одна находится в библиотеке махараджи Бенаресского, а один экземпляр Такур подарил мне.

Поезд в Аллахабад отправлялся в 8 часов вечера, и нам приходилось провести всю ночь и до 6 часов утра в дороге. Хотя у нас был свой десятиместный вагон первого класса, в котором не было мест для посторонних лиц, однако, по разным причинам, я была уверена, что не усну всю ночь. Поэтому, заранее запасшись свечами для ручного фонаря, я приготовлялась преступить железнодорожный закон и читать всю ночь интересовавшую меня брошюру д-ра Поля. Часа за полтора до отъезда мы отправились все гуртом отобедать за общим столом в «Refreshment Rooms», то есть в буфет дебаркадера. Наше появление произвело видимое впечатление: мы занимали с четырьмя индусами весь край стола, за которым находилось человек пятьдесят пассажиров первого класса, таращивших на нас удивленные, полные нескрываемого презрения, глаза. Европейцы, братающиеся с индусами!.. Индусы, обедающие с европейцами!.. Сдержанный шепот стал переходить в громкие восклицания, и одна важная леди даже не вытерпела: встала из-за стола и ушла. Если бы не внушительное присутствие, несомненно, родного типа: англичан У***, да мисс Б***, и полковника, которого все принимали за английского офицера, наверно случился бы скандал. К Такуру подошли два англичанина и, пожав ему руку — тоже редкостное происшествие — отвели его в сторону как будто для дела, но в сущности для удовлетворения любопытства: они оказались его старыми знакомыми. На других индусов никто не обратил ни малейшего внимания. Здесь мы узнали в первый раз, что за нами следит полиция. Такур, указав на розового, с длинными белокурыми усами капитана в белом кителе, быстро шепнул мне: «Остерегайтесь»… Тот был агент тайной полиции из политического департамента, посланный вслед за нами из Бомбея. Услыхав это приятное для нас известие, полковник расхохотался на всю залу, что еще больше взволновало кушавших альбионцев. Мы узнали позднее, что все слуги отеля обязаны шпионить. Но в Индии обычай — водить за собой всюду собственных слуг, даже на званые обеды: поэтому и за нашими стульями торчало по одному индусу, а за Такуром находились его

четыре щитоносца и двое слуг. Неприятель был, таким образом, совершенно отрезан этой армией голоногих защитников, и отдельным шпионам оставалось мало шансов подслушать наши разговоры; да нам к тому же и нечего было скрывать. Но, признаюсь, на меня это известие подействовало очень скверно. Наконец, этот неприятный обед кончился. Устроившись на ночь в вагоне, я принялась за свою брошюру…

Между прочими интересными вещами, д-р Поль обстоятельно и весьма научно объясняет тайну периодически прекращаемого йогами дыхания и некоторых других, по-видимому, совершенно невозможных феноменов, которые он наблюдал неоднократно собственными глазами…

«Но все это лишь физические феномены, производимые хатха-йогами. Каждый из них подлежит исследованию естественных или физических наук, и всегда интересовал меня гораздо менее феноменов из области психологии». По этому вопросу д-ру Полю почти нечего было сказать. В своей 35-летней службе в Индии он встретил только трех радж-йогов. «Ни один из них не решился открыть мне малейшей из приписываемых им великих тайн природы, не взирая на их ко мне расположение. Один напрямик отказался от приписываемого могущества; другой откровенно сознался, что обладает таким могуществом и даже не раз доказывал мне оное на деле, но отказался от всякого по этому поводу объяснения. Наконец, третий согласился кое-что объяснить мне, если я ему поклянусь никогда и никому не объявлять того, что от него узнаю, даже на смертном одре. Так как в этом случае моею единственной целью было желание просветить погрязший в невежестве и атеизме мир, то, признаюсь, я отказался.

А дар радж-йогов несравненно интереснее и в тысячу раз важнее для мира, нежели феномены хатха-йогов. Этот дар чисто психический: радж-йоги к знанию хатха-йогов присоединяют всю шкалу умственных феноменов. Приписываемые им дары, по крайней мере в священных книгах, следующие: 1) дар пророчества и предвидения грядущих событий; 2) понимание всех незнакомых им языков; 3) целение недугов; 4) искусство читать чужие мысли; 5) слышать разговоры и все происходящее за несколько тысяч миль; 6) понимание языка зверей и птиц; 7) Пракамия (Prakamya) — способность останавливать руку времени, сохраняя юношескую наружность в продолжении долгого, почти невероятного периода времени; 8) способность оставлять собственное тело и переходить в другое; 9) Вазитва (Vashitva) — дар укрощать и даже убивать самых диких зверей одним взглядом; и, наконец, самое ужасное — месмерическая

сила, вполне подчиняющая себе людей и одним действием воли заставляющая их бессознательно повиноваться невыраженным приказам йогов». [1, с. 227—237]

Глава 15
Приключения в Бирме, Сиаме и Китае

«Мы не верим ни в какую магию, которая перекрывает возможности и силы человеческого ума, ни в «чудеса», будь то явления светлых или темных сил, если они переступают установленные веками законы природы. Несмотря на это, мы придерживаемся высказываний одаренного автора — Рестуса о том, что человеческое сердце еще не полностью исследовано, и мы еще не достигли и даже не поняли возможностей скрытых в нем сил». [5, т.1, с. XI]

«Многие годы, проведенные среди «варварских» и «христианских» магов, оккультистов, месмеристов и разных других представителей белой и черной магии, казалось бы достаточны, чтобы дать нам право быть компетентными в этом спорном и очень сложном вопросе. Мы встречались с факирами, индийскими святыми и наблюдали их связь с Питрисами. Мы наблюдали вытье и танцы дервишей, у нас были дружеские связи с европейскими и азиатскими марабутами Турции, дамасскими и бенаресскими укротителями змей и мало осталось среди них не исследованных нами». [5, т.1, с. 42, 43]

«Однажды в Индии мы присутствовали при состязании в психической силе между святым госсейном (нищим факиром) и неким колдуном… Мы обсудили вопрос о сравнении силы Питрисов факира (pre-Adamite spirits) и невидимых союзников колдуна. Испытание их мастерства было обусловлено и автор была выбрана арбитром. Состязание происходило в обеденное время на берегу маленького озера в Северной Индии. На гладкой поверхности воды плавало бесчисленное количество водяных цветов и большие блестящие листья. Каждый из состязующихся сорвал один такой лист.

Факир положил его на грудь, скрестил руки и моментально впал в транс. После этого он положил лист на воду, верхней его стороной вниз. Колдун утверждал, что он покорит «водяного владыку» — духа, который живет в воде, и хвастал, что он своей силой заставит этого духа не дать Питрисам проявиться на листе факира. Он взял другой лист, произнес чудодейственные слова и бросил его в воду. Лист колдуна стал кружиться вокруг неподвижного листа факира. Через несколько секунд оба листа были вынуты из воды. На листе факира, к большому

неудовольствию колдуна, можно было заметить симметричный рисунок из белых письмен, как если бы сок растения был употреблен вместо чернил. Когда лист высох и стало возможным внимательно рассмотреть этот рисунок, оказалось, что это ряд санскритских букв, выражающих слова высокого морального содержания. Следует добавить, что факир этот не умел ни писать, ни читать. На листе колдуна мы обнаружили не письмена, а отвратительные изображения чертовских рож. Итак, на каждом листе был воспроизведен оттиск, аллегорически отображающий характер состязающегося, указывающий на то, какие духовные сущности его окружали». [5, т.1, с.368, 369]

«В одной английской газете был описан случай удивительного роста растения, который был вызван индийским колдуном.

Колдун положил на пол пустой цветочный горшок и попросил, чтобы наполнили его садовой землей с небольшого участка, который находился внизу. Затем он вынул из корзины сухую косточку манго и протянул ее ближайшему зрителю, чтобы он осмотрел ее. Потом он выгреб из середины горшка немного земли, вложил косточку в ямку, покрыл ее тонким слоем земли и полил водой. На некоторое время цветочный горшок был затем покрыт простыней. Под хор голосов и удары в ладоши косточка стала прорастать. Он приподнял часть покрывала и тогда стал виден прелестный росток с двумя черно-бурыми листочками.

Он снова опустил покрывало и заклинание продолжалось. Через небольшое время простыню сняли, и мы увидели уже больше зеленых листьев, и растение уже имело длину в 9-10 см. В третий раз листья стали гораздо толще и деревце уже имело в высоту 13-14 см. В четвертый раз миниатюрное деревце уже было 18 см в высоту и на его ветвях висело 10-12 плодов манго, величиной в лесной орех. Наконец, после трех-четырех минут покрывало сняли совсем. Плоды достигли уже своей естественной величины, но были еще незрелыми. Их протянули публике, попробовали: оказалось, что они близки к зрелости, стали кисло-сладкими.

Тут можно добавить, что подобные опыты мы наблюдали в Индии и Тибете и не раз мы сами наполняли пустой цветочный горшок землей и сажали в него зернышко, которое давал нам чародей, и до конца опыта, проводимого в нашем доме, не сводили глаз с горшка. Результат был такой же, как описано выше». [5, т.1, с.141, 142]

«На Западе, прежде, чем «сенситив» касается огня, его «переводят» в состояние транса, и ни один «медиум» не решился бы засунуть руку в тлеющие угли, будучи в нормальном

физическом состоянии. Но на Востоке, человек берет в руки огонь, раскаленное железо или расплавленный свинец независимо от того, является ли этот человек святым ламой или корыстолюбивым колдуном, находится ли он в состоянии транса или в обычном физическом состоянии. В Северной Индии мы видели, как колдуны держали руки в раскаленных углях, пока угли не превращались в пепел.

Во время церемонии Шива-Ратри (Ночь Шивы), когда народ всю ночь бодрствует в молитве, шиваиты пригласили одного тамильского колдуна, который показал удивительнейшие феномены, призывая в помощь какого-то духа, которого все звали «Кути-Сатан» — небольшой демон. Один католический миссионер использовал этот случай, чтобы объяснить присутствующим, что этот несчастный грешник предал себя сатане. Тамил, который в это время держал свои руки в углях, повернул голову, взглянул свысока на покрасневшего миссионера. «Мой отец и мой дед, — сказал он, — приказывали этому «малому». Уже 200 лет он верный слуга нашего дома, а теперь вы хотите внушить людям, что он мой повелитель, но они знают лучше». И он спокойно извлек руки из огня и показал их». [5, т.1, с.445, 446]

«В Бенгалии мы были свидетелями очень интересного опыта проявления высочайшей силы желания. Один адепт магии, взяв обыкновенное оловянное блюдо, стал производить над ним руками какие-то манипуляции. Мы наблюдали за ним и нам показалось, что он как бы загребает горстями какой-то невидимый флюид и бросает его на поверхность блюда. После этого блюдо было выставлено на яркий свет на шесть секунд и в это время его блестящая поверхность покрылась как бы пленкой. Блюду дали постоять еще три минуты, в течение которых на нем появились пятна более темной окраски, и его показали нам. Мы увидели на нем картину, вернее фотографию, окружающего нас пейзажа, безупречного по краскам и рисунку. Пейзаж сохранялся на блюде в течение 48 часов, а затем постепенно исчез.

Этот феномен можно объяснить. Воля адепта конденсировала на олове пленку *акаши*, и она на время стала чувствительнее фотографической пленки. Свет сделал остальное. Такое изучение силы воли помогло исследователю понять и ее работу при лечении болезней, когда эту силу прилагают к неодушевленным предметам, а потом такие предметы прикладывают к телу больного». [5, т.1, с.463, 464]

«Каждое животное обладает способностью почувствовать присутствие духов или вообще чего-то, что не исчезает, что обыкновенному человеку остается невидимым, но что могут увидеть ясновидящие. Для выяснения этого были произведены

опыты, сотни опытов, с кошками, собаками и другими животными, один раз даже с прирученным тигром.

Один индиец, ранее живший в Диндигуле, а теперь находящийся в горах Западные Гаты, приручил тигренка, которого привезли ему с Малабарского побережья, той области Индии, где тигры особенно свирепы. Как прославленные заклинатели змей, так и этот индиец, уверял нас, что он обладает способностью приручить любое животное. Тигр стал миролюбивым как собака. Дети могли дразнить его, дергать за уши, он только встряхивался и жалобно скулил.

С этим интересным животным мы провели такой эксперимент. Этот индиец намагнетизировал черное зеркало, называемое «магическим кристаллом». Когда бедного тигра заставили взглянуть в это магическое зеркало, то это, всегда спокойное животное, мгновенно возбудилось до сумасшествия. В глазах его появился человеческий ужас. Сильно воя, не в силах отвернуться от зеркала, к которому взгляд его был прикован какой-то магической силой, он дрожал и извивался в конвульсиях, в страхе от какого-то видения, которое нам осталось неизвестным. Когда зеркало отняли, животное еще два часа лежало, задыхаясь в изнеможении. Что он видел? Какая нефизическая картина из его невидимого *животного* мира могла произвести такое сильное впечатление на этого дикого, свирепого по природе и бесстрашного животного? Кто знает? Возможно, ему внушили видение.

Был проведен также эксперимент подобного воздействия на животных во время спиритического сеанса. Мы пригласили на этот сеанс знаменитого сирийского кудесника — полуязычника-полухристианина из Кунанкуламы.

Нас было 9 человек — 7 мужчин и 2 женщины, одна из них — местная жительница. В помещении находились: молодой тигр, занятый данной ему костью, обезьяна с черной шерстью и белоснежной козлиной бородкой, со сверкающими лукавыми глазами. Была также иволга — ярко-желтая красивая птица; она спокойно чистила хвост, сидя на насесте вблизи от большого окна веранды.

В Индии спиритические сеансы проводятся не за закрытыми дверьми, как в Америке. Для них не требуется ничего, кроме тишины. Через раскрытые двери и окна проникал яркий свет. В воздухе ощущалось дыхание соседних лесов, откуда к нам налетали сонмы насекомых, слышались голоса птиц и животных. Наш дом был расположен среди сада, и вместо душного воздуха спиритического сеанса в закрытом помещении, мы вдыхали аромат деревьев, кустарников и цветов.

Кратко говоря, мы были окружены светом, гармонией и ароматами, и в самом помещении стояли букеты цветов, поднесенных местным богам. Там был цветок Вишну — сладкий базилик, без которого в Бенгалии не обходится ни одна религиозная церемония, ветки фикуса религиоза, священный лотос и индийская тубероза.

Пока «священнодействующий», которым был очень грязный, но, несмотря на это, действительно святой факир был погружен в глубокое сосредоточение и под действием его воли происходили чудеса, обезьянка и птица проявляли лишь незначительные признаки беспокойства. Только тигр по временам вздрагивал и внимательно оглядывался кругом, как будто перед его фосфоресцирующими зелеными глазами передвигалось в помещении нечто для нас невидимое. То, что человеческий глаз не обнаруживал, было ему видно. Что касается иволги, то вся ее подвижность исчезла, она стала сонливой и, сжавшись, сидела неподвижно, не показывая признаков беспокойства.

Было слышно как бы веяние больших крыльев, цветы переходили с места на место, передвигаемые невидимыми руками, и когда красивый небесно голубой цветок упал к ногам обезьянки, она нервно вздрогнула и бросилась под защиту своего хозяина — индуса в белой одежде. Сеанс продолжался целый час, и было бы слишком длинным все это здесь описывать. Самым необыкновенным из всех чудес было последнее. Кто-то из нас пожаловался на жару и нас сразу охватил приятный, ароматный, влажный ветерок. Стали падать капли дождя, принося нам необычайную бодрость.

Когда факир закончил демонстрацию *белой* магии, свои силы стал показывать «колдун», или фокусник. Мы увидали целый ряд чудес, которые были уже известны нам по описаниям различных путешественников. Мы убедились при этом в том бесспорном факте, что животным свойственно по природе некоторое ясновидение и способность различать добрых и злых духов.

Каждый свой номер кудесник начинал с воскурения. Он сжигал смолистые ветви какого-то кустарника и при этом подымались целые клубы дыма. Хотя тут не было ничего такого, что могло бы нанести вред животным, и тигр и обезьянка, и птица, глядели на огонь своими ясновидящими глазами с неописуемым ужасом. Мы высказали соображение, что может быть животные просто напуганы огнем, вспоминая обычай разжигать костры, для отпугивания хищных зверей.

Чтобы рассеять эти сомнения, колдун подошел к поникшему тигру с веткой баила (дикой яблони), посвященной Шиве и несколько раз провел ею по его голове, бормоча чудодейственные

слова. Тигра обуял панический ужас. Его глаза, горящие как огненные шары, казалось, выскочат из орбит, изо рта пошла пена; он бросился на пол, как бы ища какую-нибудь нору, чтобы укрыться; он стал выть, что вызвало стократный ответный вой из джунглей. Взглянув в последний раз на место, к которому был прикован его взор, он сделал гигантский скачок, порвал свою цепь и выскочил из окна веранды, унеся с собою часть оконной рамы. Обезьянка давно уже убежала, а птица упала с насеста, парализованная.

Мы не спрашивали у факира и колдуна, какие методы они применяли для своих феноменов, но если бы мы это и сделали, то ответы их были бы без сомнения такими же, как и ответ одного факира французскому путешественнику, который написал об этом в Нью-Йоркской «Франко-американской газете»: «Что это? Воля. Человек, который всю интеллектуальную силу сосредоточил в одном пункте, повелевает всем. Брамины не знают ничего другого, кроме этого». [5, т.1, с. 467—471]

«В Индии мы встретились с братством факиров, которое обосновалось у небольшого озера, вернее глубокого пруда, дно которого было буквально устлано огромными аллигаторами. Эти чудища выходили из воды и грелись на солнце в нескольких шагах от факиров, многие из которых сидели неподвижно, погруженные в молитву или в глубокое сосредоточение. Хотя тот или иной из факиров попадал в поле зрения аллигаторов, они вели себя безобидно, как котята. Но мы не посоветовали бы чужим находиться в нескольких ярдах от этих монстров. Бедный француз Прадин нашел свою безвременную кончину в пасти одного из этих ужасных ящеров». [5, т.1, с.383]

«В индийских пагодах в большие праздники или во время свадеб богатых людей, принадлежащих к высшим кастам, когда собирается много народа, европейцы могут увидать гуни — заклинателей змей, факиров-гипнотизеров, святых чудотворцев саньяси и, так называемых, «фокусников».

Высмеять этих людей легко, объяснить их действия труднее, познать же их нам не по силам. Англичане, постоянно живущие в Индии, и путешественники, предпочитают первое. Но спросите их, как же достичь этих результатов? И они не смогут ответить.

Когда показываются гуни — заклинатели змей и факиры, обвитые крупными змеями, держащие в руках мелких змей, укусы которых приводят к смерти в течение нескольких секунд, а шеи их обвивают тригоноцефалы, укус которых убивает мгновенно, то скептик-свидетель улыбается и пытается объяснить, что эти рептилии приведены были в каталептическое состояние и ядовитые зубы у них вынуты.

«Не погладит ли Сахиб одного из моих нагов? — спросил однажды гуни нашего собеседника, который полчаса заставлял нас скучать, слушая его «объяснения».

Капитан В. моментально отскочил назад. Оказалось, что ноги у него даже быстрее его языка. Его сердитый ответ был таким, что я не решаюсь его обессмертить, поместив здесь. Только змея — ужасный телохранитель — защитила заклинателя от побоев. Вообще же каждый профессиональный заклинатель может немногими словами призвать к себе огромное число змей, взять их в руки и ими себя обвешать.

В Тринкемальском округе змеи дважды чуть не укусили автора, причем один раз я чуть не села на хвост змеи. Однако оба раза заклинатель, которого мы наняли в качестве проводника, своим свистом останавливал змей почти у самого моего тела. Змеи застывали, как пораженные молнией, медленно опуская головы, под действием слов, произносимых заклинателем» [5, т. II, с.622]

«У бедных язычников нет таких помощников, какие имеются у современных ученых, — будет ли верить этому европейская наука? Однажды, когда в одном, исключительно серьезном случае понадобился ответ «оракула», мы увидали то, что до тех пор категорически отвергалось. Представьте себе: простой нищий, без всяких приборов заставлял чувствительное пламя отвечать ему вспышками. Из веток дерева был собран и зажжен костер и нищий бросил в него какое-то снадобье. Он сел возле огня и погрузился в сосредоточение. Огонь горел очень низко, почти готов был погаснуть. Но когда были заданы вопросы, пламя высоко поднялось и, изгибаясь, посылало огненные языки на восток, запад, север или юг. Каждому его движению соответствовало определенное значение в коде огненных сигналов. Иногда пламя снижалось до земли и языки его разными способами лизали землю, иногда оно внезапно исчезало совсем, оставляя лишь груду гаснущих углей.

Когда это интервью с огненными духами закончилось, бикшу (нищий) пошел к себе, в свое жилище в джунглях, распевая монотонную грустную песню, в ритме которой сенситивное пламя продолжало шуметь, пока бикшу не скрылся с наших глаз. Тогда, как будто жизнь покинула пламя, оно исчезло, и перед потрясенными зрителями осталась лишь горстка пепла». [5, т. II, с.606, 607]

«Йоги старых времен, также как современные ламы и талапины, используют лечебный препарат, изготовляемый из серы и млечного сока какого-то растения. Мы наблюдали, как этим лекарством они в несколько дней заживляли самые трудно

излечимые ожоги и в несколько часов залечивали переломы костей.

Когда я была вблизи Рангуна, я заболела ужаснейшей лихорадкой и была излечена в течение немногих часов каким-то растительным соком, если я не ошибаюсь, по имени «кукушан». Тысячи местных жителей погибают, не зная свойств этого растения, я же была излечена в благодарность за незначительное проявление внимания к *простому нищему*». [5, т. II, с.621]

«В некоторых местах России, особенно в Грузии, а также в Индии, существует поверие, что в тех случаях, когда не могут найти тело утонувшего человека, надо бросить в воду что-нибудь из одежды покойного. Этот предмет будет плавать, пока не окажется прямо над тем местом, где находится тело, и тогда потонет. Мы наблюдали, как в воду был опущен шнурок утонувшего брамина. Некоторое время он плыл из стороны в сторону, затем вдруг направился по прямому пути и затонул. На этом месте ныряльщики нашли тело утонувшего. Это явление можно объяснить сильным притяжением между телом человека и предметами, которые он на себе долго носит. Лучше всего для этого подходят самые старые вещи. Новые не годятся!» [5, т. II, с.611, 612]

«Возможно, что на всем земном шаре нет более впечатляющих руин, чем Нагкон-Ват. Правда, европейские археологи, которым удалось побывать в Сиаме, говорят, что название «руины» совершенно не подходит к этим стариннейшим сооружениям, так как они, а также величественный храм Ангкортом, находятся в хорошем состоянии.

Запрятанный в далекой провинции Восточного Сиама, среди прекрасной тропической растительности — кокосовых пальм, орехов бетеля, — этот удивительный храм производит необычайное впечатление — пишет Винсент, недавно там побывавший…

Мы видели Нагкон-Ват в исключительно благоприятных условиях и вполне можем подтвердить мнение Винсента. Хотелось бы только добавить, что на стенах имеются отдельные изображения, повторяющие Дагонов — вавилонских человеко-рыб и Кабиров — самофракийских богов. Возможно их не заметили те немногие археологи, которые посетили эти места, но при более тщательном исследовании могут быть обнаружены многие статуи настолько близкие к тем, которые имеются в Эллоре, в Египте и в Центральной Америке, чтобы сделать вывод, что их авторы принадлежали если не к одной расе, то во всяком случае к одной религии — той, которой учили в древних Мистериях». [5, т.1, с. 561—567]

«Когда-то брамина обокрали. Невзирая на все его усилия, он не мог найти ни вора, ни вещей. Тогда он решился прибегнуть к ворожбе, известной в Ассаме под названием Хука-мелла или «самодвижущая палка» Он послал за известным в городе (Галагхате) колдуном, по имени Махидхар, который пришел к нему в дом и, вырезав на месте бамбуковую палку, встал на пороге доме и стал поджидать прохожих. В то самое время проходил по улице писарь комиссионера, некто Рахпор. Он его подозвал и, объявив в чем дело, спросил: желает ли он помочь брамину отыскать его украденные вещи. Рахпор согласился и тут же взял в руки палку, над которою Махидхар только что произнес целый ряд заклинаний и мантр…

Не успел Рахпор дотронуться до бамбука, как им словно овладела какая-то сила. Он пустился бежать, крича, что палка приросла к его руке и что она тащит его. За ним, конечно, побежала большая толпа и обворованный брамин. Прибежав к небольшому танку (водоем со стоячей водой), Рахпор прямо ткнул тростью в неглубокую воду и сказал «ройте здесь». Спустив воду, стали рыть и нашли часть украденных серебряных вещей. Ободренный успехом, брамин пожелал найти остальное. Махидхар прочел снова свои заклинения над тростью и опять вложил ее в руку Рахпора. Та же сцена, то же неудержимое влечение вперед. На этот раз писарь побежал по другому направлению, к дереву, недалеко от дома брамина.

— Копайте здесь, — закричал он людям. Стали копать и, разрыв землю, нашли остальное. Засим полиция… арестовала Рахпора, обвиняя его самого в краже вещей…

…Мы тем более верим в невиновность Рахпора, что ознакомились в Индии с этим родом колдовства. У нас украли золотые часы и брошку, и они были найдены, в тот же день, девочкой пяти лет, к руке которой факир привязывал такую палку. Девочку привезли нарочно для этого из деревни. А факир, или бава (отец), не взял даже и вознаграждения». [2, гл.6]

Полковник Олькотт в журнале «Theosophist», в августе 1900 года, опубликовал письмо, подтверждающее, что Е. П. Блаватская посещала Китай: «Благодаря любезности одного индийского принца, мы получили письмо, которое пришло к нему от его друга из Симлы, побывавшего в Китае у своих знакомых. Мы опускаем некоторые имена, содержащиеся в оригинале этого письма. Поскольку в нем упоминается Е.П.Б., оно для нас особенно интересно.

«Ранг-Джанг, Махан, Китай
1 января 1900 г.

Дорогой. . . .!

Ваше письмо, которое вы мне прислали через Его Высочество Раджу Сахаб Хиру Сингха, дошло до меня, когда я был в горах Спити. Теперь я покинул эти горы и нахожусь в Махане. Это место называется Ранг-Джанг и находится на территории Китайской Империи. Здесь огромные пещеры и вокруг высокие горы. Это место часто посещают главные ламы, и оно является излюбленным для отдыха Махатм. Великие Риши выбрали его еще в древности из-за его прекрасного окружения.

Оно действительно подходит для божественной сосредоточенности. Нельзя найти лучшего места для концентрации разума. Великий Лама Кут Те Хум (Kut Te Hum) — гуру всех лам, вот уже последние два с половиной месяца погружен здесь в самадхи. Полагают, что еще через три с половиной месяца Он выйдет из состояния самадхи, и мое большое желание — дождаться этого момента и лично поговорить с ним. Его челы также здесь медитируют и пытаются самостоятельно проникнуть в Великое Таинство.

Из бесед с ними я узнал, что г-жа Блаватская посетила это место и медитировала здесь некоторое время. Раньше я сомневался, бывала ли она здесь, но теперь убедился в том, что в этом святом и освященном месте она предавалась божественному созерцанию.

Учение *Упадеша*, которое я получил здесь от лам, показывает, что цели Теософического Общества не являются чем-то фантастическим или теоретическим, но что это вполне осуществимый план. После длительного пребывания, я почувствовал, как тяжело практиковать йогу в долинах Индостана, и что это возможно делать только в высоких горах. Раньше я использовал концентрацию в течение двух или трех часов в день и то, с большим трудом. Теперь же я могу сидеть по восемь-девять и более часов. Я теперь здоров и чувствую себя лучше, чем когда-либо.

Бенгальский Бабу по имени. . . находится здесь, со мною. Он пришел сюда специально для того, чтобы заняться сосредоточением, и мы вместе хотим отсюда отправиться в Лхасу. Здесь у лам имеется очень ценная библиотека, но я не смогу описать ее вам в таком коротком письме».

Глава 16
Возвращение домой во Псков

Это долгое возвращение во Псков, сестра Е.П.Б., Вера, описала следующим образом: «Мы все ждали, что приезд ее состоится на несколько недель позже. Но, странно, когда я услышала дверной звонок, я вскочила на ноги в полной уверенности, что это она. Случилось так, что дом моего тестя, в котором я тогда жила[15], был полон гостей в тот вечер. Это была свадьба его дочери, гости сидели за столом, а дверной звонок звонил не переставая. Я была настолько уверена, что это она приехала, что, гостям на удивление, я быстро встала и побежала к дверям, не желая, чтобы дверь сестре открыли слуги.

Преисполненные радости, мы обнялись, забыв в этот момент обо всём. Я устроила её в своей комнате и, начиная с этого вечера, я убеждалась в том, что моя сестрица приобрела какие-то необыкновенные способности. Постоянно, и во сне и наяву, вокруг нее происходили какие-то невидимые движения, слышались какие-то звуки, легкие постукивания. Они шли со всех сторон — от мебели, оконных рам, потолка, пола, стен. Они были очень хорошо слышны и, казалось, что три стука означали — «да», два — «нет».» [15, ноябрь, 1894]

«Родственники госпожи Блаватской были очень общительными людьми, и у них в гостях всегда было много народу. Ее присутствие привлекало еще больше гостей, и никто из них не уходил неудовлетворенным, так как стуки, которые она вызывала, давали ответы, которые состояли из длинных фраз на разных языках. Причем некоторые из этих языков медиуму, как ее называли, были неизвестными.

Бедного «медиума» всячески проверяли. И как ни были абсурдными многие методы проверки, она их допускала, чтобы доказать, что создаваемые ею феномены не являются трюками. Она обычно спокойно и беззаботно сидела на диване или в откидном кресле, занимаясь рукоделием и не принимая никакого видимого участия в той деятельности, которую она порождала вокруг себя.

Кто-нибудь из гостей произносил буквы алфавита, другой записывал получаемые ответы. Вопросы старались оформить четко и ответы на них приходили очень быстро…

Вокруг проходили оживленные беседы, шли споры. Часто проявлялось недоверие, высказывались иронические замечания, но она все это принимала хладнокровно и терпеливо.

Единственным ее ответом была особая обескураживающая или ироническая улыбка, пожимание плечами. Она покорялась самым глупым просьбам: ее руки и ноги, например, связывали бечевкой… Иногда она вышучивала сомневающихся. Так, однажды, она вызвала стуки об очки одного молодого профессора, находясь на противоположном конце комнаты. Стуки были настолько сильными, что почти сбили очки с его носа и заставили его побледнеть от страха.

В другой раз, одна кокетливая и преисполненная самомнения дама задала ей иронический вопрос, что служит лучшим проводником для стучащих и можно ли этот опыт проводить повсюду? В ответ ей было сказано: «Золото. Что мы вам сейчас же и покажем». Дама улыбалась. Но как только ответ был получен, она побледнела, вскочила с кресла и закрыла рот рукой. Ее лицо судорожно дергалось от страха и удивления. Почему? Потому что она почувствовала стуки в свом рту. Присутствовавшие многозначительно переглянулись: прежде, чем она призналась, все поняли, что дама почувствовала сильные стуки в своем искусственном золотом зубе. И, когда она встала и поспешно вышла из помещения, раздался гомерический хохот». [20, с. 63—65]

«Как это бывает, самые близкие и дорогие Блаватской люди скептически относились к ее способностям. Ее брат Леонид и отец дольше всех были противниками очевидного, но сомнения брата были сильно поколеблены после следующего эпизода.

Однажды в гостиной Яхонтовых собралось очень много гостей. Некоторые музицировали, другие играли в карты, но большинство, как всегда, было занято феноменами.

Леонид фон Ган не присоединялся ни к одной из этих групп, а медленно прохаживался по комнате, наблюдая за окружающим. Это был физически очень сильный, мускулистый юноша, голова которого была полна полученными им в университете знаниями, латинским и немецким языками и т. д. И не верил он ничему и никому. Он остановился у кресла сестры и выслушал ее рассказ о том, что некоторые люди, называемые «медиумами», могут сделать легкие предметы настолько тяжелыми, что их невозможно будет поднять и, наоборот, тяжелые предметы могут сделать легкими.

— И ты хочешь сказать, что можешь это сделать? — иронически спросил сестру Леонид.

— «Медиумы» могут, и я также это делала, хотя не всегда могу отвечать за результат… Я попробую. Я просто укреплю этот шахматный столик. Кто хочет попробовать, пусть поднимет его сейчас, а потом попробует поднять его второй раз, после того, как

я его укреплю.

— Ты сама не коснешься столика?

— Зачем мне его касаться? — ответила Блаватская, спокойно улыбаясь.

После этого один молодой человек уверенными шагами подошел к шахматному столику и поднял его как перышко.

— Хорошо, — сказала она, — а теперь, будьте любезны, отойдите в сторону.

Приказ был выполнен. Все замолчали и, затаив дыхание, наблюдали, что она будет делать. Ее большие глаза обернулись к шахматному столику. Строго глядя на него и не отводя глаз, она движением руки пригласила молодого человека поднять столик. Он подошел к столику и с самодовольным выражением лица схватил его за ножки. *Столик нельзя было сдвинуть с места*. Скрестив свои руки, как рисуют Наполеона, он медленно сказал: «Это хорошая шутка».

— Да, действительно хорошая шутка! — отозвался Леонид. Он решил, что молодой человек тайно сговорился с его сестрой и теперь дурачит всех.

— Могу ли я попробовать? — спросил он сестру.

— Прошу, попробуй, — смеясь, ответила она.

Брат, улыбаясь, подошел к столику и, в свою очередь, захватил ножку столика своей мускулистой рукой. Улыбка мгновенно исчезла с его лица и он смотрел в полной растерянности. Затем он очень внимательно рассмотрел хорошо знакомый ему шахматный столик и всей своей силой ударил его ногой. Столик не шелохнулся. После этого он попытался потрясти столик, прижав его к своей могучей груди обеими руками. Раздался скрип, но столик так и не поддался его усилиям. Его три ножки казались привинченными к полу. Потеряв надежду сдвинуть столик, Леонид отошел от него и, сморщив лоб, пробормотал: «Как странно!»…

Все гости были привлечены к столику, возникли шумные споры, многие, и старые, и молодые, попытались поднять этот маленький треугольный столик или хотя бы сдвинуть его с места, но безуспешно.

Видя, как брат ее был потрясен, Блаватская сказала ему со своей обычной беззаботной улыбкой: «Ну, а теперь попробуй еще раз поднять столик!» Леонид приблизился к столику, опять взял его за ножку и рванул его кверху, чуть не вывихнув руку от этого чрезмерного усилия. На этот раз столик легко поднялся, как перышко». [20, с. 67—70]

Глава 17
Ругодево

«Мой отец, — писала Желиховская, — человек блестящего ума и образования, всю свою жизнь был скептиком, «вольтерьянцем», как тогда говорили в России. События его жизни заставили его изменить свое мировоззрение и вскоре он стал проводить дни и ночи за тем, что под диктовку messieurs les esprits («благородных духов») писал генеалогию своих предков — «галантных рыцарей Ган-Ган фон Роттерганов».[16]

Происшедшую с ним перемену, описал Синнет, основываясь на рассказах Желиховской: «Это случилось в Петербурге, через несколько месяцев после того, как г-жа Блаватская, ее отец и сестра покинули Псков. Они прибыли в Петербург по делам и остановились в гостинице, собираясь через некоторое время отправиться в имение Яхонтовых «Ругодево», расположенное в Новоржевском уезде, в двухстах верстах от Петербурга, чтобы провести там лето.

До обеда они были заняты делами, а послеобеденное время и вечера отдавали визитам, и ни о каких феноменах у них не было времени и подумать.

Однажды вечером их навестили двое старинных друзей отца. Оба они были очень заинтересованы новым спиритуализмом и им, естественно, очень хотелось что-нибудь по этой части повидать. После того, как гостям показали несколько феноменов, они заявили, что полностью убеждены в поразительных способностях Блаватской и никак не могут понять, как ее отец, наблюдая подобные проявления, может все еще оставаться равнодушным?

Отец сидел в это время спокойно за столом, раскладывая «большой пасьянс». На прямой вопрос он ответил, что все это чепуха и он о таких пустяках не хочет и слышать. Серьезному человеку нечего заниматься такими глупостями. Однако друзья его настаивали на том, чтобы во имя их старой дружбы полковник Ган произвел какой-нибудь эксперимент. Они предложили Гану написать в другом помещении какие-нибудь слова, которые затем духи должны были бы «простучать».

В конце концов полковник согласился, скорее всего потому, что надеялся на то, что ничего из этого не получится и он сможет над друзьями своими посмеяться. Он пошел в другую комнату и на клочке бумаги написал несколько слов, положил эту бумажку себе в карман и, улыбаясь, засел снова за свой пасьянс.

«Ну что ж, наш спор будет скоро разрешен, — сказал его друг К-в, — но что вы скажете, если слово, которое вы написали, будет правильно повторено? Разве вы в этом случае не вынуждены будете поверить?»

«Что я сказал бы, если бы это слово было отгадано, я в настоящее время сказать не могу, — скептически ответил он, — но одно для меня ясно: с того момента, как вы заставите меня поверить вашему, так называемому спиритуализму, я буду готов поверить в черта, колдуна, ведьму, русалку, во все суеверия старых баб, и вы сможете тогда поместить меня в дом умалишенных».

После такой декларации он спокойно продолжал свой пасьянс, ни на что больше не обращая внимания… Младшая сестра стала произносить буквы алфавита, старый генерал отмечал стуки, только Блаватская ничего не делала. В конце концов мы получили *одно слово*, но оно было таким неожиданно абсурдным, что никак нельзя было, как нам казалось, связать его стем, что мог бы написать отец… Мы ожидали какого-то продолжения и поглядывали друг на друга с сомнением, произнести ли это слово вслух или нет? На наш вопрос: все ли это? Прозвучали энергичные ответные стуки. Несколько раз повторились те определенные стуки, которые на нашем коде означали: «Да, да, да»!

Увидев наше возбуждение, господин Ган посмотрел на нас поверх своих очков и спросил: «Ну? Есть ли у вас ответ? Он должен быть очень глубокомысленным».

Он встал и, улыбаясь, приблизился к нам. Его младшая дочь, Яхонтова, пошла ему навстречу и, несколько смущенно, сказала, что есть только одно слово. — «И какое?» — «Зайчик». Надо было видеть необычайную перемену в выражении лица полковника, когда он услышал это единственное слово! Он побледнел, как покойник, дрожащими руками поправил свои очки и поспешно сказал: «Позвольте мне посмотреть. Давайте сюда. Действительно ли это так?»

Он взял этот отрывок бумаги и взволнованным голосом произнес: «Зайчик. Да, Зайчик. Так оно и есть… Как странно».

Вынув из кармана бумажку, на которой он написал несколько слов, будучи в соседней комнате, он протянул ее дочери и гостям. На бумажке был вопрос и ожидаемый ответ. «Как звали мою любимую лошадь, на которой я совершал свои первые военные турецкие походы?» А ниже стояло «Зайчик».

Мы торжествовали и откровенно выражали свои чувства. Это единственное слово «Зайчик» произвело потрясающее впечатление на старого полковника. Как это часто случается с

неисправимыми скептиками, убедившись однажды, что в претензиях его старшей дочери есть нечто, что не могло быть объяснено ни обманом, ни колдовством, он ринулся в феномены со всей горячностью серьезного исследователя». [20, с. 70—75]

«Поселившись в нашем поместье в Ругодево, мы чувствовали себя как бы пересаженными в некую заколдованную страну, и совсем уже не удивлялись движущимся вещам, которые необъяснимым образом перемещались с места на место и по какой-то неизвестной нам, но разумной, силе вмешивались в нашу жизнь. В конце концов мы перестали обращать внимание на них, хотя эти феноменальные случаи другим казались чудесами…» [20, с.100]

«Все жители дома часто среди белого дня видели туманные человеческие тени, расхаживающие по комнатам, в саду, у клумб перед домом и вблизи старой церквушки. Мой отец (так недавно бывший великим скептиком) и мисс Леонтина, гувернантка нашей младшей сестры, часто говорили мне, что вот только что совершенно ясно они видели эти тени…» [20, с.102]

«Не только Е.П.Б., но и ее маленькая девятилетняя сестричка Лиза видала посетителей, бесшумно скользящих по коридорам старого дома… Удивительно, что она совсем не боялась их, считала их живыми людьми и только интересовалась: откуда они пришли, кто они, и почему никто, за исключением ее «старшей» сестры, их не хочет замечать? Ей это казалось очень нелюбезным. На свое счастье, она скоро утеряла свою способность ясновидения. Может быть об этом позаботилась Блаватская». [20, с.99]

«Мирную жизнь в Ругодево нарушила ужасная болезнь Блаватской. Возможно, что во время ее одиночного путешествия по степям Азии она получила тяжелую рану. Мы не знали, как это произошло. Глубокая рана эта время от времени вновь открывалась и тогда она испытывала невыносимые боли, часто вызывавшие судороги, за которыми следовал транс, подобный смерти.[17]

Болезненное состояние обычно длилось от трех до четырех дней и после этого рана заживала так же быстро, как она вдруг появлялась. Как будто бы какая-то невидимая рука ее закрывала, и от болени не оставалось и следа. Однако вначале она не знала, что все так кончится, поэтому испуг ее и расстройство были очень большими.

Мы поехали в ближайший город за врачом, но он мало чем смог помочь, не потому, что был плохим хирургом, но по причине некоего феномена, происходившего каждый раз при попытке его помочь. Только он осмотрел рану у лежавшей без сознания

пациентки, как внезапно увидел большую темную руку, протянутую между своей рукой и раной, которую он собирался перевязать. Глубокая рана находилась вблизи сердца, а рука передвигалась от горла до середины туловища. Растерянность его увеличивали и бешенные стуки, которые раздавались с середины потолка, с пола, от оконных рам, от всей мебели — настоящий хаос звуков».

«Весной 1860 г. обе сестры покинули Ругодево и отправились на Кавказ, чтобы навестить дедушку и бабушку, которых они не видели много лет». [20, с.105]

Глава 18
На Кавказе

«Летом 1860 года мы поехали из Псковской губернии на Кавказ, чтобы навестить наших бабушку и дедушку Фадеевых и нашу тетушку, г-жу Витте — сестру нашей матери, которые не видели Елену более одиннадцати лет. По дороге на Кавказ, в городе Задонске, Воронежской губернии, мы узнали, что в это время там находился Киевский митрополит Исидор, которого мы помнили еще с детских лет, когда он в Тифлисе был главой Грузинской Экзархии. Направляясь в Петербург, он по пути остановился в Задонске, чтобы посетить местный монастырь.

Мне очень хотелось его встретить. Он нас вспомнил и прислал известие, что очень будет рад видеть нас после молебна. Мы отправились в кафедральный собор. У меня было плохое предчувствие, и по дороге я сказала сестре: «Прошу тебя, постарайся, чтобы твои милые чертики молчали, пока мы будем у митрополита». Она, смеясь, ответила, что и она желает того же, но не может за них поручиться. Я это знала также хорошо, и потому я не удивилась, что как только митрополит стал расспрашивать мою сестру о ее путешествиях, начались стуки: раз, два, три… Я испытала ужасные муки. Ясно было, что он не мог не заметить назойливого приставания этих существ, которые казалось, решили присоединиться к нашему обществу и принять участие в беседе. Чтобы перебить нас, они приводили в движение мебель, зеркала, двигали наши стаканы, даже янтарные четки, которые старец держал в руках.

Он сразу заметил наше смущение и, поняв положение, спросил, которая из нас медиум. Будучи большой эгоисткой, я поспешила указать на сестру. Митрополит беседовал с нами более часу. Когда он подробно расспросил мою сестру, нам показалось, что он вполне был удовлетворен, тем, что увидел этот феномен. Прощаясь, он благословил сестру и меня, и сказал, что нам нет оснований бояться феноменов.

«Нет такой силы, — сказал он, — которая не шла бы от Вседержителя. Пока вы свое дарование не используете во зло, вы можете быть спокойны. Нам ни в каком случае не запрещено исследовать силы природы. Придет день, когда люди это поймут и используют. Да благословит вас Господь, дитя мое!»

Он еще раз благословил Елену и перекрестил ее. Как часто в последующие годы Е. П. Блаватская вспоминала эти приветливые слова иерарха православной греческой церкви, и она всегда

испытывала к нему глубокую благодарность». [15, ноябрь, 1894]

Генерал П. С. Николаев в своей книге «Воспоминания о князе А. Т. Барятинском» так описывает тифлисский дом Фадеевых:

«Тогда они жили в старом замке князя Чавчавадзе. Большое строение это имело чудесный, таинственный вид… В длинном, высоком и мрачном холле висели семейные портреты Фадеева и князя Долгорукова, стены были покрыты гобеленами (подарок Екатерины II). Недалеко от этого холла находились апартаменты Н. А. Фадеевой. Это был один из самых замечательных частных музеев. Там были собраны гербы и оружие со всех стран света, старинная посуда, китайские и японские статуи богов, византийская мозаика, персидские и турецкие ковры, картины, портреты и очень редкая и большая библиотека.

Освобождение крепостных крестьян (1861 г.) ничего не изменило в ежедневной жизни Фадеевых. Вся дворня крепостных осталась на своих местах, только теперь они получали жалованье. И все шло по-старому — в привычном широком масштабе.

Обычно в без четверти одиннадцать старый генерал отправлялся в свою комнату и в то же время двери от комнат для гостей отпирались и начиналась оживленная беседа на самые различные темы. Обсуждалась новейшая литература, социальные проблемы, рассказы путешественников…

Иногда «Радда-Бай» — Е. П. Блаватская, внучка генерала Фадеева, рассказывала какой-нибудь замечательный эпизод из своей жизни и путешествий по Америке. Часто беседа принимала мистическую окраску, и она начинала «вызывать духов». В такие вечера длинные свечи догорали до конца; в их мерцающем свете человеческие фигуры на гобеленах, казалось, оживали и шевелились, и мы невольно чувствовали дрожь…» [20, с. 110—112]

Желиховская писала: «Елена прожила в Тифлисе неполных два года и вообще на Кавказе была не более трех лет». [20, с.112] Однако позже, в ее серии статей в журнале «Lucifer», она писала: «Елена Петровна следующие четыре года прожила на Кавказе». И далее продолжала: «Последний год она странствовала по Имеретии, Грузии и Мингрелии…

Показательным было то, что местные князья и помещики, «замки» которых были как птичьи гнезда рассеяны по лесам Мингрелии и Имеретии, которые еще в начале века были сущими разбойниками, если не настоящими грабителями с большой дороги, и которые были большими фанатиками, чем неаполитанские монахи и такими же невеждами, как итальянская знать, все они считали Блаватскую ведьмой или, в лучшем случае, доброй колдуньей.

Если она помогала и лечила таких, которые действительно считали себя одержимыми, то те, которые были сами виновны в своей судьбе, становились ее злейшими врагами… Князья Гуриели, Дадиани и Абашидзе были ее лучшими друзьями, но все те, которые были враждебны этим семьям, становились ее вечными врагами…

Она сторонилась общества. Все ее симпатии были на стороне той части человечества, которая была «вне общества», которое она игнорировала и избегала. Ее окружали некроманты, одержимые, полоумные и т. п. Она навещала и брала под свою защиту местных кудиани (магов и колдунов), персидских чудотворцев, старых армянских певцов и гадалок.

В конце концов общество — это таинственное «нечто», если взять его членов вместе, а по существу «ничто» — восстало против своего непокорного члена, который осмелился игнорировать его традиции и поступать так, как ни один «приличный» человек не должен был бы поступать. Подумайте только — ездить одной верхом по лесам, посещать грязных обитателей дымных саклей, считать, что эти люди лучше блестящих представителей светских гостиных… Все говорили о ней… Суеверные местные аристократы вскоре признали ее за колдунью и стали спрашивать у нее совета в своих личных делах». [20, с. 112—114]

В своем письме к Синнету, Е.П.Б. писала: «Спросите ее (Веру), она знает о моих способностях. Когда я была в Имеретии и Мингрелии, в девственных лесах Абхазии и на берегу Черного Моря, все эти люди — князья, епископы и аристократы шли ко мне со всех сторон, с многочисленными просьбами вылечить их, дать совет, сделать то, сделать другое» [14, с.156]

Желиховская писала: «Всегда в поисках деятельности, всегда активная, преисполненная разных планов, она поселилась на некоторое время в Имеретии, потом в Мингрелии, на Черноморском побережье, где занялась торговлей лесом. Позже она переехала в Одессу, где поселились наши тетки после смерти дедушки. Там она открыла мастерскую искусственных цветов, потом занялась другими делами и снова их меняла, но во всех успевала». [15, декабрь, 1894]

Об этом периоде ее жизни американский журнал «Liberal Christian» в номере от 4 сентября 1875 года писал: «Интересными были ее рассказы о том, что она пыталась заняться торговлей и продавала груз кокосовых орехов, который не смог довести до места ставший негодным морской пароход». [8, т.1, с.48]

В своем рассказе, напечатанном в журнале «Lucifer», ее сестра продолжает: «Она никогда не боялась браться за дело, которое считалось не соответствующим ее положению. Любая честная

профессия признавалась ею одинаково хорошей. Удивительно все же, что ей не приходило в голову взамен этих коммерческих предприятий заняться музыкой или литературой, которые вполне соответствовали ее талантам и интеллектуальным возможностям, если учесть еще и то, что в молодые годы она никакого отношения к торговле не имела».

Ее двоюродный брат, граф С. Ю. Витте, в своих «Мемуарах» писал[18]: «Позже слышали о ней в Одессе. В это время вся наша семья переехала в этот город (мои дедушка и отец умерли в Тифлисе), и мы с братом учились там в университете…

Литературным талантом она обладала без сомнения. Московский издатель Катков, прославляя эту русскую журналистку, в самых лестных словах отзывался о ее литературном даровании, подтверждая свои слова ее рассказами «Из пещер и дебрей Индостана», которые она присылала в издававшийся им журнал «Русский вестник».»

Она поселилась в одном маленьком поселке (Озургетти в Мингрелии), совсем еще глухом месте, куда не было никаких дорог и которое почти не имело связей с миром. Там она купила себе домик.

В этом домике она тяжело заболела. Об этом Желиховская писала Синнету следующее:

«Это была одна из тех таинственных нервных болезней, которые ставят науку в тупик. Своим друзьям она рассказывала, что «живет двойной жизнью». Что она под этим подразумевала, никто из известных тогда в Мингрелии людей понять не мог.

Сама она свое состояние описывала так: «Когда меня называют по имени, я открываю глаза и являюсь сама собой, но только меня оставляют в покое, я опять погружаюсь в свое обычное дремотное состояние полусна и становлюсь кем-то другим (кем именно, она не говорила). Это была болезнь, которая медленно, но непреложно, убивала меня. Аппетит был потерян полностью, я не ощущала жажды и часто неделями ничего не ела, выпивала лишь немного воды. Так за четыре месяца я превратилась в живой скелет.

Иногда, когда меня звали по имени, а я в то время была в своем другом «Я» и беседовала с кем-то в этой своей жизни сна, я сейчас же открывала глаза и разумно отвечала, ибо я никогда не бредила, но только я затем закрывала глаза, то это «другое я» продолжало фразу с того слова или полуслова, на котором меня прервали. Когда я бодрствовала и была сама собой, я хорошо помнила все что было, когда я была другой сущностью, но когда я была другой, я никакого представления не имела о Елене Петровне Блаватской, я находилась в другой далекой стране и

была совсем иной индивидуальностью, и у меня не было ни малейшей связи с моей теперешней жизнью». [20, с.115, 116]

Может быть следующее, что Е.П.Б. писала несколько лет спустя, в какой-то мере осветит это трудно понимаемое состояние: «Такая способность скрыта в каждом человеке, не только у особых людей, но в 99 случаях из 100 тайна двойной жизни остается для них неизвестной и это незнание создает образ жизни западных людей…

Кто из нас знает или способен познать свое «Я», пока он живет в условиях жизни «высшего общества» или в тяжелейших условиях жизни пролетариата?

Нас с детства обучили, что человек погрязает в грехах, что он бессилен, как побег камыша, среди внутренних человеческих объективных и субъективных обстоятельств. Но хотя человек пассивно отдается всему, его Высшее Я так же свободно в течение жизни, как оно будет в тот день, когда покинет тело. (Однажды она писала: «Да, во мне две сущности. Но что это значит? И в вас две, только мои сознательные, а ваши нет.» [19, июль, 1892])

Существуют люди, которых скрытое веление Кармы приводит к тому, что они рождаются с этим дарованием, и в которых их *внутреннее Я* настолько сильно, что они к минимуму сокращают свою личную жизнь и желания своего тела». [23, май, 1887]

Продолжим рассказ о болезни Е.П.Б.: «Единственный врач этого маленького городка, военный врач, ничего не смог понять в ее болезни, но так как состояние ее здоровья быстро ухудшалось, то он решил послать ее в Тифлис к своим коллегам. Она была слишком слаба, чтобы ехать верхом, опасна была также и поездка в телеге, поэтому решили отправить ее в лодке по реке. За четыре дня можно было ее так довести до Кутаиси.

Такое путешествие в лодке по узкой реке, протекающей в девственном лесу, было далеко не безопасным. Хотя эта речка и была вообще судоходной, но по ней никто до этого таких путешествий не совершал. Когда в течение трех ночей лодка медленно проплывала по узкому руслу среди покрытых лесом скал, слуги были в чрезвычайном испуге. Они клялись потом, что видели свою госпожу, вышедшей из лодки и прошедшей через воду в лес, а тело ее в это же время оставалось вытянутым на кровати, которую устроили для нее на дне лодки.

Человек, который тянул эту лодку бечевой, дважды в ужасе крича, убегал, увидев перед собой это «существо». Если бы не старый верный слуга, лодку оставили бы посреди реки. Слуга этот рассказывал, что в последний вечер он видел две фигуры, в то время, как третья — его госпожа — продолжала лежать перед его глазами на дне лодки. Как только путешественники прибыли

в Кутаиси, где жили дальние родственники Блаватской, все слуги, за исключением этого старого лакея, покинули их и больше не возвращались.

С большими трудностями Блаватскую отправили из Кутаиси в Тифлис. Ее встретил в карете старый друг семьи. В дом этого друга Блаватскую внесли, как умирающую. Об этом случае она потом ни с кем не говорила…

Однажды после обеда, все еще слабая после перенесенной болезни, Блаватская зашла в комнату своей тетки Н. А. Фадеевой. После короткой беседы, тетка ее, увидев, что Блаватская устала и выглядит сонной, предложила ей прилечь на диван, и только голова ее коснулась подушки, она погрузилась в глубокий сон. Тетка спокойно продолжала работу. Вошла в комнату ее племянница. Внезапно обе они услышали за стулом тетки чьи-то шаги, но, повернувшись, тетка никого не увидела. Звук тяжелых шагов продолжался и пол под ними продолжал скрипеть. Шаги приблизились к дивану и смолкли. Затем они обе услышали какой-то шепот у дивана Блаватской, раскрылась книга, которая лежала вблизи на столике; казалось, что какая-то невидимая рука перелистывает ее страницы. Затем еще одна книга поплыла по воздуху в том же направлении.

Скорее удивленная, чем испуганная, — в доме уже привыкли к подобным явлениям, — Н. А. Фадеева встала со своего откидного кресла, чтобы разбудить Блаватскую и тем самым остановить эти феномены. В то же время на другом конце комнаты задвигалось тяжелое кресло и кто-то потихоньку направился от окна в сторону дивана. Блаватская проснулась и спросила у невидимого существа, что это значит? Опять в комнате зашептались и вскоре все стихло». [20, с. 117—119]

Глава 19
Психические проявления в России

«В то время спиритизм (или спиритуализм) только лишь начинал развиваться в Европе. Необыкновенные психические способности Блаватской, проявленные ею еще в детские и юношеские годы, за время ее путешествий значительно возросли и определились, и она вернулась в Россию, обладая многими оккультными способностями, которые в то время приписывали медиумам». [20, с.59]

«На вопросы сестры она отвечала, что эти явления, как в детстве, так и в юности, всегда сопутствовали ей, и что по своей воле она могла заставить «стучащих» усилить свои стуки или уменьшить их, а то и совсем прекратить. Конечно, лучшие люди Пскова знали, что происходит в мире, слышали о спиритизме и его проявлениях, но сами они никогда не слыхали этих «стучащих духов». В Петербурге были медиумы, но до Пскова они еще не добрались». [20, с.60]

«Когда ее называли «медиумом», — говорила Желиховская, — Блаватская смеялась и говорила, что она не медиум, а только *медиатор* — посредник между умершими и живыми, но я никогда не могла понять эту разницу… Моя сестра во время своего многолетнего отсутствия путешествовала по Индии, где, как мы теперь знаем, медиумические феномены высмеиваются, и объясняют их совсем иначе. Медиумизм, по их представлениям, исходит из такого источника, из которого моя сестра черпать не считала возможным, и поэтому она не признавала за собой эти качества». [20, с.61]

«Трудно даже кратко описать то, что за время пребывания Блаватской во Пскове она нам показала… Все это можно классифицировать следующим образом:

1. Прямые и вполне ясные ответы, письменные или устные, на ментальные вопросы — или «чтение мыслей».

2. Обнаружение различных болезней, наименование их по латыни и указание последующего курса лечения.

3. Сообщение о некоторых тайнах, о которых никто не знал, особенно в тех случаях, когда кем-то был проявлен обвиняющий ее скептицизм.

4. Изменение веса мебели и человека.

5. Получение писем от неизвестных корреспондентов, письменных ответов на вопросы. Письма эти мы находили в невероятных местах.

6. Показ присутствующим задуманного ими предмета.

7. Звуки музыки по желанию Блаватской». [20, с.66, 67]

«Вскоре мы убедились, что «работающих духов», как нам всегда объясняла Блаватская, надо разделить на несколько категорий.

Низшие из этих невидимых существ показывали лишь физические феномены. Высшие — редко соглашались беседовать с чужими. Они давали себя видеть, или чувствовать, или слышать лишь в те часы, когда мы были одни в семье и когда в нашей среде царили полный мир и согласие…, когда никто из нас не старался провести какие-то эксперименты или увидать необыкновенные явления, и когда не было никого, кого надо было убеждать в чем-то или информировать…

По большей части феномены не имели связи между собой и, казалось, что они не зависели от ее воли, очевидно не было принято во внимание ни одно из предшествующих обстоятельств и, как казалось, они противоречили ближайшему высказанному желанию и воле.

Мы сердились, когда был случай убедить какого-нибудь очень интеллектуального исследователя, но из-за упрямства или нежелания Блаватской ничего не выходило…

Я хорошо помню, как однажды в гостях, куда издалека приехало несколько семейств, чтобы повидать феномены, Блаватская не дала никаких доказательств своим способностям, хотя и говорила, что делает все, что может. Это продолжалось несколько дней. (Е.П.Б. объяснила это усталостью и отвращением ко всевозрастающей людской жажде «чудес»). Гости уехали неудовлетворенными и настроенными скептически.

Но только ворота за ними закрылись и бубенчики еще звенели при проезде ими последней аллеи, как в комнате все ожило. Мебель вела себя так, как если бы в каждом ее предмете была способность говорить. Мы провели вечер и большую часть ночи, как будто бы мы находились в магических стенах дворца Шехерезады…

Пока мы в столовой ужинали, на пианино, которое находилось в соседней комнате, было сыграно несколько звучных аккордов. Пианино было запертым и стояло так, что мы могли его видеть через открытые двери.

Затем по приказанию Блаватской к ней по воздуху прилетели ее мешочек с табаком, спички, носовой платочек, одним словом, все чтобы она ни попросила, или что бы мы ни заказывали ей попросить.

Затем в комнате вдруг погасли все лампы и свечи, как будто по комнате прошло сильное дуновение ветра. Когда мы зажгли

спички, то вся мебель — диваны, кресла, шкафчики с посудой и большой буфет — все было перевернуто вверх ногами, но при этом ни один орнамент, даже мельчайший, никакой предмет посуды, не пострадали.

Только мы пришли в себя от этих чудес, как снова услышали игру на фортепиано — чисто и хорошо исполненный длинный бравурный марш. С зажженными свечами мы подошли к инструменту (я при этом проверила, все ли присутствуют). Как мы и полагали, фортепиано было заперто, а последние аккорды еще вибрировали под закрытой крышкой». [20, с. 81—84]

«Она была, как тогда говорили ее современники, «хорошо пишущим медиумом». Это означает, что она могла сама написать ответы в то время, когда говорила с окружающими на совершенно постороннюю тему… Блаватская рассказала нам, что в детстве и позже, она в этих случаях видит мысль спрашивающего или ее яркий отблеск, как будто бы эта мысль висит в царстве теней вблизи головы вопрошающего. Ей надо только внимательно снять с нее копию или позволить руке механически записать ее. Во всяком случае она никогда не чувствует, что ею руководит какая-то внешняя сила, т. е. никакие «духи» ей не помогают…

Когда чью-либо мысль надо было передать стуком, положение было другое. Прежде всего, ей надо было прочесть мысль спрашивающего, запомнить и объяснить ее, затем следить за тем, как произносят, одну за другой, буквы алфавита и направлять поток воли, чтобы он произвел стук при нужной букве». [20, с.72, 73]

«Часто бывало, что сестра моя что-то читала, а мы — наш отец, гувернантка и я — не желая ее тревожить, обращались *ментально* к невидимым силам и в тишине, держа наши мысли про себя, записывали буквы, которые выстукивались на ближайшей стене или на столе. Интересно, что такой безмолвный разговор с этой «разумной силой», которая всегда излучалась в присутствии моей сестры, был особенно интенсивным, когда она спала или была серьезно больна». [20, 100, 101]

«…Она давно уже оставила разговоры с помощью стуков [говорится о том времени, когда она жила в Мингрелии] и находила более удобным отвечать словесно или письменно. Это она делала сознательно и просто, как она объясняла, наблюдая мысли людей, которые исходили из их голов лучистыми спиралями или в виде струй, принимающих определенные тона и формы.

Часто такие мысли и ответы на них запечатлевались в ее мозгу и формировались в слова и фразы. Насколько я понимаю, здесь происходил процесс соединения ясновидения с чтением

мыслей.

Иногда во время записывания Блаватская казалось впадала в состояние комы или магнетического сна с широко раскрытыми глазами, но и при этом все же рука ее шевелилась и она продолжала записывать. Когда в таком состоянии она отвечала на ментальные вопросы, ответы ее редко были неудовлетворительными».

Здесь сама Блаватская дает примечение: «Вполне естественно, ибо это не был магнетический сон и никакая не «кома», но обыкновенное состояние интенсивного сосредоточения, когда малейшее рассеяние приводит к ошибке. Люди, знакомые лишь с медиумическими явлениями и не знающие наших философских основ, часто совершают эту ошибку».

«Все это время ее оккультные способности не только не ослабевали, но с каждым годом становились все сильнее. Казалось, что она по своей воле может выполнить все что угодно… Однако случайные, эпизодически происходящие феномены становились все реже, но когда они происходили, то были всегда очень необычными». [20, с.114, 115]

«После возвращения к жизни и здоровью (после своей таинственной болезни), Блаватская покинула Кавказ и уехала в Италию.

Уже перед отъездом в 1863 г., в ее способностях произошли существенные изменения». [20, с.118]

«В то время, когда я это пишу (1885 г.), вот уже более двадцати лет прошло с того времени, когда еще происходили независящие от ее воли феномены. Не могу сказать, когда именно произошла эта перемена в ее оккультных способностях, так как она в это время жила вдали от нас и при встречах мы редко этого касались, лишь в письме она однажды прямо ответила на этот вопрос: «Теперь (1866 г.) я уже никогда не буду подверженной внешним влияниям». [20, с.119]

«Я верю этому заверению, — говорит ее сестра, Желиховская, — потому что в течение пяти лет мы имели возможность наблюдать, как постепенно изменялись ее способности.

Во Пскове и Ругодеве еще нередко случалось, что она не могла ни контролировать эти проявления, ни прекратить их. Позже мы наблюдали, что она становилась все более способной овладевать ими. В конце ее пребывания у нас, после неожиданной и тяжелой болезни в Тифлисе, стало очевидным, что она может вызывать эти явления и проводить их по своему желанию.

Она продемонстрировала это, прерывая феномены по своей воле на несколько дней или недель. Когда этот срок истекал, она

могла их снова вызвать или не вызвать и разрешала своим близким выбирать, что им захочется. Короче говоря, мы все убеждены в том, что когда проявлялась ее могущественная природа, она могла своей несокрушимой волей, тем или иным способом, сделать послушными силы невидимого мира, население которого она отказывалась называть «духами и душами». [20, с.120]

Глава 20
Третья попытка проникнуть в Тибет

Когда г-жа Блаватская вполне оправилась после своей таинственной болезни на Кавказе, она покинула Россию и «отправилась в Италию», как писал об этом Синнет в своей книге «Эпизоды из жизни Блаватской». Сама же она рассказывала по-другому: «Я покинула Тифлис примерно в 1864 году и отправилась в Сербию, путешествовала по Карпатам, как я это описала в своем рассказе о Двойнике». [14, с.151] В. Желиховская писала: «Уехала в чужие края, сначала в Грецию затем в Египет. Вся жизнь ее прошла шумно и в постоянных путешествиях. Всегда она стремилась к какой-то неизвестной цели, выполняя какие-то задания. Ее странствия и отвечающий этим странствиям образ жизни закончились лишь тогда, когда она познакомилась с теософическими, научными, гуманистическими и духовными проблемами. Тогда она сразу остановилась, как корабль, который вошел в гавань после многих лет странствий, свернув паруса и в последний раз бросил якорь.

Ее биограф Синнет уверяет, что уже за многие годы до ее окончательного приезда в Америку (1873 г.) у нее были особые духовные связи с теми странными существами, которых она позднее называла своими Учителями, цейлонскими и тибетскими Махатмами, и что только по их прямому велению она путешествовала с одного места на другое, из одной страны в другую… Нам, своим близким родственникам, она впервые упомянула об этих непонятных существах в 1874 году, когда обосновалась в Нью-Йорке». [15, декабрь, 1894]

Но несколько лет перед этим Желиховская в своих «мемуарах» писала: «Все кругом считали, что происходящие в ее присутствии явления производят «духи», благодаря ее медиумическим способностям. Она же сама *это постоянно отвергала* … Как тогда, так и теперь, она утверждает, что совсем другая сила овладевает ею, что силу эту она получила от индийских Радж-Йогов. Она меня уверяла, что даже те тени, которые она видела всю свою жизнь, не были призраками или душами умерших, а что это просто тени ее всмогущих индийских друзей в астральных телах» [14, с.154, 155] Какое значение имеет имя? Называла ли она их «Радж-Йогами» или «Махатмами», Е.П.Б. говорила об одних и тех же существах.

В 1895 г. в январском номере журнала «Lucifer» Желиховская писала: «Что касается меня, то я никогда Их не видала, но у меня

нет основания и отвергать Их существование. Когда я иногда и высказывала сестре свои сомнения, она неизменно мне отвечала: «Я хотела бы от тебя лучшего понимания!»

Д-р Безант в одной из статей писала, что Блаватская уехала в Египет и Персию в 1863 г. и пересекла Центральную Азию по дороге в Тибет в 1864 г., но эту дату надо поправить на один год, так как по сообщению ее сестры Веры, прежде, чем сделать третью попытку повстречаться с ее Учителем в Тибете, она отправилась «сначала в Грецию», и очень возможно, что она провела некоторое время с ее единомышленником по оккультным занятиям Илларионом, который жил на Кипре, и получила от него указания. Она его называла: «Один греческий господин, которого я знала еще с 1860 г.»

Из Греции она последовала в Египет, а оттуда, чтобы попасть в Персию, ей надо было пересечь Сирию. Свои впечатления от этого путешествия она частично описала во втором томе «Разоблаченной Изиды». Приведем несколько отрывков:

«Если кто захочет убедиться в том, что еще и в наше время существует религия, которая в течение сотен лет сумела избежать наглых преследований миссионеров и настойчивого любопытства ученых, то пусть он постарается проникнуть в тайны сирийских друзов. Селения их рассеяны в долине, расположенной к востоку от Дамаска. Полагают, что в состав племени входит около 80 тысяч воинов.

Они не стремятся иметь последователей, избегают известности, сохраняют дружбу, насколько это оказывается возможным, и с христианами, и с магометанами, уважают религии каждой секты, каждого народа, но никогда не раскрывают своих тайн. Тщетно миссионеры клеймят их, называя неверными, идолопоклонниками, бандитами и ворами — ни угроза, ни подкуп, ни какие-либо иные побуждения не заставят друза принять догматическое христианство. Мы слышали лишь о двух за 50 лет обращенных в христианство друзах. Жизнь их завершилась в тюрьме, куда они попали за беспробудное пьянство и воровство. Не было случая, чтобы *посвященный* друз (окхал) принял христианство, а что касается непосвященных, то никому из них не разрешается даже увидеть священные писания друзов, и они не имеют ни малейшего представления о том, где они хранятся…

Некоторые сирийские миссионеры хвастались тем, что им удалось достать какие-то списки, но то, что ими представлялось, как подлинные образцы тайных книг (например, сделанный в 1701 году Пти-де-ля-Круа перевод труда, подаренного французскому королю Наср-Аллахом), оказались лишь

компиляцией «тайн», более или менее известных каждому жителю южной части Ливана…

Основным религиозным догматом друзов является абсолютное единство Бога. Он является основой и сущностью жизни и, хотя Он непостижим и невидим, Его можно познать через происходящие *время от времени Его проявления в человеческой форме*. Как и индусы, друзы утверждают, что Он не раз воплощался на земле. Хамса (Hamsa) был предтечей ожидаемого пришествия (десятого Аватара). Хамса был олицетворением «Вселенской Мудрости». Бохаед-дин в своих писаниях называет его Мессией… Все Его многочисленные ученики в разные эпохи передавали Его мудрость человечеству. Ступеней их дальнейшего продвижения после посвящения — пять. Первые три символизируются тремя ступенями подсвечника в Святилище, который поддерживает свет пяти элементов. Последние две ступени — высочайшие…

Их ритуалы неизвестны посторонним и будущие историки будут отрицать, что у них вообще были ритуалы. Их «четверговые собрания» открыты для всех, но никто из посетителей не допускается присутствовать на церемонии посвящения, которая проводится время от времени по пятницам в величайшей тайне. Через нее проходят не только мужчины, но и женщины, и они играют большую роль в посвящении мужчин. Предварительные испытания обычно продолжительны и очень строги. Изредка, через большие промежутки времени, проводится торжественная церемония, в течение которой все старшие члены общины и посвященные двух высших ступеней отправляются в паломничество в какое-то место в горах на несколько дней. Они находятся это время в монастыре, который был создан в ранние годы христианской эры. Внешне этот монастырь выглядит как руины когда-то существовавшего большого строения. Утверждают, что в нем проводили богослужения гностики в те времена, когда они подвергались гонениям. Но наземные руины — это только маскировка, под ними в земле на большом пространстве расположены часовни, залы, кельи и т. п. Как говорил один из посвященных, богатство внутреннего убранства, красота древних скульптур, золотых и серебряных сосудов, не поддаются описанию.

Подобно тому, как в монгольских и тибетских ламаистских монастырях при выполнении некоторых священных церемониалов появляется священная тень «Господа Будды», так и здесь, во время этого церемониала появляется блистательная эфирная форма Хамсы Благословенного, наставляющего верующих.

Хамса и Иисус были смертными людьми, но термины «Хамса»

и «Христос» в их внутреннем скрытом значении идентичны, — они выражают Nous, Божественный Дух, заключенный в человеке. Доктрина друзов, утверждающая двойственность природы человека, состоящей из смертной души и бессмертного Духа, совпадает с учением гностиков, древних греческих философов и других посвященных…» [5, т. II, с. 308—315]

«Вне Востока мы встретили одного (и только одного) человека, который по только ему известным причинам не делает тайны из того, что он был посвящен в Ливанском Братстве. Это ученый и путешественник, профессор А. Л. Роусон (A. L. Rawson) из Нью-Йорка. Он много лет путешествовал по Востоку, был несколько раз в Палестине, был в Мексике. Можно сказать, что он обладает бесценным собранием сведений о раннем периоде христианской церкви, ибо он имел свободный доступ в хранилища, закрытые для обычного путешественника». [5, т. II, с.312]

Профессор Роусон в своей книге «Две г-жи Блаватские» писал: «Я считаю, что не может быть сомнения в том, что г-жа Блаватская знает многие, если не все, ритуалы, церемонии, обряды, выполняемые ливанскими горцами-друзами, так как она со мною говорила о таких вещах, которые знают только получившие там посвящение. В своих странствиях по Ближнему Востоку я часто слышал ее имя — в Триполи, Катаре, Дамаске, Иерусалиме и Каире. Ее хорошо знал один торговец в Джидде. Он показывал мне кольцо с ее инициалами, которое она ему подарила. Слуга этого торговца, бывший ранее погонщиком верблюдов, говорил, что он был ее переводчиком и вел нанятые ею верблюды от Джидды до Мекки. Я спросил о ней у шерифа Мекки, но он ничего о ней не знал, — должно быть ради безопасности она путешествовала инкогнито. Я был тогда в Мекке под видом «магометанина, в качестве секретаря Камил-паши». [8, т. VII, с.30а]

В «Разоблаченной Изиде» Блаватская писала о йезидах: «Мы встретили некоторые секты, практикующие настоящее колдовство. К ним принадлежит секта йезидов. Некоторые считают их курдским племенем, но я думаю, что они ошибаются. Живут они, главным образом, в заброшенных горных районах Азиатской Турции, вблизи Мосула, в Армении и даже в Сирии и Месопотамии. Всюду их знают, как поклонников Сатаны… И безусловно, не от невежества или умственного помрачения они установили это поклонение и постоянные взаимоотношения с самыми низшими и самыми злобными элементалями. Они понимают всю злобность главы «темных сил», но в то же время страшатся его силы и потому стараются снискать его

благосклонность. Они говорят, что он находится в состоянии постоянной войны с Аллахом, но когда-нибудь может произойти примирение между ними, и тогда те, кто проявлял неуважение к «темному», могут пострадать, имея против себя и Бога, и Сатану. Эту хитрую политику умилостивления его сатанинского величества проявляли и древние варяги и славяне-русы, поклоняясь Чернобогу до того, как они приняли христианство.

Подобно Виерусу, знаменитому демонологу XVI-го столетия (который в своей «Pseudomonarchia Doemonum» перечислил и описал весь адский двор с его принцами, князьями, придворными и офицерами разных рангов), так и йезиды имеют целый пантеон дьяволов и используют воздушных элементалей для передачи их молитв Сатане, а также и эфритов Пустыни. На своих молитвенных собраниях они подают друг другу руки, образуя большие круги с шейхом или священнослужителем в центре, который хлопает в ладоши и произносит нараспев славословия в честь Шайтана (Сатаны).

Затем они начинают кружиться и подпрыгивать в воздух. Когда безумие достигает своей кульминации, они часто наносят себе раны кинжалами, а иногда оказывают эту услугу и своим соседям. Но раны эти не так легко заживают и зарубцовываются, как это бывает у лам и святых; очень часто они гибнут от этих ранений. Во время таких плясок они прославляют Сатану и просят его проявить себя какими-нибудь «чудесами». И поскольку их ритуалы обычно происходят по ночам, то необыкновенные явления нередко действительно за этим следуют. Так, иногда появляются огромные огненные шары, принимающие формы странных животных.

Говорят, что Эстер Станхоп (Ester Stanhope), имя которой уже в течение многих лет широко известно в масонских братствах Востока, присутствовала на нескольких йезидских церемониалах. Один священник друзов рассказывал мне, что после одной из таких «сатанинских месс» как их называют йезиды, эта храбрая и самоуверенная женщина потеряла сознание и ему лишь с очень большим трудом удалось оживить ее и восстановить ее здоровье». [5, т. II, с.571, 572]

В «Разоблаченной Изиде» Блаватская описывает один интересный случай, произошедший во время ее путешествия по Персии:

«В восточной части Турции и Персии с незапамятных времен живут воинственные племена Курдистана. Народ этот индо-европейского происхождения с примесью семитской крови. Несмотря на их бандитскую славу, этот народ соединяет в себе индийский мистицизм с Ассиро-Вавилонской магией.

Номинально они считаются магометанами-суннитами, но их доктрины и ритуалы взяты из учения магов. Даже те, кто считаются христианами-неосторианами, христиане лишь по названию. Калданцы, число которых примерно равно 100000, имеют двух патриахов. Без сомнения они скорее манихеи, чем несториане. Многие их них — йезиды.

Одно из этих племен состоит из огнепоклонников. При восходе и заходе солнца они сходят с лошадей и, обратившись к солнцу, произносят слова молитвы. В дни новолуний они всю ночь выполняют какой-то таинственный ритуал. Для этой цели у них есть специальные шатры из толстой черной шерстяной ткани, декорированные непонятными ярко-красными и желтыми знаками. В середине шатра находится алтарь, обвитый тремя медными обручами. К обручам привешены многочисленные кольца из верблюжьей шерсти. Во время церемонии каждый молящийся держится за кольцо правой рукой. На алтаре горит старинный серебрянный светильник, найденный, быть может, в развалинах Персеполя. Этот светильник, с тремя горящими в нем фитилями, представляет собой удлиненной формы сосуд, имеющий сбоку ручку. Безусловно точно такие же сосуды находили в большом числе в египетских погребениях Мемфиса. Он расширяется к середине, а в верхней части имеет форму сердца. Отверстия для фитилей образуют собой треугольник, а центральная часть имеет вид перевернутого гелиотропа, стебель которого присоединен к ручке светильника. Этот орнамент явно говорит о его происхождении. Такими были священные сосуды во времена поклонения людей солнцу. Греки дали гелиотропу его название именно потому, что этот цветок всегда поворачивается головкой к солнцу, следуя за ним. Такими светильниками пользовались еще древние Маги и, кто знает, быть может когда персидский царь Дарий, бывший одновременно и царем, и иерофантом, священнослужительствовал, то этот светильник освещал его лицо!

Мы рассказали о нем только потому, что с нами произошло одно, связанное с ним, необыкновенное происшествие.

О том, что происходит во время ночных ритуалов курдов поклонения луне, мы знали только по слухам, потому что они тщательно это скрывают, и никому постороннему не резрешается присутствовать на этой церемонии. Но в каждом племени имеются один или несколько старцев, которых считают святыми; они знают прошлое и могут раскрыть тайны будущего. Они пользуются огромным уважением, и к ним обычно обращаются за информацией во всех случаях воровства, убийств или возникновения опасности.

Путешествуя от одного племени к другому, мы не раз оказывались в присутствии таких старцев. Поскольку мой рассказ не является автобиографией, я опускаю многие детали, не имеющие отношения к оккультным явлениям, да и из последних я имею возможность упомянуть лишь о немногих. Случилось однажды, что из нашей палатки были украдены очень дорогое седло, ковер и два черкесских кинжала в богато украшенных ножнах, отделанных золотом. Узнав об этом, в нашу палатку вошли курды во главе с их вождем и, призывая в свидетели Аллаха, клялись, что виновный никак не мог принадлежать к их племени. В этом у нас не возникало каких-либо сомнений, так как мы хорошо знали, каким священным лицом считается гость у всех диких племен Азии, но, правда, знали и то, с какой легкостью они грабят и даже убивают тех же гостей, когда они оказываются за границами их аула.

Один из наших спутников, грузин, посоветовал обратиться к кудиану (колдуну) этого племени. Предложение было принято, но все держалось в большой тайне. Встреча с колдуном была назначена в полночь, когда луна светит во всей полноте. Когда наступило время, нас провели в большой шатер.

В войлочной крыше шатра было проделано четырехугольное отверстие: через него в шатер проникал лунный свет, соединяясь с дрожащим светом описанного нами светильника. После нескольких минут, в течение которых произносились заклинания, обращенные, как нам казалось, к луне, колдун — огромного роста старик (его пирамидальной формы тюрбан касался крыши шатра), взял в руки круглое зеркало из тех, которые называют «персидскими зеркалами», отвинтил его крышку и начал дуть на него, одновременно протирая его поверхность пучком травы и произнося при этом какие-то заклинания. Это продолжалось более десяти минут. После каждой протирки зеркало становилось все более блестящим и его поверхность, казалось, начала испускать фосфорические лучи по всем направлениям. Наконец эта операция закончилась. Старик сидел, неподвижно как статуя, с зеркалом в руках. «Посмотри, ханум, смотри внимательно», — прошептал он мне, едва шевеля губами. Там, где раньше отражалось лишь сияние полной луны, стали появляться и собираться вместе какие-то тени и темные пятна. Еще через несколько секунд я увидала как бы поднимающимися из глубокой чистой воды знакомые седло, ковер и кинжалы, становясь каждое мгновение все более и более четко обрисованными. Затем над этими предметами появилась какая-то тень, как бы у меньшего конца телескопа, и можно было ясно увидеть склонившуюся фигуру человека.

«Я узнаю его! — вскричала я, — это тот татарин, который был у нас вчера, предлагая продать нам своего мула».

Внезапно видение исчезло. Старик кивнул нам, но оставался неподвижным. Затем он пробормотал еще несколько незнакомых слов и вдруг начал петь. Мелодия лилась медленно и монотонно. После того, как он пропел несколько строф на незнакомом языке, он произнес как бы речитативом, не меняя ни ритма ни тона песни, на ломаном русском языке:

«Теперь, ханум, смотри внимательно, как мы поймаем его. Мы узнаем этой же ночью судьбу грабителя».

Тени в зеркале снова стали сгущаться и затем, почти без перехода, я увидала этого человека, лежащим на спине в луже крови, и двух всадников, скачущих на некотором от него расстоянии. Объятые ужасом от того, что мы увидали, мы сказали, что больше не хотим ничего видеть. Старик вышел из шатра, подозвал двух курдов, которые стояли снаружи, и дал им какое-то приказание. Через две минуты дюжина скачущих всадников понеслась на всей возможной скорости вниз по холму, на котором стояла наша палатка.

Они вернулись ранним утром и принесли с собой украденные вещи. Седло было покрыто кровью. Они рассказали нам, что когда они приблизились к беглецу, то увидали как за гребнем холма скрылись два всадника, а подойдя к татарину, нашли его лежащим на украденных вещах в том положении, в каком мы видели его в магическом зеркале. Он был убит этими двумя бандитами, которые очевидно хотели его ограбить, но испугались при появлении всадников, посланных старым кудианом». [5, т. II, с. 629—633]

Глава 21
Буддийские монастыри

В 1864 году Блаватская наконец достигла своей цели — ашрама Учителя, но ранее она уже бывала в Тибете. Критикуя брошюру Артура Лилли «Будда и ранний буддизм», она писала: «В разное время я жила и в Малом, и в Большом Тибете, всего провела там более семи лет. Я никогда ни на словах, ни письменно не утверждала, что провела семь лет в каком-то монастыре. Я только говорила и сейчас повторяю, что бывала в Шигадзе и на территории Таши-Лунпо, где еще ни один европеец никогда не бывал…».[19]

В 1927 году один из крупнейших современных исследователей Тибета и его философии У. И. Эванс-Вентс подтверждал пребывание Е.П.Б. в этой стране. В предисловии к своему переводу «Тибетской Книги Мертвых» он писал: «Что касается эзотерического значения сорок девятого дня Бардо, то посмотрите об этом в «Тайной Доктрине» Е. П. Блаватской (Лондон, 1888, т.1, с.238,, 411; т.2, с. 617, 628). Покойный лама Кази Дэва Самдуп полагал, что несмотря на недоброжелательную критику трудов Е. П. Блаватской, у этого автора имеются бесспорные доказательства того, что она хорошо была знакома с высочайшим ламаистским учением, для чего ей потребовалось получить посвящение». [24, с.7]

В «Разоблаченной Изиде» Блаватская приводит краткий интересный очерк о буддистских монастырях в Монголии, Тибете и Непале. Приводим из него отрывок:

«В Западном и Восточном Тибете, как и во всех других местах, где буддизм — преобладающая религия, существуют собственно две религии (то же можно сказать и о браманизме): общепопулярная ее форма и тайная, философская. Последней придерживаются члены секты Sutrantika (от слов Sutra — указания, правила; и antika — близкие).

Они близко передают дух первоначальных учений Будды, показывающих необходимость интуитивного их восприятия, из которого они проводят надлежащие выводы. Эти люди не прокламируют своих взглядов и не допускают их публичного распространения.

«Все составное подлежит разрушению», — таковы были последние слова, сошедшие с уст умиравшего Гаутамы, который, сидя под деревом Sal, готовился перейти в Нирвану. «Только Дух — Единный, Первичный, лучи его бессмертны, безграничны,

неразрушимы. Остерегайтесь иллюзий материи.» Царем Дхарм-Ашокой буддизм был широко распространен по всей Азии и даже дальше. Он был внуком царя-чудотворца Чандрагупты, который освободил Пенджаб от войск Александра Македонского. Дхарм-Ашока — величайший из царей династии Маурья. Будучи в начале жизни распущенным человеком и атеистом, он стал «Приадази» — «любимцем богов» и по его человеколюбивым действиям ни один земной владыка не может сравняться с ним. Память о нем века живет в сердцах всех буддистов и увековечена в его указах, выгравированных на колоннах и скалах, на разных языках в Аллахабаде, Дели, Гурджарате, Пешаваре, Орисе и других местах. Его знаменитый дед объединил под своим скипетром всю Индию. Усилиями его апостолов религия Гаутамы со сверхъестественной быстротой распространилась по всем странам. Его новую философию приняли Джандхара, Кабул и даже многие из сатрапий Александра Македонского. Про буддизм Непала можно сказать, что он меньше чем другие формы буддизма отклонился от первоначальной древней веры, а ламаизм Монголии и Тибета, являющийся непосредственным ответвлением Непальского буддизма, может считаться чистейшей формой буддизма, ибо, я снова это повторяю, то, что мы видим в ламаизме, это лишь внешние его ритуалы.

Упасакасы и упасакисы — мужчины и женщины полумонахи-полумирские люди — так же, как и сами монахи-ламы, должны строго соблюдать все предписания Будды, должны изучать Мейпо (магию) и другие психологические феномены. Те, кто совершает один из «пяти грехов» теряют право оставаться в общине. Самые главные из этих предписаний: *никого не проклинать, по каким бы то ни было соображениям, ибо каждое проклятие возвращается на высказавшего его и часто даже на ни в чем не повинных его близких, живущих с ним.* Надо любить друг друга и даже злейших врагов; надо быть готовым отдать свою жизнь за других и даже за животных и потому не применять оружия для самозащиты; надо стремиться к величайшей победе — к победе над самим собой; избегать всех пороков, проявлять добродетели, особенно смирение и доброту; проявлять послушание в отношении наставников; уважать и заботиться о родителях, стариках, ученых, добродетельных и святых людях; предоставлять пищу и кров людям и животным; насаждать деревья вдоль дорог и рыть колодцы для путешественников. Вот моральные обязательства буддистов. Каждая ани или бикшуни (монахиня) подчиняется этим законам…» [5, т. II, с.607, 608]

«Во многих ламаистских монастырях имеются школы магии, но наибольшую известность в этом отношении имеет

монастырская община в Шу-Тукту, в которой живут более 30000 монахов. Это целый город. Некоторые из женщин-монахинь в этом монастыре обладают изумительными психическими силами. Мы встретили нескольких из них на их пути из Лхассы в Канди (Цейлон) — этот буддийский Рим с его чудесными храмами и реликвиями Гаутамы. Чтобы избежать встреч с мусульманами и другими иноверцами, они путешествовали только по ночам, ничем не вооруженные, но без малейшего страха в отношении диких зверей, ибо, как они говорили, никакой зверь не коснется их. При первых проблесках рассвета они прятались в пещерах и вихарах, специально устроенных им их единоверцами на определенных расстояниях друг от друга.

Одна из этих бедных странниц бикшуни показала нам очень интересный оккультный феномен. Это было много лет тому назад, когда подобные проявления были для меня еще новинкой. Один из наших друзей, родом из Кашмира, но принявший буддизм ламаистского толка, теперь постоянно проживающий в Лхассе, взял нас с собой, чтобы присоединиться к таким паломникам.

«Зачем нести с собой этот пук мертвых цветов?» — спросила одна из бикшуни, изнуренная старая женщина высокого роста, указывая на большой букет прекрасных свежих ароматных цветов в моей руке.

«Мертвых? — спросила я, — но ведь они только что были собраны в саду».

«И все же они мертвые, — ответила она серьезно. — Быть рожденным в этом мире, разве это не смерть? Посмотрите, как выглядят они в мире вечного света, в садах нашего благословенного Фох».

Не сходя с места, где она сидела на земле, она взяла один цветок из букета, положила его на колени и начала как бы загребать руками из воздуха какое-то невидимое вещество. В воздухе стало образовываться слабое облачко. Постепенно оно принимало форму и окраску и, наконец в воздухе возникла копия того цветка, который был у нее на коленях. Копия была точной, повторяя каждый лепесток, каждую линию цветка, и также лежала на боку, как сам цветок на коленях женщины, но она была в тысячи раз великолепнее по окраске, изумительной красоты, как человеческий дух прекраснее его физической оболочки. Так, цветок за цветком, были воспроизведены все цветы букета, включая самые малые травинки в нем. По нашему желанию, даже по одной лишь мысли, цветы исчезали и вновь появлялись. Тогда я взяла расцветшую розу и держала ее на вытянутой руке. Через несколько минут в пустом пространстве появилась моя рука и

ладонь, держащая цветок — примерно в двух футах от меня. Однако, в то время, как цветок розы был неизмеримо прекрасным, какими были предыдущие духовные цветы, рука и ладонь выглядели как простое отображение в зеркале, даже на руке был виден комочек земли, прилипший к ней от корня растения. Позднее нам объяснили, почему было так». [5, т. II, с.609, 610]

«О «шаманизме» в настоящее время знают лишь очень немногое и представляют его в чрезвычайно извращенном виде, как и все нехристианские религии. Его без какого-либо основания называют «язычеством» Монголии, хотя в действительности это одна из древнейших религий Индии. Это поклонение духу, вера в бессмертие души и в то, что души людей — это те же люди, какими они были на земле, но изменившие свой вид, потому что они изменили свою физическую природу на духовную. В настоящем виде, шаманизм — это отпрыск примитивной теургии и практическое приведение в соприкосновение видимого и невидимого миров. Когда обитатель земли желает вступить в общение со своими невидимыми братьями, он должен приспособить себя к их природе, т. е. встретить эти существа на полпути — получить от них немного духовной эссенции и, в свою очередь, передать им часть своей физической природы, чтобы они могли появиться в полуобъективной форме. Такой временный обмен природами и называется волшебством. Шаманов называют колдунами, потому что предполагается, что они вызывают «духов» мертвых для выполнения с их помощью магических действий черной магии. Однако подлинный шаманизм, удивительные формы которого были распространены в Индии во времена Мегасфена (300 лет до Р.Х.) также отличается от его выродившихся форм, распространенных у шаманов Сибири, как религия Гаутамы Будды отличается от фетишизма его последователей в Сиаме или Бирме. Он нашел себе убежище в главных монастырях Монголии и Тибета. Там практика Шаманизма доходит до крайних пределов общения между человеком и «духом». Религия лам преданно сохранила первоначальную науку магии, и в настоящее время она совершает такие чудеса, какие совершала во времена Хублай-хана и его магнатов. Древняя мистическая формула царя Стронцзан-Гампо: «Аум мани падме хум"* совершает свои чудеса и в настоящее время, как она их совершала в седьмом столетии. Авалокитешвара — высочайший из трех Бодхисаттв, святой покровитель Тибета, простирает свою тень, на виду у всех верующих, над ламаистским монастырем Галдан, основанном им. [20]

Сияющий образ Цонкапы в виде огненного облака отделяется

от палящих лучей солнца и вступает в разговор с огромным собранием лам — многими их тысячами. Исходящий с высоты голос подобен шепоту ветра, шевелящего листву. Потом прекрасное видение исчезает в тени деревьев монастырского парка.

В женском монастыре Гарма-Кхиен говорят, что злых и мало продвинувшихся в своем развитии духов заставляют в некоторые определенные дни появляться и давать отчет о всех проделанных ими злых делах. И тогда высочайшие из лам принуждают их исправить то зло, которое они причинили смертным. Это то, что Гук (Huc) наивно называет «воплощеним злых духов», т. е. дьяволов. Если бы скептикам европейских стран было разрешено посмотреть те отчеты, которые ежедневно печатаются в Мору[21] и в «Духовном Граде», о деловых взаимоотношениях между ламами и невидимым миром, они проявили бы больший интерес к явлениям, описываемым в спиритических журналах. В Будда-ла или, вернее, Фохт-ла (гора Будды) — важнейшем из многих тысяч ламаистских монастырей этой страны — находится жезл Будды, который парит в воздухе, ничем не поддерживаемый, и руководит деятельностью монастырской общины. Когда какого-нибудь ламу привлекают дать отчет в присутствии настоятеля монастыря, он знает заранее, что ему бесполезно произносить неправду: «управляющий правосудием» (жезл Будды) своими колебаниями, одобряющими или отвергающими его слова, немедленно и безошибочно покажет его виновность. Я не могу сказать, что сама присутствовала при этом, у меня нет таких претензий, но то, что я написала, подтверждается такими авторитетами, что я без колебаний готова подписаться под этим». [5, т. II, с.615, 616]

«В монастырях Таши-Лунпо и Си-Дзонг эти силы, заключенные в каждом человеке, но проявляющиеся лишь у немногих, развиваются до совершенства. Кто в Индии не слыхал о Панчен Ринпоче, Хутухту (Houtouktou) столицы Верхнего Тибета? Его братство Кхе-лан славится по всей стране. Одним из самых прославленных «братьев» был пелинг (англичанин), который приехал туда в начале этого столетия, стал настоящим буддистом и после месяца подготовки был принят в братство Кхе-лан. Он говорил на многих языках, в том числе на тибетском, знал многие науки и владел различными искусствами. Его святость и овладение им многими силами были настолько велики, что уже через несколько лет его признали Шабероном (воплощением Будды). Память о нем живет в Тибете и в настоящее время, но подлинное имя его знают лишь такие же, как он, Шабероны». [5, т. II, с.618]

«Описание храма Таши-ламы в Шигадзе к нам пришло из

неожиданного источника. Доктор Франц Гартман в своем письме Блаватской, посланном ей в 1886 году, когда она жила в Остенде, писал ей: «Одна немецкая крестьянка, обладавшая способностью «психометрии» (видения при прикосновении к различным предметам), коснувшись одного «оккультного письма» (это было письмо Учителя, которое Фр. Гартман получил в Адьяре, вскричала: «Ах, что это? Ничего столь прекрасного я в жизни не видала! Я вижу гору и на ней здание, похожее на храм, с высокой китайской крышей. Храм сияет своей белизной, он как бы сделан из чистого белого мрамора. Крыша опирается на три колонны. Вверху что-то светится, как солнце. Нет, это только так кажется. Дорога к храму выложена гладким камнем, и к самому храму ведут несколько ступеней. Я ступаю по ним. Вот я уже там. Вижу — в полу сделан пруд, который отражает солнце, проходящее через середину крыши. Нет, я ошибаюсь, это совсем не пруд, это желтоватый мрамор, который сверкает как зеркало. Теперь я это ясно вижу! Это четырехугольный пол и в середине его круглое пятно…

Я в храме и вижу двух мужчин, рассматривающих что-то на стене. Один из них имеет очень величественный вид: одет он совсем не так, как другие люди этой страны, он в свободном белом одеянии, и носки его обуви загнуты кверху. Другой мужчина несколько ниже ростом, с непокрытой головой; он в черном костюме с серебряными пряжками… В углу стоит ваза с каким-то орнаментом. На стене — какие-то картины и рисунки. Под потолком, у самой крыши — панель. На ней разные знаки: некоторые похожи на цифры: одни на 15, другие на римское V, еще другие — на четырехугольные монограммы… Может быть это особые буквы или письмена. Над этой панелью находится еще одна панель, на которой какие-то рисунки, которые мне кажутся подвижными… Теперь эти два человека вышли из храма, и я последовала за ними. Снаружи много деревьев, похожих на сосны. Есть и другие с большими листьями. Вдали видны горы и озеро. Они меня уводят от храма… Дальше видно большое ущелье и в нем оливковые деревья. Я оказалась на месте, с которого открывается широкий вид. Два человека ушли.

Теперь появляются развалины, похожие на старую стену, которую вы показывали мне, нарисованную на бумаге. Вы, кажется, называли ее Сфинксом. Там как бы колонна, на которой стоит статуя; ее верхняя часть — женщина, нижняя — рыба. Кажется, она держит что-то в руках, похожее на мох, или она спит на нем… Какой странный вид! Тут много незнакомого вида людей! Это маленькие женщины и дети. К ногам их привязаны подошвы. Они что-то собирают на земле и кладут в корзинки…

Теперь все исчезло». [23, март, 1887]

Видение это Блаватская пояснила в письме следующим образом: «Это похоже на храм Таши-ламы вблизи Шигадзе. Он построен из материала, похожего на мадрасский цемент, отражающего свет, как мрамор. Поэтому храм, насколько я помню, называют снежным «Хаканом» храмом. На крыше нет ни солнца, ни креста, а нечто подобное, называемое «алгерно-дагоба», — треугольник на трех колоннах с золотым драконом и глобусом. На драконе свастика… Я не помню никакой выложенной камнем дороги. Такой нет, но храм находится на возвышенности и к нему ведут каменные ступени. Сколько их — не помню. Мне никогда не разрешали войти внутрь и я видела храм только снаружи, его внутреннее убранство мне описали…

Почти все храмы Будды (Сонгиасы) построены из желтого камня, который добывают на Урале и в Северном Тибете. Я не знаю его названия, но он похож на желтый мрамор. «Мужчиной в белой одежде» мог быть Учитель, а второй, с «бритой головой» — кто-нибудь из старших «бритоголовых» священников. В этих храмах всегда имеются «двигающиеся картины», на которых показываются геометрические фигуры и математические знаки. Они служат для обучения учеников, изучающих астрологию и науку о символах. «Ваза» — должно быть одна из тех китайских ваз, которые находятся в храмах, имея самые различные назначения. В углах храма стоят статуи разных богов (Дхианов). Крыша (чаще всего) опирается на несколько деревянных колонн, которые разделяют ее на три параллелограмма. Блестящее зеркало «Мелонг» (круглое, как солнце) часто помещают посредине крыши. Я сама однажды приняла это зеркало за солнце.

На куполах иногда имеется тонкий шпиль, пронизывающий золотой диск или серп месяца, опирающийся на глобус со свастикой на нем. Спросите у этой женщины, не видела ли она надпись: «Ом трам ахри хум» (Om tram ah hri hum). Ее часто пишут на Мелонге (круглом медном зеркале) для охраны от злых духов.

Храмы эти, обычно, окружены сосновыми лесами, потому что их и строят непосредственно в таких лесах. Там еще растут: слоновая груша и какое-то китайское дерево, из плодов которого приготовляют чернила. Озеро там безусловно имеется и кругом много высоких гор, если это то место, где живет Учитель. Если же это Шигадзе, то его окружают лишь небольшие возвышенности. В Мела-Гулпо имеются статуи саламандр и сильфов (духов воздуха), похожих на «сфинксов». Только у них нижняя часть тела окутана облаком, это не рыба. Крестьяне там прикрепляют к

ногам только подошвы, как сандалии, и у всех кожаные шляпы. Это все. Этого достаточно?» [19, январь, 1896]

Глава 22
В Ашраме Учителя

Почему прошло так много томительных лет, прежде чем она достигла своей цели? Почему так продолжительны были ее поиски и так много было неудач? «Начиная с первой встречи в 1851 году, когда я впервые увидела Учителя в физическом теле, у меня никогда не было сомнений в нем», — говорила она. Но одного доверия ему недостаточно. «Прежде чем душа сможет предстать перед Учителем, стопы ее должны быть омыты кровью сердца», говорится в книге «Свет на Пути».

Вспоминая «семь лет, предшествующих посвящению», полных борьбы со всякого рода воплощениями зла и легионами чертей, она писала в 1875 году полковнику Олькотту: «…подумайте прежде чем дать свое согласие». И далее в том же письме: «Я, бедная *посвященная*, знаю, что в моей жизни означает слово «пытайтесь», и как часто я дрожала, боясь, что неправильно поняла Его повеления и что буду наказана за то, что выполняя их, зашла слишком далеко». Слово «пытайтесь» можно рассматривать, как постоянный призыв Учителя. Когда с Ним познакомился полковник Олькотт в Нью-Йорке, Он говорил ему: «Тот, кто Нас ищет, находит Нас… Пытайтесь… Не бросайте Клуб. Пытайтесь…» и т. д. Махатма К. Х. писал Синнету: «Вы знаете наш девиз и что практическое его применение исключает слово «невозможно» из языка оккультиста. Если он не устает в своих попытках, он может открыть главное — свое *истинное Я*». [23, март, 1922]

Быть может главным препятствием для Блаватской был ее «Долгоруковский» темперамент, который столько осложнений вызвал в ее жизни в годы детства и юности. Его надо было переплавить, и только она одна могла это сделать.

Полковник Олькотт писал: «Я спросил (Учителя), почему ее пламенный темперамент нельзя было поставить под постоянный контроль, и почему нельзя было переделать ее в спокойную, владеющую собой, женщину, какой она и была при некоторых обстоятельствах?» В ответ ему было сказано, что подобное воздействие привело бы ее к неминуемой гибели. Ее тело оживлял огненный и стремительный дух, который уже с детства не терпел никаких ограничений. И если бы ее чрезвычайной энергии, обуревавшей ее тело, не был дан выход, результат был бы фатальный.

«Мне посоветовали познакомиться с историей ее рода —

Долгоруких, и тогда я пойму, что это значит. Я ознакомился с этой историей, начиная с Рюрика (девятое столетие) и увидел, что этот воинственный род всегда отличался сверхъественным мужеством, проявлением бесстрашия в самые критические моменты, страстной любовью и личной независимостью. Стремясь достигнуть желаемого, они никогда не боялись возможных последствий. В этом отношении типичным был князь Яков Долгорукий, сенатор Петра I. Однажды, будучи в сенате при полном собрании его членов, он разорвал на мелкие клочки какой-то царский указ, который ему не понравился. На последующую угрозу царя он ответил: «Вы можете подражать Александру (Македонскому), но во мне вы найдете человека, подобного Клиту».

Таков был и характер Блаватской. Она не раз мне говорила, что не даст владеть собой никакой силе, ни на земле, ни вне ее. Единственными Существами, пред которыми она преклонялась, были Учителя, но даже с Ними она была временами настолько воинственной, что при таком состоянии ее духа, даже самые мягкие из Них не могли, или вернее, не хотели приближаться к ней. Чтобы достичь такого состояния, когда бы она могла свободно общаться с Учителями, ей необходимо было (как она сама патетически меня уверяла) многолетнее самовоспитание. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь другой вступил на путь с такими трудностями или с большим самопожертвованием». [18, т.1, с. 257—259]

«Есть еще другая, очень важная, причина, почему Учителя не могли насильно, без ее собственного желания, смягчать и утончать характер Е.П.Б. Это было бы незаконным вмешательством в ее личную Карму… Вмешательство парализовало бы ее необузданный темперамент, но ослабило бы ее другие качества, что было бы тяжелой несправедливостью и ни на йоту не ускорило бы ее эволюцию. Это подобно тому, как постоянно держать человека под волей гипнотизера или подвергать больного постоянному воздействию наркотика». [18, т.1, с.263]

«Конечно, ее легко возбуждаемый мозг не вполне соответствовал той деликатной миссии, которую она взяла на себя, но Учителя мне говорили, что, несмотря на это, она была лучшей из всех подошедших. У Них она вызывала особое доверие — она готова была всем рисковать и перенести любые трудности. Больше чем кто-либо другой, владевшая психическими силами, подгоняемая чрезвычайным энтузиазмом, неудержимо стремящаяся к своей цели, физически очень выносливая, — она была для Них самым подходящим, если и не всегда послушным и

уравновешенным посредником.

У другого быть может было бы меньше ошибок в литературных трудах, но он не выдержал бы, как она, семнадцатилетнего напряженного труда и лет на десять раньше ее покинул бы свое тело. И тогда очень многое осталось бы для мира неизвестным». [18, т.1, с.259]

О жизни Е.П.Б. в Ашраме Учителя у нас имеется очень мало сведений. Одно из самых интимных находим в ее письме, которое она написала Синнету 6 января 1886 г.: «…Я опять была (это было много лет тому назад) в доме Махатмы К. Х. Я сидела в углу на циновке, а Он шагал по комнате в своем костюме для верховой езды, Учитель (М.) разговаривал с кем-то за дверью.

«Я напомнить не могу» («I remind can't»), — сказала я в ответ на его вопрос о моей покойной тете. Он улыбнулся и сказал: «Забавным английским языком вы пользуетесь». Тогда я почувствовала смущение, тщеславие мое было уязвлено, и я стала думать (обратите внимание — это было в моем сне или видении, которое было точным воспроизведением, что слово в слово произошло шестнадцать лет тому назад): «Теперь я нахожусь здесь и не говорю ни на каком другом языке, кроме английского, и может быть смогу научиться говорить лучше, разговаривая с Ним».

Поясню: с Учителем я также говорила по-английски, хорошо или плохо — Ему было безразлично, так как Он не говорит на нем, но понимает каждое слово, возникающее в моей голове, и я понимаю Его — *каким образом* это происходит, я не смогла бы объяснить, хоть убей, но я понимаю. С Д(жуал) К(хулом) я также говорю по-английски, Он говорит лучше, чем Махатма К.Х.

Затем, все еще в моем сне, три месяца спустя, как мне было дано понять в этом видении, я стояла перед Махатмой К. Х. у старого разрушенного здания, которое Он рассматривал; и так как Учителя не было дома я передала Ему несколько фраз написанных на языке сензар, который я изучала в комнате Его сестры, и попросила его сказать мне, правильно ли я перевела их, и дала Ему кусочек бумаги, где их фразы были написаны на английском языке. Он взял и прочитал их, поправляя перевод, еще раз перечитал и сказал: «Теперь ваш английский язык становится лучше. Попытайтесь взять из моей головы то немногое, что я об этом знаю». И он положил свою руку мне на лоб, в области центра памяти и нажал его пальцами (я почувствовала несильную боль, как тогда, и холодный трепет, который я уже раньше испытывала); и начиная с этого дня, Он ежедневно проделывал это со мной, в течение приблизительно двух месяцев.

Опять картина меняется и я ухожу с Учителем, который меня осылает обратно в Европу. Я прощаюсь с Его сестрой и ее ребенком, со всеми челами (учениками). Я слушаю, что мне говорят Учителя. Потом прощальные слова говорит Махатма К. Х. Он, как всегда, немного смеется надо мной и говорит: «Итак, вы немногому научились из Сокровенных Знаний и практического Оккультизма, — и кто может ожидать большего от женщины, но вы все же немного научились английскому языку. Теперь вы на нем говорите лишь немногим хуже меня», — и он засмеялся.

Опять картина меняется. Я нахожусь на 47-й улице в Нью-Йорке и пишу «Изиду». Его голос диктует мне. В этом сне или ретроспективном видении я еще раз переписала всю «Изиду» и теперь могла бы сравнить все те страницы и фразы, которые Махатма К. Х. диктовал, а также те, которые Учитель диктовал на моем плохом английском языке, что Олькотт в отчаянии рвал на себе волосы, потеряв ночь за ночью, в кровати, во сне пишущей «Изиду» в Нью-Йорке. Писала определенно как во сне и чувствовала, что слова Махатмы К. Х. запечатлеваются у меня в памяти.

Затем, проснувшись от этого видения (теперь уже в Вюрцбурге) я услышала голос Махатмы К. Х.: «А теперь сделайте правильные выводы, вы, бедная, слепая женщина. Плохой английский язык и построение фраз, даже этому вы научились у меня… Снимите постыдное пятно, которое наложил на вас этот высокомерный человек (Ходжсон), объясните истину тем немногим друзьям, которые вам поверят, ибо публика вам не поверит до того дня, пока не выйдет «Тайная Доктрина».

Я молниеносно проснулась, но все еще не понимала, к чему это относится. Через час пришло письмо графине (Вахмайстер) от Хюббе-Шляйдена, в котором он пишет, что если я не объясню, как получилось, что Ходжсон обнаружил и доказал такое сходство между моим испорченным английским языком и некоторыми выражениями Учителя К. Х., построением фраз и своеобразными галицизмами, то я останусь навсегда обвиненной в обмане, подлоге и т. п. (?!)

Но это понятно, ведь я своему английскому языку училась у Него! Это даже Олькотт поймет. Вы знаете, и это я рассказывала многим друзьям и врагам, что моя няня (у нас их называют гувернантками) научила меня ужаснейшему йоркширскому разговорному диалекту. С того времени, как отец мой повез меня в Англию, полагая, что я великолепно говорю по-английски, и люди его спрашивали, где я получила образование — в Йоркшире или Ирландии и смеялись над моим акцентом и образом речи — я совершенно забросила английский язык и пыталась по

возможности избегать говорить на нем.

С четырнадцати лет до того времени, когда мне стало за сорок, я никогда не говорила по-английски, не говоря уже о том, чтобы писать, и совсем его забыла. Я могла читать, и это я изредка делала, но не разговаривала. Я помню, как трудно мне было в Венеции еще в 1867 г. понять хорошо написанную английскому книгу. Когда в 1873 г. я приехала в Америку, я с трудом могла немного говорить по-английски. Это могут подтвердить и Олькотт и Джадж, и все, кто меня тогда знал. Посмотрели бы вы статью, которую я пыталась составить для «Banner of Light», где я вместо «Sanguine» («сангвинистический», «оптимистический») написала «Sanguinery» («кровавый», «кровопролитный») и т. п.

Я научилась писать по-английски через «Изиду» — это несомненно. Профессор Вильдер (Wilder), который много недель приходил к Олькотту, чтобы помочь ему привести к порядок отдельные части книги и составить индекс, может это засвидетельствовать. Когда я закончила «Изиду», (а эта «Изида» — лишь третья часть того, что я написала, остальное я уничтожила), я уже могла писать так, как пишу теперь, не хуже и не лучше.

Что же тогда удивительного в том, что между моим английским языком и английским языком Махатмы есть общее! Мой язык похож также и на язык Олькотта в своих американизмах, которые я набрала у него за эти 10 лет». [16, с. 478—480]

Как было выше сказано, в Тибете Блаватская изучала язык «сензар», чтобы она могла общаться с Учителями, когда будет в миру, на рабочем поприще. Об этом древнем языке она говорит: «Сензар (Zen-(d)-zar) — язык священнослужителей Древней Индии, которым пользовались только посвященные. Теперь тексты на этом языке обнаруживаются во многих нерасшифрованных рукописях. Еще и в настоящее время его изучают и применяют в среде восточных адептов, в тайных общинах, и называют, в зависимости от места «Сензар» или «Брама-Бхашья», или «Дэва-Бхашья». [23, июнь, 1883]

В «Тайной Доктрине» Блаватская пишет: «Разоблаченная Изида» начинается с указания на некую «старинную книгу». Эта книга — первоисточник, по которому составлены многие тома Киу-ти…[22] Она написала на сензаре — тайном священном языке. Божественные Существа диктовали ее Сынам Света в Центральной Азии в самом начале нашей 5-й Расы. Было время, когда сензар знали все посвященные, когда предки толтеков понимали его так же хорошо, как исчезнувшие жители Атлантиды (4-я Раса), которые в свою очередь получили его от мудрецов 3-й

Расы — Манушей, которые обучились ему у Дэвов 2-й и 1-й Рас». [6, т.1, с.25, 26]

Тиравельский Махатма в ответах на вопросы, которые вызвала книга «Эзотерический Буддизм», говорит: «Чтобы правильно понять эти тексты и объять их внутренний смысл, недостаточно изучения санксритских фрагментов… Их надо читать в свете эзотеризма и лишь после изучения Браминского Тайного Языка». [23, октябрь, 1883]

Блаватская в первой части «Тайной Доктрины» говорит об «эзотерическом катехизисе на сензаре», который она определенно изучала, когда жила с Учителями, ибо «Тайная Доктрина», которую ей надо было писать в последующие годы, требовала знания этого языка. В другом месте она пишет: «Язык священнослужителей (сензар) многое передает особыми знаками, являющимися скорее идеограммами, чем слоговым письмом». И еще: «Сензар, санскрит и другие оккультные языки заключают в каждом знаке свое число, цвет и особый звук, как в древнем еврейском языке». [6, т.1, с.38]

Полковник Олькотт в «Страницах старого дневника» упоминает, что «в переписке Учителей с Блаватской, к которой не был причастен кто-либо третий, они пользовались неким архаическим языком, называемым «сензар». Этот язык подобен тибетскому языку, и Блаватская на нем писала так же свободно, как на русском, французском или английском языках». [18, т.1, с.262]

Олькотт приводит случай, происшедший в апреле 1879 г., когда Блаватская, будучи в Индии и находясь в поезде, захотела что-то передать Учителю: «Она написала на листке из своей записной книжки на двух языках — вверху на сензаре, на котором писались все личные ее письма Махатме, а внизу на английском языке, дала мне это прочесть, оторвала листок и выбросила его в окно». [18, т. II, с.59]

В 1884 году она писала Синнету: «Куломбы украли у меня «особую бумагу» и передали ее миссионерам, уверяя их, что это тайное сообщение, написанное шифром, применяемым русскими шпионами (!) Записку эту миссионеры отдали полицейскому комиссару, там ее пытались расшифровать лучшие эксперты и затем переслали в Калькутту, где в течение пяти месяцев также пытались раскрыть этот шифр и в конце концов отказались от этого. «Это одна из ваших выдумок», — сказал Хьюм. «Это одна из моих старых записей на сензаре», — ответила я. Я вполне убеждена в этом, так как одной страницы в моей пронумерованной записной книжке не хватает. Могу каждому показать это». [14, с. 76]

Еще одну вещь «Упасике» следовало изучить, — «осаждения». («Упасика» — по-тибетски означает «ученица», «чела»). Она говорит: «Я часто видела Учителя с какой-то на китайском языке написанной рукописью, копию с которой он хотел снять. Перед ним лежали чистые листы. Он брал измельченный в порошок черный графит и рассыпал его по бумаге. Частички порошка собирались в знаки письма. Если никто Ему не мешал, то знаки получались правильными, но иногда Его прерывали, и тогда приходилось все переделывать». [14, с.32]

Чтобы несколько прояснить вопрос об осаждении, процитируем некоторые письма, которые она писала после пребывания своего в Тибете. Так в 1886 году она писала Синнету из Вюрцбурга: «Разве Учитель К. Х. сам писал все свои письма? Сколько Его учеников (chelas) осаждали их, знает лишь один Всевышний». [16, с.480]

О процессе «осаждения» Учитель К. Х. дает Синнету следующие объяснения: «Мне надо это сначала продумать, сфотографировать в мозгу каждое слово, каждую фразу, и лишь потом можно передать их «осаждением». Так же как фотокамера, фиксирующая изображение предмета на химически подготовленном светочувствительном слое, требует предварительной правильной фокусировки, ибо в противном случае, как это бывает у плохих фотографов — ноги сидящего не получатся пропорциональными по отношению к голове и т. д., — так же нам, приходится сперва каждую фразу, каждое слово запечатлевать в мозгу. То, что должно появиться на бумаге, сначала становится видимым и прочитывается. Пока это все, что могу сказать. Когда наука узнает больше о тайне *литофила* и о том, каким образом отпечатки листьев появляются на камнях, — тогда я смогу вам лучше объяснить этот процесс…

Но вы должны знать и помнить одно: мы только *следуем природе и стараемся копировать ее деятельность*». [16, с.22]

«Когда Учитель велит чела «осадить» записку или письмо Его почерком, потому что кто-то горячо просит об этом и просьба его созвучна Учителю по оккультным законам, и если «адресат» — человек ответственный и уважаемый Учителем, то он получает по заслугам, — говорит Е.П.Б., — Тогда Учитель, который не имеет возможности сам спуститься до нашего уровня, дает соответствующий приказ своему чела и тот следует приказу, проявляя все свое умение. Если при этом произойдет отклонение от правильного пути, — это вина чела и того, кто побеспокоил Учителя своими мелкими житейскими делами. Но всегда, когда просьба о вмешательстве Учителя горяча и достаточна чиста (хотя в Его понимании может быть и глупа), Учитель говорит

челе: «Успокой его таким и таким образом». [23, февраль, 1908]

Учитель К.Х. говорил: «Когда мы переписываемся с внешним миром, мы доверяем чела передать наше письмо или какую-нибудь весть. Часто наши письма — за исключением редких случаев, когда речь идет о чем-то очень серьезном или тайном — бывают написанными нашими чела нашим почерком. В последние годы некоторые мои адресованные вам письма были осаждены, и когда это осаждение по какой-либо причине прерывалось, то тогда мне только надо было привести в порядок свои мысли, принять соответствующее положение и думать, а моему верному чела оставалось лишь собрать мои мысли и стараться как можно реже ошибаться». [16, с.296]

Было ли это «копирование» мыслей Учителя тем, чему училась Блаватская в Мингрелии? Ее сестра говорила: «… казалось, она находится в состоянии комы», хотя Блаватская сама утверждала, что это «не кома, а состояние глубочайшего сосредоточения, когда малейшее рассеяние приводит к ошибкам» [20, с.115]

Учитель К.Х. так описывает этот процесс: «Проведенные недавно в Обществе экспериментальные исследования помогут вам понять процесс этого ментального телеграфа. В этих опытах геометрическая или какая иная фигура создается в активном мозгу и постепенно, как бы серией репродукций, внедряется и запечатлевается в воспринимающем пассивном мозгу. Нужны два фактора, чтобы в ментале воспринимающего появилась эта телеграмма — сильная концентрация мысли ее автора и полная пассивность ума принимающего сообщение. Если один из этих факторов отсутствует, то результат, соответственно, получается неудовлетворительным. Читающий послание не видит отиска в мозгу телеграфирующего, он как бы рождается в его собственном мозгу. Если мысли его блуждают вокруг, ток прерывается, единение нарушается и передача не получается». [16, с. 422, 423]

Блаватская так комментирует осаждения, сделанные челами (особенно теми, которые не знали английского языка): «Как много раз я (не Махатмой) была пристыжена, напугана, когда мне показывали письма, написанные Его почерком (это способ, который был принят в Т. О. и которым пользовались челы, *но никогда это не делалось без Его специального разрешения или приказа*) — с грамматическими ошибками, и в которых Его мысли были выражены на таком плохом языке, что содержание их совершенно искажалось…

Очень редко Махатма К. Х. диктовал свои мысли слово за словом. Обычно Он говорил: пиши так и так, — и чела писал, часто не зная ни слова по-английски. Так и мне теперь

приходится писать по-еврейски, гречески или на латыни и других языках (это было в 1886 году, когда она писала «Тайную Доктрину»). Два или три раза челы, не знающие английского языка, осаждали письма в моем присутствии и тогда мысли и выражения они брали из моей головы». [10, с. IX, X, XI]

Выше было много сказано о том, как происходит осаждение челами мыслей Учителей, но им приходилось также учиться и тому, как посылать сообщения Учителям. Об этом Блаватская говорила:

«Письма «посылались» двумя-тремя способами:

1. Я кладу запечатанный конверт на свою голову, затем предупреждаю Учителя, чтобы Он был готов принять сообщение, и позволяю исходящему от Него току принять содержание письма, отраженное в моем мозгу. Так происходит, когда письмо написано на языке, который я знаю, но все происходит иначе, если письмо на неизвестном мне языке;

2. Я вскрываю письмо, читаю написанное, не понимая слов, призываю внимание Учителя и тогда письмо преображается на его собственном языке. После этого, чтобы быть уверенной, что не произошло ошибки, я сжигаю письмо на огне, добытом с помощью имеющегося у меня камня (спички и обыкновенный огонь не годятся), получается зола, частицы которой мельче атомов, а затем происходит *рематериализация*, как бы далеко это не происходило от места, где находится Учитель». [23, декабрь, 1907]

Эти уроки, полученные Блаватской в Ашраме Учителя в Тибете, отразились на ее эзотерическом состоянии, подготовили ее к предстоящей работе во внешнем мире. Это была оккультная тренировка, разнообразная подготовка тела для того, чтобы она смогла быть хорошим проводником для Учителя и оповещать людей внешнего мира о существовании другого мира. Ее деятельность в России в период с 1859 по 1863 год подтверждает это.

Когда началась эта оккультная тренировка говорит один фрагмент из книги Синнета «Эпизоды из жизни Блаватской». Он пишет: «Чтобы сделать это понятным, приведу ее собственное объяснение. Она никогда не скрывала, что уже с детства, примерно до 25 лет, была очень сильным «медиумом». После этого периода, благодаря регулярным психическим и физическим упражнениям, она потеряла эту пугающую всех способность, и все медиумические проявления вне ее воли и контроля были подавлены». [20, с.84]

Итак, следовательно, ее упражнения под руководством Учителя начались, когда ей исполнилось 25 лет. Это время, когда

она во второй раз была в Индии в 1855—1857 гг. Когда в 1864 году ее путь приводит ее к жилищу Учителя, эти упражнения внутреннего порядка активизируются и ускоряются. Об этой стадии мы сможем узнать лишь тогда, когда сами подойдем к этому в своем внутреннем опыте.

Глава 23
Кратковременная поездка в Европу

В биографии, составленной А. Безант, отмечена ее кратковременная поездка в Италию в 1867 году. Поездка эта была полна приключений. Прежде всего, она отправилась с больным ребенком, которого взяла в Болонье, в надежде спасти ему жизнь. Ей не удалось довезти его живым к гувернантке, выбранной для него Бароном, и его похоронили в небольшом городке на юге России. «Не сообщая об этом родным, я вернулась в Италию с тем же паспортом», — писала она.

«Затем следуют Венеция, Флоренция, Ментана. Что я делала там, об этом всю правду знают лишь Гарибальди (сыновья) и еще Синнет, — и некоторые мои родные, но сестра не знает». [14, с.144] «Я была в Ментане в 1867 году в октябре, во время битвы. Уехала я из Италии в том же году, в ноябре. Была ли я туда *послана* или попала туда случайно, это вопрос, который относится лишь к моей частной жизни». [8, т. XIX, с.292]

В первом альбоме вырезок Блаватская записала свой отклик на статью «Воинственные женщины», в которой она названа «начальником штаба гарибальдийцев»: «Каждое слово в этой статье — ложь. Никогда я не состояла в штабе Гарибальди. С друзьями поехала в Ментану, чтобы помочь бороться против папистов, но сама оказалась раненой. Никого это не касается, и меньше всего — репортера».

Полковник Олькотт пишет: «Она мне говорила, что была свободомыслящей и сражалась вместе с Гарибальди в Ментане, в кровавом бою. Как доказательство, она мне показала перелом левой руки в двух местах от удара сабли и попросила прощупать в своем правом плече пулю от мушкета и еще другую пулю в ноге. Также показала мне рубец у самого сердца от раны, нанесенной стилетом. Рана эта вновь открылась, когда она была в Читтендене. Она попросила тогда моего совета и потому показала мне рану. Это была более старая рана; еще в 1859 или 1860 году она открывалась в Ругодеве… Мне иногда кажется, что никто из нас — ее коллег, вообще не знал действительную Е.П.Б., что мы имели дело только с искусно оживленным телом, настоящая ее джива была убита в битве под Ментаной (2 ноября 1867 года), когда она получила эти пять ран и ее, как умершую, извлекли из канавы» [18, т.1, с.9, 263, 264]

От полученных ран она излечилась во Флоренции. Она пишет: «Сербского господаря убили в 1868 году, когда я была во

Флоренции после Ментаны, перед отъездом в Индию через Константинополь. …Вы же знаете, что было в Ментане в октябре 1867 года (Олькотт более точен, упоминая ноябрь). Во Флоренции я была около Рождества, может быть на месяц раньше… Из Флоренции я поехала в Антемари, по дороге в Белград, где в горах я должна была встретить и сопровождать до Константинополя (как повелел Учитель) известного от Сербии до Карпат… (имя в тексте не указано). Пожалуйста, не говорите про Ментану и про Учителя, я вас очень прошу…» [14, с. 151—153]

Ссылка на смерть сербского господаря затрагивает интересную тему — ее совместную работу с Учителем Илларионом. Это тот Учитель, которого Махатма К. Х. назвал «Адепт, который пишет рассказы вместе с Е.П.Б.» («Письма Учителей Мудрости», т.1). Один из его рассказов озаглавлен «Одухотворенная скрипка» и подписан «Илларион Смердис, Т. О., Кипр, 1 октября 1879» (Е.П.Б. иногда называла его «Кипрским Адептом»). Рассказ помещен в ее «Таинственных рассказах» (Nightmare Tales), которые вышли в 1892 году. Другой рассказ — «Может ли двойник убить?» основан на факте — смерти сербского господаря. Его можно найти в «Теософисте» за январь 1883 года, в первый раз он появился в журнале «New York Sun» в 1870-х годах в серии «Необыкновенные рассказы», которые Е.П.Б. публиковала под псевдонимом «Хаджи Мора». Нет ли в этом псевдониме завуалированного указания на ее паломничество в Мекку? Может быть это имя, которое она использовала в том путешествии?

Так как Е.П.Б. была участницей или свидетельницей событий одного из этих рассказов, то мы приводим здесь вкратце его содержание:

«В одно утро 1867 года из Восточной Европы пришло известие, что Михаил Обренович, сербский наследный князь, его тетя, принцесса Екатерина, или Катинка, как ее называли и ее дочь были убиты средь бела дня, в их собственном саду под Белградом. Убийца или убийцы остались неизвестными… Ползли слухи, что это кровавое преступление совершил князь Кара-Георгиевич, давно претендовавший на занятие сербского престола, отцу которого Обренович нанес какую-то большую обиду…

В разгаре последовавших в Белграде политических событий эта личная трагедия была забыта и только одна старая сербская дама, очень преданная семье Обреновичей, никак не могла успокоиться после совершенного убийства. У гроба убитого она поклялась отомстить за его смерть, распродала свое имущество и исчезла. Когда я была в Белграде и множество гостей толпилось вокруг моей скромной персоны, мне рассказывали

необыкновенные вещи об этой старой даме, о ее оккультных знаниях. Эту даму (я назову ее госпожой П.) всегда сопровождала другая особа, которой суждено было стать героиней нашего рассказа. Это была молодая цыганка, лет четырнадцати. Где она родилась, кем была раньше, она так же мало знала, как и все остальные. Мне говорили, что цыганка эта из табора, бродившего по стране, что ее маленькой девочкой подкинули к дому госпожи П., у которой потом она стала жить. Ее называли «спящей девушкой», потому, что она могла заснуть в любых условиях и, проснувшись, подробно и ясно рассказывала о своих снах. Девушку звали Фросей.

Примерно через 18 месяцев после совершения белградского преступления, слух о нем дошел до Италии, где я в то время находилась. Я путешествовала по стране в маленьком фургончике, впрягая в него лошадь. Однажды я повстречалась с одним старым французом — ученым, который, как и я, путешествовал в одиночестве, с тем лишь различием, что он шел пешком, а я тряслась в фургончике, сидя на высоком троне из сена. Я наткнулась на него в одно прекрасное утро, когда он дремал в траве, и чуть не перехал его, увлекшись наблюдением окружающих мест. Знакомство состоялось быстро, никакой церемонии представления не потребовалось, потому что я раньше слышала его фамилию в кругах, интересующихся месмеризмом, и знала его как сильного адепта из школы Дюпотэ.

— Я нашел очень интересный объект в одной прекрасной «Тебайде», — сказал он мне во время беседы, когда я посадила его рядом с собой на ложе из сена. — Сегодня вечером у меня назначена встреча с этой особой. Они хотят раскрыть какое-то таинственное преступление с помощью ясновидящей девушки. Она удивительна, очень, очень удивительна.

— Кто она такая? — спросила я.

— Румынская цыганка. Кажется, она воспитана в семье сербского князя. Этого князя уже нет в живых. Считается, что он убит. Будьте внимательны! Вы нас опрокинете! — вдруг вскричал он, выхватив без церемоний из моих рук вожжи и с силой натянув их.

— Вы говорите о князе Обреновиче? — взволнованно спросила я.

— Да, действительно про него. Сегодня вечером мне надо быть там и я надеюсь закончить свою серию сеансов и достичь удивительных проявлений силы человеческого духа. Вы можете мне сопутствовать. Я Вас представлю. И, кроме того, Вы мне можете помочь как переводчик, ибо они совершенно не говорят по-французски.

Я была убеждена, что если сомнамбулой была Фрося, то там должна быть и госпожа П. и поэтому охотно согласилась. К заходу солнца мы достигли подножия холма, на вершине которого был очень красивый старинный замок.

Когда мы остановились у входа, и француз галантно стал возиться с моей лошадью, я увидела, как со скамьи, стоявшей в тенистом углу возле входа, поднялась навстречу нам стройная фигура женщины. Это была госпожа П., мой старый друг, еще более бледная и таинственная, чем она была всегда. Она не показала и тени удивления, увидев меня, а просто приветствовала меня по сербскому обычаю — трекратным поцелуем, и повела прямо в замок.

Там на маленькой подстилке, лицом к стене, сидела Фрося. Она была одета в валахский национальный костюм. На ней было что-то вроде газового тюрбана с золочеными бусами и висюльками, белая блуза с широкими рукавами и красочная юбка. Она была бледна как смерть. Глаза закрыты, лицо каменное, как у сфинкса, что так характерно для сомнамбулы в состоянии транса. Если бы ее грудь не подымалась и опускалась при каждом вздохе и не слышно было бы бренчания бус и висюлек, то можно было бы подумать, что она мертва. Француз объяснил мне, что он ее усыпил, когда мы приближались к замку, и что в таком состоянии она была и в предыдущий вечер. Затем он начал работать с «объектом», как он называл Фросю. Не обращая уже на нас никакого внимания, он взял ее руку, быстро проделал с нею разные движения, и она стала неподвижной, как из железа. Затем он согнул все ее пальцы, за исключением среднего, который он повернул в направлении вечерней звезды, сиявшей в синеве неба. Потом повернулся и стал ходить то вправо, то влево, посылая какие-то свои невидимые флюиды, как это делает художник с палитрой в руках, нанося на картину свои последние мазки…

В это время уже наступила ночь и луна осветила все вокруг своим спокойным, ясным светом. Ночи в этих местах были такими же прекрасными, как на Востоке. Французу приходилось проводить свои опыты на открытом месте, так как церковный служитель запретил производить их в замке, чтобы в святое помещение не проникли злые духи, которых он, как чужестранец, не смог бы изгнать. Старый господин снял свою дорожную блузу, засучил рукава и, приняв театральную позу, начал регулярную месмеризацию. Его чуткие пальцы излучали флюиды, искрящиеся в лунном свете. Фросю поместил он лицом к луне и каждое движение девушки было ясно видно как днем. Через несколько минут на лбу ее появились большие капли пота и медленно

стекали вниз по ее бледному лицу, сверкая в лучах луны. Она беспокойно задвигалась и стала что-то тихо напевать. Госпожа П. наклонилась над девочкой и внимательно слушала, стараясь уловить каждое слово. Держа свой палец у губ, с глазами, которые, казалось выходили из орбит, старая госпожа превратилась в статую внимания.

Внезапно Фрося, поднятая как бы сверхъестественной силой, стала прямо перед нами — тихая и неподвижная, — ожидая, куда направит ее магнетический флюид. Француз молча взял руку старой госпожи и вложил ее в руку сомнамбулы и велел последней войти в *общение* с госпожой.

— Что ты скажешь, дитя мое? — тихо пробормотала старая сербиянка. — Может ли твой дух найти преступника?

— Ищи и увидишь, — строго приказал месмеризатор, неотрывно глядя на девушку.

— Я уже в дороге, я иду, — тихо прошептала Фрося и казалось, что голос ее шел не от нее, а из окружающей атмосферы.

В этот момент случилось что-то настолько сверхъестественное, что я сомневаюсь, смогу ли это описать. Появилась блестящая, размытая в своей форме, тень и поглотила тело девушки. Она то расширялась, то сужалась, иногда как бы отрывалась от тела и затем, сгустившись из туманности, внезапно приняла облик девушки. Колеблясь над поверхностью земли, дух закружился, соскользнул к реке и рассеялся, как туман, в лучах месяца. Я следила за всем происходящим с напряженным вниманием. Перед моими глазами происходило таинственное дело, которое на Востоке называется *скин-лекка*. Можно было не сомневаться (и Дюпотэ об этом правильно говорит) в том, что месмеризм — это осознанная магия древних народов, а спиритуализм — это неосознанное воздействие этой же магии на некоторые организмы.

Как только двойник девушки оставил ее, госпожа П. быстрым движением руки вытащила у себя нечто, похожее на небольшой стилет, и так же быстро передала его девушке. Это произошло так легко и быстро, что месмеризатор, погруженный в свою деятельность, ничего не заметил. На несколько минут воцарилась мертвая тишина, мы были похожи на группу людей, превращенных в камень. Внезапно с уст находившейся в трансе девушки послышался потрясающий крик. Она наклонилась вперед, подняла стилет и стала яростно размахивать им в воздухе, как будто нанося им раны какому-то врагу. Изо рта ее шла пена и дикие вопли не прекращались. В ее выкриках я несколько раз уловила два знакомых нам мужских имени.

Месмеризатор был напуган и потерял над собой контроль. Ему следовало бы оттянуть флюид от девочки, а он, наоборот, еще больше усилил его.

— Будьте осторожны! — вскричала я. — Остановитесь, Вы убьете ее или она убьет Вас!

Но француз необдуманно пробудил такие природные силы, которые он не мог одолеть. Яростно кружась во все стороны, девушка неожиданно бросилась на него с такой силой, что если бы он не успел отскочить в сторону, она убила бы его. Все обошлось лишь небольшой царапиной на правой руке. Бедного старика охватила паника. Несмотря на свой огромный рост, он со сверхъестественной ловкостью вскарабкался на стену, устроился на ней верхом и, собрав остатки воли, послал по направлению к девушке ряд приказаний. Оружие выпало из руки девушки и она стала недвижимой.

— Что ты делала? — хриплым голосом вскричал месмеризатор на французском языке. — Отвечай, я тебе приказываю.

— Я делала только то, что она, которую вы велели мне слушаться, приказывала мне делать, — ответила ему девушка, также на французском языке.

— Что велела тебе делать эта старая карга? — спросил он ее, оставив всякую галантность.

— Найти тех, которые убили, и убить их. Я это сделала, и их больше нет. Отомщены! Они отомщены!

В воздухе прозвучал торжествующий крик злобной радости. Он пробудил спавших по соседству собак, и как бы в ответ на крик госпожи, начался безостановочный собачий лай.

— Я отомщена, я это чувствую, я это знаю. Мое чуткое сердце говорит мне, что моего врага уже нет. — И тяжело дыша, старая дама упала как подкошенная, увлекая в своем падении девушку.

— Я надеюсь, что мой «объект» ничего больше этой ночью не сделает. Она была очень опасна, но все равно это удивительный «объект», — сказал француз…

Мы расстались… Через три дня после этого я была в Т. (Тимишоаре); сидела в ресторане в ожидании обеда, и в руки мне попала газета. Первая же страница ее заинтересовала меня:

«Вена, 186… г. Два загадочных убийства. Прошлым вечером, в 9.45, два человека вдруг пришли в ужасное волнение, как от неожиданно появившегося страшного привидения; они кричали, бегали по комнате, размахивали руками, как бы отражая удары невидимого оружия. Они не обращали внимания на недоуменные вопросы их хозяина и прислуги. Затем они судорожно упали на пол и скончались в сильной агонии. На их телах не оказалось

признаков паралича или следов каких-либо ран, но, что странно, на них позже были обнаружены многочисленные темные пятна и продолговатые отметины, сделанные без повреждения кожи. Вскрытие показало, что под каждым из этих загадочных пятен оказались сгустки свернувшейся крови. Этот случай сильно взволновал общество… Полиция оказалась не способна раскрыть преступление…»

Таков был результат эксперимента с цыганкой Фросей…»

Всё это, возможно, произошло непосредственно перед самым возвращением Е.П.Б., и ее Учителя, в Индию. Она описала в письме к своим родственникам в России один эпизод из своего путешествия. Вера Джонстон (дочь В. Желиховской) опубликовала комментарий на этот отрывок в журнале «The Path» в январе 1895 года:

«Естественно ближайшие родственники Е. П. Блаватской имели некоторые сомнения относительно этого таинственного индусского учителя. Они называли его не иначе как «языческий колдун».[23] Е.П.Б. всеми силами пыталась изменить их точку зрения. Она объясняла, что ее Учитель глубоко уважал христианское учение. Однажды ей пришлось провести семь недель в лесу неподалеку от Каракорумских гор в полной изоляции, и только Учитель ежедневно навещал ее.

Когда она там находилась, то в пещерном храме ей было показано несколько статуй великих учителей мира, среди которых: «Огромная статуя Иисуса Христа в момент прощения Марии Магдалины; Гаутама Будда, предлагающий воду нищему; Ананда, пьющий из рук парии…»

Можно предположить, что теперь несколько прояснился маршрут, по которому она следовала из Италии в Тибет. «Майор Кросс, вместе с женой и дочерью посетивший Торонто… интересно и подробно описал свое путешествие по северо-западному Тибету, во время которого он получил сведения о продвижении одной белой женщины через трудно проходимую страну на север в ламаистский монастырь в 1867 году. Местные старики рассказывали ему, что были поражены при виде этой необычной путешественницы. Он решил, что это была Блаватская, а те, с кем он беседовал, сказали, что это было через десять лет после восстания сипаев. Майор Кросс сказал, что он никогда не был теософом, но его очень заинтересовала история о путешествии Блаватской, которую ему рассказали… Он является управляющим чайной плантации и других имений Далай-Ламы в Тибете, куда он сейчас возвращается». [9, июнь, 1927]

Глава 24
Из Ашрама Учителя обратно в Мир

Оправившись от ран, полученных в битве у Ментаны, в 1868 году Е.П.Б. вернулась в Тибет. Она рассказывала, что в том году впервые встретила Учителя Кут Хуми, поэтому можно предположить, что он отсутствовал, когда она впервые останавливалась в ашраме своего Наставника. Представляет интерес отрывок из статьи «Мадам Блаватская о заблуждениях м-ра Лилли», написанной в 1884 году:

«Что касается выдумки о том, что Махатмы Кут Хуми не существует вовсе — то это просто абсурд. Прежде чем он предпримет что-нибудь подобное, ему придется вначале опровергнуть показания одной дамы, проживающей в России, чья правдивость и беспристрастие ни у кого из нас не вызывают сомнения, в 1870 году она получила письмо от этого Учителя. Может быть это опять подлог? Что же касается моего пребывания в Тибете в доме Учителя Кут Хуми, то у меня припасены неопровержимые доказательства, которые я предъявлю, если в них возникнет необходимость…

Я не встречалась с корреспондентом м-ра Синнета [Учителем К.Х.] до 1868 года… Если м-р Лилли утверждает, что Кут Хуми это не тибетское имя, то мы в ответ говорим, что никогда не настаивали на этом. Каждый знает, что Учитель родом из Пенджаба, а его семья много лет назад обосновалась в Кашмире. Но если м-р Лилли утверждает также, что эксперт из Британского Музея не нашел в тибетском словаре слова «Кут» и «Хуми», то я скажу ему: «Купите лучший словарь» или «найдите другого эксперта». Пусть он поищет в словарях Моравинских Братьев и их лексиконах». [8, т. XIX, с.292]

Письмо, на которое ссылалась Е.П.Б., было получено Н. А. Фадеевой, ее теткой. В 1884 году она писала полковнику Олькотту из Парижа: «Случилось так, что я чудесным образом получила письмо. В то время моя племянница была на другом конце света, и никто точно не знал, где она находилась. Это обстоятельство заставляло нас очень беспокоиться. Все наши поиски закончились безрезультатно. Мы уже были готовы поверить, что ее нет в живых, но где-то в 1870 году или немного позднее, я получила письмо от того, кого вы, по-моему, называете Кут Хуми. Мне его доставил самым невероятным и таинственным образом некий посланец с азиатскими чертами лица, который затем исчез прямо у меня на глазах. В письме содержалась

просьба не беспокоиться за судьбу Елены и уверения, что она в полной безопасности. Это письмо находится у меня в Одессе. После моего возвращения туда, я непременно перешлю его вам и буду очень рада, если оно окажется полезным».

Она, действительно, отослала письмо, и сейчас оно хранится в архиве Теософического Общества. В левом нижнем углу конверта имеется карандашная пометка по-русски:

> «Получено в Одессе 7 ноября о Еленке, возможно из Тибета. 11 ноября 1870 г.
>
> *Надежда Ф».*

Само письмо написано на французском «почерком» Учителя Кут Хуми. Вот его перевод:

> «Достопочтимой госпоже
> Надежде Андреевне Фадеевой,
> Одесса.
> Уважаемым родственникам мадам Блаватской нет причин для беспокойства. Ваша дочь и племянница не покинула этот мир. Она жива и желает передать тем, кто ей дорог, что у нее все хорошо, и что она счастлива в своем далеком убежище. Она была очень больна, но это уже позади, ибо она находится под защитой Господа Сангьяса[24] и нашла преданных друзей, охраняющих ее физически и духовно. Поэтому будьте спокойны. Через восемнадцать месяцев она вернется в семью».[25] [13, т. II, с.5]

«Я вернулась из Индии на одном из первых пароходов». [14, с.153] «В ноябре 1869? Возможно, насколько я помню. Мы никуда не причаливали. Я знаю, что это был год открытия [Суэцкого] канала, когда там присутствовала Императрица Франции. Была ли она там уже несколько месяцев или только что приехала — я не могу сказать. Но мои воспоминания связаны с возбуждением на борту и постоянными обсуждениями по этому поводу. Наш пароход или следующий за ним был третьим, пересекшим канал.

11 ноября 1870 года моя тетя получила письмо от Учителя. Я, насколько помню, пересекла канал в декабре. Миновав Кипр, мне кажется, это было в апреле, наш пароход «Евмония» взорвался. В октябре 1871 года я прибыла в Каир из Александрии. В мае 1872 года вернулась в Одессу — «восемнадцать месяцев спустя» после получения моей тетей письма от Учителя. Значит, если она точно указала дату получения, то это был год открытия канала, когда я

проплывала через него». [14, с.215]

Официальное открытие Суэцкого канала было 16 ноября 1869 года, а 17-го через него прошли 68 кораблей. Похоже, что судно, на котором находилась Е.П.Б., проходило в 1870 году (год спустя после открытия)… В другое время она говорила:

«Прибыв в Грецию, я там увидела Иллариона, но не могу и не должна говорить, *в каком месте*. Затем в Италии у порта Специя наш пароход взорвался. Потом я поехала в Египет, сначала в Александрию, где у меня подошли к концу все деньги, и я выиграла несколько тысяч франков, поставив на номер двадцать семь, (не упоминайте об этом), затем отправилась в Каир, пробыла там с октября или ноября 1871 года по апрель 1872 года, всего четыре или пять месяцев и только в июле оказалась в Одессе, так как я перед этим посетила Сирию, Константинополь и другие места. Я отправила мадам Себир впереди себя, ведь от Александрии до Одессы всего четыре или пять дней ходу». [14, с.153]

Корабль «Евмония» вез порох и фейерверки. Из четырехсот его пассажиров спаслись только шестнадцать. Греческое правительство обеспечило доставку этих пассажиров до места их назначения, и поэтому Е.П.Б. оказалась в Каире без средств до получения ею денег из России. Она отправилась в отель Де-Ориент, где мадам Куломб (Мисс Эмма Каттинг) проявила заботу о ней.

Е.П.Б. писала из Каира своим друзьям, что «попала в кораблекрушение и вынуждена была задержаться в Египте, тем временем она решила основать Спиритуалистическое Общество для исследования медиумов и феноменов согласно теориям и философии Алана Кардека… Ради этого она готова была преодолеть любые трудности». [20, с.124]

Доктор А. Л. Роусон в статье, опубликованной в «Frank Leslie Popular Magazine» в феврале 1892 года писал, что Паоло Метамон, известный коптский маг, автор нескольких очень любопытных книг, содержащих астрологические формулы, магические заклинания и гороскопы, с удовольствием показывавший их посетителям, после обстоятельного вступления посоветовал ей задержаться». [22]

Это был старый коптский друг Е.П.Б, но она не последовала его совету.

«Несколько недель спустя, — продолжает Синнет, — (ее родственниками) было получено еще одно письмо. В нем она отзывается с негодованием о предпринятом ею начинании, завершившимся полной неудачей. По-видимому, она писала в Англию и Францию в поисках медиума, но безуспешно. В

отчаянии она окружила себя непрофессиональными медиумами — французскими спиритками, в основном нищими бродягами, если не авантюристками из тылов армии Лессепа, ведущей строительные работы на Суэцком канале».

«Они воруют деньги Общества, — писала она, — они пьют как пропойцы, а теперь я поймала их на бесстыдном обмане во время сеанса. У меня были очень неприятные сцены с людьми, пытавшимися переложить на меня одну ответственность за все. Поэтому я выставила их, и мне самой придется оплачивать квартиру и мебель.

Мое знаменитое «Спиритуалистическое Общество» не просуществовало и двух недель — это груда руин, величественных и неприступных, как могилы фараонов…

Комедия едва не завершилась драмой, когда меня чуть не застрелил один сумасшедший грек, который присутствовал на двух наших сеансах и был одержим каким-то гнусным видением». [20, с.125]

Архивы MS. содержат следующие дополнительные детали: «Он бегал по улицам и базарам Каира с курковым револьвером, выкрикивая, что я три ночи подряд подсылала ему демонов, едва не задушивших его.

Он ворвался в мой дом с револьвером в руках и обнаружив меня в столовой, заявил, что пришел убить меня, но подождет, пока я закончу свою трапезу. Это было очень любезно с его стороны, и я воспользовавшись этим, *заставила* его, бросив свой пистолет, стремглав бежать из моего дома. Сейчас он заперт в психиатрической лечебнице, и я поклялась навсегда положить конец подобным сеансам — они слишком опасны, а я не настолько сильна, чтобы держать под контролем злые привидения, которые могут досаждать моим друзьям.

Я говорила вам прежде, что этот вид смешанных сеансов с негодными медиумами — настоящий водоворот дурного магнетизма, где так называемые духи (злые кикиморы!) буквально пожирают нас, как губкой впитывают наши жизненные силы и низвергают нас до своего уровня. Но вы никогда не поймете этого, не прочитав хотя бы часть того, что написано по данному поводу». [22]

Как это опасно не только для присутствующих, но и для медиума, следует из письма Е.П.Б. своей сестре Вере, написанного в Каире: «Моя подруга, молодая англичанка — медиум, стояла, записывая что-то на листках бумаги, опершись на древнее египетское надгробие. Карандаш ее выводил какую-то тарабарщину… как вдруг из-за ее спины я заметила, что записи она начала вести на русском языке. Я вовремя успела помешать

ей уничтожить этот листок бумаги, как она уничтожила остальные. Каково было мое удивление, когда в ее записях я обнаружила обращение к себе по-русски!

«*Барышня*, милая *барышня*, помоги, о помоги мне, несчастной грешнице! Я страдаю, пить, пить, дай мне пить!..»

Бедная девушка, едва написав по-русски адресованные мне слова, вся задрожала и попросила напиться. Ей принесли воду, но она отвергла ее и продолжала просить пить. Тогда ей предложили вина, и она жадно выпила один за другим несколько стаканов, а затем к ужасу окружающих забилась в судорогах с криком «вина, пить!» потеряла сознание. В таком состоянии ее отвезли домой в экипаже. Несколько недель после этого она была больна». [20, с.129, 130]

Мистер Синнет писал: «Последовали новые сплетни и скандалы. Негодяи, посещавшие «Спиритуалистическое Общество» из любопытства, убедившись в его полном провале, обратили все это себе на пользу. Высмеивая идею феноменов, они провозгласили их мошенничеством и шарлатанством. Умело извращая факты, они не останавливались ни перед чем, пытаясь представить дело так, что медиумы не оплачивались Обществом, а сама мадам Блаватская наживалась на них, выдавая шарлатанские трюки за настоящие феномены.

Беспочвенные наговоры и слухи, распространяемые ее врагами, в основном уволенными «медиумами-француженками» не помешали госпоже Блаватской продолжать свои изыскания и доказывать каждому честному исследователю, что ее необыкновенные способности ясновидения есть непреложный факт, ее умение передвигать предметы при помощи взгляда с годами возросло.

М. Г. Яковлев, посетивший в то время Египет, писал: «Однажды я показал ей закрытый медальон, изготовленный в Москве. В нем был портрет одного человека и прядь волос другого, о нем знали очень немногие. Не прикасаясь к нему, она сказала мне: «Это портрет вашей крестной, а прядь волос принадлежит вашей кузине. Обе уже умерли». Затем она стала описывать их, как будто они были перед ее глазами. Как могла она это знать!» [20, с.126, 127]

Доктор Роусон писал, что Е.П.Б. говорила графине Казиновой, «что она разгадала по крайней мере одну из египетских тайн и продемонстрировала это, выпустив змею из сумки, спрятанной в складках ее платья». [22]

Полковник Олькотт говорил: «Я узнал от очевидца, что во время пребывания Е.П.Б. в Каире в ее комнате происходили самые необыкновенные феномены, например, настольная лампа

перемещалась по воздуху с одного стола на другой, как будто кто-то нес ее в руке; тот самый таинственный Копт вдруг исчезал с дивана, на котором он сидел, и много других чудес». [18, т.1, с.23]

Что касается ее писем к сестре того времени, то по свидетельству господина Синнета часть их состояла из листков, вырванных из записной книжки и исписанных карандашом. Странные события, о которых говорится в них, были зафиксированы на ходу — в тени великой пирамиды Хеопса или в склепе Фараона. Оказывается, госпожа Блаватская была там несколько раз, а однажды с большой компанией, где было несколько спиритуалистов. Некоторые удивительные феномены, затем описанные ее компаньонами, произошли в пустыне средь бела дня, когда они расположились на какой-то скале; в других же записях госпожи Блаватской упоминается странное видение, наблюдаемое в непроглядной тьме царского склепа, где она в одиночестве провела ночь, уютно устроившись внутри саркофага». [20, с.129]

Выполнив различные поручения, она упоминает о Греции, Сирии, Константинополе и «некоторых других местах — она навестила свою семью, ненадолго остановившись в Одессе. В 1872-73 годах она ездила с фортепианными концертами по Европе под именем «Мадам Лаура». Согласно утверждению своего кузена, графа Витте, она какое-то время дирижировала придворным хором короля Сербии Милана. Доктор Корсон говорил: «Моя мать рассказывала, что Е.П.Б. импровизировала за пианино, демонстрируя при этом такое редкое мастерство, как будто ею руководил дух». [21, с.33] Это было в Итаке, Нью-Йорке в 1875 году.

Полковник Олькотт писал: «Она была великолепной пианисткой, ее игру отличала эмоциональность, выразительность, совершенство. Ее руки были идеальной моделью для скульптора, когда летая по клавиатуре, извлекали из нее божественные звуки. Она была ученицей Мошеле и еще девочкой в Лондоне исполняла на благотворительном концерте с Кларой Шуман и Арабеллой Годдард пьесу Шумана для трех фортепьяно. Некоторое время спустя я узнал от членов ее семьи, что незадолго до ее приезда в Америку, Е.П.Б. предприняла концертное турне по Италии и России под псевдонимом «Мадам Лаура».

За все время нашего знакомства она играла очень редко…

Временами, поглощенная общением с одним из Махатм, она играла особенно красиво. Сидя в сумерках за прекрасно звучащим инструментом, она исполняла такие импровизации, что их можно было принять за Гандхарвов или небесных певчих». [18, т.1, с.458,

459]

Е.П.Б. писала Синнету: «В марте 1873 года из Одессы отправилась в Париж вместе со своим кузеном Николаем Ганом [сыном дяди Густава Гана (брата отца) и графини Адлерберг], остановилась, по-моему, на Университетской улице, д. 2, затем в июле этого же года поехала, как было приказано, в Нью-Йорк. С этого момента пусть люди знают все. *Все открыто*.» [14, с.153, 154]

Доктор Л. М. Маркет из Нью-Йорка, встречавший ее в тот момент в Париже, писал полковнику Олькотту 6-го декабря 1875 года: «Я виделся с ней почти ежедневно, и проводил много времени в ее обществе, когда не был занят с больными и не посещал лекции… Она много рисовала и писала, редко выходя из дома. У нее было немного знакомых, среди которых М. и мадам Леймер». [18, т.1, с.28]

После того, как мадам Блаватская уехала из Одессы в Париж, ее семья, естественно, была удивлена ее внезапным отъездом в Нью-Йорк. Ее сестра Вера говорила: «Мы, ближайшие родственники, впервые услышали упоминание об этих загадочных существах [Учителях] в 1873-74 гг., когда она обосновалась в Нью-Йорке. Дело в том, что ее отъезд из Парижа в Америку был таким же внезапным, как и необъяснимым, поскольку она никогда не объясняла, что руководило ею, и только через много лет она сказала нам, что эти самые Учителя приказали ей сделать так, не называя причины. Она объяснила, что раньше не упоминала о них, т. к. считала, что мы не поймем, не поверим и похоже, что так». [15, декабрь, 1894]

По словам полковника Олькотта: «Е.П.Б. говорила мне, что она приехала в Париж, чтобы обосноваться там на некоторое время под покровительством своего родственника, но однажды получила от «Братьев» повелительный приказ ехать в Нью-Йорк и ждать дальнейших распоряжений. На следующий день она отплыла, почти не имея денег, кроме как на билет». [18, с.20]

Произошло одно характерное событие, описанное Вильямом Джаджем в «New York Times» от 7-го января 1889 года: «Она прибыла в Гавр, имея билет первого класса до Нью-Йорка и денег один-два доллара. Во время посадки она увидела на пристани бедную женщину с двумя детьми, всю в слезах. «Почему вы плачете?» — спросила она. Женщина ответила, что муж прислал ей из Америки деньги на дорогу, и на них она купила билеты четвертого класса, оказавшиеся фальшивыми. Находясь в незнакомом городе без гроша в кармане, она не знала, где теперь искать мошенника, так бессердечно обманувшего ее.

«Пойдемте со мной», — сказала Блаватская, и обратившись к

агенту пароходной компании, попросила поменять ее билет первого класса на билеты четвертого класса для себя и женщины с детьми. Тот, кому доводилось пересекать океан на палубе среди толпы эмигрантов, оценит подобное самопожертвование женщины с обостренными чувствами, свойственное немногим». [25, с.147]

Глава 25
Эпизод с Митровичем

В мемуары, написанные Синнетом под названием «Эпизоды из жизни г-жи Блаватской», он хотел включить «Эпизод с Митровичем», но она непреклонно против этого возражала.

«Я *никогда не буду писать* ни про «эпизод с Митровичем», ни про какие-либо другие подобные эпизоды, в которых замешана политика, или которые являются тайной других, ныне умерших людей. Это мое окончательное решение. Если вы захотите сделать свои мемуары интересными каким-нибудь иным способом, делайте, и я вам помогу. Все, что вы пожелаете из событий после 1875 года. Вся моя жизнь после этого времени была открыта обществу, за исключением часов моего сна, *я никогда не оставалась одна*. Я готова опровергнуть любое обвинение, выдвинутое против меня». [14, с.148]

Когда она получила письмо, адресованное ей, «госпоже Митрович», она спокойно отрицала: «Это новое письмо — вымогательство и хулиганство… Что эта подлая клика думает, я не знаю, но что думает Куломб, я ясно вижу, ибо это старая-старая история… А теперь этот адрес: «Госпоже Митрович, иначе госпоже Блаватской» — это клевета и хулиганство, шантаж, вымогательство, чтобы вы ни говорили. Невоздержанные на язык люди никогда не перестанут твердить, что все мужчины, когда-либо приближавшиеся ко мне, начиная с Мейендорфа и кончая Олькоттом, были моими любовниками… Но я считаю, что если адвокат или адвокаты, опираясь на сплетни г-жи Куломб, пишут такое оскорбление, которое означает не только проституцию, но и двоемужество, то это означает их желание опозорить человека. Прошу показать это нашему юристу, чтобы он поставил их на место и сказал им…, если они письменно не извинятся, то я подам на них в суд за клевету». [14, с.188, 189]

[Г-жа Куломб] «никогда не была моей приятельницей. Это только случайная знакомая. Еще до 1871 года я уехала из Каира и никогда с ней не переписывалась. Я даже забыла ее имя. В том отвратительном письме (о котором в 1884 году г-жа Куломб утверждала, что она получила его от Блаватской в 1882 году) мне, несмотря на это, присываются слова, что я оставила моего мужа, полюбив и вступив в связь с каким-то мужчиной (жена которого была моей сердечнейшей подругой и которая умерла в 1870 г., с мужчиной, который умер через год после своей жены и, которого я похоронила в Александрии) и, что у меня от него и

других было трое детей!!! и прочее и т. д. Все это заканчивается просьбой не говорить обо мне никому. И тут же зачеркнутые фразы о том, что я никогда не знала Учителей, никогда не была в Тибете, что фактически я лгунья.

Было бы лишь напрасной потерей времени все это опровергать. Те, кто поверил, что опубликованные письма (нападки Куломбов в 1884 году) не подложны, кто настолько глуп или прикидывается глупцом, что смог подумать обо мне, будто я могу написать такое *самоубийственное письмо* совершенно чужой мне женщине, с которой я лишь несколько недель встречалась в Каире, — пусть те так думают и дальше». [14, с.99]

«Отдаю себя в Ваши руки, но только прошу Вас помнить, что Ваши «Мемуары» подобно вулкану выбросят наверх новую грязь и пламя. Не дразните дремлющих собак.

Доказательства того, что я никогда не была женою Митровича, а также и Блаватского, уйдет со мною в могилу — никого это не касается». [14, с.147]

Рассказ о ее дружбе с супругами Митровичами в «Мемуарах» Синнета примерно совпадает с истиной. Она писала Синнету: «То, что вы пишете в «Мемуарах» об инциденте с Митровичем приблизительно верно, но я считаю, что этого не следовало делать. «Мемуары» не дадут мне оправдания. Это я знаю так же хорошо, как знала, что «Таймс» не примет во внимание мой ответ Ходжсону (об отчете Общества Психических Исследований). Они не только обманут ваше ожидание, что «приведенного в «Мемуарах» будет вполне достаточно», но даже если бы эти «Мемуары» вышли в шести томах и были в десять раз интереснее, все равно они не оправдали бы меня. Это просто потому, что Митрович — это одно из тех многих обвинений, которые враг бросает против меня.

Если бы даже в этом «инциденте» я оправдала себя, то какой-нибудь Соловьев или другой негодяй выдумал бы «инцидент Мейендорфа» и моих троих детей. Если бы я опубликовала письма Мейендорфа (они находятся у Олькотта), адресованные его «дорогой Наталии», в которых он говорит о ее волосах, черные как вороново крыло [у Блаватской были светло-каштановые волосы] и «длинных как прекрасная королевская мантия…» (как Мюссе отзывался о своей маркизе Д'Амеди), то этим я просто дала бы пощечину этому умершему мученику и вызвала бы какую-либо иную тень из галереи выдуманных любовников». [14, с.143]

В этой «длинной галерее любовников» Е. П. Блаватскую по-видимому частично путают с другими Блаватскими, например, с Элоизой Блаватской, ныне умершей, которая во время венгерской

революции присоединилась к черным гусарам. Н. А. Фадеева отмечает, что та Блаватская родилась только в 1849 году и продолжает: «Ее (Елены Петровны) друзья были сильно поражены, читая фрагменты из ее мнимой биографии, в которых говорилось о том, что ее хорошо знали в венских, берлинских, варшавских и парижских высших и низших кругах, что ее имя замешано во многих приключениях и анекдотах того времени, когда по неопровержимым данным, имеющимся у ее друзей, она была далеко от Европы. Во всех этих анекдотах говорилось о ней, когда в действительности в них участвовали Юлия, Наталия и другие женщины с той же фамилией — Блаватская». [20, с.55, 56]

Когда в Америке после публикации «Разоблаченной Изиды» был поднят вопрос о том, насколько правдивы описанные в ней события, д-р А. Л. Роусон из Нью-Йорка писал: «Мои личные чувства заставляют меня выразить свое сочувствие г-же Блаватской в ее неприятном положении в огне критики, подвергающей сомнению даже личное ее присутствие в разных странах. Критики доходят даже до утверждения, что в описываемых ею случаях находилась не она, а кто-то другой.

На прошлой неделе я читал письмо, написанное в Адене, в Аравии, в котором ставятся вопросы: «Действительно ли г-жа Блаватская является той настоящей Блаватской, которая несколько лет тому назад была так хорошо известна в Каире, Адене и других местах? Ибо если это она, то она восстала из мертвых, так как настоящая Блаватская умерла в доме своего друга в 1868 году в шести-семи милях от этого города. Настоящая г-жа Блаватская была богатой русской дамой из хорошей семьи, человеком с признанным литературным дарованием. У нее было много рукописей неопубликованных сочинений, которые после ее смерти исчезли вместе с ее секретаршей, постоянной ее спутницей. Нельзя ли предположить, что эта секретарша присвоила себе имя покойной, ее общественное положение и репутацию?»

К счастью, это все разъясняет г-жа Лидия Пашкова, русская княгиня, член Французского Географического Общества, проведшая много лет в путешествиях. Она знала в Адене умершую Наталию Блаватскую и многие годы была знакома с Еленой Блаватской, которую встречала в Сирии, Египте и других восточных странах.

Многие другие мои знакомые встречали г-жу Блаватскую на Востоке, например, известный хирург Давид Ч. Дадлей, д-р медицины из Манилы на Филиппинах, недавно вернувшийся оттуда на родину; Франк А. Хилл из Бостона, бывший в то время в Индии. Оба этих ученых удостоверяют многие из ее рассказов».

[8, т. VII, с.30а]

«Начиная с 17 и до 40 лет я старалась стереть все следы моих путешествий. Когда я была в Италии, где училась у местной колдуньи, я свои письма посылала в Париж, чтобы оттуда пересылали их моим родным. Единственное письмо из Индии они получили от меня, когда я оттуда уже уехала. Когда я была в Южной Америке, мои письма посылались из Лондона. Я никогда не давала людям знать, где я нахожусь и чем я занимаюсь. Им бы больше нравилось, если бы я была обыкновенным человеком, а не исследователем оккультизма. Только тогда, когда я вернулась домой, я рассказывала тете о том, что письмо, которое она получила от К.Х., не было письмом от какого-то духа, как все об этом подумали. У тети были доказательства, что это живые люди, но она их считала продавшимися сатане. Теперь вы видели ее, — это деликатнейший, прекраснейший человек. Она готова свою жизнь, деньги, всё, что ей принадлежит, отдать другим. Но что касается ее религии, — тут она превращается в фурию. Я никогда не говорила с нею об Учителях». [14, с.154]

В другом месте Елена Петровна писала: «Все расскажу, как следует, все что ни делала, двадцать лет и более, смеясь над тем, «что скажут люди», заметая следы того, чем действительно занималась, т. е. *изучением оккультизма*, ради родных и семейства, которые тогда прокляли бы меня. Расскажу, как я с восемнадцати лет старалась заставить людей говорить о себе, что у меня и тот любовником состоит и другой и сотни их…» [4, с.214]

Продолжим ее рассказ о Митровиче: «Расскажу вам правду о нем. Какова она? Я познакомилась с ним в 1850 году, когда споткнулась о него, лежащего как труп, и чуть не упала. Это было в Константинополе. Я возвращалась ночью из Бугакдира в гостиницу Миссира. Он получил три основательные раны ножом в спину от одного или нескольких мальтийских разбойников и одного корсиканца, которые были подкуплены иезуитами. Я стояла возле него, еле дышавшего, более 4 часов оберегая от грабителей, пока мой провожатый нашел людей, которые помогли его унести. За это время к нам подошел лишь один турецкий полицейский, который попросил дать ему «бакшиш» и он тогда стащит этот мнимый труп в близлежащий пруд. При этом было видно, что больше всего его привлекали мои кольца. Он скрылся только тогда, когда увидел направленный на него мой револьвер. Помните, что это было в 1850 году и в Турции.

Я отвезла его в ближайшую греческую гостиницу, где его узнали и позаботились о нем.

На следующий день он попросил меня написать его жене и

Софье Крувелли (его сердечной подруге, теперешней виконтессе Витью) в Ниццу и Париж. Я написала его жене, но Крувели не написала. Жена приехала из Смирны, где она тогда была, и мы с ней подружились.

Затем на многие годы я потеряла их из виду и вновь встретила его *с женой* во Флоренции, где они жили в Перголе. Он был карбонарием, пламенным революционером. Венгр по национальности, он родился в городе Митровиче и название этого города он выбрал в качестве партийного прозвища. Как мне кажется, он был внебрачным сыном герцога Луцея, который его воспитал. Он ненавидел священников, принимал участие во всех восстаниях и не был повешен австрийцами лишь потому, …но этого я не должна говорить. Затем я его вновь встретила в Тифлисе в 1861 году, снова с женой, которая умерла после того, как я из Тифлиса уехала.[26]

В то время мои родственники хорошо его знали, и он был дружен с моим двоюродным братом Витте.

Когда я бедного ребенка[27] отвезла в Болонью, надеясь его спасти, я вновь встретила Митровича в Италии и он сделал для меня все, что мог бы сделать мой брат. Затем умер ребенок, и так как у него не было никаких документов, а мне не хотелось давать своего имени во избежание сплетен, то за все это взялся Митрович, и в 1867 году в маленьком южнорусском городке похоронил внебрачного ребенка Барона под своим именем, говоря, что «это ему безразлично».

После того, не известив родных, что я временно вернулась в Россию, чтобы отвести обратно с няней несчастного ребенка, которого мне не удалось спасти, чего так хотел Барон, я просто написала отцу ребенка, извещая его, и уехала обратно в Италию с тем же паспортом…

И теперь, что бы я в ложной надежде оправдания, стала пробуждать все эти тени — матери ребенка, Митровича, его жены, самого бедного ребенка и всех других? Никогда! Это было бы низким, словно бы поруганием всего святого, и в то же время совершенно напрасным. Пусть мертвые спят спокойно! Вокруг нас много отвратительных теней. Не трогайте их, ибо им пришлось бы получить те же пощечины, те же оскорбления, которые получила я, и Вам бы никак не удалось защитить меня. Я не хочу лгать и не могу сказать правды. Что же нам делать? Что можем мы сделать?

Вся моя жизнь, за исключением тех недель и месяцев, которые я провела с Учителями в Египте и Тибете, так полна событий, в которых тайны и реальность, мертвые и живые, так переплетаются, что с целью оправдаться, мне пришлось бы

раскрыть грехи живых и попрать тела мертвых. *Я никогда не сделаю этого.*

Во-первых, это не принесет мне никакой пользы, а только свяжет меня со всем тем, в чем меня обвиняют, (ко всем эпитетам, которыми меня наградили, присоединят еще) и вновь вызовет обвинения в шантаже или денежном вымогательстве.

Во-вторых, я — оккультистка, как я уже Вам говорила. Вы говорите о моей чрезмерной «чувствительности» в отношении моих родных, но я говорю Вам, что это не чувствительность, а оккультизм. Я знаю, как это подействовало бы на умерших и желаю забыть о живых. Это мое последнее и окончательное решение. Я не могу их трогать.

Теперь рассмотрим это в другом аспекте. Мне не раз повторяли, что я не выполнила долг женщины, т. е. не разделяла ложе с мужем, не рожала детей, не утирала им носы, не заботилась о кухне и не искала украдкой, за спиной мужа, утешения на стороне. Я, напротив, выбрала дорогу, которая приведет меня к известности и славе. И поэтому можно было ожидать всего того, что со мною произошло. Но в то же время я говорю миру: «Дамы и господа, я в ваших руках и подлежу суду. *Я основала Т. О.*, но над всем тем, что было со мною до этого, опущено покрывало, и вам нет до этого никакого дела. Я оказалась общественной деятельницей, но то была моя частная жизнь, о которой не должны судить эти гиены, готовые ночью вырыть любой гроб, чтобы достать труп и сожрать его, — мне не надо давать им объяснений. Обстоятельства запрещают мне их уничтожить, мне надо терпеть, но никто не может ожидать от меня, что я стану на Трафальгарской площади и буду поверять свои тайны всем проходящим мимо городским бездельникам или извозчикам. Хотя к ним я имею больше уважения и доверия, чем к вашей литературной публике, вашим «светским» и парламентским дамам и господам. Я скорее доверюсь полупьяному извозчику, чем им.

Я мало жила на своей родине в так называемом «обществе», но я его знаю — особенно в последние десять лет — может быть лучше, чем вы, хотя вы в этом культурном и утонченном обществе провели более 25 лет. Ну, хорошо, униженная, оболганная, оклеветанная и забросанная грязью, я говорю, что ниже моего достоинства было бы отдать себя их жалости и суду. Если бы я даже была такой, какой они рисуют меня, если бы у меня были толпы любовников и детей, то кто во всем этом обществе достаточно чист, чтобы открыто, публично бросить первым в меня камень?..

И чтобы я такое их общество просила судить обо мне, чтобы я

доверчиво обратилась к ним в «Мемуарах», раскрыв перед ними сокровенные стороны моей жизни?..

Агарди Митрович был моим самым преданным и верным другом после 1850 года. С помощью княгини Киселевой я его спасла от виселицы в Австрии. Он был приверженцем Д. Мадзини, оскорбил папу, в 1869 году был выслан из Рима, после чего приехал с женой в Тифлис. Мои родные его хорошо знали, и когда его жена, тоже мой хороший друг, умерла, он в 1870 г. переехал в Одессу. Там моя тетя, несказанно опечаленная, как он мне рассказывал, не зная, что со мною случилось, попросила его съездить в Каир, так как в Александрии у него были дела, и попытаться привезти меня домой. Он так и сделал. Но там какие-то мальтийцы по заданию римско-католической церкви готовились поймать его в ловушку и убить. Меня об этом предупредил Илларион, который тогда в физическом теле был в Египте. Я предложила Митровичу переехать ко мне и 10 дней не выходить из дому. Он был бесстрашным, отважным человеком и не мог перенести этого, поэтому он все же поехал в Александрию вопреки всему, и я со своими обезьянками поехала за ним, поступая в этом так, как указал мне Илларион. Он сказал, что видит смерть Митровича, что он умрет 17 апреля.

Вся эта таинственность и осторожность навострила глаза и уши г-жи К[уломб] и она стала надоедать мне, чтобы я рассказала, правда ли то, что люди говорят, что я тайно повенчалась с Митровичем. У меня не хватило смелости сказать ей, что люди думают и нечто похуже. Я ее выставила, говоря, что люди могут говорить и верить во что они хотят, но что мне это безразлично.

Был ли этот бедный человек отравлен, как я всегда думала, или умер от брюшного тифа, я не могу сказать, но знаю лишь одно: когда я приехала в Александрию, чтобы заставить его вернуться на пароход, на котором он приехал, было уже поздно. Он пошел пешком в Рамлех, по дороге зашел в какую-то мальтийскую гостиницу, чтобы выпить там стакан лимонада. (Его там видели, разговаривающим с какими-то двумя монахами). Придя в Рамлех, он упал без сознания. Г-жа Пашкова узнала об этом и прислала мне телеграмму.

Я поехала в Рамлех и нашла его в маленькой гостинице, больным брюшным тифом, как сказал мне врач. Возле него был какой-то монах, которого я выставила, зная отношение Митровича к монахам. Произошла ссора. Мне пришлось послать за полицией, чтобы они убрали этого грязного монаха, который показал мне кукиш. В течение десяти дней я ухаживала за Митровичем. Это была непрерывная ужасная агония, в которой он

видел свою жену и громко призывал ее. Я его не оставляла ни на минуту, так как знала, что он умрет, как сказал Илларион. Так и случилось.

Церковь не хотела его хоронить, говоря, что он «карбонарий». Я обратилась к некоторым «вольным каменщикам», но они побоялись. Тогда я взяла абиссинца — ученика Иллариона, и мы, вместе со слугой из гостиницы, выкопали ему могилу на берегу моря под каким-то деревом. Я наняла феллахов, они вынесли его вечером, и мы там похоронили его бренные останки. В то время я была еще русской подданой и посорилась с русским консулом в Александрии (консул в Каире был моим другом). Это все.

Александрийский консул мне сказал, что я не имею права дружить с революционерами и мадзинистами, и что люди говорят, что я была его любовницей. Я ответила, что так как Митрович приехал из России с действительным паспортом, был другом моих родных и не допустил никакой низости в отношении меня, то у меня было право быть в дружбе с ним, а также и с каждым, с кем я найду это нужным. А что касается грязных толков обо мне, то я к этому привыкла и единственно могу сожалеть, что моя репутация не соответствует фактам. «Avoir la reputation sans avoir les plaisirs» («иметь репутацию, которая не приносит радостей») — такой всегда была моя судьба.

Это то, с чем теперь выступила Куломб, в прошлом году Олькотт написал моей тете, спрашивая об этом бедном человеке, и она ответила ему, что они все знали Митровича и его жену, которую он обожал, и что она у них умерла, что она, тетя, просила Митровича поехать в Египет и т. д., но это все чепуха. Единственное, что я хочу знать, это имеет ли право юрист обвинить меня в письме и имею ли я право или нет, хотя бы пригрозить призвать его к ответу?

Прошу поинтересоваться об том, прошу как друга, иначе мне самой придется искать какого-нибудь адвоката и затеять дело. Это я могу сделать и не выезжая в Англию. Как вы знаете, у меня нет никакого желания самой начать судебное дело, но я хочу, чтобы те юристы знали, что я имею на это право, может быть эти глупцы действительно верят, что я тайно обвенчалась с бедным Митровичем и что это «семейная тайна»?» [14, с. 189—191]

Можно только радоваться, что несмотря на возражение г-жи Блаватской против публикации ее писем Синнету, мы в конце концов узнали правду о той роли, которую она сыграла в жизни А. Митровича. Особенно это важно теперь, когда появился совершенно невероятный рассказ об этом в «Мемуарах» ее двоюродного брата, графа С. Витте.

О своей же настоящей, единственной любви она пишет под

заголовком «Моя исповедь»: «Любила я одного человека, крепко, — но еще более любила оккультные науки, верю в колдовство, чары и т. п. Странствовала я с ним там и сям в Азии, в Америке, и по Европе. [4, с. 214] Это ее признание совершенно исключает А. Митровича, ибо даже по рассказу Витте она с ним не была, за исключением Египта перед его смертью.

Глава 26
Версия графа Витте

Теперь, когда современники Блаватской умерли, в оставленных ими документах мы находим самые разнообразные ложные о ней утверждения. Главным из них, пожалуй, является краткий, совершенно извращающий факты рассказ ее двоюродного брата, помещенный им в его «Мемуарах».

«…Блаватская в трюме английского парохода удрала в Константинополь, в Константинополе она поступила в цирк наездницей, и там в нее влюбился один из известных в то время певцов — бас Митрович; она бросила цирк и уехала с этим басом, который получил ангажемент петь в одном из наибольших театров Европы, и вдруг мой дед после этого начал получать письма от своего «внука» — оперного певца Митровича; Митрович уверил его, что он женился на внучке деда — Блаватской, хотя последняя никакого развода от своего мужа Блаватского, эриванского губернатора, не получала. Прошло несколько времени, и мой дед и бабушка, Фадеевы, вдруг получили письмо от нового «внука», от какого-то англичанина из Лондона, который уверял, что он женился на внучке деда — Блаватской, отправившейся вместе с этим англичанином по каким-то коммерческим делам в Америку. Затем Блаватская появляется снова в Европе и делается ближайшим адептом известного спирита того времени, т. е. 60-х годов прошлого столетия, — Юма. Затем из газет семейство Фадеевых узнало, что Блаватская дает в Лондоне первые концерты на фортепиано; потом она сделалась капельмейстером хора, который содержал при себе сербский король Милан. Во всех этих перипетиях прошло, вероятно, около 10-ти лет ее жизни (ей было около 30 лет), и, наконец, она выпросила разрешение у деда Фадеева приехать снова в Тифлис, обещая вести себя скромно и даже снова сойтись со своим настоящим мужем — Блаватским (эриванским вице-губернатором). И вот, хотя я был тогда еще мальчиком, помню ее в то время, когда она приехала в Тифлис; она была уже пожилой женщиной и не так лицом, как бурной жизнью. Лицо ее было чрезвычайно выразительным; видно было, что она была прежде очень красива, но со временем крайне располнела и ходила постоянно в капотах, мало занималась своей особой, а потому никакой привлекательности не имела, вот в это время она почти свела с ума часть тифлисского общества различными спиритическими сеансами, которые она проделывала у нас в

доме, я помню, как к нам каждый вечер собиралось на эти сеансы высшее тифлисское общество, которое занималось верчением столов, спиритическим писанием духов, стучанием столов и прочими фокусами. Как мне казалось, моя мать, тетка моя Фадеева и даже мой дядя Фадеев — все этим увлекались и до известной степени верили. Но эти занятия проделывались более или менее в тайне от главы семейства — моего деда, а также и от моей бабушки — Фадеевых; ко всему этому довольно отрицательно относился и мой отец. В это время адьютантами фельдмаршала Барятинского были граф Воронцов-Дашков, теперешний наместник кавказский, оба графа Орловы-Давыдовы и Перфильев, — это были молодые люди из петербургской «jeunesse d'oree» («золотой молодежи»). Я помню, что все они постоянно просиживали у нас целые вечера и ночи, занимаясь спиритизмом. Хотя я был тогда совсем еще мальчик, но уже относился ко всем фокусам Блаватской довольно критически, сознавая, что в них есть какое-то шарлатанство, хотя оно и было делаемо весьма искусно: так, например, раз при мне по желанию одного из присутствующих в другой комнате начало играть фортепиано, совсем закрытое, и никто в это время у фортепиано не стоял. Теперь, мне кажется, ко всем этим спиритическим действиям общественное мнение Европы, а также и у нас в России относятся как к шарлатанству; тогда же этим увлекались, и Юм, который был, конечно, точно так же не что иное, как ловкий и талантливый фокусник, считался весьма знаменитым человеком. Блаватская, будучи сотрудницей Юма, конечно, заимствовала у него все приемы и спиритические тайны. Впрочем, к сожалению, в последние годы у нас в Петербурге, по-видимому, начал опять процветать своего рода особый спиритизм, т. н. неврастеническое верование в проявления в различных формах и в различных признаках умерших лиц, и этот спиритизм, к сожалению, даже имел некоторые печальные последствия в государственной жизни.

В этот период своей жизни Блаватская начала сходиться с мужем и даже поселилась вместе с ним в Тифлисе. Но вдруг в один прекрасный день ее на улице встречает оперный бас Митрович, который после своей блестящей карьеры в Европе, уже постарев и потеряв отчасти свой голос, получил ангажемент в тифлисскую итальянскую оперу. Так как Митрович всерьез считал Блаватскую своей женой, от него убежавшей, то, встретившись с нею на улице, он, конечно, сделал ей скандал. Результатом этого скандала было то, что Блаватская вдруг из Тифлиса испарилась. Оказалось, что она вместе со своим мнимым мужем, басом Митровичем, который также бросил оперу, удрали с Кавказа.

Затем Митрович получил ангажемент в киевскую оперу, где он начал петь по-русски, чему учила его мнимая супруга Блаватская, и, несмотря на то, что Митровичу в то время было уже, вероятно, под 60 лет, он тем не менее отлично пел в Киеве в русских операх, например, в «Жизни за царя», «Русалке» и пр., так как при своем таланте он легко мог изучать свои роли под руководством несомненно талантливой Блаватской. В это время в Киеве генерал-губернатором был внязь Дундуков-Корсаков. Этот Дундуков-Корсаков знал Блаватскую еще в молодости, раньше чем она вышла замуж за Блаватского, потому что в то время он командовал на Кавказе (где жила Блаватская) одним из драгунских полков (Нижегородским). Какие недоразумения произошли между Блаватской и Дундуковым-Корсаковым — генерал-губернатором Киева, я не знаю, но знаю только то, что в Киеве вдруг на всех перекрестках появились наклеенные на стенах стихотворения, очень неприятные для Дундукова-Корсакова. Стихотворения эти принадлежали Блаватской. Вследствие этого Митрович со своей мнимой супругой Блаватской должны были оставить Киев и появились в Одессе. В это время в Одессе уже проживала моя мать со своей сестрой и детьми, в том числе и мною (мои дед, бабушка и отец уже умерли в Тифлисе), так как я и брат были там студентами университета. Тогда я уже был настолько развит, что мог вполне критически отнестись к Блаватской, и действительно, я составил себе совершенно ясное представление об этой выдающейся и до известной степени демонической личности. Уехав из Киева и поселившись в Одессе, Блаватская с Митровичем должны были найти себе средства для жизни. И вдруг Блаватская сначала открывает магазин и фабрику чернил, а потом цветочный магазин (т. е. магазин искусственных цветов). В это время она довольно часто приходила к моей матери, и я несколько раз заходил к ним в этот магазин. Когда я познакомился ближе с ней, то был поражен ее громаднейшим талантом все схватывать самым быстрым образом: никогда не учившись музыке, она сама выучилась играть на фортепиано и давала концерты в Париже (и Лондоне); никогда не изучая теорию музыки, она сделалась капельмейстером оркестра и хора у сербского короля Милана; давала спиритические представления; никогда серьезно не изучая языков, она говорила по-французски, по-английски и на других европейских языках, как на своем родном языке; никогда не изучая серьезно русской грамматики и литературы, многократно, на моих глазах, она писала длиннейшие письма стихами своим знакомым и родным с такой легкостью, с которой я не мог бы написать письма прозой; она могла писать целые листы стихами,

которые лились как музыка и которые не содержали в себе ничего серьезного; она писала с легкостью всевозможные газетные статьи на самые серьезные темы, совсем не зная основательно того предмета, о котором писала; могла, смотря в глаза, говорить и рассказывать самые небывалые вещи, выражаясь иначе, — неправду, и с таким убеждением, с каким говорят только те лица, которые никогда, кроме правды, ничего не говорят. Рассказывая небывалые вещи и неправду, она, по-видимому, сама была уверена в том, что то, что она говорила, действительно было, что это правда, — поэтому я не могу не сказать, что в ней было что-то демоническое, сказав попросту, что-то чертовское, хотя в сущности она была очень незлобивым, добрым человеком. Она обладала такими громаднейшими голубыми глазами, каких я никогда в жизни ни у кого не видел, и когда она начинала что-нибудь рассказывать, а в особенности небылицу, неправду, то эти глаза все время страшно искрились, и меня поэтому не удивляет, что она имела громадное влияние на многих людей, склонных к грубому мистицизму, ко всему необыкновенному, т. е. на людей, которым приелась жизнь на нашей планете и которые не могут возвыситься до истинного понимания и чувствования предстоящей всем нам загробной жизни, т. е. на людей, которые ищут начал загробной жизни, и так как они их душе недоступны, то они стараются увлечься хотя бы фальсификацией этой будущей жизни. Я думаю, что знаменитый Катков, столь умный человек, который умел относиться к явлениям жизни реально, вероятно, раскусил бы Блаватскую, если бы он с нею сталкивался. Но, насколько у Блаватской был своеобразный и великий талант, служит доказательством то, что такой человек, как Катков, мог увлекаться феерическими рассказами «В дебрях Индостана», которые печатались в его журнале, — рассказами, которые он считал безусловно выдающимися и необыкновенными. Впрочем, мне и до настоящего времени приходится иногда слышать самые восторженные отзывы об этих рассказах, которые печатались в «Русском Вестнике» несколько десятков лет тому назад. Конечно, цветочный магазин, открытый в Одессе Блаватской, после того, как прогорел ее магазин по продаже чернил, также был закрыт по той же причине, и тогда Митрович, которому было уже 60 лет, получил ангажемент в итальянскую оперу в Каир, куда он и отправился вместе с Блаватской. Отношение его к Блаватской было удивительно; он представлял собою беззубого льва, вечно стоявшего на страже у ног своей повелительницы, уже довольно старой и тучной дамы, как я уже указывал выше, ходившей большей частью в грязных капотах. Не доезжая до Каира, пароход совсем у берега потерпел крушение. Митрович, очутившись в

море, при помощи других пассажиров спас Блаватскую, но сам потонул. Таким образом, Блаватская явилась в Каир в мокром капоте и мокрой юбке, не имея ни гроша. Как она выбралась оттуда — не знаю. Но затем она очутилась в Англии и стала основывать там новое теософическое общество и для вящего подкрепления начал этого общества она отправилась в Индию, где изучала все индийские тайны. Это пребывание в Индии, между прочим, и послужило темой для указанных ранее статей «В дебрях Индостана», которые она писала, конечно, для того, чтобы заработать некоторое количество денег. По возвращении из Индии она приобрела уже много адептов и поклонников в своем новом теософическом учении, поселилась в Париже и была там главой всех теофизитов. Вскоре она заболела и умерла… В конце концов если нужно доказательство, что человек не есть животное, что в нем есть душа, которая не может быть объяснена каким-нибудь материальным происхождением, то Блаватская может служить этому отличным доказательством: в ней, несомненно был дух, совершенно независимый от ее физического или физиологического существования. Вопрос только в том, каков был этот дух, а если встать на точку зрения представления о загробной жизни, что она делится на ад, чистилище и рай, то весь вопрос только в том, из какой именно части вышел тот дух, который поселился в Блаватской на время ее земной жизни». [3, т.1, с. 1—12]

Во всем этом рассказе так мало правды, что почти нет смысла принимать его во внимание. Вспомним, что автору было 10-11 лет, когда его таинственная двоюродная сестра в первый раз вернулась домой в 1859 году и он был студентом, когда она во второй раз возвратилась в Россию в 1872 году. Так как он был еще юным, она ему показалась старой. Он говорит о ней, как о «пожилой даме», когда ей было лишь 39 или 40 лет.

Хронология Витте не точна, может быть потому, что он свои мемуары писал в старости. Многое в его рассказе — заблуждение и далеко от истины. В своей статье «Моя исповедь» Блаватская говорит, что она три с половиной дня провела в Тифлисе вместе с генералом Блаватским, но это не значит, что она в Тифлисе «поселилась вместе с ним».

Даже если, она говорит так, чтобы скрыть свои действительные намерения и в ответ на сплетни о любовниках, и если считаться с юной фантазией Витте, трудно поверить, что ее дедушка в короткое время, одно за другим, получил весточки от *двух* «внуков», что они венчались с Блаватской, еще и потому, что ее тетя и сестра Вера утверждают, что в их семье первые 10 лет о ней ничего не слыхали и считали ее умершей.

Говорить, например, что она должна благодарить Юма за свои познания в оккультизме, величайший абсурд. Связь ее с медиумом Юмом по сравнению с ее многолетними поисками оккультных знаний и длительной тренировкой под руководсством Учителя в Его Ашраме, выглядит как свеча по сравнению с солнцем.

О торговой деятельности Блаватской ее двоюродный брат говорит, что она закончилась очень печально с тяжелыми потерями, а сестра Вера сообщает, что эта деятельность по большей части была удачной. Что же касается инцидента в Киеве, то время, в течение которого князь Дундуков-Корсаков занимал пост генерал-губернатора, поясним следующее:

1. В письме Блаватской полковнику Олькотту (1884 г.) она пишет: «Тем, кто знает меня с детства, я была олицетворением невинности и, услышав, что про меня говорил Смирнов, что Вам говорила Куломб (Учитель рассказал им всю клевету о бедном умершем ребенке, мать которого знала моя тетя и моя сестра), о том бедном мужчине, который лежит похороненный в Александрии, о Себире — о том, как она отплатила мне за то, что я спасла ее от голодной смерти, и распространяла ложь обо мне в Одессе и также в Каире моему дяде, когда он туда поехал в последнюю русско-турецкую войну, и. т., и т. д… Дундуков держал себя как настоящий друг и джентльмен. Чтобы успокоить меня, он телеграфировал г-же Баррен, что получил мое письмо и что сейчас, «послезавтра», вышлет мне официальные документы из полиции и со своей стороны, чтобы показать, что Смирнов лжет.»

2. В июне 1884 г. высланы документы генерал-губернатора князя Дундукова как специальные и личные документы, приложены при этом также удостоверение Тифлисского полицейского департамента, что г-жа Блаватская за время своего пребывания в Тифлисе не содеяла ничего, подлежащего суду. [22]

Очевидно, что Витте ничего не знал о настоящей жене Митровича. Во всяком случае он ничего о ней не упоминает, хотя другим членам семьи она хорошо была знакома. Блаватская говорит о ней, как о своей «лучшей подруге, которая умерла в 1870 году». В своей записной книжке она нарисовала два ее портрета, в которых чувствуется любовь и уважение. На первом портрете она одна, на втором портрете г-жа Митрович изображена, как Маргарита, молящаяся перед распятием и ее муж, как Мефистофель, нашептывает ей в ухо соблазны. Под рисунком стоит подпись: «Терезина. Синьера Митрович (Фауст). Тифлис, 7 апреля 1862 г.»

Следует лишь сравнить оба рассказа о смерти Митровича,

чтобы понять, который из них истинный. После того, как Витте рассказал о том, что Митрович утонул и Блаватская вступила в Каир «в мокром капоте», он сообщает: «она очутилась в Англии, и стала основывать там новое Т. О.» Как известно, Т. О. создано в Нью-Йорке. Далее он утверждает, что она «поселилась в Париже и была там главой всех теофизитов». Но все знают, что в 1885 году, когда она окончательно переехала из Индии в Европу, она кратковременно жила в Италии, Германии и Бельгии и в конце концов поселилась в Лондоне, где она скончалась 8 мая 1891 г. После всего этого можно судить о правдивости рассказа Витте о жизни Блаватской.

Глава 27
Ребенок

В. С. Соловьев писал: «…Она захотела спасти честь одной своей приятельницы и признала своим ребенка этой приятельницы. Она не расставалась с ним, сама его воспитывала и называла своим сыном перед всеми. Потом он умер…» [4, с. 189]

По-видимому, она взяла этого ребенка уже в 1862 году, так как в архивах Теософического Общества имеется «Паспорт», выданный канцелярией царского наместника Кавказа ей и «опекаемому ею ребенку Юре для поездки в Тавриду, Херсон и Псковскую губернию сроком на один год».

На паспорте дата: 23 августа 1862 года. Это год, когда она странствовала по Имеретии и Мингрелии. Но возможно, что она взяла ребенка много раньше, так как она писала: «В 1858 году была в Лондоне и такая-то и такая там история произошла с ребенком — не моим (последуют свидетельства медицинские…). Говорили про меня то-то и то-то; что я и развратничала, и бесновалась и т. д. [4, с.214; 21, с.85] Возможно, что уже в 1858 году она стала заботиться об этом ребенке. Он был несколько горбатым и очень много болел. Когда Синнет просил у нее материалы для своих мемуаров о ней, она протестовала:

«Инцидент с ребенком! Лучше я позволю себя повесить, чем об этом вспоминать. Знаете ли Вы к чему это привело бы, если бы я при этом не привела *имен*? Это вызвало бы против меня версту нечистот. Я Вам говорила, что даже мой отец допускал обидные мысли, и, если бы не свидетельство врача, он мне никогда не простил бы.[28] Позже он жалел и любил бедного уродца… Мой дорогой Синнет, если Вы хотите меня уничтожить (хотя это теперь невозможно), то упомяните этот «инцидент», но мой совет и просьба — об этом не писать. Я слишком много сделала, уверяя и доказывая, что он мой, и зашла в этом слишком далеко. Свидетельство врачей ничем не поможет. Люди будут говорить, что мы их подкупили — вот и все». [14, с.151]

«Просто совершенно невозможно рассказать настоящую, незамаскированную правду о моей жизни. Невозможно также и касаться истории с ребенком. Бароны Мейендорфы и вся русская аристократия восстали бы против меня, если бы в откликах (которые безусловно последовали бы) было упомянуто имя Барона. Я дала свое честное слово и не нарушу его до самой смерти». [14, с.154]

Из рассказанного выше видно, что ребенок был сыном Бароне Мейендорфа. В своем рассказе о смерти ребенка она определенно говорит: «Тогда, когда я повезла бедного ребенка в Болонью, чтобы попытаться спасти его, я встретила его [Митровича] в Италии, и он сделал для меня, все, что смог, более чем брат. Затем ребенок умер, и так как у меня не было никакого документа, и мне не хотелось давать свое имя, чтобы не питать сплетни, то Митрович взял все на себя и в 1867 году в каком-то маленьком городке Южной России похоронил ребенка аристократического Барона *под своим именем*, говоря, «мне это безразлично». Затем, не извещая своих родных, что я вернулась в Россию, чтобы привезти обратно несчастного маленького мальчика, которого мне не удалось вернуть живым гувернантке, выбранной ему Бароном, я просто написала отцу ребенка, оповещая его об этом событии и вернулась обратно в Италию с тем же паспортом». [14, с.144]

В Америке ложный рассказ о ребенке принял другое направление. В 1890 г. Блаватская возбудила обвинение против газеты «New York Sun» за поднятую газетой против нее клевету. Она писала в журнал «The Path» редактору Джаджу: «Лет пятнадцать я спокойно смотрела на то, что газеты пачкали мое имя. Я продолжала работать над распространением теософических идей, веря, что на меня нападают мелкие душонки, которые делают все возможное, чтобы очернить меня. Общество, которое я помогла создать, выдержит эти нападки и будет расти. Так это и случилось. Некоторые друзья мои спрашивали, почему я никогда не отвечала на атаки, которые совершались против оккультизма и феноменов? По двум причинам: оккультизм останется всегда, как бы ни нападали на него, а оккультные феномены никогда нельзя доказать в суде, по крайней мере в этом столетии…

Но теперь некая солидная Нью-Йоркская газета, совершенно не знающая действительных обстоятельств, распространяет оскорбляющие меня обвинения. Большинство из них относятся к последним десяти годам моей жизни. Так как эти обвинения бросают тень на мой моральный облик, и задевают умершего человека, уважаемого друга моей семьи, то я не могу далее молчать…

Эта газета обвиняет меня в том, что в 1858 и 1868 годах я была представительницей «demi-monde» («полусвета»), что у меня была связь с принцем Эмилем Витгенштейном, от которого, как говорит газета, я имела незаконнорожденного сына.

Обвинение во-первых, смешное, но во-вторых и в-третьих, оно направлено и на других лиц. Умерший принц был давнишним

другом нашей семьи. Последний раз я его видела, когда мне было 18 лет. До самой его смерти я переписывалась с ним и его женой. Он был двоюродным братом русской императрицы и никак не мог бы подумать, что на его могилу современная нью-йорская газета выбросит такую грязь. Мой долг требует от меня возражения против этого обвинения нас обоих, а также защиты чести теософии и всех тех, кто живет, руководствуясь ее учением. Поэтому я аппелирую к американскому суду и американским законам. Я отказалась от росссийского подданства в надежде на то, что Америка охраняет своих граждан. Пусть моя надежда не окажется напрасной». [19, т. V, с.187]

В 1892 году, в ноябрьском номере, журнал «The Path» поместил следующее сообщение от редакции: «В июле 1890 года газета «Sun» опубликовала статью, в которой содержались тяжкие обвинения Е. П. Блаватской, и были оскорблены также полковник Олькотт и В. Джадж: там утверждалось, что они присоединились к Теософическому Обществу для того, чтобы жить за его счет. Статья была задумана как общее нападение на Теософическое Общество. Автор этой статьи — наш недруг, который был когда-то нашим другом… Г-жа Блаватская и г-н Джадж возбудили дело против газеты «Sun», а также против автора этой статьи — Е. Коуеза (E. Koues) из Вашингтона, — в Нью-Йоркском суде… Однако в 1891 году г-жа Блаватская скончалась и, поскольку дело это касалось личного оскорбления, то с ее смертью газете уже не предстояло выступать в суде по этому делу. Это обстоятельство надо принять во внимание в связи с последующим событием. В 1892 году газета «Sun» в номере от 26 сентября поместила следующее редакционное сообщение:

«На следующих далее страницах мы помещаем статью В.К. Джаджа, в которой рассказывается о романтической жизни знаменитого теософа — покойной Е. П. Блаватской. Мы пользуемся этим случаем, чтобы отметить, что мы были введены в заблуждение д-ром Коуезом и в номере газеты от 20 июля 1890 г. поместили написанную им статью, содержащую необоснованные обвинения против г-жи Блаватской. Настоящая статья г-на Джаджа опровергает все поднятые д-ром Е. Коуезом обвинения, и мы хотим довести до сведения наших читателей, что мы признаем все тогда опубликованные обвинения в отношении Теософического Общества и его руководителей неправильными, и считаем, что статью Е. Коуеза нам не следовало печатать».

Учтите, что в это время газете «Sun» судебное преследование уже не угрожало. Это говорит в ее пользу. Так закончилось это дело» [19, т. VII, с.248]

В архивах Теософического Общества имеется письмо

Е. П. Блаватской, заботливо сбереженное полковником Олькоттом. В этом письме говорится о ее обследовании врачами, когда она была больна, в Европе, в 1885 г. Первого листа этого письма нет, а второй начинается с середины фразы: «…Он принес свои инструменты, зеркало, с помощью которого смог заглянуть внутрь, и другие ужасающие вещи. После обследования он спросил меня с удивлением: «Разве вы были замужем?» «Да, но детей у меня не было», — сказала я, не желая вдаваться в физиологические подробности. «Ну, конечно, нет, — ответил он, — ибо, как я вижу, *у вас не было сношений с мужем*». Я это рассказала Синнету и госпоже Тидеско, которые были после этого осмотра. Синнет настаивал: «Получите свидетельство! Получите свидетельство!» Я поняла причину и потому вчера, когда профессор снова пришел, я спросила его, может ли он дать свидетельство, говоря, что некоторые мои враги утверждают, что я имела детей. Он сейчас же согласился…

Он сказал, что у меня от рождения матка загнута, и у меня не только никогда не могло быть детей, но что это является причиной моего настоящего заболевания мочевого пузыря и что, если бы я когда-либо имела сношения, то каждый раз это вызывало бы воспаление и сильные страдания. Я послала свидетельство Синнету, так как он говорил, что оно ему необходимо. Это большой стыд, но и большая победа».

Медицинское свидетельство гласит следующее: «Я, ниже пордписавшийся, свидетельствую, что г-жа Блаватская, секретарь Бомбейско-Нью-Йоркского Теософического Общества в настоящее время лечилась у меня. Она больна «Anteflexio Uteri» («перегиб тела матки спереди»), по-видимому, от рождения. Как это показало подробное исследование, г-жа Блаватская никогда не была беременной, и, следовательно, не могла иметь детей, ни преждевременных родов. Доктор Опенгейм, Вюрцбург, 5 ноября 1885 года. Удостоверяют: Хюбе Шлейден, Франц Гебхард».

Вместе с этим свидетельством в архивах Теософического Общества находится письмо, от которого осталось едва ли 1/4 листа. В нем говорится: «— — Вот оно, ваше глупое «свидетельство»… Врач, который исследовал меня три раза, говорит лишь то, что профессора Боткин и Пирогов сказали еще в Пскове в 1862 году, что я никогда не могла иметь сношений с мужчиной без воспаления внутри, так как у меня там чего-то не хватает…»

С этим наследием прошлого Е.П.Б. перешла от путешествий «к служению ученичества».

Глава 28
Бедность и нищета в Нью-Йорке

Вильям Кингсленд в своей книге «Истинная Е. П. Блаватская» писал о том, что в 1873 году Е. П. Блаватская завершила «годы странствий», которые она провела в разных странах, среди людей разных рас, объединений и обществ (от самых примитивных до высокоаристократических). Она искала и нашла множество оккультных явлений, которые наука того времени не считала достойными внимания, а религия приписывала работе Сатаны и его приспешников.

«Кем, — спрашивает он, — должны мы считать ее, — это беспокойное, неистовое и совершенно необычное проявление жизни?» И отвечает: «Работником Учителя в мире». Она начала эту работу в виде эксперимента в Каире, организовав там свое «Спиритуалистическое Общество». Попытка эта не удалась. Полковник Олькотт отмечает: «Я решил использовать шанс, упущенный ее группой в Каире в 1871 г.» [18, т.1, с.24]

Мы видим ее далее в Нью-Йорке, где она появилась 7 июля, почти совсем без денег, выехав из Парижа на следующий же день после получения «указания». Она написала отцу, чтобы он выслал ей денег в Нью-Йорк на имя русского консула, но на получение денег требовалось время, а консул отказался выдать ей деньги взаймы. Ей пришлось искать какую-нибудь работу, чтобы заработать на хлеб. Она говорила, что поселилась в беднейшем квартале Нью-Йорка, на Медисон Стрит и содержала себя, выделывая искусственные цветы у одного добросердечного еврея — владельца этого предприятия. Она всегда с благодарностью вспоминала этого человека.

Анна Баллард — старая журналистка и член клуба Нью-Йоркской прессы рассказывала, что встретила Е.П.Б. «примерно через неделю после того, как она в июле 1873 года приехала в Нью-Йорк. Я в то время была репортером газеты «New York Sun» и мне надо было что-то написать на русскую тематику. В поисках материала я узнала от своего друга о появлении этой русской дамы и поехала к ней… Она мне сказала, что не собиралась покидать Париж до самого последнего дня перед отъездом. Но почему она приехала сюда, и кто ее так торопил, она не сказала. Я помню очень хорошо, как она с гордостью сказала мне: «Я была в Тибете». Почему она этому придавала такое большое значение, почему поездка в Тибет значительнее, чем ее путешествие по Египту, Индии и другим странам, этого она мне не поведала, и я

не смогла этого понять, но говорила она о пребывании в Тибете с особым значением и энтузиазмом. Сейчас, конечно, я знаю, что это значило». [18, т.1, с. 20—22]

Другая дама, знавшая Е.П.Б. в ее первые трудные дни пребывания в Нью-Йорке — Элизабет К. Г. Холт, к счастью, больше написала об этом: «В то время женщины еще не работали в больших учреждениях. Лишь немногие из них начинали тогда борьбу за свои «права». Те, которым приходилось зарабатывать себе на жизнь, работали учительницами, телеграфистками, различного рода швеями, служили в магазинах, торговавших разными мелочами. Платили им очень мало. Пишущие машинки еще не были в то время изобретены. Если дама путешествовала одна, то в лучшие гостиницы ее не пускали. Эти затруднения в поисках себе пристанища привели Е.П.Б. в дом, где я ее и встретила. Я всегда удивлялась, как она, приехавшая в Нью-Йорк чужестранка, смогла найти такой дом.

Тогда порядочной женщине со скудными средствами найти себе жилище было чрезвычайно трудно. И вот около 40 таких женщин организовали жилищный кооператив. Они сняли новый дом (многоквартирный) на Медисон Стрит, 222 — я думаю, один из первых домов, построенных в Нью-Йорке. Это была улица с двухэтажными домиками, в которых жили лишь их владельцы. Они гордились своими тенистыми деревьями и в большом порядке и чистоте содержали фасады домов и заборы…

Я с матерью провела лето 1873 года в Саратове. Чтобы подготовиться к занятиям в школе, меня уже в августе привели на эту улицу, где жила наша знакомая, согласившаяся взять меня под свою опеку. И там я встретила г-жу Блаватскую. Комната ее была на втором этаже и рядом с ней была комната моей знакомой. Они стали очень дружными соседями, да и все члены нашей кооперативной семьи хорошо знали друг друга. Мы все содержали одну комнату у входа в дом, — это была контора, где происходили собрания членов и куда сдавалась почта.

Блаватская в этой конторе проводила большую часть своего времени, но редко она была там одна. Как мощный магнит, она притягивала к себе всех, кто только мог прийти. Я ежедневно видела, как она там сворачивала себе сигаретки и непрерывно курила. У нее был замечательный кисет для табака, сделанный из меха какого-то животного. Она постоянно носила его на шее. Она была очень необыкновенной особой. Она выглядела очень полной, но в действительности была должно быть более стройной, чем казалась, — это потому, что у нее было широкое лицо и широкие плечи. Волосы ее были светлокаштановые и завивались как у негра. Весь ее облик говорил о силе. Недавно я

где-то прочла об интервью со Сталиным. Автор говорит, что при входе в его кабинет сразу чувствуешь, что там как бы работает мощное динамо. Нечто подобное мы чувствовали, когда бывали вблизи Е. П. Блаватской…

Г-жа Блаватская часто вспоминала свою жизнь в Париже. Она рассказывала нам, как создавала украшения в апартаментах императрицы Евгении. Я представила себе ее в рабочей блузе и брюках, работающей на лестнице, но не уверена сама ли она разрисовывала фрески на стенах или делала только рисунки на бумаге. Позже она продемонстрировала нам свои художественные способности. У меня было пианино и г-жа Блаватская иногда играла на нем, когда ее об этом просили.

Иногда, по просьбе того или иного человека, она описывала его прошедшую жизнь. Эти описания были правильными и производили глубокое впечатление. Я никогда не слышала от нее предсказаний будущего, но может быть это когда-нибудь и происходило…

Ее считали спиритуалисткой, хотя я никогда не слыхала, чтобы она сама так себя называла… Когда моя подруга, мисс Паркер, попросила ее устроить ей встречу с покойной матерью, она сказала, что это невозможно, потому что ее мать достигла высокой степени познания и так далеко ушла вперед, что ее не достичь. Духи, о которых она часто говорила — диакки, это маленькие шаловливые существа, подобные феям, и судя по их описаниям и делам, это не были души умерших…

Я никогда не признавала в г-же Блаватской учителя этики, морали; для этого она была слишком возбудимой. Если что-то происходило не так, как следовало бы, то она могла высказать это с такой энергией, что при этом сильно задевала людей. Но я должна признать, что ее негодование всегда имело безличный характер…

В возникающих у нас дилеммах, духовного или физического порядка, мы инстинктивно обращались к ней за советом, так как чувствовали ее мужество, ее простоту, ее глубокую мудрость, широкое видение, ее сердечное доброжелательство и симпатию ко всем, даже к самой последней собаке.

На ум мне приходит один случай. На нашей улице стали появляться нежелательные люди — окружение сильно изменилось. Однажды вечером одну из наших молодых девушек, когда она поздно возвращалась с работы, кто-то стал преследовать и сильно ее напугал. Она без сил упала в кресло в нашей конторе. Мадам была чрезвычайно этим задета, высказывалась в самых сильных выражениях, а затем вынула из складок своей одежды кинжал и сказала, что он предназначен для

любого мужчины, который будет к ней приставать. (Мне кажется, что он был предназначен для резки табака, но был достаточно велик, чтобы служить оружием защиты).

В это время у г-жи Блаватской был большой недостаток в деньгах. Та сумма, которую она регулярно получала от отца из России, перестала поступать, и она осталась почти без средств. Ей казалось, что это было делом одного человека, влияющего на ее отца, и она свое возмущение высказывала с присущей ей силой. В нашем доме наиболее консервативные из его жителей стали уже думать, что в конце концов она лишь авантюристка и что отсутствия денег у нее и следовало ожидать. Но моя подруга, мисс Паркер, которую она однажды взяла с собой в русское консульство, уверяла, что она действительно русская княгиня, что консул знает ее семью и обещал сделать все возможное, чтобы выяснить, почему появились эти затруднения. Оказалось, что задержка в получении денежного перевода произошла по причине смерти ее отца и потому, что потребовалось длительное время на получение ею наследства.

Владелец нашего дома, г-н Ринальдо лично получал деньги со всех жильцов и был поэтому знаком со всеми. Он, как и все, заинтересовался г-жой Блаватской и познакомил с нею своих двух молодых друзей. Они очень часто навещали ее и однажды оказали ей практическую помощь — нашли для нее работу. Она стала для них (и для других) рисовать рекламные картины. Эти джентльмены были должно быть фабрикантами мужских сорочек, потому что мне запомнилась одна реклама, на которой были нарисованы маленькие фигурки, одетые в изделия их фабрики. Мне кажется, что это вообще были первые рекламы в Нью-Йорке. Г-жа Блаватская выполняла также красивые орнаменты тиснением по коже, но изделия эти было трудно продать и она перестала их делать.

В это время она решила написать окончание незавершенной книги Ч. Диккенса (умершего в 1870 г.), названной им «Эдвин Друд». У меня создалось впечатление, что евреи — друзья г-жи Блаватской, были спиритуалистами и что они старались убедить ее закончить книгу Диккенса с помощью духов. В ее личной комнате был длинный стол, и я видела, как она целыми днями, а можеть быть и месяцами, сидела за этим столом, исписывая лист за листом. (Она переводила тогда на русский язык какую-то работу медиума Джеймса и в октябре 1874 года писала знакомому ей русскому издателю Александру Аксакову, предлагая этот перевод).

Когда она еще продолжала терпеть нужду, она познакомилась с одной французской дамой, вдовой, имя которой я забыла. Эта

дама часто бывала в нашем доме. Мы обычно называли ее «Мадам Француженкой», а Е.П.Б. звали просто «Мадам». Дама эта впоследствии поехала вместе с Е.П.Б. на ферму Эдди. В то время она жила недалеко от нас на Генри Стрит. Она предложила Е.П.Б. переехать к ней, пока не пройдут ее денежные затруднения, и г-жа Блаватская приняла это предложение и оставила наш дом. Многие из нас, и особенно мисс Паркер, продолжали поддерживать с ней связь и посещали воскресные собрания, которые устроили у себя обе дамы. Я на этих собраниях не бывала…

Вскоре после этого г-жа Блаватская получила деньги из России и переселилась на 14 улицу в дом 4. Это был очень непретенциозный дом с баром внизу и меблированными комнатами в двух верхних этажах. В этот дом мисс Паркер однажды взяла меня с собой… Там я увидала г-жу Блаватскую в бедно обставленной комнате наверху…

Через несколько дней я услыхала, что она уехала в Итаку, чтобы передать Корсону — профессору Корнуэльского университета кольцо, которое было ей доверено кем-то из ее тайных Водителей и которое должно было свидетельствовать о Посланце. Этот мой визит к Е.П.Б. был последним, когда я ее видела. Дальнейшая ее жизнь хорошо известна и описана другими». [23, декабрь, 1931]

Полковник Олькотт продолжает дальнейшее описание ее жизни в 1873 г.: «В октябре умер ее всегда снисходительный, терпеливый, любимый ею отец[29]; и 29 числа того же месяца она получила телеграмму из Ставрополя от своей сестры «Элизы», которая извещала о смерти отца и о полученном ею наследстве — примерно 1000 рублей. Она эти деньги получила и переехала в новую, лучшую квартиру, расположенную на Юнион-Сквер, на 16-й Ист-Стрит и на Ирвинг Плейс. По этому последнему адресу я и нашел ее после возвращения с фермы Эдди». [18, т.1, с.29]

Глава 29
Встреча основателей Теософического общества

Полковник Олькотт писал об этой встрече, происшедшей в 1874 году, в своих репортажах с фермы Эдди в газету «New York Daily Graphic» и в книге «Люди с того света». Передаем это вкратце: «Появление 14 октября некоей высокопоставленной и одаренной русской дамы было значительным событием… в процессе проявления феноменов в Читтендене. Эта дама — Елена П. де Блаватская, успела много повидать на своем веку. Она объездила почти все страны Востока, искала остатки древних культур у подножия египетских пирамид, своими глазами видела таинственные обряды в индуистских храмах, в сопровождении вооруженного эскорта посетила далекую Центральную Африку. Приключения, которые были с нею, встречи с особенными людьми, ужасные события, происходившие во время ее путешествия на суше и на море, — из всего этого можно было бы составить самый романтический рассказ, когда-либо написанный биографом. За всю свою жизнь я не встречал такого интересного человека». [17, с.293, 294]

Через 18 лет он начал публиковать в «Theosophist» свои «Страницы старого дневника», тогда под названием «Oriental Series», и в них писал: «Говоря о рождении Теософического Общества, я должен начать с самого начала, с того, как впервые встретились его основатели. Эта встреча была весьма прозаической: я сказал — «Permettez moi, Madame» («Позвольте мне, мадам») и протянул руку с огнем к ее сигарете. Наше знакомство началось в дыму, но оно вызвало большое неугасимое пламя.

…Особые обстоятельства свели нас вместе. В один прекрасный день июля месяца 1874 года я сидел в своей адвокатской конторе и обдумывал одно очень важное дело, которое получил от Нью-Йоркского муниципалитета, как вдруг мне пришла в голову мысль, что вот уже годы я не обращаю внимания на спиритуалистическое движение… Я вышел на улицу и на углу купил номер журнала «Banner of Light». В нем я прочел о совершенно невероятных феноменах, происходящих на какой-то ферме в районе Читтендена, в штате Вермонт. Я сразу решил, что если все это правда, то мы здесь встретились с важнейшим явлением современной науки, и что мне надо поехать туда и во

всем убедиться самому. Так я и сделал. Все оказалось так, как было описано в журнале. Я там провел три или четыре дня и вернулся в Нью-Йорк. О своих наблюдениях я написал в газете «New York Sun»… Потом редактор «New York Daily Graphic» поручил мне снова поехать в Читтенден и взять с собой какого-нибудь художника, который мог бы по моим указаниям рисовать происходящие явления… 17 сентября я вернулся на ферму Эдди… Я поселился в этом таинственном доме и в течение 12 недель ежедневно переживал сверхъестественные вещи… Дважды в неделю газета «Daily Graphic» печатала мои письма про «духов Эдди», иллюстрированные художником Капесом. Эти письма обратили на себя внимание г-жи Блаватской и привели к тому, что она поехала в Читтенден. Это и свело нас вместе…

На ферме обычно обедали в 12 часов. Она появилась в столовой с какой-то французской дамой,[30] и когда мы вошли, они уже сидели за столом. И прежде всего мне бросилась в глаза ярко-красная гарибальдийская рубаха на первой даме, которая так контрастно выглядела по сравнению с окружающим ее тусклым фоном. Ее волосы были тогда пышные, светлые, шелковистые, вьющиеся, едва доходили до плеч и напоминали тонкое руно. Они и ярко-красная рубаха привлекли мое внимание, прежде чем я смог рассмотреть ее черты подробнее. У нее было массивное калмыцкое лицо, сила, образованность и выразительность его контрастировала с заурядными образами, так же как ее красное одеяние среди серых и бледных тонов стен, мебели и безликой одежды остальных гостей.

Дом Эдди постоянно посещали с целью увидеть медиумические феномены самые разнообразные и необычные люди. Когда я увидал эту эксцентричную даму, я подумал, что это одно из таких лиц. Остановившись на пороге, я шепнул Капесу: «О! Посмотрите на этот экземпляр!..» Когда обед закончился, обе дамы вышли, г-жа Блаватская скрутила себе сигарету, и я протянул ей огонь, чтобы иметь повод заговорить с нею» [18, т.1, с. 1—5]

Надо сказать, что полковник Олькотт был убежденным и увлеченным спиритуалистом, в то время как Е.П.Б. к спиритуализму относилась критически. При этом в 1873 году ее ясновидческие способности были в полном расцвете. «Я никогда не была знакома ни с одним медиумом и никогда не была ни на одном спиритическом сеансе, — писала она в одном письме, — до марта 1873 г., когда присутствовала на одном в Париже, на пути в Америку. Только в августе 1873 года я *впервые в моей жизни познакомилась* с учениями спиритов. До этого времени у меня было лишь общее и очень неясное представление об учении

Алана Кардека. Но когда я услыхала американские спиритуалистические претензии о «Летней Земле» («Summer Land») и т. п., я категорически все это отвергла… Еще раз повторяю, что я никогда не была спиритуалисткой… Я всегда была убеждена в истинности медиумических феноменов, и если признавать, что такие явления, совершаемые через организм человека его волей или каким-либо другим посредничеством, означает быть «спиритуалистом», то тогда, конечно я была «спириуалисткой» уже 50 лет тому назад, т. е., задолго до рождения современного спиритуализма.

В начале 1872 года, после возвращения из Индии, я в Каире попыталась создать Спиритуалистическое Общество по методу Алана Кардека (иного не знала)[31], имея целью произведением феноменов подготовить людей к оккультной науке. У меня были там два несовершенных французских медиума, которые открыли мне такие медиумистические трюки, каких я и во сне не могла бы увидеть. Я тогда прервала сеансы…» [8, т. XX, с.190]

По возвращении с фермы Эдди Е.П.Б. написала в «Daily Graphic» описание происходивших там феноменов. Статья называлась «Удивительные манифестации духов, ответ д-ру Берду». Приводимое ниже описание «духов» цитируется из этой статьи. «Я находилась у Эдди 14 дней. За это короткое время произошло 119 появлений «духов», из которых я хорошо узнала 7. Признаюсь, что только я одна узнала их, так как остальная публика — люди, мало путешествовавшие по Востоку. Однако особые одежды этих «духов» ясно видели все.

Первым был грузинский юноша в своей национальной величественной одежде. Я его узнала и расспросила на грузинском языке об обстоятельствах, которые знала только я одна. Он меня понял и ответил. Когда я по просьбе полковника Олькотта, сказанной мне шепотом, попросила его, также на грузинском языке, сыграть черкесский танец — лезгинку, он немедленно сыграл его на гитаре».

Версия полковника Олькотта в его книге «Люди с того света»: «Тогда к русской даме пришел первый дух-посетитель. Это был человек среднего роста, хорошо воспитанный, в грузинской рубашке с широкими рукавами и длинной красивой накидке. На нем были широкие брюки и желтые кожанные туфли. Он носил белую тюбетейку или феску с кисточкой. Она его сразу узнала, как Михалко Гегидзе, который жил и умер в Грузии, в Кутаиси. Он был слугой ее родственницы, г-жи Витте, и в Кутаиси был в ее распоряжении.

На следующий вечер к г-же Блаватской пришел новый дух — Хасан Ага. Это был богатый торговец из Тифлиса, которого она

хорошо знала. Он увлекался черной магией и иногда оказывал помощь своим знакомым, угадывая их будущее с помощью комплекта чудодейственных камней, которые он по дорогой цене получил из Аравии. Одежда Хасана состояла из длинного желтого сюртука, турецких шаровар, бешмета и черной каракулевой шапки-папахи, покрытой нарядным башлыком, разукрашенные концы которого были переброшены через плечи».

Е.П.Б. говорила о нем так: «Второй был старым человеком малого роста. Одет он был как персидский торговец. Его одежда была полностью национальной, вплоть до концов обуви, которую он однако снял, чтобы быть в чулках. Свое имя он назвал достаточно звучным шепотом. Это был старый Хасан Ага, которого я и моя семья знали в Тифлисе более 20 лет, наполовину грузин, наполовину перс. На персидском языке он сказал, что ему надо доверить мне какую-то тайну. Трижды он начинал какую-то фразу, но не мог довести ее до конца.

Третьим был огромного роста мужчина в великолепном курдистанском военном облачении. Он не говорил, но кланялся по восточному обычаю, поднимал свой разукрашенный яркими перьями меч и помахивал им. Я сразу узнала его. Это был Сафар Али-Бек, вождь племени курдов, который всегда провожал меня в моих поездках верхом по Армении в районе горы Арарат. Однажды он спас мне жизнь. Он склонился к земле, как бы поднимая горсть песка, и затем развеял его, после чего прижал руку к груди, — жест, который встречается только у племени Курдистана.

Четвертый был черкесом. Можно было подумать, что я нахожусь в Тифлисе, — так безукоризнена была его одежда «нукера». «Нукер» — это человек, который бежит или впереди седока, или позади его. Он говорил, но больше поправлял мои слова, которые я произнесла неправильно. Когда я вновь их повторила, он, улыбаясь, поклонился и на чистейшем татарском «гутурали» сказал слова, которые так знакомо звучат в моих ушах: «Чок якши» («хорошо») и ушел.

Пятой показалась старая женщина в русском платке. Она сказала мне по-русски, называя меня ласкательным именем, как она это делала во время моего детства. Я узнала служившую в нашей семье няню моей сестры.

Шестым появился огромный сильный негр. На голове его была удивительная величественная прическа — какое-то подобие рогов из волос, перевязанных чем-то белым или желтым. Вид его мне показался знакомым, но я не могла припомнить, где я его видела. Тогда он произвел несколько быстрых движений, и эта мимика помогла мне его узнать. Это был колдун из Центральной

Африки. Он широко улыбнулся и исчез.

Седьмым появился высокий седой господин, одетый в черный сюртук. На шее его, на красной ленте с двумя черными полосками, висел орден Св. Анны. Мне показалось, что это мой отец, хотя он был намного стройнее. С волнением я заговорила с ним по-английски, спросив: «Вы мой отец?» Он отрицательно покачал головой и ответил, как любой смертный, на русском языке: «Нет, я твой дядя». Все присутствовавшие услышали это и запомнили слово «дядя».»

Блаватская не узнала всех духов, появившихся перед ними. Полковник Олькотт говорил: «Среди наиболее замечательных существ, появившихся тогда перед нами, был один, который мог быть индийским кули или арабским атлетом. Он был моего роста, темнокожий, живой, худощавый. Рисовавший его художник сказал: «Он произвел на меня гораздо большее впечатление, чем другие духи. Я и сейчас его представляю перед собой: тонкий, только кости и мускулы, гибкий, как мошка. Одежда — плотный прилегающий к телу камзол, по-видимому хлопчатобумажный; кальсоны засунуты в ботинки, вверху перевязаны широким матерчатым поясом. На голове красный платок. Он подошел к г-же Блаватской, но она его не узнала…»

Е.П.Б. говорила: «Эти, так называемые «духи», которых я видела и узнала у Эдди, в том числе и мой дядя, были людьми, о которых я иногда думала и *хотела* их повидать. Объективизация их астральных форм вовсе не является доказательством того, что это умершие люди, явившиеся нам после смерти. Я произвела опыт, о котором я ничего тогда не сказала полковнику Олькотту. Среди других я вызвала того, кто был жив и здоров. Это Михалко — мой грузинский слуга. Как меня потом известила моя сестра, он находился тогда с каким-то своим родственником в Кутаиси. О нем говорили, что он умер, но он в больнице выздоровел.

Также и с материализованной формой моего дяди. Я сама создала его своей мыслью, не говоря об этом никому. Это была как бы пустая форма моего дяди, которую я представила себе и создала из астрального тела медиума. Я знала, что Вилли Эдди был гениальным медиумом, и феномен получился очень удачным.

Кратко говоря, во время моего пребывания в Америке я могла вступить так в общение с теми, кого мне хотелось видеть. Только в снах и личных моих видениях у меня был настоящий контакт с моими кровными родными и с теми друзьями, с которыми у меня была взаимная духовная любовь. По причине психо-магнетической, которую здесь в кратких словах объяснить невозможно, эти духовные сущности людей, которые нас любили, за очень небольшим числом исключений, к нам не приближаются.

Им это не нужно, потому, что если они не полностью преданы злу, то находятся в девачане в том радостном состоянии, в котором они духовно соприкасаются со всеми и со всем, что они любили. В тех оболочках, которые отделились от их высших принципов, нет уже ничего общего с ними. Эти скорлупы стремятся не к своим родственникам и друзьям, а скорее к тем, кто родственен им по своей низшей природе. Так скорлупа пьяницы устремляется к пьянице или к тому, в ком этот порок находится в еще спящем состоянии. В последнем случае она развивает в нем эту страсть, используя его органы, чтобы утолить свою жажду. Скорлупа человека, умершего исполненным сексуальной страсти, будет стремиться к их удовлетворению и т. д.». [20, с.103, 104]

«Само собой разумеется, что-то, что неотвратимо нас притягивает на земле, на ней и остается и не может следовать за душой и духом — этим высшим принципом человека. С ужасом и отвращением я часто наблюдала, как такая ожившая тень отделялась от медиума, как отделившись от его астрального тела, она воплощалась в тело другого, родственного по переживаниям человека. А этот другой, придя в восхищение, широко раскрывает свои объятья такой тени, убежденный, что это его дорогой отец или брат, восставший из тлена, чтобы убедить его в вечной жизни… Ах, если бы они знали правду, если бы они верили! Если бы только они могли увидеть, как это часто видела я, как такая бестелесная сущность овладевает кем-то из присутствующих на спиритическом сеансе. Она окутывает человека как бы черным покрывалом и затем медленно исчезает в нем, как если бы поры этого человека всосали ее». [19, февраль, 1895]

В одном из писем к своим родным Блаватская резюмирует свои наблюдения у Эдди: «Таким или иным способом мы создаем подобия тел умерших наших близких… Я с определенной целью посетила однажды семью одного сильного медиума, жившую вблизи Эдди, наблюдала его целых две недели и проделала эксперименты, которые я, конечно, не разглашала. Я наблюдала эти бездушные тела, земные, телесные тени тех, души и дух которых по большей части уже давно их оставили, но скорбь живущих заставляла ушедших поддерживать свои полуматериальные тени. Такие тени сотнями толпились у медиумов и их посетителей.

Не только эти привидения ассимилировали астральное тело медиума, но медиум В. Эдди бессознательно из ауры посетителя создавал облик его умершего родственника или друга.

Было страшно наблюдать этот процесс! Это часто делало меня больной, у меня кружилась голова. Но мне надо было

смотреть. Единственное, что можно было сделать, это держать эти отвратительные существа на расстоянии от себя. Но следовало видеть, как спиритуалисты приветствовали эти тени! Они плакали и радовались вокруг медиума, который был весь покрыт этими материализовавшимися тенями. Но мое сердце часто обливалось кровью. Я часто думала: «Если бы они могли видеть то, что вижу я! Если бы они только знали, как с их помощью возрождались непреодоленные страсти и земные мысли ушедших людей. Весь этот груз, который не может сопутствовать освобожденной душе и который остается в земной атмосфере, с помощью медиума и окружающей его публики становился видимым. Невидимый астральный мир это то место, где «тени» задерживаются после смерти. Это реальность, о которой писали древние в своих сказаниях. Иногда я видела, как такие фантомы оставляли астральное тело медиума и кидались на кого-нибудь из из присутствующих, обнимали его и затем медленно исчезали в его живом теле, как бы всасываясь в его поры». [20, с. 137—139]

Совсем особый феномен проявился в Читтендене 2-го октября. О нем Олькотт рассказывал так: «Вечером при лунном свете было светло как днем… Когда был потушен свет, в темном круге, Джордж Дикс (некий «дух», который часто являлся) предложил г-же Блаватской: «Я хочу дать вам доказательство, что происходящие на этом сеансе манифестации настоящие. Мне кажется, что это убедит не только Вас, но и весь скептический мир. Я вложу в вашу руку булавку от ордена, который ваш отважный отец носил при жизни и который похоронили вместе с его телом в России. Его принес ваш дядя, которого вы видели сегодня материализованным». Я услышал, как вскрикнула г-жа Блаватская; и когда зажгли огонь, мы все увидали, что она держит в руке очень красивую булавку. Придя в себя, она сказала, что эта булавка действительно положена была с ним в гроб вместе со многими другими его орденами, что она ее опознала по сломанному кончику, который она сама нечаянно сломала много лет тому назад, и что по всем данным этот орден вместе с другими орденами и крестами был захоронен с телом ее отца.

Орден, к которому принадлежала эта булавка, был одним из тех, которые покойный царь давал офицерам после турецкой кампании 1828 года. Ордена эти раздавались в Бухаресте, и у многих офицеров были подобные булавки, изготовленные из серебра известными бухарестскими резчиками. Ее отец умер 15 июля 1875 г., и так как она в это время была здесь, в Америке, то не могла присутствовать на похоронах. Что касается этого, таинственным образом полученного дара, то у нее было доказательство — фотографическая карточка, снятая с портрета

ее отца, выполненного маслом, на котором видна эта самая булавка на орденской ленте и сам орден». [17, с.355] Ясно, что этот подарок г-же Блаватской был совершенно неожиданным, и что это не было одним из ее экспериментов.

Версия самой Е.П.Б. В письме Александру Н. Аксакову (редактору, которому она посылала печатать свои статьи) от 5 декабря 1874 года написано следующее: «… в отдельном «темном» сеансе один дух приносит мне медаль моего отца за турецкую войну 1828 года и говорит мне, при всех, следующие слова: «Я принес вам, Елена Блаватская, знак отличия, полученный вашим отцом за войну 1828 года. Эта медаль получена нами, — посредством влияния вашего дяди, который явился этой ночью, — из могилы вашего отца в Ставрополе и я приношу ее вам как знак памяти от нас, в которых и которым вы верите». [4, с.261]

Вряд ли надо пояснять, что слова «от нас, в которых и которым вы верите» не относились к «духам», а к Учителям. Только Е.П.Б. поняла истинное значение этого дара и его внутреннюю суть.

«Очень известный и у нас в России, ныне покойный, медиум Юм, сначала в письмах к некоторым лицам, а затем и печатно, объявил Блаватскую, по поводу корреспонденций и книги Олькотта, медиумом-обманщицей и коснулся ее «личности», о которой он имел сведения из первых источников. Все это породил, главным образом, появившийся в «Graphic» и в книге Олькотта рисунок медали и пряжки, принесенных Елене Петровне духами из могилы ее отца, г. Гана. Юм доказывал, очень основательно, что в России никогда не кладут в гроб знаков отличия и что медаль и пряжка, к тому же, имеют вид *вполне фантастический*». [4, с.281]

В ответ на это Е.П.Б. писала Аксакову: «…Я не была на похоронах у отца. Но у меня в эту минуту на шее висит медаль и пряжка, принесенная мне, и на костре, на смертном одре, на пытке могу сказать только одно — это пряжка отца моего. Медаль не помню. На пряжке я сама сломала конец в Ругодеве и видела ее сто раз у отца. Если это не его пряжка, то стало быть духи действительно черти и могут материализовать что угодно и сводить людей с ума. Но я знаю, что если даже главные кресты отца не похоронены с ним, то так как эту медаль… он всегда носил даже в отставке, в полумундире, то ее, вероятно, не сняли… Но я напишу Маркову, который присутствовал на похоронах и брату в Ставрополь, потому что желаю знать правду… Все слышали речь духа, 40 человек кроме меня. Что же, стало быть я сговорилась с медиумами, что ли? Ну пусть

думают… Чем я мешаю Юму на свете? Я не медиум, не была и не буду профессионалом. Я посвятила всю жизнь свою изучению древней каббалы и оккультизма, *оккультным наукам* … Положение мое очень безотрадное — просто безвыходное. Остается уехать в Австралию и переменить навеки имя…» [4, с.281]

Глава 30
«Филадельфийское фиаско»
Е. П. Блаватская увлекается спиритуализмом

Полковник Олькотт сообщает: «День ото дня мы становились все более близкими друзьями и к тому времени, когда она собиралась покинуть Читтенден, она приняла от меня прозвище «Джек» и этим прозвищем подписывала свои письма ко мне из Нью-Йорка. Мы расстались как добрые друзья, готовые продолжать так приятно начатое знакомство». [18, т. I, с.10]

Он не знал того, что Е.П.Б., поступая согласно полученному приказу, сознательно добивалась этого знакомства. Позднее она писала: «В 1873 г., в марте, мне было приказано уехать из России в Париж. В июне было сказано, чтобы я отправилась в США, куда я и приехала 7 июля. В 1874 году в октябре, я получила задание поехать в Читтенден, штат Вермонт, где на прославившейся ферме Эдди полковник Олькотт производил исследования». [23, октябрь 1907]

Полковник Олькотт продолжает: «В ноябре 1874 г. в письме, подписанном «Джек Пэпус» («Пэпус» — индийский ребенок), она меня просила помочь ей напечатать в каком-нибудь известном журнале свои необыкновенные рассказы, так как она скоро останется без денег. Одновременно она в юмористической форме привела описание своей жизни. Она высказывалась при этом, как демократка, но все же давала понять, что имеет основания гордиться своим происхождением. Она рассказывала, как репортер газеты «Daily Graphic» интервьюировал ее, просил рассказать о ее путешествиях и спрашивал ее родословную». [18, т.1, с.31, 68]

Во втором письме, которое пришло через 6 дней, подписанном «Джек Блаватский», она писала: «Я говорю с Вами, как с настоящим другом и как со спиритуалистом, который хочет спасти спиритуализм от ужасов».

«В ноябре 1874 года, когда исследования мои закончились, я вернулся в Нью-Йорк и навестил ее в доме на Ирвинг Плейс. Там она для меня устроила несколько сеансов за столом, расшифровывая вещания от какого-то невидимого существа, которое называло себя Джоном Кингом. Этот псевдоним стал за последние 40 лет известен всему свету. В первый раз о нем услыхали в 1850 г., в сообщении Джонатана Кукса «В комнате

духов», где он представился, как дух-повелитель какого-то племени. Позже о нем говорили, что это душа известного пирата Генри Моргана, навещающая землю, и так он представился и мне.

Он показал мне свое лицо и голову, обвитую тюрбаном, в Филадельфии, когда я там вместе с покойным Робертом Д. Оуэном, генералом Ф. Дж. Липпитом и г-жой Блаватской исследовал медиума Холмса. Он часто беседовал со мной и писал мне. У него был особенный почерк и он употреблял красочные старо-английские выражения. В то время я считал, что это настоящий Джон Кинг. Но теперь, когда я увидел, что Е.П.Б. способна у себя дома создавать подобные иллюзии и повелевать элементалами, я убежден, что «Джон Кинг» — это элементал, которого она использовала как марионетку с целью содействовать моему развитию… Сначала он представился мне как независимая личность, живой посланец и слуга Адептов, а не их подобие, но в конце концов оказался простым элементалом, которого Е.П.Б. использовала для создания чудес». [18, т. I, с. 10—12]

«Я приехал в Филадельфию 4 января 1875 г., остановился в гостинице миссис Мартин на Жирард Стрит, где остановилась также г-жа Блаватская. Мое знакомство с г-жой Блаватской за последнее время углубилось в связи с тем, что она приняла предложение А. Аксакова, известного петербургского издателя и бывшего учителя царевича, перевести на русский язык мои письма из Читтендена для публикации их в русской столице. Я постепенно открыл, что эта дама… — одна из наиболее уважаемых медиумов во всем мире, но что ее медиумизм совершенно отличается от всего того, что я встречал до сих пор; не духи велят ей выполнять их волю, а она имеет власть над ними и велит им выполнять свои приказания… Была ли г-жа Блаватская допущена за завесу, это можно лишь почувствовать, ибо она очень неразговорчива об этом предмете, но ее удивительные способности не допускают иного объяснения. На груди она носит мистическую эмблему Восточного Братства из драгоценных камней, и она единственная представительница этого Братства в нашей стране…

В первый вечер, который я провел в Филадельфии, у меня была длительная беседа с помощью стуков с тем духом, который назвал себя Джоном Кингом. Кто бы он ни был на самом деле, но он проявил себя как самый сильный и активный дух в современном спиритуализме. В нашей стране и в Европе мы читали о нем, о его физических проявлениях… Г-жа Блаватская впервые увидела его в России, когда ей еще не было 14 лет, говорила с ним в Черкесии и встречала его в Египте и в Индии. Я его встретил в Лондоне в 1870 году и казалось, что он свободно

разговаривает на любом языке. Я разговаривал с ним на английском, французском, немецком, испанском языках и на латыни, и слышал, как другие вели с ним беседу на греческом, русском, итальянском, грузинском и турецком языках. Его ответы всегда были пристойными и успокоительными.

Зайдя в тот вечер в комнату г-жи Блаватской, я увидал там многих людей, желавших со мною познакомиться. Они занимались в это время опытами «чтения мыслей», которые проводил какой-то юноша-медиум по имени В. К. Хоуг… На следующий день сеанс происходил в моих комнатах. Мы разместились в узком коридоре между гостиной и спальней. Кроме меня, присутствовали г-жа Блаватская, Роберт Дейл Оуен, д-р Феллиджер, мистер Бетанелли и миссис Холмс, жена медиума. М-р Оуен заклеил входные двери тонкими полосками бумаги. М-с Холмс поместили в мешок и запломбировали его. М-р Оуен запер также дверь в спальню, ключ он спрятал в карман и мы погасили свет.

Через полминуты мы увидели руки, и почти в тот же момент показалось лицо Джона Кинга. Он полностью материализовался и подошел к нам совсем близко. Мы услышали чей-то голос. Надо полагать, что это был голос Кетти Кинг (Считают, что это дочь Джона Кинга). Вызвав м-ра Оуена и меня, она, или во всяком случае женская рука коснулась наших рук. Джон Кинг позволил пощупать его руку и бороду. Манифестации были удовлетворительными и спокойными — лучшими из всех, какие я видел в доме Холмса…

Публичный сеанс был проведен на следующий день в 8 часов вечера в помещении на 10-й Северной улице в доме 825. Один из присутствующих предложил связать м-с Холмс руки, прежде чем поместить ее в мешок. Я так и сделал. Как обычно, показался Джон Кинг и разрешил шести или семи лицам приблизиться к нему, поговорить с ним, пожать ему руку. Я протянул ему свое кольцо с печаткой и просил его подержать это кольцо в своих руках, чтобы у меня осталась некоторая память о собеседовании в этот вечер. С той же целью одна дама дала ему также и свое кольцо. Это второе кольцо он вскоре вернул, сказав при этом, что мое кольцо он у себя оставит. Мне это совсем не понравилось, так как кольцо было очень дорогой работы и у меня не было намерения раздавать подарки. Но в эту же ночь меня ожидало еще одно переживание. Ложась в кровать, я приподнял подушку, чтобы положить под нее свои часы, и увидел, что под подушкой лежит мое кольцо в целости и сохранности.

В тот день [21-го] в 4 часа дня у нас был контрольный сеанс… В моем последнем разговоре с Джоном Кингом у мадам

де Б. я попросил его подать мне знак во время нашей следующей встречи у Холмса, и он дал согласие. На следующем сеансе он появился у входа в комнату, и взглянув на меня, подал знак, дважды качнув головой слева направо. Он также подал определенный знак мадам де Б., известный только им обоим.

25 числа прошел мой последний очень примечательный сеанс… Именно тогда мадам де Б. проявила свои удивительные способности. Вызвав Джона Кинга, она всю свою энергию направила на то, чтобы в тот вечер призвать Кэтти Кинг. Джон своей рукой написал послание, чтобы ее указам «повиновались»… Вскоре начались феномены: в разных концах кабинета раздавались стуки, к нам обращались какие-то голоса… Но главное произошло далее. Мы услышали, как отодвинулся засов, а затем увидели, что дверь медленно открылась, и в мертвой тишине появилась небольшая девичья фигура, с головы до ног облаченная в белое. Мгновение она постояла и сделала затем один-два шага вперед. При слабом освещении мы смогли рассмотреть, что она ниже ростом и более хрупкого сложения, чем медиум… Я не знаю, кто она, но абсолютно уверен, что это не Джени Холмс или какая-то ее соучастница. Я также свидетельствую, что после того, как мадам де Б., сидящая рядом со мной, странным голосом произнесла непонятное слово, призрак мгновенно исчез, так же бесшумно, как и появился. Когда собравшиеся разошлись, мы нашли миссис Холмс в ее мешке, с нетронутыми печатями, в состоянии глубокой каталепсии и хотели даже вызвать доктора Феллиджера. Несколько минут у нее не было ни дыхания ни пульса». [17, с.452]

В Бостонской газете «Banner of Light» 30 января появилась статья Е.П.Б. «Фиаско в Филадельфии — или кто есть кто?» В своем альбоме она оставила следующую запись: «Филадельфия, Чайлд — Холмс — Шторм. Медиумы Холмсы оказались обманщиками. Я и раньше говорила об этом Олькотту, но он не верил. Холмсы — мошенники. Е.П.Б. против д-ра Х. Т. Чайлда. Чайлд был соучастником. Он наживался на сеансах Холмса. Это негодяй».

В феврале 1975 года она сообщала Александру Аксакову: «Я написала статью (она перепечатана в «Banner of Light») против д-ра Чайлда…

Генерал Липпит, Олькотт, адвокат Робертс и я, мы пошли работать и производить следствие…» [4, с.265] Одним из тех, кто вел переписку с госпожой Блаватской по поводу этой статьи был профессор Корсон из Корнуэльского университета. Он писал на следующий день после ее публикации: «Я испытываю глубокое удовлетворение по поводу статьи, где подтверждены и мои

собственные чувства, вызванные скандалом с Холмсами, представшими в их подлинном неприглядном виде… особенно по отношению к д-ру Чайлду». [22]

Она ответила профессору Корсону 9 февраля 1875 года: «Я получила много благодарственных откликов на свою статью, много незаслуженных комплиментов и очень мало практической помощи в виде публикаций, поддерживающих мою теорию… Дорогой сэр, не окажется ли для вас возможным вкратце высказать в печати свое мнение по этому вопросу… Издатели не напечатают больше ни одной моей строки, так как по их словам «еще неизвестно, где могут взорваться мои русские литературные бомбы». Единственным положительным результатом моей статьи была немедленная отставка д-ра Чайлда с поста президента Спиритуалистической Ассоциации Филадельфии… Я приехала в эту страну, чтобы утвердить Правду о Спиритуализме, но боюсь, что мне придется отказаться от этого». [21, с.123]

16 февраля она писала ему: «В эту страну я послана моей Ложей в интересах Правды о современном Спиритуализме. Моя священная обязанность открывать эту Правду и разоблачать ложь. Возможно, я приехала сюда на сотню лет раньше, чем нужно. Боюсь, что это так, учитывая современное состояние умов… С каждым днем людей все больше волнуют деньги и все меньше правда. Мой слабый протест и стремительная воля могут быть бесполезны, но все-таки я готова к великой битве, несмотря на любые последствия. Умоляю вас, не считайте меня «слепой фанатичкой»… Я пришла к спиритуализму не под влиянием обманщиков медиумов, этих ничтожных инструментов неразвитых Духов низшей Сферы, древнего Гадеса… Много лет назад я, наконец, удовлетворила страстные стремления своего ума Теософией, преподнесенной мне Ангелами…[32] В моих глазах Алан Кардек и Фламмарион, Эндрю Джексон Дэвид и Джорж Эдмонс — всего лишь школьники, пытающиеся разучить алфавит и часто спотыкающиеся». [21, с.127]

6 марта она писала: «Ваша статья появилась, чему я очень рада. Я знала, что Колби (издатель «Banner of Light») не посмеет отказать вам. Моя статья была отправлена десять дней назад, но мне кажется, она никогда не будет опубликована, поэтому я взяла на себя смелость отослать ее вам, если у вас найдется на нее время». [21, с.130]

Позднее она писала: «Я получила поддержку от полковника Олькотта, генерала Липпита, д-ра Тейлора на Западе, от Аксакова в Петербурге и от дюжины других людей. Спиритуализм в своем современном виде должен прекратить свое развитие и получить другое направление. Заблуждения и безумные теории некоторых

спиритов позорны для нашей страны… Моя просьба к вам заключается в том, чтобы вы публиковали по нескольку статей в год, подобных той, которую отправили в «Banner». [21, с.165]

9 марта она писала генералу Липпиту: «Обнаружила ли я мошенничество в материализациях Холмсов?.. Обман у них в натуре. Они без сомнения медиумы, но у них никогда не выйдет настоящей материализации,… если один из них не будет в настоящем глубоком трансе… Я верю своим глазам, своим чувствам и Джону, и знаю наверняка, что Кэти материализовалась, когда Нельсон Холмс находился в кабинете в глубоком трансе… Исполнительницей роли этих Кэти была миссис Уайт — соучастница Чайлда. Я сказала». [22, февраль, 1924]

16-го марта она поместила в альбом вырезку своей статьи «Кто подделывает?», напечатанную в «Spiritual Scientist», которая приоткрывает загадку Кэти Кинг, и сопроводила ее следующим комментарием: «Приказали разоблачить д-ра Чайлда. Я сделала это. Д-р — лицемер, лгун и мошенник. Е.П.Б.» К вырезке «Фиаско в Филадельфии» она приклеила такую записку:

Важная заметка

«Да, к сожалению, мне *пришлось* раскрыть себя во время скандального разоблачения Холмсов. Я вынуждена была спасать положение, так как я и приехала из Парижа в Америку с целью *доказать* существование феноменов и указать на ошибочность спиритуалистических теорий о «Духах». Но, как лучше достичь всего этого? Я не желала, чтобы все знали, что я могу производить подобные вещи по своему желанию. Я получила совсем другие указания. Но, несмотря на это, я должна была поддержать веру в возможность и подлинность таких феноменов в сердцах тех, кто из материалистов превратился в спиритуалистов; а сейчас, из-за разоблачения нескольких жуликоватых медиумов, вернулись обратно к скептицизму. Поэтому, прихватив с собой нескольких неразуверившихся, я отправилась к Холмсам. При помощи М.'. и его силы я вызвала Джона Кинга и Кэти Кинг из астрального мира, произвела материализацию и, тем самым, дала возможность широкому кругу спиритуалистов поверить в то, что это было сделано при помощи медиумизма м-с Холмс. Она и сама была ужасно напугана, так как знала — на этот раз видение было подлинным. Правильно ли я поступила? Мир не готов еще к пониманию философии оккультных наук и в первую очередь люди должны убедиться в том, что в невидимой сфере есть некие существа, «Духи» умерших или Элементалы; и что в человеке скрыты необыкновенные силы, способные превратить его в Бога на земле.

Когда меня не будет на этом свете, люди, возможно, поймут и оценят бескорыстие моих мотивов. Я поклялась в том, что, пока живу, буду помогать людям следовать Правде, и сдержу свое слово. Пусть одни называют меня Медиумом или Спиритуалистом, другие обманщицей, но настанет такой день, когда потомки узнают меня лучше.

О бедный, глупый, доверчивый и злой мир!

М.'. дает указание основать Общество — тайное Общество, подобное Розенкрейцерской Ложе. Он обещает свою помощь. Е.П.Б.» [12, с.8]

22-го июля в «Spiritual Scientist» появилась статья (написанная не Е.П.Б.) под заголовком «Миссис Холмс уличена в обмане». В своем альбоме Е.П.Б. сделала к ней следующий комментарий: «Она поклялась мне, что никогда больше не прибегнет к обману, если я спасу её на этот раз. Я спасла ее, но только после клятвенных заверений. А теперь, в жажде наживы она вновь принялась за старые, поддельные манифестации! М.'. запрещает мне помогать ей. Пусть получает по заслугам, гнусная, лживая мошенница. Е.П.Б.»

К счастью, мы имеем пояснения Е.П.Б. относительно «Джона Кинга» в ее двух статьях «Ответы Артуру Лилли», опубликованных в журнале «Light» в 1884 году. В первой статье она писала: «Мистер Лилли заявил, что я общалась с этим «духом» в течение четырнадцати лет «постоянно в Индии и других странах». Прежде всего, я утверждаю, что никогда не слышала имени «Джон Кинг» до 1873 года. Я говорила полковнику Олькотту и многим другим, что человек с темным лицом, черной бородой, в белых развевающихся одеждах и фетахе, которого они встречали в моем доме, это «Джон Кинг». Я дала ему такое имя по причинам, которые будут объяснены позже, и от души смеялась над тем, с какой легкостью астральное тело живого человека ошибочно посчитали за духа. Я сказала им, что знаю его с 1960 года, что он является Восточным Адептом, принявшим свое последнее воплощение, что он посетил нас в Бомбее в своем телесном облике… В своей жизни я была знакома и общалась со многими «Джонами Кингами», но слава богу никто из них меня не «контролировал»! Прошло уже четверть века или более, как исчез мой медиумизм, и теперь я не позволяю «духам» из кама-локи приближаться ко мне, тем более управлять мною» [8, т. XIX, с.292]

Мистер Лилли превратно понял эту статью, найдя в ее содержании ассоциации с Махатмой Кут Хуми, поэтому в своем втором «Ответе» Е.П.Б. дала следующее разъяснение: «Она говорит нам, — пишет критик, — что он (Махатма Кут Хуми) с

черной бородой, в белых развевающихся одеждах постоянно навещает ее». Когда это я говорила такое? Я полностью отрицаю, что когда-либо говорила или писала это… Может быть он имеет в виду мое предыдущее письмо? Я говорила в нем о «Восточном Адепте», достигшем своего последнего воплощения, который проделал путь из Египта до Тибета через Бомбей и посетил нас в своем телесном облике. Зачем же выдавать этого Адепта за Махатму? Разве кроме Махатмы Кут Хуми нет других Адептов? Каждому теософу в Штаб-квартире известно, что я имела в виду грека, которого знала с 1860 года,[33] а с корреспондентом мистера Синнета[34] я не встречалась до 1868 года». [8, т. XX, с.190]

Что касается появления в ее доме астрального облика Архата Илларионa, то, как выяснилось, он действительно находился в то время в Соединенных Штатах в своем физическом теле. 27-го мая в «Spiritual Scientist» появилась заметка следующего содержания: «Распространились слухи, что один или несколько Восточных Спиритуалистов высокого ранга приехали в нашу страну. Говорят, что они обладают глубокими познаниями о светоносных таинствах и, вполне возможно, что они установят контакт с теми, кого мы привыкли считать лидерами в Спиритуалистических делах. Если слухи о их прибытии подтвердятся, то это можно рассматривать как великое благословение, так как после четверти века существования феноменов, у нас практически нет Философии их объясняющей и направляющей. Обратимся к Мудрецам Востока, если они действительно пришли, с призывом служить новой Правде!!» Е.П.Б. оставила об этом следующий комментарий: «Ат[риа] и Илл[арион] прошли через Нью-Йорк и Бостон, а затем вернулись обратно через Калифорнию и Японию: М.'. ежедневно появляется в Кама Рупа». [22, октябрь, 1922]

Необходимо напомнить, что полковник Олькотт пришел к выводу о существовании трех «Джонов Кингов»: один — «посланец живущих Адептов», другой — простой элементал, «подчиненный Е.П.Б. и используемый ею для моего обучения», и третий — «посетившая землю душа известного пирата сэра Генри Моргана». Упоминание о них можно найти в переписке Е.П.Б. с генералом Липпитом.

В апреле 1875 года она писала: «Я не очень уверена в Джоне… Он довольно своенравный и никогда не делает то, о чем его просят, если это исходит не от него самого. Вы помните, какой он независимый? Я отправила вам необычное Послание.[35] Прочтите и скажите мне о вашем впечатлении. Попросите Братство помочь вам. Джон не осмеливается не выполнять Их Приказы… Как бы я хотела помочь вашему перерождению, но,

поверьте моему слову чести, я всего лишь раб, послушный инструмент в руках моих Учителей. Я даже не могу писать на приличном английском, если они не продиктуют мне каждое слово». [12, с.12]

Вполне возможно, что «своенравие» Джона и «если это исходит не от него самого» — это ничто иное, как отговорка, цель которой как-то скрыть факт, отмечаемый ею позже, что она была «послушным инструментом в руках Учителей». Она не могла поступать самостоятельно, (например, в случае помощи генералу Липпиту с «приспособлением» для связи с духами) и выполняла только указания, данные ей через «Джона», «посланца живущих адептов», а возможно, и самого являющегося адептом.

В письме генералу Липпиту от 12 июня «Джон» похож на пирата: «Теперь о Джоне Кинге — этом короле негодяев. Что он вытворял в доме, когда я лежала больная и почти при смерти, не опишешь и в трех томах! Спросите об этом м-ра Дана и м-с Магнон, которые постоянно навещали меня, а сейчас живут в моем доме. Когда принесли сегодняшние письма, он успел распечатать их. Моя горничная вбежала ко мне в спальню с криком, что этот огромный бородатый дух вскрыл конверты прямо у нее в руках. Так я получила ваше письмо. Позвольте дать вам добрый совет: не доверяйте слишком Джону, если не очень хорошо его знаете. Он добр, услужлив и готов все для вас сделать, если вы пришлись ему по душе… Я нежно люблю его…, но у него есть недостатки и среди них ужасные. Он язвителен, иногда злопамятен; периодически лжет… и находит удовольствие в надувательстве. Я не могу присягнуть перед судом справедливости, что мой Джон — это Джон сеансов в Лондоне, Джон «фосфорической лампы», хотя я и предполагаю это, а он подтверждает. Но тайны духовного мира очень запутаны и представляют собой великолепный и сложнейший лабиринт. Так что — как знать?

Что касается меня, я знаю Джона уже четырнадцать лет. Он рядом со мной не один день; он знаком всему Петербургу и половине России под именем Янка или «Джони»; он путешествовал со мной по всему свету. Трижды спасал он мне жизнь: и в Ментане, и во время кораблекрушения, и последний раз возле Сицилии, когда наш корабль взлетел на воздух, и из 400 пассажиров в живых остались только 16, это произошло 21 июня 1871 года. Разумеется, этот «Джон» не пират, а посвященный или Учитель. Однако у него есть черты, которые можно отнести на счет пирата. Я знаю, он любит меня и ни для кого не сделает больше чем для меня; но посмотрите какие неприятные фокусы он проделывает со мной. Когда он начинает

разыгрывать старого Гарри, то ужасно ругается, называя меня самыми удивительными именами, «неслыханными ранее». Он посещает медиумов и рассказывает им всякие небылицы, якобы я оскорбляю его чувства, я ужасная лгунья, и неблагодарная, и такая разэдакая. Он становится настолько необузданным, что сам без моего посредничества пишет письма Олькотту, Адамсу, каким-то трем-четырем женщинам, которых я даже и не знаю… Я могу назвать еще десяток людей, с которыми он ведет переписку. Он занимается мелким воровством и на днях, когда я лежала больная, принес Дану 10 долларов…

Дан знает его 29 лет… Он подделывает почерк других людей и приносит в семьи раздор. У него бывают неожиданные и иногда опасные выходки, он ссорит меня с окружающими, а потом смеется и дразнит меня, хвастаясь при этом своей ловкостью.

Несколько дней назад он пожелал, чтобы я сделала что-то, чего я не хотела делать, так как не считала это правильным и к тому же была больна. Он язвительно упрекнул меня в том, что был заперт в шкатулке, лежащей в ящике стола, ожег мне правую бровь и щеку и, когда на следующее утро моя бровь почернела, он засмеялся, сказав, что я похожа на «испанскую красавицу». Теперь не меньше месяца мне придется ходить с этой отметиной. Я *знаю*, он меня любит… и в тоже время он с таким бесстыдством оскорбляет меня, ужасный негодяй…

Ваши понятия о духовном мире и мои — это две разные вещи. Боже мой! Вы, кажется, думаете, что «Джон — это Диакка, Джон — плохой дух»… ничего подобного. Он такой же как любой из нас, но я рассказываю вам все это для того, чтобы вы кое-что знали о нем, прежде чем познакомитесь с ним ближе. К примеру, природа наградила меня *вторым зрением* или даром ясновидения и обычно я могу видеть то, к чему устремляюсь; но я никогда не могу предугадать его проделки или что-то знать о них, если он не расскажет мне сам.[36]

Прошлой ночью, когда м-р Дан и м-м Магнон были в моей комнате, Джон начал стучать и что-то говорить. Я чувствовала себя совсем больной и не расположенной к разговору, но он настаивал на своем. Между прочим, я устроила «темный кабинет» в моей комнате духов рядом со спальней, и Дан из «Клуба Чудес» сидит там каждую ночь. Появился Джон:

— Послушай Элли, — сказал он.

— Ну что ты опять затеял, негодник?

— Я написал письмо, дорогая моя. Любовное письмо.

— Ради Бога, кому? — воскликнула я, ожидая какую-нибудь очередную неприятность, так как очень хорошо его знаю.

— Элли, ты ведь не получила сегодня письмо от Джерри

Брауна. Не так ли?

— Нет. А что Джерри Браун?

— Он не будет тебе больше писать, — ответил Джон, — он сердит на тебя. Я все рассказал ему и первоклассно нарисовал твой портрет.

— Что ты сказал ему, Джон, злой демон? Я хочу знать.

— Ну, я много не говорил, — нагловато ответил мне Джон, — я только дал ему один-два дружеских совета, рассказал ему какая ты приятного нрава кошечка, объяснил, как ты бранишь меня на всех языках, и уверил, что ты при всех оскорбляешь и его. Потом я описал ему, как ты сидишь в своей постели, капризная коротышка, одинокая, как храм и злая, как бульдог мясника. Ты ему отвратительна, и он больше не допустит тебя в свой «Scientist»…

Слушая все это, я не знала, что мне делать — смеяться или сердиться на этого хулигана домового. Я не смогла определить, сочинил ли он эту историю, чтобы подразнить меня, или действительно написал м-ру Брауну… Дорогой мистер Липпит, пожалуйста, сходите к Брауну и спросите его, действительно ли Джон писал ему. Прочтите ему это письмо». [23, май 1924]

Генерал Липпит 23-го июня ответил, что он показал ее письмо мистеру Брауну.

В начале марта Е.П.Б. писала генералу Липпиту, что Джон нарисовал картину на белой атласной бумаге. «Он закончил ее в один присест, но предложил мне пририсовать вокруг, в виде обрамления, красивые цветы, а я все делаю очень медленно, если он не помогает мне или не сделает все сам». [23, февраль, 1924]

3-го апреля она послала ему в Бостон открытку со словами: «Картина готова и отправлена через Адамс Экспресс Компани. Джонни желает, чтобы вы *попытались*[37] понять символы масонских знаков [на ней]. Он просит, чтобы вы никогда не расставались с этой картиной и не позволяли слишком многим прикасаться или даже приближаться к ней. Позднее я объясню причину моего переезда на другую квартиру на Сэнсом-Стрит, 3420, Западная Филадельфия». Спустя некоторое время она писала: «Я рада, что вам понравилась картина Джонни… Лишь в Лондоне он появлялся в своем истинном облике, но его внешность имеет сходство с соответствующими медиумами, так как трудно полностью изменить черты, полученные им от других жизненных сил». [23, март, 1924]

30-го июня 1875 года она писала генералу Липпиту: «Все, на первый взгляд ничего не значащие письма, диктуемые вам духами и через вас, ни что иное как инструкции для спиритуалистов Америки. Они написаны при помощи цифрового

алфавита (каббалистическим методом, применяемым Розенкрейцерами и другими Братствами оккультных наук). Я не имею права высказаться определеннее, *пока мне не будет разрешено*. Не принимайте это за какую-то уловку. Даю вам честное слово, что это не так. Джон, конечно, знает тайну этих писем, ибо он, как вам известно, принадлежал к одной из Секций. Храните *бережно* все, что сможете получить таким путем. Кто знает, что они еще преподнесут непросвещенной Америке?.. Джон сделал все возможное, чтобы помочь вам в вашем состоянии… Ему не позволено проявлять себя иначе, как в письмах, или на словах, или, когда я с ним наедине. Приближается время и спиритуализм должен быть очищен от ошибочных толкований, суеверных и невежественных понятий… Он должен стать наукой о законах Природы… а не капризом слепой силы и материи». [23, апрель, 1924]

О пирате Генри Моргане писал полковник Олькотт генералу Липпиту в феврале 1877 года: «Это последнее, что вы или кто-то другой сможете получить от него, так как его подлинный дух отправился в другую сферу и потерял притяжение Земли». [22]

О Джоне Кинге — посвященном или адепте — Е.П.Б. писала Александру Аксакову 12 апреля 1875 года: «Меня к тому же очень любит *Джон Кинг-дух*, и я его люблю более всего на свете. Он мой единственный друг и если я кому обязана радикальной переменой в мыслях жизни моей, стремлениях и т. д., то это ему одному. Он меня переделал, и ему я буду обязана, когда отправлюсь «на чердак», тем, что не просижу целые столетия быть может в темноте и мраке. Джон и я знакомы со времен давних, гораздо ранее, чем он стал материализовываться в Лондоне и прогуливаться с лампой в руке у медиумов…"[38] [4, с.269]

Глава 31
«Spiritual Scientist»

Одним из тех, кто поддержал письмо Е.П.Б. доктору Беарду в защиту Вильяма Эдди, опубликованное в «Banner of Light» в ноябре 1874 г. был Элбридж Джерри Браун — издатель журнала «Spiritual Scientist». Он послал ей экземпляр своего журнала и пригласил зайти к нему в офис, если ей доведется приехать в Бостон. Вначале из этого ничего не получилось, и полковник Олькотт вспоминал: «Мы заинтересовались журналом «Spiritual Scientist» только в начале 1875 года. Это был небольшой, но яркий и независимый журнал.

…В тот момент возникла необходимость в печатном издании, которое было бы признанным органом Спиритуализма, способным помочь всем интересующимся более подробно изучить поведение и физическое состояние медиумов, прислушаться к теориям взаимодействия духовных и жизненных начал…

…Наши отношения завязались после письма к нему («Spiritual Scientist», 8 марта 1875 г.) и не прошло и месяца как он стал сторонником Е.П.Б.» [18, т. I, с.72]

Мистер К. Джинараджадаса, опубликовавший некоторые документы из альбомов Е.П.Б. в журнале «Theosophist» в 1922—1924 гг. (серия «Ранняя история Теософического Общества»), отмечает: «Последователи Е.П.Б. обращались не только к ней и к полковнику Олькотту как к центральным фигурам, но и еще к одному лицу — Джерри Брауну, молодому издателю журнала «Spiritual Scientist» в Бостоне. В нескольких письмах Учителя Сераписа Бея содержались наставления об оказании финансовой поддержки изданию мистера Брауна и об отправке ему ряда статей. Е.П.Б. и полковник Олькотт были среди авторов, сотрудничавших с этим журналом, и обеспечивали для него подписчиков». [23, июль, 1922]

Здесь мы подходим к вопросу испытания полковника Олькотта Учителями; он успешно выдержал экзамен, что не удалось Джерри Брауну.

Полковник получил послание из Братства Люксор через Е.П.Б. и с ее сопроводительным письмом, в котором она писала ему: «Я осмелилась прочесть письмо адресованное вам Туититом Беем, так как полагаю, что имею на это право, поскольку одна я ответственна за действие и результаты моих начинаний. Я одна из тех, кто знает когда и как, и это на долгие годы… Послание было получено из Люксора в ночь с понедельника на вторник.

Написано в Эллоре на рассвете одним из учеников-неофритов, написано очень плохо. Я хотела узнать, желает ли Т.Б., чтобы такое ужасное письмо было отправлено, ведь оно предназначалось тому, кто впервые получил бы подобное послание. Я предложила, чтобы вам передали один из наших пергаментов, где содержание появляется, как только вы посмотрите на него и исчезает сразу же после прочтения. Мне стало известно, что проделки Джона привели вас в недоумение и, несмотря на искреннюю веру вам, возможно, потребуются более веские доказательства. На это Т.Б. ответил мне среди прочего следующее: «…Ум, занятый поисками материальных доказательств наличия Мудрости и Знания во внешних проявлениях недостоин посвящения в великие тайны «Книги Святой Софии». Тот, кто отрицает Дух и ищет его на земле в материальной оболочке, a priori никогда не сможет *Пытаться*».

Как видите, опять упрек…

Я недостойная *посвящения* и знаю, что это роковое слово «пытайтесь» имело огромное значение в моей жизни. Как часто я боялась неправильно понять Их указания, зайти слишком далеко или недостаточно при их исполнении. Подумайте, Генри, прежде чем бросаться очертя голову… Пока еще есть время, вы можете отказаться. Но если, получив письмо, вы согласитесь и станете Неофитом, то вы пропали, мой дорогой, и назад пути нет. В первую очередь на вас посыпятся искушения и испытания вашей веры. (Запомните, что первые семь лет начального посвящения я подвергалась искушениям, опасностям, это было время борьбы со всеми олицетворениями зла, так что подумайте хорошенько прежде чем решиться). В письме есть таинственные и страшные заклинания, которые могут показаться вам несколько приземленными или надуманными. Но с другой стороны, если вы решитесь, то примите мои советы, если хотите выйти победителем: *Терпение, вера, никаких вопросов, безоговорочное послушание и Молчание*». [23, март, 1922]

«От Братства Люксор, Пятая Секция,

Генри С. Олькотту.

Брат Неофит,

Мы приветствуем тебя. Тот, кто ищет, найдет нас. *Пытайтесь*. Успокойте свой ум, отбросьте сомнения. Мы не оставим своих преданных воинов. Сестра Елена — храбрый и доверенный помощник. Укрепите свой дух и веру, и она приведет вас к Золотым Вратам Правды. Она не боится ни огня, ни меча, но ее душа чувствительна к вопросам чести и у нее есть причины не доверять будущему. Наш добрый брат «Джон» поступил опрометчиво, но он не замышлял ничего дурного. Сын Земли,

если ты услышишь их обоих, пытайся.

Мы желаем, Брат, чтобы через тебя был наказан Человек-Дитя. Давид честен, его сердце чисто и невинно как у ребенка, но он не готов физически. Вокруг тебя много хороших медиумов. Не бросай клуб.

Брат Джон привел трех наших Учителей наблюдать за тобой после сеансов. Твое благородное поведение дает нам право сообщить их имена:

Серапис Бей (Секция Эллоры)

Полидорус Изуренус (Секция Соломона)

Роберт Мор (Секция Зороастра).

Сестра Елена объяснит тебе значение Звезды и Цвета.

Активность и Молчание, как и прежде.

По указанию Великого.'.

Туитит Бей.

Обсрватория Люксор,

вторник, утро, день Марса». [23, апрель, 1922]

Полковник Олькотт говорит в своей книге «Страницы старого дневника»: «Е.П.Б. рассказывала о существовании Адептов Востока и их могуществе, на многих примерах она доказала мне свою способность держать под контролем оккультные силы природы… Дружеское ее участие помогло мне вступить в личную переписку с Учителями. Я храню множество Их писем, на которых проставлены даты получения.

В течение ряда лет и незадолго до нашего отъезда из Нью-Йорка в Индию я был связан с Африканской Секцией Оккультного Братства; но позднее, когда с Е.П.Б. произошли удивительные психо-физиологические перемены, о которых я вынужден здесь умолчать, но о которых не подозревали даже те, кто, как им казалось, располагали ее полным доверием, я был принят в Индийскую Секцию и попал к другой группе Учителей… Скептики отрицают существование Адептов… Но о них давнымдавно было известно еще прошлым поколениям мистиков и филантропов…

Я был представлен Им Е.П.Б. и этому способствовал мой предыдущий опыт изучения медиумов и спиритуализма. Джон Кинг познакомил меня с четырьмя Учителями: один из них — копт, другой — представитель Неоплатонической Школы, третий — высочайший Учитель Учителей, именуемый Венецианцем, и последний — англичанин, философ, скрывшийся от людей своего круга, и которого многие считали умершим. Первый из них стал моим Гуру, он был человеком строгих правил и обладал мужественным характером» [12, с.13, 14]

Вернмся к журналу «Spiritual Scientist» и его издателю. Е.П.Б.

в своем письме к профессору Корсону писала: «Мне попался в руки «Spiritual Scientist», на который я раньше не обращала внимания… Я внимательно прочла и несколько предыдущих номеров. В них я нашла гораздо меньше вздора, чем в «Religio» или в «Banner». Затем у меня был с визитом человек из Бостона, который рассказал, что издатель «Scientist» это хорошо образованный молодой человек, со связями, но весьма бедный. Начав издавать собственный журнал, он поссорился со своими родственниками, которые были против такого рода деятельности… Оппозиция со стороны «Banner» была неутомимой… Независимый курс бедного издателя Джерри Брауна безжалостно преследовался… Я, конечно, сразу вспыхнула, как сухая спичка, в тот же день я нашла для него несколько подписчиков и послала ему свою статью… Затем я получила от Олькотта письмо о необходимости спиритуалистического издания, которое пользовалось бы уважением и о непременном моем участии в нем… Давайте поможем бедному Джерри Брауну, может быть из этого что-нибудь и выйдет? Хотелось бы, чтобы вы написали что-то серьезное для него… и потом, может быть вы найдете для него несколько подписчиков в Итаке». [18, т.1, с.17]

Таким образом, через «Spiritual Scientist» Е.П.Б. попыталась реформировать американский спиритуализм, направив его в философское русло. Мистер Браун в своем редакционном предисловии к «Посланию из Люксора», 17 апреля писал: «Читателей больше не удивляют публикации посланий, полученных нами по почте… Мы лично не знакомы с нашими доброжелателями из «Комитета Семи» и представителями «Братства Люксор», но мы благодарны им за проявленный к нам интерес и постараемся оправдать его. Сможет ли кто-нибудь поведать нам об этом Братстве? Что означает его название, «Люксор»? Настало время, когда некая «сила», земная или небесная, пришла нам на помощь, так как и после двадцати семи лет исследований спиритических проявлений мы не познали законы их происхождения… Мы считали это большим недостатком, и если будем удовлетворены таинственными посланиями, которые свидетельствуют, что Духовное Братство Востока вот-вот приоткроет занавес, скрывающий храм, то мы со всеми нашими друзьями будем радостно это привествовать. Придет день, когда нашим девизом станет «FIAT LUX!» («Да будет свет!»). [22]

Полковник Олькотт говорил об этом послании: «Я собственноручно написал его от начала до конца, сам выправил текст, заплатил за перепечатку; и таким образом, никто не

диктовал мне ни слова… никоим образом не контролировал мои действия. Я работал над ним, выполняя горячее желание Учителей, чтобы мы, — Е.П.Б. и я — помогли издателю «Scientist» в трудное для него время. Для достижения этого я постарался изложить все в доступной форме. Когда послание уже находилось в печати, …в своем письме я спросил Е.П.Б., считает ли она нужным дать публикацию анонимно или подписать моим именем. Она ответила, что по желанию Учителей текст необходимо подписать «От Комитета Семи, Братство Люксор». Так оно было подписано и опубликовано.

Она пояснила, что наша деятельность, как и многое другое, находилось под наблюдением Комитета Семи Адептов, принадлежащего Египетской Секции Всеобщего Мистического Братства. До самого последнего момента она не видела этого послания, но после того, как я дал ей один экземпляр рукописи, внимательно его изучила. Затем, рассмеявшись, она обратила мое внимание на акростих, состоящий из первых букв шести строк послания. К своему изумлению я обнаружил, что эти буквы образовали имя Адепта (Египтянина), под чьим руководством я учился и работал. Позже я получил свидетельство, написанное золотыми чернилами на толстой зеленой бумаге, подтверждающее, что я был причислен к этой «Обсерватории» и находился под пристальным наблюдением трех (уже упомянутых) Учителей. Вот и само послание с некоторыми сокращениями:

Специально для спиритуалистов

«Спиритуалистическое движение подобно любому другому в том отношении, что его развитие — это вопрос времени, а его совершенствование — это результат внутренней работы… Прошло двадцать семь лет со дня первого толчка в Западном Нью-Йорке, породившего большое количество спиритуалистов, и все большее число лучших умов стремится понять и исследовать законы явлений, лежащих за пределами обыденного.

До сих пор эти передовые умы не имели своего издания для обмена мнениями… «Spiritualist» в Англии и «La Revue Spirite» во Франции представляют собой примеры газет, которые давно должны издаваться и в этой стране…

Американский спиритуализм постоянно упрекают в том, что он не много дает думающему человеку, и слишком малое число явлений происходит в условиях, удовлетворяющих взыскательных ученых… До сих пор лучшие идеи находились в книгах, цены на которые недоступны для большинства. Чтобы исправить это зло… в настоящее время объединились несколько честных спиритуалистов… Вместо того, чтобы затевать сомнительный и дорогостоящий эксперимент по созданию новой газеты, они

выбрали бостонский «Spiritual Scientist» как печатный орган нового движения…

Цена «Spiritual Scientist» 2,5 доллара на год… Подписаться можно в любом солидном агенстве или непосредственно у издателя по адресу: Джерри Браун, 18 Иксчендж-Стрит, Бостон, Масс.

От Комитета Семи, Братство Люксор»

Среди комментариев на это послание особое внимание привлекла статья м-ра Менденхолла. По этому поводу Е. П. Блаватская писала: «Прошло некоторое время, с тех пор как м-р Менденхолл посвятил несколько страниц в «Religio-Philosophical Journal» (Чикаго) всесторонней критике сведений о таинственном Братстве Люксор… Братство Люксор — это одна из секций Великой Ложи, членом которой я являюсь. Если у этого джентльмена возникнут какие-либо сомнения по поводу моего статуса, а они у него без сомнения возникнут, он может, если пожелает, обратиться в Люксор. В случае, если Комитет Семи не даст ему удовлетворительного ответа, я могу сделать ему другое предложение. У м-ра Менденхолла, насколько мне известно, имеется две жены из мира духов. Обе эти дамы материализуются в доме м-ра Мотта, где и беседуют со своим мужем, как говорил об этом последний… Пусть одна из них сообщит м-ру Менденхоллу название той Великой Ложи, к которой я принадлежу. Для подлинного развоплощенного духа, за которого они выдают себя, дело это более чем простое; они должны обратиться к другим духам, прочитать мои мысли и т. д.; для невоплощенного существа, для бессмертного духа нет ничего проще. В том случае, если этот господин скажет мне это название (известное еще трем лицам в Нью-Йорке, неофитам нашей Ложи), я даю слово предоставить м-ру Менденхоллу подлинные сведения о Братстве, которое состоит не из духов, а из живущих смертных, более того, я могу связать его непосредственно с Ложей, как делала это и для других». [7, с.61]

К экземпляру послания из Люксора, помещенному в ее альбоме, Е.П.Б. сделала приписку: «Послано Э. Джерри Брауну по указу С. и Т.Б. из Люксора (Напечатано и издано полковником Олькоттом по указу М.').» [12, с.18]

К этому полковник Олькотт добавил: «Независимо от внешнего воздействия. Г.С.О.»

Учитель Серапис в разное время писал о Д. Брауне полковнику Олькотту, который дважды приезжал в Бостон в 1875 году (в марте и июле): «Постарайся посетить его наедине и уделить ему как можно больше внимания; от него зависит успех духовного движения, счастье и благосостояние всех вас».

«Попытайся завоевать доверие бостонского юноши. Постарайся, чтобы он раскрыл тебе свое сердце, свои чаяния и отправь его письма в Ложу через Брата Джона [Джона Кинга]» [13, т. II, с.16]

Как уже отмечалось, Е.П.Б. однажды писала генералу Липпиту, что Джон Кинг «действительно пишет письма без помощи медиумов, он состоит в переписке с Олькоттом и Адамсом… Я могу назвать вам с десяток человек, с которыми он переписывается…» Бетанелли сообщал Липпиту: «До рабочего стола Джона, никто в доме не смеет и дотронуться, иначе возможны неприятности». [23, март, 1923]

Далее Учитель Серапис пишет полковнику Олькотту: «Мы получили ваши отчеты, Брат мой; они прочтены и обработаны. Наш младший брат находится в смущении и замкнут, как вы говорите. Я уже давал вам советы по этому поводу… Он борется, колеблется, ошибается, не уверен в себе из-за пророческих предсказаний, исходящих из его сознания, от его внутреннего голоса. Брат мой, это трудная задача для вас, но ваша преданность и бескорыстное служение Делу Правды поддержит вас и придаст силы. Это Дело в вашей стране зависит от тесного союза между вами тремя, выбранными нашей Ложей. Вы все трое такие разные и в то же время так связаны друг с другом, объединены в одно целое непогрешимой мудростью Братства. Будьте мужественны и терпеливы, Брат, и идите вперед!» [13, т. II, с.16, 17]

Разрушение Триады по вине Джерри Брауна, возможно является одной из причин, что Движение (преобразованное позднее в Теософическое Общество) было перенесено из Америки в Индию.

Е.П.Б. писала А. Н. Аксакову 24 мая 1875 года: «Беда пришла к нам… Чтобы поддержать как-нибудь проваливающийся «Spiritual Scientist», единственный добросовестный, честный, бесстрашный (да и то нашими усилиями) журнал, я отдала свои последние 200 долларов». [4, с. 271]

В своем альбоме на экземпляре Послания из Люксора она приписала внизу: «Несколько сот долларов из наших карманов было переведено на имя издателя, и он был вынужден пройти через малую дикшу (обряд посвящения). Но это не принесло пользы, и было основано Теософическое Общество… Этот человек мог стать Силой, но предпочел остаться ослом. De gustibus non disputandum est."[39] [12, с.18]

Позднее она записала в альбоме: «Браун, издатель и медиум в одном лице, отблагодарил нас за нашу помощь. Вместе с полковником Олькоттом мы потратили свыше 1000 долларов на покрытие его долгов и в поддержку его журнала. Шесть месяцев

спустя он стал нашим смертельным врагом, только потому, что мы провозглашали свое неверие в спиритов. О, благодарное человечество! Е.П.Б. [13, т. II, с.14, 15]

Мистер Джинараджадаса конец журнала «Spiritual Scientist» описал следующим образом: «Джордж Браун обанкротился в сентябре 1878 г., задолжав и Е.П.Б. и полковнику Олькотту. Она в тот год записала в своем альбоме: «Постоянный поток брани и издевательств против нас в его журнале, а также и в других, и в конце концов банкротство, без единого намека на благодарность, извинения или сожаление. Таков Джерри Элбридж Браун, спиритуалист». Так Джерри Браун упустил возможность, стать членом благородной триады, к которой будущие теософы отнесутся с почтением и благодарностью». [13, т. II, с.15]

Глава 32
Замужество и тень смерти

Сведения полковника Олькотта о сеансах Эдди и присутствии на них госпожи Блаватской подтверждает публикация следующих писем:

«*Генри С. Олькотту.*
Читтенден, Вермонт,
ферма Эдди.
Дорогой сэр,

Я осмеливаюсь обратиться к вам, несмотря на то, что не имею счастья быть знакомым с вами лично. Мне встречалось ваше имя на страницах «Daily Graphic» в корреспонденциях о феноменах Эдди, которые я прочитал с большим интересом. Из сегодняшнего номера газеты «Sun» я узнал, что в присутствии русской дамы Блаватской материализовался дух Михалко Гегидзе (хорошо знакомое мне имя) в грузинском национальном костюме, который говорил по-грузински, танцевал лезгинку и спел грузинскую народную песню. Будучи сам кавказским грузином, я воспринял это известие с величайшим изумлением, и не веря в спиритуализм, теперь не знаю, что и думать об этих феноменах.

Сегодня я посылаю письмо миссис Блаватской с несколькими вопросами о материализовавшемся грузине, и если она уже уехала, пожалуйста, перешлите его ей, если знаете ее адрес.

Я также со всей серьезностью прошу вашего подтверждения этого поразительного факта. Действительно ли он вышел из кабинета в грузинском костюме в вашем присутствии? Если это произошло на самом деле, и если кто-либо будет рассматривать это как обычное фокусничество и обман, на это я должен сказать вам следующее: «В Соединенных Штатах сейчас находятся только три грузина. Один из них — это я, и приехал в эту страну три года назад. Мне известно, что двое других приехали в прошлом году. Сейчас их нет в штате Вермонт, и они никогда там не были. Я знаю, что они совершенно не говорят по-английски. Кроме нас троих, никто в этой стране не говорит по-грузински, и это абсолютная правда». Надеюсь, что вы мне ответите

на это письмо, остаюсь

С уважением, М. К. Бетанелли».

Позднее м-р Бетанелли писал: «Я знал Михалко, когда он жил в Кутаиси и думаю, что мог бы узнать его, если бы я был у Эдди в ту ночь. Он был крепостным у грузинского аристократа Александра Гегидзе, а также был слугой в доме полковника А. Ф. Витте. Мистер Витте все еще живет в Кутаиси и занимает пост инженера при русском наместнике Кавказа». [17, с.305]

Нам известно, что м-р Бетанелли присутствовал на первом частном сеансе полковника Олькотта в Филадельфии. Он стал восторженным новообращенным спиритуалистом. Полковник был единственным непосредственным свидетелем, который оставил описание этого странного бракосочетания между Е.П.Б. и м-ром Бетанелли: «Одно из моих писем из Читтендена, опубликованное в «Daily Graphic», заинтересовало мистера Б…, выходца из России и побудило его написать мне письмо из Филадельфии, в котором он выразил сильное желание встретиться с моими коллегами и поговорить о спиритуализме. С ее стороны не было возражений, он приехал в Нью-Йорк в конце 1874 года и они встретились. Случилось так, что от нее он сразу пришел в состояние восторга, которое выразил на словах, а позднее и в письмах к ней и ко мне. Она неизменно отвергала его матримониальные притязания и очень сердилась из-за его глупой настойчивости. Единственным последствием этого было то, что он стал еще более преданным и в конце концов начал угрожать покончить с собой, если она не примет его предложения». [18, т.1, с.55] Этот факт подтверждает и генерал Даблдэй в своем письме, отправленном в «Religio Philosophical Journal», в Чикаго, 28 апреля 1878 года, где говорится, что упомянутое выше письмо от м-ра Бетанелли привело к браку; что он угрожал покончить с собой, и она вышла за него замуж с целью это предотвратить, так как еще будучи юной и миловидной, она уже была причиной двух самоубийств; [40] и что это единственная причина, объясняющая это странное бракосочетание. [22]

Мадам Блаватская, вне всякого сомнения, считала себя вдовой. Она думала так многие годы. Вс. С. Соловьев цитирует ее письмо, опубликованное в январе 1886 года: «…около восьми лет тому назад я натурализовалась и сделалась гражданкой Северо-Американских Соединенных Штатов, вследствие чего потеряла все права на ежегодную пенсию в 5000 рублей, которая принадлежит мне, как вдове высшего русского сановника…» На это Соловьев дал следующее примечание: «Что скажет скромный и почтенный, поныне здравствующий старец Н. В. Блаватский,

когда узнает, что он «высший русский сановник» и что его вдова при его жизни, должна получать целых 5000 рублей ежегодной пенсии!.. Какая ирония судьбы!» [4, с.167]

Госпожа Желиховская, сестра Е.П.Б, отвечая Соловьеву, писала: «Елена Петровна Блаватская сама не выдавала себя за вдову, но таковой ее признали тифлисские власти, выславшие ей в 1884 году свидетельство, где она была названа «вдовой действительного статского советника Н. В. Блаватского». Не будучи с ним в сношениях более двадцати пяти лет, она совершенно потеряла его из виду и не знала, как и мы, — жив он или умер. Это вина тифлисской полиции, а никак не ее». [4, с.315]

Е.П.Б. пришла в ужас, когда до нее дошли слухи о заявлениях Соловьева. Она писала мистеру Синнету: «Соловьев грозит мне, что господин Блаватский не умер, а является «очаровательным столетним старичком», который на многие годы скрылся у своего брата — отсюда ложные сведения о его смерти. Представьте себе публикацию *Мемуаров*, если он действительно жив, а я не вдова!!! *Вот будет картина*, и вы потеряете репутацию вместе со мной. Пожалуйста, отложите подготовку книги, по крайней мере, ее публикацию». В постскриптуме она добавила: «Может быть то, что Соловьев говорит о старом Блаватском, «которого я преждевременно похоронила» — это злонамеренная ложь с целью погубить меня, а может и нет. Я никогда не имела официального подтверждения о его смерти, мне об этом сообщала моя тетя, что «его карьера завершилась, сам он уехал много лет назад», и затем пришло известие, что «он умер». Я никогда и не думала об этом старичке; он был для меня пустым местом, не был даже *законным*, хотя и *ненавистным* мужем. И все же, если это окажется правдой — (его отец умер в 108 лет, а моя бабка около 112), а мы все время говорили о нем, как будто он уже в дэвачане или в авичи [в раю или в аду] — все это доставит мне множество хлопот». [14, с.179, 180]

Вернемся вновь к описанию этого брака полковником Олькоттом: «Он [Бетанелли] заявил, что ему не нужно ничего, кроме возможности видеть ее, что его чувство, ни что иное, как бескорыстное обожание ее интеллектуального величия и, что он не претендует ни на какие привилегии супружеской жизни. Он так досаждал ей, что это граничило с безумием и она, в конце концов, поддавшись этим уговорам, согласилась стать его номинальной женой, но с условием, что она сохранит свое собственное имя, свободу и независимость, как и прежде. Итак, их сочетал законным браком самый уважаемый священник Филадельфии, и они устроили свои «лары» и «пенаты» в

небольшом доме на Сансом-Стрит, где я гостил во время своего второго приезда в этот город, после того, как была закончена и опубликована моя книга. Я не был свидетелем церемонии бракосочетания, хотя в тот момент находился в их доме и видел их, когда они вернулись из резиденции священника после свершения обряда». Бракосочетание состоялось между 11 и 22 марта 1875 года, а Бетанелли упоминал о переезде на Сансом-Стрит в письме генералу Липпиту 22 марта: «В тот вечер я забыл вручить Мадам письмо, которое принес с почты, и когда мы сидели за обеденным столом, Джон [Кинг] многократно упрекал меня в забывчивости, спрашивал, почему же я не передал ей это письмо и т. д. С тех пор, как мы переехали в этот дом, Джон дважды вынимал из рамки свой портрет, держал его у себя несколько дней и возвращал обратно — и все происходило очень быстро, подобно блеску молнии. Нет конца этим чудесам. Несмотря на то, что я стал спиритуалистом пять месяцев назад, я был свидетелем множества спиритических феноменов и наблюдал их ежедневно больше, чем многие другие за всю свою жизнь. Почти каждый день мы являлись свидетелями выдающихся сверхтаинственных феноменов Джона». [23, февраль, 1924]

Полковник Олькотт оставил несколько интересных воспоминаний, относящихся к этому периоду: «Во время моего приезда в Филадельфию днем и вечером проходили симпозиумы по оккультному чтению, обучению и феноменам… Я помню, чему были свидетелями и другие, как однажды Е.П.Б. демонстрировала нам фотографию, которая вдруг исчезла из рамки, а на ее месте в то же мгновение появился портрет Джона Кинга; все присутствующие видели это… Однажды я принес полотенца, полагая, что в доме их недостаточно. Мы разрезали их, и она собиралась уже использовать их, не подрубив; но я высказался против такого ведения хозяйства и она согласилась подшить их. Не успела она приступить к работе, как с возгласом «отвяжись, дурень!» толкнула кого-то под столом. «В чем дело?» — спросил я. «О, это один противный элементал дергает меня за платье и просит, чтобы я заняла его какой-нибудь работой», — ответила она. «Отлично, — сказал я, — это то, что надо; пусть он и подрубит полотенца. Зачем вам обременять себя? Тем более, что шьете вы из рук вон плохо». Она рассмеялась, пожурила меня за нелестный отзыв, но сразу не пошла навстречу этому маленькому слуге, шалившему под столом. Наконец, я все-таки убедил ее; она велела мне положить полотенца и иголку с нитками в книжный шкаф со стеклянными дверцами, отделанными толстым зеленым шелком, который стоял в дальнем углу комнаты. Закрыв этот шкаф, я сел возле нее и мы вновь окунулись в беседу на

излюбленную, занимавшую нас тему — об оккультных науках. Примерно через четверть часа или минут через двадцать я услышал под столом писк вроде мышиного, после чего Е.П.Б. сказала, что «этот надоеда» закончил с полотенцами. Я открыл книжный шкаф и обнаружил дюжину полотенец, подрубленных не очень неумело, даже ребенок сделал бы лучше. Вне всякого сомнения они были подшиты, причем находясь внутри закрытого шкафа, к которому Е.П.Б. не подходила в тот период времени. Было 4 часа дня, то есть все происходило при дневном свете». [18, т.1, с.43] Таков был маленький элементал, которого Е.П.Б. называла «Поу Дхи».

«Ее дом в Филадельфии был построен по обычному плану. Это было здание с пристройкой сзади. На первом этаже находилась столовая, а на втором — гостиная и спальня. Спальня Е. П.Б. была первой на втором этаже основного здания; напротив лестницы находилась та гостиная, в которой подшивались полотенца, оттуда, при открытой двери, можно было увидеть комнату Е.П.Б.

Мы сидели в гостиной, затем она вышла, чтобы взять что-то из своей спальни. Я видел, как она поднялась на несколько ступенек и вошла в свою комнату, оставив дверь открытой. Время шло, но она не возвращалась. Я долго ждал и, потеряв терпение, позвал ее. Ответа не последовало и я забеспокоился, опасаясь, что она в бессознательном состоянии и зная, что она не занята приватно, так как дверь была оставлена открытой, я направился в ее комнату, еще раз позвал и вошел; ее нигде не было, даже под кроватью и в туалетной комнате. Она исчезла и не могла выйти обычным путем, так как за исключением двери на лестницу там не было другого выхода, ее комната была cul de sac («тупиковой»). Я сохранял абсолютное хладнокровие в процессе длительного курса экспериментов, но это привело меня в состояние сильного замешательства и обеспокоило. Я вернулся в гостиную, закурил свою трубку и попытался разобраться в этой загадке… Мне пришло в голову, что я стал участником весьма тонкого эксперимента на ментальном уровне и решил, что Е.П.Б. просто отключила мои органы чувств, от возможности наблюдать ее присутствие в комнате и вероятно находится лишь в двух шагах от меня.

Через некоторое время она спокойно вышла из своей комнаты и вернулась ко мне в гостиную. Когда я ее спросил, где же она была, то, усмехнувшись, она сказала, что у нее были кое-какие дела в оккультном мире, и поэтому ей пришлось сделаться невидимой. Но как это произошло, она не объяснила. Вот такие шутки она проделывала со мной и с другими в разное время, до и

после нашего путешествия в Индию». [18, т.1, с. 43—47]

Что касается ее брака, полковник Олькотт писал: «Когда я лично выразил свое изумление по поводу этого, как я считал, глупого поступка — замужества с человеком значительно моложе ее и стоящим невообразимо ниже в ментальной практике; с тем, кто никогда не будет для нее подходящим спутником, и с весьма скромными средствами (его денежные дела еще не определились), она сказала, что это было несчастье, которого она не могла избежать. Их судьбы были на время связаны неумолимой кармой, и этот союз являлся для нее своего рода наказанием за ужасную гордость и воинственность, которые стали помехой на пути ее духовной эволюции, в то время как для молодого человека в этом не было никакого вреда». Такова вторая причина этого брака.

Третья и весьма удивительная версия была выдвинута Вс. С. Соловьевым, но она должна приниматься с оговоркой, так как он руководствовался стремлением выставить себя в благоприятном свете перед публикой и очернить Е.П.Б. Он утверждал, что однажды она говорила ему: «…вот что со мною случилось… Несколько лет тому назад, в Америке… Я уже была почти так же стара и безобразна, как теперь… А между тем, ведь, на свете бывают всякие безобразия, в меня влюбился там молодой и красивый армянин… Вдруг он является ко мне в дом и начинает обращаться со мною, как только муж может обращаться с женой. Я его гоню вон; но он не идет, он говорит, что я его жена, что мы накануне с ним законно обвенчались, обвенчались при свидетелях, в числе которых был и Олькотт,… он, представьте мой ужас, подтверждает… Он был свидетелем на свадьбе и подписался… Так, ведь, мне каких денег стоил развод с этим армянином!..» [4, с.203] Это не согласуется с рассказом самого полковника Олькотта, что он не был свидетелем при этом бракосочетании.

М-р К. Джинараджадаса опубликовал статью с названием «Е.П.Б. и Е. П. Блаватская» в журнале «Theosophist», в мае 1923 года, в которой говорится, что «если бы полковник Олькотт вспомнил о том, что рассказывал ему Учитель Серапис о ее браке с М.К.Б., он описал бы все совсем иначе». Перед тем, как перейти к рассмотрению писем Учителя Сераписа, необходимо вспомнить о болезни, которая свалилась на Е.П.Б. вскоре после ее замужества. «Spiritual Scientist» 18 июля сообщал: «Прошлой зимой [в январе] она упала на тротуар, сильно повредив при этом ногу, в результате чего началось воспаление надкостницы, которое сильно прогрессировало, так что и сейчас неясно, будет ли ее нога ампутирована или останется навсегда

парализованной». [22] Она писала генералу Липпиту 13 февраля: «Я чуть не сломала себе ногу, когда тяжелая кровать, упав, придавила меня, в тот момент, когда я пыталась ее подвинуть». В апреле она писала ему же: «Сегодня получила ваше письмо. Вежливость обязывает ответить сразу, но я так больна, что поругалась с Олькоттом, поиздевалась над Б[етанелли], поспорила с Джоном, довела до обморока кухарку и до форменных конвульсий свою канарейку; успокоившись на этом, я легла в постель и предалась воспоминаниям о старике Блаватском. Последние происшествия я считаю насмешкой Судьбы; предпочитая все что угодно этому кошмару, в три часа ночи, глотая таблетки Брауна, от которых начинаю чихать, если они и помогают от кашля, я пытаюсь написать вам вразумительный ответ. Я с грустью думаю, что не смогу поехать с вами в Вашингтон. С моей ногой еще хуже, чем прежде. Джон уже почти было вылечил ее и предписал мне отдыхать три дня, но я пренебрегла этим советом и с того дня она стала все хуже и хуже. Сейчас получаю регулярное лечение. Я полагаю, что 11 мая будет рассматриваться мой иск в Риверхеде. Мне необходимо там быть».[41] [23, май, 1924]

Е.П.Б. писала полковнику Олькотту 21 мая: «Наступил паралич. У меня был хирург Панкоуст и миссис Миченер. Он сказал, что уже слишком поздно, а она обещала выздоровление, если я буду выполнять все ее предписания. Я приняла ее условия… Я слишком устала, чтобы писать дальше». [23, апрель, 1923]

12 июня она писала генералу Липпиту: «Вы должны поблагодарить «Джона Кинга», если получите это письмо, так как м-р Б[етанелли] отправился на Запад. Я выпроводила его примерно 26 мая, когда мне стало так плохо, что доктора уже начали подумывать об ампутации моей ноги. В то время я была близка к тому, чтобы отправиться «вверх», pour de bon («сочтя это за лучшее»); и, так как я терпеть не могу вытянутых физиономий тех, кто только ноет и хнычет во время моей болезни, я заставила его уехать. Мне присущи многие кошачьи склонности, это и постоянная настороженность, и желание, если удастся, умереть в одиночестве. Поэтому я предложила ему быть готовым вернуться, если я напишу, что мне стало лучше или, если ему передадут, что я отошла домой, или «протянула ноги», как любезно говорил мне Джон Кинг. Ну, я пока еще вовсе и не умерла, у меня, как у кошки, девять жизней, и к тому же, сдается, Авраам еще не призвал меня в свои объятия; но я все еще в постели, очень слаба, раздражена и, вообще, целыми днями не в себе, поэтому я удалила от себя этого малого для его же блага и моего удобства.

Мою ногу собирались напрочь отрезать, но я им сказала: «Гангрена или опухоль, все равно не потерплю этого!» И твердо настояла на своем. Представьте меня на деревянной ноге; чтобы моя нога отправилась в духовный мир прежде меня, pour le coup! («какой удар!»). Потомки Джоржа Вашингтона получат прекрасную возможность сочинить некролог «в виде четверостишия», как обычно говорил известный поэт Артемус Уорд… Вот уж действительно! Итак, я собрала всю свою силу воли (воскресившую меня) и *попросила* отправить всех этих докторов и хирургов на поиски моей ноги в древние гробницы. После того, как они исчезли, подобно нечистым духам, или злым демонам, я призвала clairvoyante («проницательную») миссис Миченер и победесовала с ней. Короче, я уже приготовилась к смерти (пропади оно все пропадом), но твердо решила умереть с двумя ногами. Омертвение распространилось вокруг колена, однако двухдневные холодные примочки и белый щенок, который по ночам лежал на моей ноге, сразу все вылечили. Нервы и мышцы ослабли, ходить не могу, но опасность миновала. У меня были две или три болезни слишком неприятного свойства, чтобы называть их по-латыни, но я быстро справилась с ними. Немного силы воли, острый кризис (после которого наступило улучшение), здоровый порыв, противоборство с «курносой», и вот я победила. Б. — простофиля, он никогда бы не смог описать мои страдания так поэтично, как это я сделала сама. Не так ли, мой генерал?» [23, август, 1923]

18 июня м-р Бетанелли писал генералу Липпиту: «Никто из врачей не мог сказать, чем закончится болезнь мадам Блаватской, поэтому я откладывал до сегодняшнего вечера свой ответ вам. Все эти дни состояние мадам было без изменений; три-четыре раза в день силы покидали ее, она лежала как мертвая по два-три часа, без пульса, с остановившимся сердцем, холодная и бледная, как смерть. Джон Кинг говорил правду. Она была в таком глубоком трансе в понедельник утром и днем с трех до шести, и мы посчитали ее мертвой. Говорят, что ее дух путешествует в это время, я об этом ничего не знаю, но сколько раз я думал, что все кончено. Те, кто наблюдает за ней, рассказывают, как по ночам она встает и идет прямиком в комнату духов, при этом твердо ступая на больную ногу, тогда как днем она не может даже двигаться и тем более не может ходить… В пятницу утром ей стало лучше, и она в постели сразу начала писать для «Scientist» об Аксакове.[42] Она ждала письмо из Бостона, но ничего не получив, разволновалась и ей стало хуже. Сейчас, целый месяц она находится присмерти и, возможно умрет. Духи проделывают с ней разные фокусы. Врач говорит, что уже три раза она была

мертва, у нее, действительно, очень сильное истощение».

К 30-му июня кризис миновал, и она писала генералу Липпиту: «Я поправляюсь очень медленно, но опухоль все равно осталась.

Несмотря на больную ногу, я должна ехать по делу, которое нельзя отложить. Мне предстоит побывать в Бостоне и его окрестностях в радиусе, примерно, 50 миль… Олькотт уехал в Бостон на несколько дней, его послали туда специально». [23, апрель, 1924]

Полковник Олькотт, продолжая свой рассказ об этом браке писал: «Супруг забыл данный им обет бескорыстия и к ее невыразимому негодованию стал слишком назойливым. Она опасно заболела… Как только ей стало лучше… она рассталась с ним навсегда. Когда, после многомесячной разлуки, он убедился в ее упорстве… то нашел адвоката и подал на развод по причине того, что его заставили уехать из дома. Ей присылали повестки в Нью-Йорк. М-р Джадж выступал в суде в качестве ее представителя, и 25 мая 1878 года развод был оформлен». [18, т.1, с.57]

В письмах Учителя Сераписа полковнику Олькотту, опубликованных К. Джинараджадасой, мы имеем возможность найти совсем другое объяснение брака Е.П.Б. с Бетанелли, которого м-р Джинараджадаса называл «деревенщиной…» и «человеком, сколотившим небольшое состояние на мелких спекуляциях». [13, т. II, с.21] Основным мотивом согласия Е.П.Б. на этот брак было желание способствовать делу Учителей в Америке. При отсутствии своих средств и поверив на слово заверениям молодого Бетанелли, что он всего себя отдаст работе на спиритуалистическом поприще, Е.П.Б. принесла себя в жертву Делу.

Учитель Серапис в свом послании, написанном несколько позднее 9 марта ссылается на письмо Учителя Туитита Бея Олькотту, помеченное этой датой: «Наш Брат должен был получить послания раньше. Не было ли это из-за острого любопытства, охватившего нашу Сестру? Она желала узнать его содержание, поэтому и произошла задержка… Мы прощаем ее, так как она страдает чрезвычайно… Наша Сестра только что отправила письмо своему Брату Генри, в котором он найдет чек на 500 долларов, подписанный ею… дар в «Spiritual Scientist» на случай ее смерти. Если это произойдет, будут прекращены все нежелательные слухи. Страж[43] пристально следит и не упустит своего, если мужество изменит нашей Сестре. Это одно из самых ее тяжелых испытаний… Эллорианин[44] (вечный и бессмертный) заключен в ее Сокровенном Естестве… Миссия нашего Брата не

может быть завершена или полностью осуществлена во время его первого приезда в Бостон. Пусть он подготовится к прибытию нашей Сестры…, *если она выдержит испытание. Только от ее доброй воли и от психической энергии, сконцентрированной в нашей Сестре, будет во многом зависеть ее безопасность в рискованном спуске в. .*[45]

О Брат мой, ты еще не знаешь обо всех тайнах и силе мысли, да, человеческой мысли…

Выполнение ею своего долга сопряжено с опасностью, и может так случиться, что вы оба потеряете Сестру — таково Провидение… Серапис» [13, т. II, с.33]

В мае Учитель писал полковнику Олькотту: «Ей предстоит еще раз пережить этот ужас, хотя она думает иначе. Она должна или победить, или пасть жертвой…Одинокая, беззащитная и все-таки бесстрашная — она встанет перед лицом опасностей великих, неведомых, таинственных, ей уготована встреча с ними… Брат мой, я не имею возможности ничего для нее сделать. Суровый закон Ложи давлеет над нею, и он ни для кого не может быть смягчен. Но как Эллорианин, она, возможно, и заслужит такое право. Окончательный результат страшного испытания зависит от нее и только от нее, а также от сострадания двух ее братьев — Генри и Элбриджа, от силы их воли, направляемой к ней, где бы она ни находилась. Знай, о Брат, что такая сила воли, укрепляемая искренней любовью, оградит ее мощным непробиваемым щитом, созданным чистыми и добрыми пожеланиями двух бессмертных душ, охваченных сильным желанием видеть ее победителем… Молитесь за нашу Сестру, она заслуживает этого. Серапис». [13, т. II, с.35]

22 июня Учитель Серапис писал: «Она чувствует себя несчастной, и в горькие часы душевной муки и печали ищет твоего дружеского участия и совета. Посвятив себя Великому Делу Правды, она отдала ему всю себя без остатка. Она вышла замуж за этого человека, поверив, что он принесет пользу делу…, и без колебаний связала себя с тем, кого не любила… Закон самопожертвования заставил ее принять этого ловкого малого…

Чаша горечи испита ею до дна, о Брат. Надвигается тень мрака… Туже и туже затягивается безжалостный узел; будь же добр и милостив к ней, Брат… и, оставляя в пустыне слабого и глупого негодяя, судьбою предназначенного ей в мужья…, пожалей его — того, кто полностью отдав себя Стражу, заслужил свою судьбу. Его любовь к ней прошла, священное пламя угасло, превратившись в горстку пепла. Он не прислушался к ее предостережениям; он ненавидит Джона и боготворит Стража, поддерживая с ним постоянный контакт. По его совету, будучи на

грани банкротства, он хотел тайно уехать в Европу, оставив ее без средств. Если мы не поможем ему для блага нашей Сестры, ее жизнь будет разбита и пройдет в бедности и болезнях.

Законы нашей Ложи не позволяют вмешиваться в ее судьбу с помощью сил, которые могут показаться сверхъестественными. Она осталась без средств и вынуждена унижаться даже перед ним. Мы могли бы обеспечить и ее, и вас, и ваше Дело. Брат Джон многое сделал для нее на ее родине. Представители властей прислали оттуда заказы и, если он выполнит их, ему в будущем обеспечены миллионы. Но у него нет достаточного капитала и не хватает смекалки. Не поможет ли мой Брат найти ему компаньона?.. Я плохо разбираюсь в денежных делах и все изложенное выше является предложением Брата Джона. Я все сказал. Будь благословен. С.» [13, т. II, с.24]

Следующее письмо полковник Олькотт получил 25 июня: «Необходимо уважать ее чистоту и девственность, она заслуживает это. Брату Генри нужно обладать Мудростью Змеи и кротостью Ягненка, потому что надеясь со временем решить великие проблемы Мира Макрокосма и победить Стража, встретившись с ним лицом к лицу, таким образом стремительно преодолеть тот порог, за которым скрыты самые сокровенные тайны природы, должен Испытать прежде всего силу своей Воли, проявить упорное желание добиться успеха, проливая свет на непроявленные ментальные способности его Атмы и высшего разума, посвятить себя решению проблемы Природы Человека, и в первую очередь раскрыть тайны своего собственного сердца… Пиши нашей страдающей Сестре ежедневно. Успокой ее ноющее сердце и прости детские шалости той, чье честное и преданное сердце не испорчено пороками с раннего возраста. Ты должен отсылать свои отчеты и ежедневные записи пока в Ложу в Бостоне через Брата Джона, не забывая о кабалистических знаках Соломона на конверте. Серапис». [13, т. II, с.38]

В то время, когда Е.П.Б. и полковник Олькотт находились в Бостоне (второй их визит), в июне 1875 года, он получил следующее письмо: «Вы трое должны сами трудиться ради своего будущего. Настоящее нашей Сестры покрыто мраком, но у нее может быть яркое будущее. Все зависит от вас и ее самой. Пусть ваша Атма усилит вашу интуицию… Вы не должны расставаться с Еленой, если желаете быть посвященным. Но с ее помощью вы сумеете преодолеть эти испытания. Они тяжелы, и вы, возможно, не однажды придете в отчаяние, но *я молюсь за вас*. Поймите, что многие трудились долгие годы, чтобы получить те же знания, которые даны вам за несколько месяцев… Поддерживайте тесную связь с ней, сопровождайте повсюду, куда бы ни забросила ее

судьба, направляемая мудростью Братства. *Пытайтесь* воспользоваться хорошей возможностью. *Успех придет к вам.* Пытайтесь помочь этой несчастной женщине с разбитым сердцем и ваши благородные усилия увенчаются победой…

Пытайтесь помочь в денежном вопросе и решить его… к третьему числу следующего месяца… Деньги наверняка придут к ней — для вас это будет просто…,[46] бедная, бедная Сестра! Целомудренная и чистая душа подобна жемчужине, скрытой в грубой оболочке. Помогите ей преодолеть эту напрасную грубость и каждый увидит ослепительный божественный Свет из-под внешнего покрова. Мой братский вам совет: оставайтесь в Бостоне. Не бросайте ее дело, свое счастье, спасение вашего младшего брата. *Пытайтесь.* Ищите, и вы найдете. Просите и вы получите… Присмотрите за ней, Брат мой, простите ей кипение страстей, будьте *терпеливы, милосердны* и все, что вы отдаете, вернется вам сторицей. Серапис». [13, т. II, с.27]

В более позднем письме, полученном в июне, говорилось: «Ваша задача в Бостоне, Брат, на ближайшее время выполнена… Уезжайте с миром, и постарайтесь с пользой провести ваше время. Джон Кинг займется филадельфиской проблемой[47]; нельзя позволять ей страдать из-за этого нечистого, разочаровавшегося, ничтожного негодяя. В критический момент, при некоторых обстоятельствах, ей может прийти в голову отчаянная мысль вернуться в Филадельфию к своему мужу. Не позволяйте ей делать это. Брат мой, в крайнем случае, скажите ей, что в Филадельфию вы едете вместе, а билеты возьмите до Нью-Йорка, не далее. Прибыв туда, найдите для нее подходящую квартиру и не упускайте ее из виду ни на один день. Постарайтесь убедить ее остаться там, так как если она хоть на несколько часов окажется в обществе этого презренного смертного, то сила ее воли ослабнет, а поскольку сейчас она находится в переходном состоянии, магнетизм, окружающий ее, должен быть чистым. И ваш собственный прогресс может быть замедлен подобными событиями.

Если она захочет уехать в Филадельфию, не позволяйте ей этого. пустите в ход все свое влияние. Как я уже говорил раньше, вам не придется, Брат мой, испытывать материальные затруднения в связи с этим… Если вам удастся представить ее всему миру в ее истинном свете, не адептом, а интеллектуальной писательницей и посвятить себя совместной работе над текстами, диктуемыми ей, то фортуна улыбнется вам. Заставьте ее работать, направляйте ее в практической жизни, так же, как она должна направлять вас в духовной. Ваши мальчики[48], Брат мой, будут обеспечены, не волнуйтесь за них, посвятите себя главному делу.

Расчищайте дорогу для вас обоих в настоящем, которое кажется темным, а будущее позаботится о вас само. Используйте свою интуицию, ваши внутренние силы, пытайтесь, и вы добьетесь успеха. Наблюдайте за ней и не позволяйте, чтобы наша дорогая Сестра вредила себе, ведь она так мало о себе заботится.

Ей будут представлены лучшие умы страны. Вы оба должны работать над вашими прозрениями и таким образом, возвестить Истину. Ваша дальнейшая будущность связана с Бостоном, а ближайшая — с Нью-Йорком. Не теряйте ни дня, пытайтесь умиротворить ее и вместе начать новую плодотворную жизнь. Сохраните за собой вашу комнату, вы почувствуете в ней мое присутствие, когда подумаете обо мне или будете нуждаться в моей помощи. Трудитесь сообща, не опасайтесь этого безнравственного человека, преследующего ее, его руки будут связаны. Ее должны уважать и почитать, и к ней будут стремиться многие, кому она может дать знания. Пытайтесь развеять ее грустные, мрачные мысли о будущем, так как они являются помехой ее духовному восприятию. Посев даст всходы, Брат мой, поразительные всходы. Терпение, Преданность, Стойкость. Следуйте моим наставлениям — помогите вернуть ей ясность ума. Благодаря ей вы достигнете знаний и известности. Не позволяйте ей падать духом, за пережитый. . .[49] она будет награждена. Серапис». [13, т. II, с.30]

Последнее письмо, представляющее здесь интерес, было написано, по всей вероятности, после того, как они обосновались в Нью-Йорке: «Знайте, что после возвращения из офиса, в ее комнате соберется Братство и семь пар ушей будут слушать, слушать ваши отчеты и судить о прогрессе вашей Атмы по отношению к интуитивным восприятиям. Если она скажет, что ваши слова ей неинтересны, не обращайте на это внимания; продолжайте и помните, что вы говорите в присутствии ваших Братьев. При необходимости, они ответят вам через нее. Да благословит вас Бог, Брат мой. Серапис». [13, т. II, с.37]

Глава 33
Великое психо-физиологическое изменение

Читатель помнит загадочное высказывание полковника Олькотта об удивительных психо-физиологических переменах, происшедших с Е.П.Б. (см. главу 31). Что это за перемены? Когда они произошли? На последний вопрос ответить легко: это произошло во время ее болезни в мае и июне 1875 года. Суть же самих изменений смогла бы объяснить только сама Е.П.Б. Она намекала об этом своей тете — мадам Фадеевой и сестре — мадам Желиховской.

М-р В. Джадж, издатель журнала «The Path», опубликовал ценную информацию по этому вопросу. Он уговорил миссис Джонстон, племянницу Е.П.Б. (Веру), дочь Веры Желиховской, перевести с русского языка на английский письма Е.П.Б., адресованные ее семье, и опубликовал их в своем журнале с декабря 1894 г. по декабрь 1895 г. Миссис Джонстон писала о периоде болезни в Филадельфии: «Одно время Е.П.Б. была очень больна, у нее развился ревматизм ноги. Доктора сказали затем, что началась гангрена и сочли случай безнадежным, но ее вылечил негр, направленный к ней «Сахибом». Она писала мадам Желиховской: «Он вылечил меня полностью. Именно в тот момент, я начала ощущать странную двойственность. Несколько раз в день я ощущала, что во мне существует кто-то, совершенно независимо от меня. Я никогда не теряю осознания своей индивидуальности и чувствую, что сама храню молчание, а моим языком говорит мой внутренний гость.

К примеру, я знаю, что никогда не была в местах, описанных моим «вторым Я», но этот второй не лжет, рассказывая о местах и предметах, мне не знакомых, потому что он видел и хорошо знает их. Я смирилась; пусть моя судьба ведет меня по своему пути. Кроме того, что я могу поделать? Было бы просто смешно отвергать осознание моего «второго Я», заставляя окружающих думать, что умалчиваю об этом из скромности. Ночью, когда я лежу в постели, вся жизнь моего двойника проходит у меня перед глазами. Я вижу непохожего на меня человека, с другим характером, с другими чувствами. Но какой смысл говорить об этом? От всего этого можно сойти с ума. Я стараюсь окунуться в работу и забыть свое странное состояние. Это не медиумизм и ни в коем случае не нечистая сила; это оказывает очень сильное

влияние, направляя к лучшему… Никакой дьявол не будет так себя вести. Может быть «Духи»? Но если это так, то мои старые «Привидения» больше не осмелятся приблизиться ко мне. Достаточно мне войти в комнату, где проходит сеанс, и сразу останавливаются любые феномены, особенно материализации. О нет, все это более высокого порядка! Однако, феномены другого рода происходят все чаще и чаще и под руководством моего «второго Я». В ближайшие дни я пришлю вам статью о них. Это будет интересно». [19, декабрь, 1894]

Полковник Олькотт упоминал об этой или подобной ей статье: «В старом номере «New York World» вы найдете длинный рассказ репортера, присутствовавшего на наших экспериментах на 47-й Стрит. Так же как и другие восемь-десять человек, он был свидетелем появления Брата. Он вошел через окно и так же вышел обратно. Следует заметить, что комната находилась на втором этаже, и с балконом она не сообщалась». [11, с.112]

Миссис Джонстон продолжает: «В газетах были сообщения о некоторых из этих феноменов, описана внешность астральных пришельцев, среди них одного индуса. Посылая эти вырезки, Е.П.Б. снабдила их такими комментариями: «Я вижу этого индуса ежедневно, он как живой, с той лишь разницей, что кажется более легким, неземным. Раньше я молчала об этом, считая происходящее галлюцинациями. Но теперь они стали видимы и для других. Он появляется и советует, как нам себя вести и как писать. Видимо, он знает обо всем происходящем вокруг, он знает даже мысли других людей и через меня передает свои знания. Иногда мне кажется, что он немного подавляет меня, входя подобно неуловимому существу, проникая во все мои поры, растворяясь во мне. Тогда мы вдвоем можем говорить с другими людьми и тогда я начинаю понимать и запоминаю науки и языки — все, чему он научил меня, когда он во мне и даже, когда он вне меня». [19, январь, 1894]

В предыдущих письмах Е.П.Б. к Желиховской она называла «Голосом» или «Сахибом» ["Хозяином"] того, кто «обволакивает ее тело» и подчиняет мозг. И только позднее она называла этот или другой «Голос» «Учителем» ["Мастером"]. Например, она писала сестре: «Я никогда не говорю здесь никому о моем общении с Голосом. Когда я пытаюсь утверждать, что никогда не была в Монголии, что не знаю ни санскрита, ни древнееврейского, ни древнеевропейских языков, мне никто не верит. «Как может быть, — говорят они, — что вы там не были, если описываете все так подробно и точно? Вы не знаете языков, а переводите прямо с оригинала!» Они отказываются мне верить. Они считают, что у меня есть причины что-то скрывать; кроме того бывает несколько

неловко отрицать, если, например, кто-то слышал мои беседы о индийских диалектах с ученым, прожившим в Индии двадцать лет. Короче говоря, или они все сошли с ума, или я, как в детских сказках, подобно тому, что эльфы оставили взамен похищенному ими».

Она писала (примерно в 1875—1876 гг.) своей тете (Н. Фадеевой), с которой вместе росла и училась: «Скажи мне, милый человек, интересуешься ли ты физиолого-психологическими тайнами? А ведь следующая для любого физиолога удивительная задача: у нас в Обществе есть очень ученые члены (например, профессор Уильдер, археолог-ориенталист), и все они являются ко мне с вопросами и уверяют, что я лучше их знаю и восточные языки и науки, положительные и отвлеченные. Ведь это факт, а против факта не пойдешь, как против рожна!.. Так вот скажи ты мне: как могло случиться, что я до зрелых лет, как тебе известно, круглый неуч, — вдруг стала феноменом учености в глазах людей действительно ученых?.. Ведь это непроницаемая мистерия!.. Я — психологическая задача, ребус и энигма для грядущих поколений — сфинкс!.. Подумай только, что я, которая ровно ничего не изучала в жизни; я, которая ни о химии, ни о физике, ни о зоологии, — как есть понятия не имела, — теперь пишу обо всем этом диссертации. Вхожу с учеными в диспуты и выхожу победительницей… Я не шучу, а говорю серьезно: мне страшно, потому что я не понимаю, как это делается? Действительно, в течение трех последних лет я днем и ночью занималась, читала, размышляла. Все, что я ни читаю, теперь мне кажется знакомым… Я нахожу ошибки в статьях ученых, в лекциях Тиндаля, Герберта Спенсера, Хекслея и других… У меня толкутся с утра до вечера профессора, доктора наук, теологи. Входят в споры — и я оказываюсь права. Случись зайти ко мне какому-либо археологу, уходя он обязательно будет заверять меня, что я открыла ему скрытое значение различных древних памятников и указала на вещи, о которых он никогда и не подозревал. Символы античности и их тайное значение предстают перед моими глазами, как только о них заходит речь. Откуда же это все? Подменили меня, что ли?»

Она писала Желиховской: «Не бойся, что я сошла с ума. Все, что я могу сказать — кто-то положительно вдохновляет меня, более того, кто-то входит в меня. Это не я говорю или пишу; это что-то внутри меня, мое высшее и светлое «Я» думает и пишет за меня. Не спрашивай меня, мой друг, о моих ощущениях, я не смогу объяснить, как это происходит. Я не знаю сама! Лишь одно я знаю, что теперь приближаясь к преклонному возрасту, я стала чем-то вроде кладезя знаний для окружающих… Кто-то приходит

и обволакивает меня как бы туманным облаком и выталкивает из меня мое «Я», и тогда я больше не «Я» — Елена Петровна Блаватская — а кто-то другой. Кто-то могущественный и сильный, родившийся в совсем другой части земли; а что до меня, я как будто бы сплю или лежу почти без сознания, не в своем теле, но близко, только нитью связанная с ним.

Тем не менее, временами я все вижу и слышу абсолютно ясно; я полностью осознаю, что говорит и делает мое тело, или по крайней мере его новый обладатель. Я все понимаю и помню так хорошо, что позже я могу повторить и даже записать Его слова… В такие моменты я вижу благоговение и испуг на лицах Олькотта и других и с интересом наблюдаю, как Он почти с сочувствием смотрит на них моими глазами и обращается к ним моими устами. И все же воздействует не моим умом, а своим собственным, обволакивающим мой мозг, как облако. Ах, но я не могу все это объяснить толком». [19, декабрь, 1894] Рассматривая вопрос о ее «высшем Я», о котором упоминалось ранее, особый интерес представляет следующее: «В то время Е.П.Б. испытывала сильное беспокойство; некоторые члены зарождающегося Теософического Общества могли иметь «видения чистых Планетарных Духов», она же могла видеть только «Эфемерных элементарных духов» той же категории, которые, по ее словам, играли главную роль в сеансах материализации.

Она писала: «В нашем Обществе каждый должен быть вегетарианцем, не есть мясо и не пить вино. Это одно из наших первых условий.[50] Хорошо известно пагубное влияние алкоголя на духовную сторону человеческой натуры, превращая животные страсти в яростное пламя. И вот однажды я решила соблюдать пост более строгий чем раньше. Я ела только салат и девять дней даже не курила, спала на полу и вот, что из этого получилось:

Неожиданно я увидела одну из самых отвратительных сцен в своей жизни; я почувствовала как будто оказалась вне своего тела и с отвращением наблюдала за своими действиями, как я ходила, говорила, самодовольно толстела, грешила. Фу! Как я ненавидела себя! На следующую ночь, я снова улеглась на жестком полу и настолько была уставшая, что сразу же уснула, охваченная тяжелым непроницаемым мраком. Потом я увидела яркую звезду, которая зажглась высоко-высоко надо мной, а затем упала прямо на меня. Звезда упала мне на лоб и трансформировалась в чью-то руку.

Эта рука лежала на моем лбу, и я пожелала узнать, чья она. Я сконцентрировала свою волю на одной единственной мысли — узнать, кто же это был, кому принадлежала эта светящаяся рука — и я узнала это: рядом со мной стояла я сама. Вдруг эта «вторая

Я» заговорила с моим телом: «Посмотри на меня!» Мое тело посмотрело и увидело, что половина моего «второго Я» была черная и блестящая, другая половина светлосерая и только верхушка головы абсолютно белая, сверкающая и светящаяся. И опять мое «второе Я» обратилось к моему телу: «Когда ты станешь такой же светлой, как эта маленькая часть твоей головы, ты сможешь видеть то, что видят другие, очистившие себя — а сейчас очистись, очистись, очистись». И тут я проснулась». [19, декабрь, 1894]

«Е.П.Б. писала м-м Желиховской (дата неизвестна), что она училась покидать свое тело и предлагала посетить ее в Тифлисе — «видимой во плоти». Это испугало и развеселило м-м Желиховскую, которая ответила, что ей не хотелось бы попусту беспокоить сестру. Е.П.Б. написала ей в ответ: «Чего тут бояться? Как будто ты никогда не слышала о появлении двойников! Я, то есть мое тело, будет спокойно спать в моей постели, и не имеет значения, если проснется, — в ожидании меня оно будет находиться в состоянии безобидной прострации. Не удивительно: Божественный свет покинет меня и улетит к тебе; затем он вернется обратно и тогда храм будет вновь освещен присутствием Божества. Но, само собой разумеется, что это произойдет только в том случае, если нить, связующая тело и душу не прервется. Стоит тебе пронзительно вскрикнуть и она может прерваться; тогда Аминь моему существованию! Я неминуемо погибну…

Я писала тебе, что однажды нас посетил двойник профессора [Стейнтона] Мозеса. Семь человек видели его. Что касается Учителя, его запросто могут видеть обычные люди. Иногда он выглядит как живой человек и даже веселый. Он постоянно подшучивает надо мной, и я уже привыкла к нему.[51] Скоро он заберет нас всех в Индию, и там мы сможем увидеть его во плоти, как обычного человека». [19, январь, 1894]

В журнале «The Path» в январе 1895 г. миссис Джонстон сообщала: «После выхода в свет «Разоблаченной Изиды» Е.П.Б. писала Желиховской: «Тебе кажется странным, что какой-то Индусский Хозяин так свободно и легко общается со мной. Я вполне могу понять тебя; человек, не знакомый с феноменами такого рода (хотя и не совсем невероятными, но совершенно непризнанными), отнесется к ним с недоверием. По очень простой причине, — такой человек не привык углубляться в подобные вопросы.

Например, ты спрашиваешь, может ли он вселяться в других людей, так же как в меня. Точно я не знаю, но кое-что мне известно совершенно определенно: что человеческая душа (его настоящая живая душа) совершенно свободна от остального

организма; что эта душа не приклеена к физическим внутренностям; и что эта душа, которая находится во всем живом, начиная с инфузории и кончая слоном, отличается от своего физического двойника только тем, что обладая бессмертием она способна к самостоятельным и независимым действиям. Если его душа непосвященного профана, она проявляет себя во время его сна; душа посвященного адепта проявляется в любой нужный ему момент, подчиняясь его воле. Постарайся усвоить это и тогда многое станет тебе ясно.

Это было известно и в это верили с древних времен. Святой Павел, единственный из всех апостолов был посвященным адептом в Греческих Таинствах, прозрачно намекал на это, рассказывая как он «попал на третье небо» то ли в телесной оболочке, то ли без нее, я не могу сказать «Бог знает». Так же Роде говорит о Петре: «Это не Петр, а его ангел», так сказать, его двойник или его душа. А в Деяниях Святых Апостолов (гл. 8, ст.39) говорится, что когда Дух Божий поднял Филиппа и перенес его, он не его тело перенес, не его плоть, но его эго, его дух и его душу. Почитай Апулея, Плутарха, Ямблиха и других ученых мужей — они все намекали на подобные феномены, несмотря на то, что клятвы данные ими при посвящении запрещали им говорить об этом открыто. То, что медиумы выполняют бессознательно, под влиянием охвативших их внешних сил, Адепты могут осуществлять по собственной воле…

Что касается Хозяина, я знаю его давно. Двадцать пять лет назад он приезжал в Лондон с принцем Непала, три года назад он прислал мне письмо с индийцем, который прибыл сюда читать лекции о Буддизме. В этом письме он напомнил мне о многом, предсказанном им ранее, и спрашивал меня, согласна ли я подчиниться ему, чтобы избежать полного уничтожения.[52] После этого, он часто являлся не только мне, но также другим людям, и Олькотту; ему он указал стать Президентом Общества, научив его с чего начать. Я всегда узнаю Учителя и часто разговариваю с ним, не видя его. Как же получается, что он слышит меня отовсюду, и я тоже слышу его голос через моря и океаны по двадцать раз в день. Я не знаю, но это так. То ли он сам входит в меня, я не могу с уверенностью сказать; если это не он, то его сила, его влияние. Только благодаря ему я сильна; без него я ничто».

После появления «Разоблаченной Изиды» Е.П.Б. получила приглашение написать в разные газеты. Это ее очень развеселило и она писала Желиховской: «Это счастье для меня, что я не тщеславная, кроме того у меня действительно почти нет времени писать в разные издания ради денег… Наше дело растет. Я

должна работать, должна писать и писать, если я смогу найти издателей для своих трудов. Поверишь ли ты, что, когда я пишу, меня не покидает ощущение, что я пишу вздор и чепуху, которую никто не сможет уразуметь? Но после публикаций начинается шумное одобрение. Выходят переиздания, и все в восторге. Вот если бы я писала на русском и была признана моим любимым народом, тогда, возможно, я бы поверила, что достойна своих предков, блаженной памяти графов Ган-Ган фон Ротенганов».

Е.П.Б. часто говорила своим родственникам, что она не испытывала авторской гордости за написанную ею «Разоблаченную Изиду», что она не имела ни малейшего понятия, о чем писала; что она получила указание сесть и писать и, что ее единственная заслуга заключалась в повиновении приказу. Она единственно опасалась, что ей не удастся должным образом описать прекрасные картины, представшие перед ней. Она писала своей сестре: «Ты вот не веришь, что я истинную правду пишу тебе о своих Учителях. Ты считаешь их мифами, но разве самой тебе не очевидно, что сама я без помощи, не могла бы писать «о Байроне и о материях важных», как дядя Ростер[53] говорил? Что мы с тобой знаем о метафизике, древних философиях и религиях, о психологии и разных других премудростях? Кажется, вместе учились, только ты гораздо лучше меня… А теперь посмотри, о чем я пишу; и люди, да какие — профессора, ученые, — читают и хвалят. Открой «Изиду» в любом месте и посмотри сама. Что до меня, я говорю правду: Учитель рассказывает и показывает все это мне. Передо мной проходят картины, древние рукописи, даты, — все что мне нужно, это копировать, и я пишу так легко, что это не труд, а величайшее удовольствие».

Глава 34
Клуб Чудес

Учитель Серапис в своем первом письме полковнику Олькотту в марте 1875 г. писал: «Не бросайте Клуб. Пытайтесь». В то время, по словам Е.П.Б., книга полковника «произвела огромный фурор». Тем не менее в мае она писала Александру Аксакову: «Беда пришла нам… Олькотт сидит на грудах своих «People from the other World» ["Люди с того света"], как Мариус на развалинах карфагенских и думает думу горькую. Не продано и тысячи экземпляров в пять месяцев… Банкрот является за банкротом, паника ужасная, у кого есть деньги — прячут, у кого нет — те умирают с голоду. Впрочем, Олькотт не унывает. С тактом чистокровного янки он придумал «Miracle Club» ["Клуб Чудес"] — посмотрим, что будет с этого. За себя я ручаюсь: пока душа держится в теле, буду стоять и воевать за правду…» [4, с.271, 272]

В это время Е.П.Б. жила в Филадельфии, а полковник Олькотт в Нью-Йорке. Он писал: «В мае 1875 года, с ее согласия, я пытался организовать в Нью-Йорке частный исследовательский комитет под названием «Клуб Чудес»… Предполагалось, что вход будет открыт только для членов клуба, которым запрещалось разглашать даже место встречи. Все феномены, включая материализации, должны были происходить при достаточном освещении и без специальных приспособлений». [18, т.1, с.25]

Может показаться, что «Клуб Чудес» создан по модели лондонского «Клуба», по поводу которого Учитель К.Х. писал А. О. Хьюму в 1882 или 1881 году: «Величайшая, а также наиболее обещающая из таких школ в Европе — провалилась весьма знаменательно около двадцати лет тому назад в Лондоне. Это была тайная школа для практического обучения магии, основанная под названием «Клуба» дюжиной энтузиастов под руководством отца лорда Литтона. Он собрал для этой цели наиболее рьяных и предприимчивых, а также наиболее способных ученых по месмеризму и «церемониальной магии», таких как Элифас Леви, Регазони и копт Зергван-Бей. И все же в пагубной атмосфере Лондона «Клуб» пришел к преждевременному концу. Я посетил его с полдюжины раз и почувствовал с самого начала, что в нем ничего не было и не могло быть… Эта организация, которая намечена м-ром Синнетом и вами самими, немыслима среди европейцев, и она почти невозможна даже в Индии, если вы не приготовились влезть на высоту 18000 — 20000 (футов) среди

глетчеров Гималаев». [16, с.209]

В «Spiritual Scientist» 27 мая появилась следующая заметка:

> Хорошие новости
>
> «Клуб Чудес, организованный полковником Олькоттом, развивается удовлетворительно. Ежедневно поступают заявления от желающих к нему присоединиться, но приняты были лишь немногие, так как желательно, чтобы члены Клуба имели определенный вес, научные и другие достижения, которые будут гарантией надежности исследований и вытекающих из них выводов. Для работы нами был приглашен на некоторое время и за определенную плату один медиум из Нью-Йорка…» [22]

К сожалению для Клуба, «определенная плата», выданная этому медиуму, оказалась напрасной. В своей книге «Страницы старого дневника» полковник Олькотт далее писал: «Медиум принадлежал к одной из самых уважаемых семей, производил впечатление честного человека, и мы решили, что он настоящий клад. Однако выяснилось, что он остался без средств, а в это время Е.П.Б. испытывала великую нужду и, чтобы заплатить ему она должна была заложить свою длинную золотую цепь[54]. Но этот негодяй оказался не только несостоятельным как медиум, но отплатил клеветой той, которая желала ему добра». [12, с.15; 18, т. I, с.34]

Е.П.Б. наклеила в свой альбом вырезку статьи «Хорошие новости» и сопроводила ее следующим комментарием: «Попытка во исполнение указов, полученных от Т.Б. …через П. … посредством Г.К. Приказано сказать всю правду о феноменах и медиумах. Теперь начнутся мои мучения! Против меня ополчатся не только святоши и скептики, но и все спиритуалисты. Твоя воля, о, М! будет выполнена! Е.П.Б» [12, с.15, 16]

Полковник Олькотт к этому добавил: «В комментарии Е.П.Б. ничто не указывает на создание Теософического Общества, и выглядит так, что этот медиум не провалился и не помешал мне завершить создание Клуба Чудес» [18, т. I, с.26]

Е.П.Б. постоянно нуждалась в средствах. В апреле 1875 года она писала А. Н. Аксакову: «С тех пор, как я в Америке, я посвятила себя спиритуализму. Не феноменальной, материальной стороне оного, а спиритуализму духовному, пропаганде святых истин оного. Все старания мои клонятся к одному: очистить новую религию от всех сорных трав…» Месяц спустя она писала тому же адресату: «Этот год я заработала статьями и другими работами до 6000 долларов и все, все пошло на спиритуализм. А

теперь, при настоящем настроении неверия, сомнения и слепоты после дела Кэти Кинг, кажется кончено… Бывало я, написав статью сенсационную перепечатываю ее в виде памфлета и продаю по несколько тысяч по 10 центов (за экземпляр), а теперь что перепечатаешь? И ругаться не с кем… «Banner of Light» с 25 тыс. подписчиков съехал на 12». В июне она писала ему в отчании: «Я готова продать душу за спиритуализм, да никто не покупает и я живу со дня на день, зарабатывая по 10 и 15 долларов, когда нужда приходит». [4, с.269, 271—273]

Полковник Олькотт рассказывал об этой интенсивной литературной деятельности: «Публикация моей книги привела к важным результатам; среди них и бесконечные дискуссии в американских и английских спиритуалистических печатных органах и в светской прессе, в которых Е.П.Б. и я приняли активное участие, и дружба с несколькими самыми блестящими корреспондентами, с которыми мы возродили целую науку восточного и западного оккультизма. Почти сразу же нас завалили письмами со всех концов света, среди них и критические и поддерживающие…

М-р К. К. Мэсси специально приехал из Лондона в Америку, чтобы проверить мое описание феноменов Эдди. Мы часто встречались…, между нами завязалась крепкая дружба. У меня также возникли самые приятные отношения с уважаемым, ныне покойным, Робертом Дейлом Оуэном и Эпесом Сарджентом из Бостона. Благодаря последнему я приобрел бесценного корреспондента и самого дорогого друга — м-ра Стейнтона Мозеса, оксфордского магистра искусств, преподавателя классических и английского языков в Лондонском Университетском Колледже, и самого уважаемого и блестящего писателя среди британских спиритуалистов». [18, т. I, с.58]

Его основная идея заключалась в том, что Учителя: «Император», «Кабилла», «Ментор», «Магус» и другие были развоплощенными человеческими духами, одни более, другие менее древние, но все мудрые и добродетельные… Предостережения «Императора»… находятся в соответствии с Восточными правилами… Теперь мне ясно, что один направляющий Разум, преследующий далеко идущие цели, охватывающий все науки и народы, действующий через многих посредников кроме нас, контролировал его и мое развитие…

Я не знаю, кто был «Император», его посредник (я даже не знаю кем на самом деле была Е.П.Б.), но я склонен считать, что это было «Высшим Я» С.М. или Адептом; и что «Магус» и другие из группы С.М. были подобными Адептами… Что касается «Магуса», у меня есть очень интересные сведения, и о нем у меня

сложилось более определенное мнение, чем об «Императоре». Я почти уверен, что он живой Адепт; не только это, но и то, что он вынужден был общаться с нами. В марте 1876 года я послал С.М. кусок ткани, пропитанный благовониями, которые Е.П.Б. умела извлекать из своей руки, с просьбой опознать их. Он ответил: «Запах сандалового дерева мне хорошо знаком… Эти благовония мы называем «Аромат Духа», они были у нас и отлично сохранялись. Это было в течение двух последних лет… Дом, в котором происходили наши встречи, благоухал после них по нескольку дней… Какой удивительной силой обладают эти Братья». [18, т.1, с. 310—325]

Е.П.Б. однажды писала м-ру Синнету: «К.Х., М. и Чохан говорят, что Император его (С.М.) раннего медиумизма — это Брат, и я буду утверждать это снова и снова; но, разумеется, Император того времени отличается от Императора нынешнего». [14, с.22]

Несколько позднее появилась серия удивительных рассказов, написанных Е.П.Б. для американских газет под псевдонимом «Хаджи Мура»: первый рассказ появился в газете «New York Sun» от 27 декабря 1875 года под названием «Может ли двойник убить?» Другой рассказ был опубликован 2 января 1876 года. Его название «Светящийся Круг», а в ее сборнике рассказов «Таинственные истории» («Nightmare Talles») он назывался «Светящийся Щит». Третий рассказ из этой серии, «Пещера эха» был отвергнут газетой «Sun», так как он «показался чересчур ужасным!!» — как она записала в своем альбоме под вырезкой из «Banner of Light», а не из «Sun». Еще один рассказ «Неразгаданная Тайна» был опубликован в журнале «Spiritual Scientist», к которому она записала следующее примечание: «Написан 27 ноября. От И. …рассказ», это рассказ Иллариона, так как она сотрудничала с Илларионом в написании рассказов. Их можно найти в сборнике «Современный Панарион» («A Modern Panarion»), и они недавно переизданы в книге Е.П.Б. «Два рассказа» («Two Stories»).

В конце 1883 года Учитель К. Х. писал м-ру Синнету: «В первый раз в жизни я уделил серьезное внимание высказываниям поэтического… красноречия английских и американских лекторов, его качествам и ограниченности. Я был поражен всем этим блестящим, но пустым словоизлиянием и впервые полностью распознал его пагубную интеллектуальную тенденцию. М. знал о них все…» [16, с.426] В другом письме в том же году он писал: «Достаточно сказать, что «Ски» (наставник миссис Холлис — Биллинг) неоднократно служил в качестве гонца и даже выразителя мнений для некоторых из нас». [16,

с.417]

В «Spiritual Scientist» 22 июня появилась заметка:

> Объявление для медиумов
>
> «В соответствии с запросом уважаемого Александра Аксакова, статского советника в Императорском суде Санкт-Петербурга, нижеподписавшиеся извещают, что они готовы принять заявления от физических медиумов, пожелавших поехать в Россию для испытаний в комитете при Императорском Университете.
>
> Во избежание возможных разочарований необходимо заметить, что мы не будем рекомендовать тех медиумов, положительные черты которых проявляются недостаточно, а также тех, кто не пожелает подвергнуть тщательному научному исследованию свои медиумические способности в Нью-Йорке, перед отплытием; и тех, кто не сумеет продемонстрировать феномены в освещенной комнате, со всеми атрибутами, выбранными нижеподписавшимися.
>
> Одобренные заявления будут немедленно отправлены в С. — Петербург, и после получения распоряжений от научной комиссии или от ее представителя господина Аксакова, принятым заявителям будут выданы надлежащие свидетельства и гарантирована оплата всех расходов.
>
> Обращаться через Э. Джерри Брауна, издателя журнала «Spititual Scientist» по адресу: 18, Иксчендж-Стрит, Бостон, штат Массачусетс, который уполномочен получать личные заявления от медиумов в Штатах Новой Англии.
>
> *Генри Олькотт, Елена П. Блаватская» [12, с.35]*

Полковник Олькотт говорил: «Естественно, что после этой публикации пришло много заявлений, и мы лично проверили способности в нескольких группах медиумов и обнаружили при этом некоторые удивительные феномены, часть из которых были поистине прекрасными… Летом 1875 года женщина по имени миссис Янгс зарабатывала на жизнь в Нью-Йорке, практикуя медиумизм… Основной ее феномен заключался в том, что она вызывала духов, которые приподнимали тяжелое пианино, наклоняли его вперед и назад, временами наигрывая на нем в воздухе. Услышав о ней, я предложил Е.П.Б. сходить со мной и посмотреть, что она умеет делать. Она согласилась, и я перед уходом положил к себе в карман три предмета для проверки

медиумизма: сырое яйцо и два грецких ореха… В газете «Sun» от 4 сентября 1875 года опубликован репортаж о том сеансе:

«Полковник попросил разрешения провести один тест… Получив согласие миссис Янгс, он достал куриное яйцо и предложил ей взять его в руку, поднести к нижней части пианино, а затем приказать духам поднять его. Медиум ответила, что подобный тест ей никогда не предлагался и она не может сказать, будет ли его результат успешным, но она попытается. Она взяла яйцо и затем постучала другой рукой по крышке, спрашивая духов, что они сделают в этой ситуации. Сразу же пианино приподнялось, как и прежде, и на какой-то момент задержалось в воздухе. Новый и поразительный эксперимент имел полный успех… Затем полковник достал два ореха и попросил, чтобы духи раскололи их, не разрушая сердцевину, под ножками пианино. Духи проявили свою готовность, но так как пианино было на роликах, от этого эксперимента пришлось отказаться».

«Очень приятной и более поэтической степенью медиумизма обладала миссис Мери Бейкер Тайер из Бостона, штат Массачусетс. Исследованию ее феноменов я посвятил пять недель этого летнего сезона. Она была «цветочным медиумом», viz («а именно»), от ее психического воздействия возникал дождь из цветов, трав, листьев и ветвей деревьев и кустов… Обстоятельный суммарный отчет о моих исследованиях (в которых частично ассистировала Е.П.Б.) появился в газете «New York Sun» 18 августа 1875 года…

Однажды вечером наша любезная хозяйка миссис Чарльз Хоугтон отправилась вместе со мной в город, чтобы присутствовать на публичном сеансе миссис Тайер. Е.П.Б. идти отказалась и мы оставили ее в гостиной за беседой с мистером Хоугтоном. Экипаж для нашего возвращения был заказан на определенный час, но сеанс оказался коротким… Не зная чем заняться, я попросил миссис Тайер провести для нас троих приватный сеанс… В тот момент когда мы услышали шум подъезжающего экипажа, я, вдруг, почувствовал, что на мою руку плавно и мягко опустился прохладный, чуть влажный цветок. Это была прекрасная полураспустившаяся роза с переливающимися каплями росы. Медиум как бы прислушалась к кому-то и сказала: «Духи говорят, полковник, что это подарок для мадам Блаватской».

Я передал цветок миссис Хоугтон, а она после нашего возвращения, приподнесла его Е.П.Б., которую мы застали по-прежнему в гостиной, где она курила и беседовала с нашим хозяином. Е.П.Б. взяла розу, вдохнула аромат и взгляд ее стал отрешенным, что близкими всегда ассоциировалось с ее

феноменами. Ее задумчивость прервал мистер Хоугтон, который сказал: «Какой изысканный цветок, Мадам; вы позволите мне рассмотреть его?» С тем же выражением на лице и, как будто машинально она отдала ему цветок. Он наслаждался ароматом розы, но неожиданно воскликнул: «Какая она тяжелая! Я никогда не видел ничего подобного. Смотрите, под весом цветка согнулся его стебель!»

Я взял у него розу и, о Боже! Она была действительно очень тяжела. «Осторожно, не сломайте ее!» — предупредила Е. П. Б. Бережно, кончиками пальцев, я приподнял бутон и осмотрел его. Ничто, видимое глазу, не указывало на феноменальный вес. Но, вдруг, в самой сердцевине цветка вспыхнула искра желтого света; и не успел я моргнуть глазом, как тяжелое, гладкое золотое кольцо выпало оттуда, как бы от внутреннего толчка и упало на пол у моих ног. Роза моментально выпрямилась и приняла свой первоначальный вид…

Да, конечно, это можно объяснить с позиций оккультной науки: материя золотого кольца и лепестков розы могла переходить из третьего измерения в четвертое и обратно, когда кольцо выпало из цветка… Оно не возникло из ничего, а было перенесено. Я думаю, оно принадлежало Е.П.Б. и клеймо на внутренней стороне с обозначением пробы подтверждало его качество.

Безусловно это было замечательное, феноменальное кольцо, полтора года спустя с ним произошло следующее… Е.П.Б. и я жили в двух разных помещениях в одном доме в Нью-Йорке. Однажды вечером моя сестра В. Г. Митчел вместе с ее мужем пришли к нам в гости, и в ходе беседы она попросила меня показать ей кольцо и рассказать его историю. Она рассматривала его и надевала себе на палец, пока я рассказывал, после этого протянула Е.П.Б. Не прикасаясь к нему, Е.П.Б. прикрыла кольцо ладонью моей сестры, и, подержав мгновение свою руку на ее руке, затем убрала и предложила моей сестре взглянуть на него. Это было уже не гладкое золотое кольцо, мы увидели перстень с тремя маленькими бриллиантами, оправленными в металл в «цыганском» стиле, и соединенными в виде треугольника. Как это произошло?..

Что касается миссис Тайер, мы были настолько удовлетворены уровнем ее медиумизма, что предложили ей поехать в Россию, но так же как и миссис Янгс она отказалась. Подобное предложение было сделано миссис Хантун, сестре Эдди, и миссис Эндрюз, и доктору Слейду. Но все они отказались. Таким образом, это дело протянулось до зимы 1875 года, к тому времени уже было основано Теософическое Общество…

В результате поисков медиумов наш выбор пал на д-ра Генри Слейда [в мае 1876 г.] М. Аксаков прислал мне 1000 долларов золотом на его расходы, и в назначенное время он отправился со своей миссией. Но… он остановился в Лондоне, давал там сеансы, которые привели публику в небывалое возбуждение, и был арестован по жалобе профессора Ланкастера и д-ра Донкина, обвиненный ими в плутовстве. Адвокат К. К. Мэсси выручил его, используя аппеляцию как технический прием. Слейд провел затем в Лейпциге знаменитые опыты, в результате которых профессор Цольнер доказал свою теорию о Четвертом Измерении. После этого медиум посетил Гаагу и другие города перед своим приездом в С. — Петербург». [18, т. I, с. 81—101]

Глава 35
Основание Теософического общества

Е.П.Б. в письме д-ру Хартману 13 апреля 1886 г. писала: «Я была послана в Америку с определенной целью и попала к Эдди. Там я познакомилась с Олькоттом, которого неудержимо влекло к духам. Позднее он испытал столь же сильное влечение к Учителям. Мне было приказано объяснить ему, что спиритические феномены, не подкрепленные философией оккультизма, чреваты опасностью и вводят в заблуждение. Я доказала ему, что всякое действие, которое медиумы совершают при помощи духов, другие могут совершать и без их помощи, посредством силы воли. Каждый, кто обладает способностью, не покидая телесной оболочки, действовать посредством органа астрального тела, может читать мысли, вызывать звон колокольчиков, заставлять мебель постукивать и проявлять другие физические феномены. Я обрела эту способность четырех лет от роду, о чем известно моим родственникам. Я умела передвигать мебель, принуждала летать разные предметы, при этом мои астральные руки поддерживали их, оставаясь невидимыми; все это было до того, как я узнала Учителей.

Я раскрыла ему всю правду. Рассказала о том, что я знала Адептов, «Братьев», и не только в Индии и за пределами Ладакха, но и в Египте и Сирии («Братья» находятся там и по сей день). Имена «Махатм» не были известны в то время, их знали только в Индии. Как бы их ни называли: Розенкрейцеры, Каббалисты, Йоги — все они Адепты, молчаливые, таинственные, уединенные, хранящие тайну, раскрывающие себя лишь немногим, (как и я), в течение семи-десяти лет доказавшим свою абсолютную преданность, соблюдавшим молчание даже под угрозой смерти. Я выполнила Их требования и стала той, что я есть… Все, что мне было разрешено говорить — является правдой. За Гималаями есть многонациональный центр Адептов. Таши-Лама знает Их, и они действуют сообща. Некоторые из Них прямо связаны с Ним и все-таки остаются неизвестными средним ламам, которые в большинстве своем невежественны. Мой Учитель и К.Х., а также несколько других знакомых мне лично, находятся там. Они связаны с Адептами Египта, Сирии, и даже Европы» [23, октябрь, 1907]

«Я была первой в Соединенных Штатах, кто возвестил о существовании наших Учителей, сообщив имена двух Членов Братства, которые до той поры оставались никому неизвестными

в Европе и Америке (за исключением нескольких Мистиков и Посвященных, живших в разные эпохи), но сохраняемых в тайне и очень уважаемых по всему Востоку и особенно в Индии». [23, октябрь, 1907]

«Учитель послал меня в Соединенные Штаты, поставив передо мной цель сделать все, чтобы прекратить некроманию и неосознанную черную магию спиритуалистов. Мне нужно было встретить вас и изменить ваш образ мыслей, что я и сделала. Общество было сформировано и постепенно в него были привнесены начала Учения из Тайной Доктрины — древнейшей школы Оккультной Философии, которую в прошлом реформировал Господь Гаутама. Это Учение нельзя было передать мгновенно. Его необходимо вливать постепенно, каплю за каплей».[55] [23, октябрь, 1907]

Создается впечатление, что в Соединенных Штатах специально подготавливалась почва для будущего движения. В своем альбоме Е.П.Б. поместила вырезку статьи под названием «Прозелиты из Индии», в которой сообщалось, что в 1870 году в Соединенные Штаты были посланы два миссионера — Мульджи Такерси и Тулсидас Ядарджи.

Они возвестили о необходимости реформ. Другие отправились в Европу и Австралию. Вернувшись, эти миссионеры прихватили с собой газеты, показывающие состояние христианского общества — убийства, насилие, воровство, подлог, пьянство, самоубийства, супружеская неверность, детоубийство и т. д. К этой статье Е.П.Б. приписала в своем альбоме следующий комментарий: «Г. С. Моначези, один из основателей Т. О., 4 октября 1875 г. Наша первоначальная программа ясно определена здесь Гербертом Моначези. Христиане и ученые должны, наконец, лучше узнать Индию. Мудрость Индии, ее философия и достижения должны стать известными в Европе и Америке, а англичан необходимо заставить более уважительно относиться к коренному населению Индии и Тибета». [12, с.28] Подобные статьи, пробуждающие интерес Запада к духовным ценностям Востока, продолжали появляться в газетах Соединенных Штатов; например, «Миссия Ван Чин Фу», «Катехизис Буддиста», «Невообразимый язычник», «Буддийская община».

В своей книге «Страницы старого дневника» полковник Олькотт писал: «Сейчас мы можем заняться основанием Теософического Общества… К организации такого общества был проложен путь активными дискуссиями о спиритуализме, а также некоторыми восточными идеями в моих репортажах об Эдди в августе 1874 года в газете «New York Sun», и, особенно, после того, как Е.П.Б. и я встретились в Читтендене и использовали

прессу для изложения наших неортодоксальных взглядов. Опубликованные ею острые письма и рассказы о ее магических способностях и несколько наших сообщений о существовании сверхчеловеческой расы духовных существ привело к знакомству с яркими, умными людьми, интересующимися оккультизмом. Среди них были ученые, филологи, писатели, археологи, широкомыслящие клерикалы, юристы, доктора, несколько знаменитых спиритуалистов и один или два журналиста из столичных газет, которые страстно желали запечатлеть наше дело в прессе.

Конечно, было большой смелостью бросить вызов людским предрассудкам и в век ученого скептицизма отстаивать законы древней Магии. Именно эта смелость привлекла внимание общественности, и со временем, в ходе дискуссий, сплотивших наших сторонников, неизбежно образовалось общество оккультных исследований.

После того, как в мае 1875 года попытка сформировать «Клуб Чудес» провалилась, следующая возможность представилась 7 сентября того же года. Это было в Нью-Йорке, на Ирвинг Плейс, 46, в комнате Е.П.Б., где м-р Фельт читал лекцию нескольким нашим друзьям. На этот раз удача сопутствовала нам; маленькое зернышко, которому суждено было стать гигантским баньяном, накрывающим своими ветвями весь мир, было привнесено в плодородную почву и дало всходы… [В тот вечер] м-р Фельт рассказывал нам о «Забытом Каноне Пропорций египтян…» Мы, конечно, от всего сердца поблагодарили его за чрезвычайно интересную лекцию, а затем последовала оживленная дискуссия.

В ее ходе мне в голову пришла идея, что было бы хорошо организовать общество для продолжения оккультных исследований, как следует обдумав, я написал такую записку: «Неплохо было бы организовать Общество, изучающее подобные вопросы?» и передал ее через м-ра Джаджа… к Е.П.Б. Она прочитала мою записку и одобрительно кивнула. Затем я поднялся, сказал несколько вступительных слов и развил эту тему. Присутствующие встретили мои слова с одобрением… По предложению м-ра Джаджа, я был избран Председателем… Час был поздний, и мы отложили заседание до следующего вечера, когда будет составлен формальный акт. Всем было предложено привлечь единомышленников, кто пожелал бы присоединиться к создаваемому обществу… У меня есть официальный отчет о заседании, проведенном 8 сентября, …который я и процитирую: «…в результате предложения полковника Генри Олькотта об организации Общества для изучения Оккультизма, Каббалы и т. д., присутствующие дамы и господа[56] решили провести

заседание и была принята Резолюция о том, что полковник Г. С. Олькотт займет председательское место… М-ра В. К. Джаджа избрали секретарем… По предложению Герберта Моначези было решено, что комитет из трех человек, назначенных Председателем, разработает основной закон и соответствующее постановление и доложит об этом на следующем заседании… [Заседание было перенесено на 13 сентября.]

…На перенесенном заседании 18 сентября ["13» — в тексте протокола, вероятно, опечатка] м-р Фельт продолжил… интересный рассказ о своих открытиях… Комитет по Преамбуле и постановлению доложил о своих результатах… Принято решение назвать Организацию «Теософическим Обществом». Председатель назначил преподобного м-ра Виджина и м-ра Сотерана подыскать подходящее помещение для заседаний, затем были названы имена нескольких новых членов и занесены в список основателей…

Вопрос о названии Общества, конечно, серьезно обсуждался в комитете. Предлагались различные названия, среди которых, если мне не изменяет память, Египтологическое, Герметическое, Розенкрейцерское и т. д., но ни одно из них не показалось подходящим. Наконец, один из нас, перелистывая страницы словаря, наткнулся на слово «Теософия», и в результате тайного голосования, мы решили, что это название наилучшее; так как с одной стороны выражало эзотерическую истину, к которой мы стремились, а с другой заключало в себе методы Фельта в научном исследовании оккультизма». [18, т. I, с. 113—132]

Можно предположить, что название Общества было выбрано не настолько случайно, как это показалось полковнику Олькотту. Е.П.Б. писала профессору Корсону 15 февраля 1875 года (организационные мероприятия по Обществу не проводились до сентября): «И наконец, много лет назад, страстные стремления моего ума были удовлетворены этой Теософией». В июле она записала на полях своего альбома: «В приказах, полученных из Индии, говорится о необходимости создания философско-религиозного Общества, о выборе его названия, а также о выборе Олькотта. Июль, 1875». В другом месте альбома она писала: «М. дает указ сформировать Общество, тайное Общество, подобное Ложе Розенкрейцеров. Он обещает помощь. Е.П.Б.»

Полковник Олькотт рассказывал: «Следующее подготовительное заседание было проведено … 30 сентября. После доклада Комитета о поисках подходящего помещения для заседаний Общества … выбран Мот Мемориал Холл, расположенный на Мэдисон Авеню. Постановление было … одобрено. Последовали выборы официальных лиц; … был

оглашен … следующий результат:

• Президент: Генри С. Олькотт;

• Вице-президенты: Д-р С. Панкреаст, Дж. Х. Фелт;

• Секретарь-Корреспондент: М-м Е. П. Блаватская;

• Секретарь-протоколист: Джон Сторер Кобб;

• Казначей: Генри Д. Ньютон;

• Библиотекарь: Чарльз Сотеран;

• Члены Совета: Преподобный Д. Г. Виджин, Преподобный Р. Б. Вестбрук,

• М-с Эмма Хардинг Бриттен,

• К. Е. Симонс,

• Герберт Д. Моначези;

• Адвокат Общества: Вильям К. Джадж.

Затем заседание было отложено до 17 ноября, когда будет представлен доклад по усовершенствованной Преамбуле, Президент произнесет вступительную речь и, таким образом, Общество будет полностью узаконено». [18, с. I, с.134, 135]

В Постановлении можно выделить следующие три пункта:

1. Название Общества — «Теософическое Общество»;

2. Основные задачи общества — сбор и распространение знаний о законах, управляющих Вселенной;

3. Общество должно состоять из активных членов, почетных членов и членов-корреспондентов». [12, с.23]

В Преамбуле говорится: «Ввиду существующего положения вещей необходимо заметить, что Теософическое Общество организовано в интересах религий, науки и нравственности; оно должно им способствовать в соответствии с их нуждами. Встречая препятствия при попытках получить необходимые знания в других частях света, основатели Общества обратили свои взоры на Восток, откуда произошли все религиозные и философские системы». [22]

Полковник Олькотт продолжал: «В назначенный вечер члены Общества собрались в своем помещении; был прочитан и одобрен протокол предыдущего заседания; заслушана вступительная речь Президента. По предложению м-ра Ньютона она была одобрена; следующее заседание официально учрежденного Общества назначено на 15 декабря…

Моя вступительная Речь[57] была встречена аплодисментами, и м-р Ньютон, ортодоксальный спиритуалист, объединившись с м-ром Томасом Фритинкером и преп. м-ром Вестбруком, предложили, чтобы ее текст был напечатан и размножен (что говорит о том, что они не считали безрассудными высказанные в ней взгляды), и все-таки, после семнадцати лет кропотливого труда, она кажется несколько наивной». [18, т. I, с. 135—138]

Теософическое Общество «должно было стать ядром для сбора и распространения знаний; оккультных исследований, изучения и внедрения древних философских и теософических идей; в первую очередь необходимо было собрать библиотеку.

В наши первоначальные планы не входило создание Всеобщего Братства. Эта идея возникла спонтанно в процессе работы». [18, т. I, с.120]

Одиннадцать лет спустя Е.П.Б. писала о «Первой программе Теософического Общества»: «Во избежание двусмысленности, необходимо напомнить членам Т. О. о становлении Общества в 1875 году. Направленная в Соединенные Штаты в 1873 году для организации группы сотрудников, исследующих психические вопросы, автор через два года получила указания от своего Наставника и Учителя сформировать ядро действующего Общества, чьи задачи были определены следующим образом:

1. Всеобщее Братство;

2. Отсутствие различия между членами по национальности, вероисповеданию и социальному положению, но о всех членах следует судить только по их личным заслугам;

3. Изучать философию Востока и особенно индийскую, постепенно в различных печатных трудах знакомить общественность с эзотерическими религиями в свете эзотерических учений;

4. Противодействовать материализму и теологическому догматизму любыми возможными способами, демонстрируя существование в природе оккультных сил, неизвестных науке, и наличие психических и духовных сил в человеке; пытаться, в то же время, расширить кругозор спиритуалистов, показывая им, что существуют другие, многие другие феномены, помимо «Духов» умерших. Предрассудки должны быть публично разоблачены и уничтожены. Оккультные силы, полезные и вредные, окружающие нас и проявляющиеся всевозможными способами — выявят наши лучшие способности». [23, август, 1931]

Полковник Олькотт писал в 1882 году: «Что касается Теософического Общества, все обстоятельства указывают на то, что это была постепенная эволюция, обусловленная обстоятельствами, и в результате противодействия враждебным силам, на пути то гладком, то тернистом, процветая или равномерно развиваясь, с мудрым или неблагоразумным управлением. Постоянно выдерживалась главная линия, соответствующий ведущий мотив, но программа модифицировалась, расширялась, совершенствовалась по мере возрастания наших знаний и опыта. Все указывает на то, что это движение было заранее запланировано наблюдающими

Мудрецами, но все детали нам предлагалось разработать самим. Если бы нам это не удалось, то другие получили бы шанс, который выпал на нашу карму, так же как я унаследовал возможности ее каирской группы в 1871 году». [18, т.1, с.24]

Сегодня, когда Первая Задача приобрела особое значение, необходимо все же напомнить, что при основании Общества этой Задачи еще не было. О ней не упоминалось до 1878 года, когда Основатели объединили Теософическое Общество и Арья Самадж, и решили отправиться в Индию. Именно тогда, лозунг «Братство Человечества» был заявлен в Задачах Общества. В Послании 1878 года говорилось: «Задачи Общества различны. Они способствуют получению истинных знаний о законах природы, особенно об оккультных проявлениях… Высшее развитие на земле творчески созидающего человека… предусматривает изучение роста его скрытых сил, передачу ему важных законов магнетизма, электричества и других сил, видимых или невидимых универсалий… Общество учит своих членов показывать личный пример высокой морали и религиозных устремлений; противодействует материалистической науке и любым формам догматической теологии; знакомит западный мир с фактами, длительное время запрещенными, о Восточных религиозных философиях…; последнее и главное — помогает установлению Братства Человечества, при котором все хорошие и чистые люди каждой расы будут относиться друг к другу, как равные сотрудники (на этой планете) одного Бесконечного, Всеобщего, Безграничного и Вечного Дела». [18, т. I, с.400]

Сейчас, когда м-р Тревор Баркер опубликовал «Письма Махатм», мы имеем возможность прочитать, что сами Учителя говорили по этому поводу. В феврале 1882 года Учитель Мориа писал м-ру Синнету об основании Теософического Общества: «Один или двое из нас надеялись, что мир так продвинулся интеллектуально, если не интуитивно, что Оккультная доктрина могла бы обрести интеллектуальное признание и импульс для нового цикла оккультных изысканий. Другие, более мудрые, как это кажется теперь, придерживались другого мнения, но согласие на испытание было дано. Однако было обусловлено, что попытка должна быть проведена независимо от нашего личного управления; что не должно иметь место сверхнормальное вмешательство с нашей стороны. Таким образом, мы нашли в Америке человека, способного стать лидером, — человека большого нравственного мужества, высокой морали, бескорыстного и обладающего другими ценными качествами. Он был далеко не самым лучшим, но (как м-р Хьюм говорит о Е.П.Б.) — он был лучшим из возможных. С ним мы соединили женщину с

наиболее исключительными и чудесными дарованиями. Вместе с тем у нее были большие личные недостатки: но и такой, какой она была, она осталась непревзойденной, так как не было на свете более подходящего человека для этой работы. Мы послали ее в Америку, свели их вместе, и испытание началось. С самого начала ей и ему ясно дали понять, что исход дела всецело зависит от них самих. И оба они предложили себя для этого испытания, за некоторое воздаяние в далеком будущем, как бывало говорил К.Х. — в качестве солдат, добровольно вызвавшихся на безнадежное дело». [12, с.26; 16, с.263]

Учитель Кут Хуми писал в 1880 году: «Старшие Махатмы желают, чтобы было положено начало «Братства Человечества», истинному Всеобщему Братству, которое должно быть проявлено по всему миру, и привлечет внимание высочайших умов». [16, с.24] И затем в 1881 году: «…нынешняя нарастающая волна феноменов с их различным воздействием на человеческое мышление и чувства превращает возобновление теософических исследований в неотложную необходимость. Единственная проблема практического плана — как лучше продвигать необходимое изучение и сообщить восходящий импульс спиритуалистическому движению… Под «Безнадежным Делом» («Forlorn Hope») я подразумевал следующее: если рассмотреть величие задачи, предстоящей нашим теософическим добровольцам, а особенно, если взглянуть на множество сил, уже выстроившихся или собирающихся выстроиться, чтобы выступить против, — то мы можем сравнить выступление теософов с теми отчаянными усилиями, направленными против подавляющего превосходства противника, на которые решается истинный воин во имя славы». [16, с.35]

Глава 36
«Разоблаченная Изида»

Полковник Олькотт рассказывал о написании книги «Разоблаченная Изида»: «Однажды летом 1875 года Е.П.Б. показала мне несколько листов своей рукописи и сказала: «Я написала это прошлой ночью по указанию, но не имею представления, что из них может получиться. Возможно это подойдет для газетной статьи, или для книги, а может и ни к чему; во всяком случае я сделала так, как мне было приказано». И она убрала эту рукопись в ящик стола, и некоторое время о ней не упоминала. Но в сентябре она была в гостях у своих новых друзей, профессора Корсона из Корнуэльского университета и его жены, и работа продолжилась. Она написала мне, что это должна быть книга по истории и философии Восточных Школ и их взаимоотношении с современностью. Она сказала, что писала о предмете, ею никогда не изучавшемся и приводила цитаты из книг, которые никогда в жизни не читала; чтобы проверить ее, профессор Корсон нашел эти цитаты в классических трудах в университетской библиотеке и подтвердил их точность. Возвратившись в город, она не слишком усердно занималась этим делом и писала только временами.

Один или два месяца спустя после создания Теософического Общества мы сняли две квартиры на 34-й Вест-Стрит, 433. Она на первом этаже, я на втором. С этого момента работа над «Изидой» продолжалась без перерыва до ее завершения в 1877 году. За всю ее предыдущую жизнь она не выполнила и десятой доли этого литературного труда, и я никогда не встречал подобной выносливости и неутомимой работоспособности. С утра до ночи она была за своим рабочим столом, и редко кто из нас ложился спать раньше двух часов ночи. Днем мне приходилось бывать по своим служебным делам, но всегда после раннего обеда, мы располагались вместе за нашим большим столом и работали до тех пор пока не останавливала усталость. Какой жизненный опыт! Образование, на которое потребовалась бы целая жизнь, мне было дано в сжатой форме менее чем за два года…

Она работала без определенного плана, но идеи переполняли ее, как неиссякаемый источник, бьющий через край… Они приходили хаотично, бесконечным потоком, каждый параграф полностью завершался независимо от предыдущего или последующего. Даже сейчас, после многочисленных переделок, исследование удивительной книги укажет на это обстоятельство.

Отсутствие предварительного плана, несмотря на все ее знания, разве не доказывает, что данная работа не является результатом ее собственного замысла, что она была только каналом, через который вливалась свежая жизненная эссенция в застойное болото современной спиритуалистической мысли?..

Ее рукопись нужно было видеть: листы были разрезаны, склеены, перекроены, иногда одна страница состояла из шести, семи или десяти полосок, взятых из других страниц и склееных вместе, соединенных отдельными словами или предложениями, вписанными между строк. Она часто шутливо хвалилась перед друзьями своей сноровкой в работе. Ее книжка для заметок иногда использовалась в этом процессе, именно на ней она склеивала страницы своей рукописи…» [18, т. I, с.202, 205]

«Я просматривал каждую страницу ее рукописи по нескольку раз, и каждую страницу корректуры, записал для нее многие параграфы, часто просто передавая те идеи, которые ей не удавалось тогда сформулировать по-английски; помогал найти нужные цитаты и выполнял другую вспомогательную работу. Эта книга вобрала в себя все ее достоинства и недостатки. Она создала своей книгой целую эпоху, и созидая ее, создала и меня — ее ученика и помощника, — так что я смог выполнять Теософическую работу в течение последовавших двадцати лет…

Наблюдать за ее работой было для меня исключительным и незабываемым удовольствием. Обычно мы сидели за большим столом напротив друг друга, и она постоянно была у меня перед глазами. Ее перо прямо-таки летало по страницам; затем она могла неожиданно остановиться, смотреть отсутствующим взглядом в пространство, и затем, как бы увидев что-то невидимое, начинала это копировать на своем листе. Цитирование заканчивалось, ее глаза снова приобретали естественное выражение, и она продолжала писать до следующего перерыва.

Я хорошо помню, что однажды видел, и даже держал в руках астральные дубликаты книг, из которых она выписывала цитаты для своей рукописи и которые ей пришлось «материализовать» для меня, чтобы я мог сверить корректуру, так как я отказался оставить их непроверенными. Одной из них была французская книга по физиологии и психологии, другая также французского автора по какой-то области неврологии. Первая была в двух томах, вторая в мягкой обложке.

Это произошло, когда мы жили на 47-й Вест-Стрит в доме 302, — знаменитом «Ламасери"[58], тайной штаб-квартире Теософического Общества. Я сказал: «Не могу оставить непроверенной эту цитату, так как уверен, что она записана

неверно». Она ответила: «О, не беспокойтесь, здесь все правильно». Я настаивал, пока она не сказала: «Подождите минуту, я попытаюсь получить эти книги». Отрешенным взглядом она посмотрела в дальний угол комнаты, где стояла этажерка с разными антикварными вещицами и глухим голосом сказала: «Там»! Затем она несколько пришла в себя и повторила: «Идите и посмотрите там». Я подошел к этажерке и обнаружил на ней два необходимых тома, как мне известно, раньше их в доме не было.

Я сравнил тексты и убедился, что был прав, подозревая ошибку в цитате Е.П.Б., на которую указал ей и все исправил. Потом по ее просьбе, положил оба тома туда, где их взял. Я вновь занялся работой и когда через некоторое время посмотрел в том направлении, то обнаружил, что книги исчезли!

Услышав эту историю (абсолютно правдивую), скептики могут усомниться, в здравом ли я рассудке; надеюсь, это пойдет им на пользу. То же самое произошло и с другой книгой, но этот вклад остался и находится у нас до настоящего времени». [18, т. I, с. 208—210]

Мы работали над книгой уже несколько месяцев и подготовили 870 страниц рукописи, когда однажды вечером она спросила меня, соглашусь ли я с тем, что мы вынуждены (по указанию нашего Парамагуру) начать все сначала! Я хорошо помню свое шоковое состояние от того, что все эти недели тяжелого труда, психологических грез и головокружительных археологических загадок потрачены впустую, как я посчитал в своем неведении. Но мое почтение, любовь и благодарность к этому Учителю и всем Учителям за предоставленное мне право участвовать в их работе были безграничны, я согласился, и мы опять принялись за дело». [18, т. I, с.217]

Е.П.Б., как всем известно, была заядлой курильщицей. Она ежедневно выкуривала невероятное количество сигарет, скручивая их с величайшей ловкостью. Она проделывала это даже левой рукой, в то время как правой переписывала рукопись… В процессе работы над «Разоблаченной Изидой» она не выходила из дома по шесть месяцев. С раннего утра до позднего вечера она трудилась за письменным столом. Для нее было в порядке вещей заниматься работой семнадцать часов в сутки. Она отвлекалась, только выходя в столовую или ванную комнату, а затем вновь возвращалась к своему столу». [18, т. I, с.452]

В. К. Джадж, почти ежедневно посещавший «Ламасери», писал: «После того, как она с удобствами устроилась на 47-й Стрит, где с утра до вечера ее окружали разного рода посетители; продолжались таинственные события, необыкновенные видения и звуки. Я провел там много вечеров и при хорошем газовом

освещении видел, как большие светящиеся шары парили над мебелью и перескакивали с места на место; прекраснейшие звуки колокольчиков, время от времени, раздавались в комнате. Эти звуки имитировали или пианино, или чье-то насвистывание. В то же время Е. П. Блаватская с самым беззаботным видом читала или писала «Разоблаченную Изиду». [18, т. I, с.147]

Один репортер из газеты «Нью-Йорк Таймс» в статье от 2 января 1885 года поделился своими воспоминаниями о том, как он в течение двух лет посещал салон м-м Блаватской: «При наличии подходящих слушателей она могла часами рассуждать обо всем «с самым авторитетным видом», поэтому неудивительно, что в ее скромных аппартаментах собирались самые странные и оригинальные люди Нью-Йорка. Не все соглашались с ней. Но некоторые преданно следовали ее учению. Многие из ее друзей и многие присоединившиеся к основанному ею Теософическому Обществу, отличались тем, что мало утверждали и ничего не отрицали. Все происходящие в ее комнатах чудеса были для большинства из них только лишь пищей для размышления. Когда раздавались мелодичные звуки колокольчика, исходившие от невидимого «услужливого эльфа» Поу-Дхи, то разные люди относились к этому феномену по-разному; неисправимые скептики добродушно посмеивались, а уверовавшие приходили в восхищение… Несмотря на чувствительность м-м Блаватской к насмешкам и клевете, она, между тем, проявляла истинный либерализм в отношении высказываемых мыслей, позволяя нам широко обсуждать ее убеждения, так же она относилась и к убеждениям других». [18, т. I, с.167]

М-р Джадж продолжал: «На столе, за которым она писала «Разоблаченную Изиду», стояло небольшое китайское бюро с маленькими выдвижными ящичками. В них хранились разные мелочи, но несколько ящичков всегда были пустые. Это было обычное бюро без всяких механических приспособлений, однако часто в одном из его пустых отделений пропадали различные предметы или наоборот, там обнаруживали то, чего никогда ранее не было в ее комнате. Я часто видел, как она опускала туда монеты, кольцо или какой-нибудь амулет, иногда и я сам клал туда же некоторые вещи, ящичек закрывали и почти сразу открывали — в нем уже ничего не было. Все исчезало… Бюро стояло на четырех ножках, на два дюйма возвышаясь над гладким столом, который был без изъянов. Несколько раз я видел, что она помещала в один из ящиков свое кольцо и уходила из комнаты. Я заглядывал в ящик, кольцо находилось на месте. Она возвращалась, и не приближаясь к бюро показывала мне это кольцо на своем пальце. Я опять заглядывал в ящик, но прежде

чем она подошла к нему — кольца там уже не было…

Однажды вечером Мадам открыла один из ящиков своего китайского бюро и достала оттуда изящные бусы восточной работы. Она передала их одной присутствовавшей при этом даме[59]. На лице одного из джентльменов промелькнула тень сожаления от того, что не ему вручили эту вещь. Е.П.Б. подошла, дотронулась до одной бусинки ожерелья, и она тотчас отделилась и осталась у нее в руке. Затем она отдала ее тому огорченному человеку. Он с изумлением обнаружил, что это не просто бусинка, а булавка для галстука с золотой заколкой. Между тем, бусы остались абсолютно целыми и дама, рассматривая их, была поражена тем, что они не рассыпались после изъятия одной бусины». [18, т. I, с. 151—153]

Окончание истории с бусами, описанной м-ром В. Джаджем, можно найти в цитируемой выше статье из «New York Times» от 2 января 1885 года: «Дама, чей брат с энтузиазмом уверовал в удивительную русскую леди, придерживалась благочестивых религиозных взглядов, противоположных теософии. Познакомившись с Е.П.Б. она поддерживала с ней дружеские отношения, несмотря на разницу в их убеждениях.

Однажды м-м Блаватская отдала этой даме прекрасные бусы, изготовленные из какого-то странного материала, похожего на твердое дерево. «Носите их, — сказала она, — но если вы позволите надеть их кому-то другому, они исчезнут». Дама постоянно носила их более года. Между тем она переехала в другой город.

Однажды ее маленький больной ребенок раскапризничался, стал плакать и просить эти бусы. Она отдала их ему, посмеиваясь над своей нерешительностью. Ребенок одел бусы себе на шею и был этим очень доволен. Мать вышла из комнаты по своим делам и через несколько минут услышала, что ребенок опять сильно заплакал. Вернувшись она увидела, что он пытается снять с себя бусы. Она помогла ребенку освободиться от них. Бусы укоротились на одну треть, были горячие и оставили на шее ребенка следы ожогов. Она сама рассказывала эту историю и в то же время отрицала, что верит в «подобные вещи». [18, т. I, с.164]

«Где же Е.П.Б. брала материалы, составившие «Изиду», которые невозможно проверить по доступным литературным источникам. Из Астрального Света, из ее духовного сознания, от ее Учителей — «Братьев», «Адептов», «Мудрецов», «Наставников», как они по-разному назывались. Откуда мне знать? Хотя я и работал с ней над «Изидой» в течение двух лет и многие годы с другими ее литературными трудами», — вспоминал полковник Олькотт. [18, т. I, с.208]

«Большая разница в стилях, которыми написаны ее рукописи, иногда отличающихся совершенством, неопровержимо доказывает, что это была работа не одного ума. Различия в почерке, в ментальном методе, литературных приемах и в стилях подтверждают эту мысль…» [18, т. I, с.225]

«Каждое изменение в почерке сопровождалось изменением в манере, настроении, выражениях и литературных способностях Е.П.Б. Когда она обходилась только своими силами, это нетрудно было заметить. Из-за некоторой неопытности ей приходилось прибегать к исправлениям, а когда такие листы передавались мне для правки, в них были ужасные ошибки и неточности». [18, т. I, с.243]

«Излишние замены старых «копий» на новые, перестановки из одной главы в другую, из одного тома «Разоблаченной Изиды» в другой, замедляли ее работу, когда она находилась в нормальном состоянии, и, как следствие, предполагали болезненную борьбу «неопытной руки» с гигантской литературной задачей. Без знания английской грамматики и литературных приемов, без привычки к длительному писательскому труду, но обладая безграничной храбростью и умением концентрировать свои мысли, что почти несовместимо, она неделями и месяцами продвигалась по пути к своей цели, выполняя указания своего Учителя. Этот литературный подвиг превосходит все ее феномены.» [18, т. I, с.224]

«Боутон [ее издатель] потратил 600 долларов на исправления и переделки, сделанные ею в гранках… Когда издатель наотрез отказался вкладывать дополнительные средства в это предприятие, мы уже почти полностью подготовили рукопись третьего тома. И все это было уничтожено перед нашим отъездом из Америки. Е.П.Б. не думала, что будет использовать эти материалы в Индии, и поэтому ее статьи в журнале «Theosophist», «Тайная Доктрина» и другие последующие литературные труды остались без них. Как часто мы с ней сожалели о том, что те ценные страницы были так бездумно утрачены!» [18, т. I, с.216]

Е.П.Б. писала из Итаки Александру Аксакову 20 сентября 1875 года: «Я пишу теперь большую книгу, названную мною по совету Джона «Skeleton Key to mysterious Gates» («Ключ к таинственным вратам»). Задаю же я вашим европейским и американским ученым, папистам, иезуитам и этой расе полученых, les chatres de la sciense [исследователей науки], которые все разрушают, ничего не создавая и не способны создавать». [4, с.274, 275] Годы спустя, изменив на «Ключ к Теософии», она использовала это заглавие для одной из своих книг. Она затем предложила назвать книгу «The veil of Isis»

(«Покров Изиды»), и первый том вышел под этим названием, оно напечатано в верхней части каждой его страницы. Но ее издатель, м-р Д. В. Боутон написал ей 8 мая 1877 года, что их общий друг м-р Сотеран сообщил ему о том, что в Англии уже опубликована другая книга с таким же названием. Таким образом, после этой даты, книга получила название «Разоблаченная Изида».

17 сентября 1877 года Е.П.Б. отправилась навестить профессора Корсона в Итаке и пробыла у него до середины октября. Д-р Евгений Роллин Корсон, сын профессора, интересно рассказал о ней в своей книге «Some Unpublished Letters of Helena Petrovna Blavatsky» («Некоторые неопубликованные письма Елены Петровны Блаватской»): «В то время, когда Е.П.Б. прибыла в Итаку, стояла отличная погода. В октябре здесь индейское лето; деревья одеваются в осенний наряд, вечера и ночи становятся бодрящими и морозными, к середине дня разливается приятное тепло, дальние холмы и блестящее озеро как и летом виднеются в дымке. Вся округа очень красива. Итака расположена в долине на берегу озера Кайюга-Лейк, среди холмов, покрытых густыми лесами. Дом моего отца находился на восточном холме. На этом же холме возвышаются величественные здания [Корнуэльского] университета…

Однажды вечером, моя мать, предполагая ночные заморозки, хотела занести в дом горшки с растениями, которые стояли на крыльце, но Е.П.Б. попросила ее не беспокоиться, пообещав, что «Джон» сам занесет их. Итак, они беззаботно легли спать, а утром все эти растения уже находились в доме…

Она носила просторное платье с каким-то расшитым жакетом. Как моя мать рассказывала мне, в его карманах находились бумага для сигарет и табак. Мой отец, заядлый курильщик и знаток табака, полагал, что она пользовалась дешевым сортом, возможно, из-за нехватки денег. Сигареты она курила беспрестанно и цветочные горшки всегда были полны окурками. У нее был специальный рабочий халат, известный по фотографии Бэрдслея.[60]

Она все свое время проводила за письменным столом, писала, писала, писала в основном днем, а иногда и до поздней ночи, ведя огромную корреспонденцию. Здесь она начала работать над «Разоблаченной Изидой». Ежедневно она исписывала своим убористым почерком по двадцать пять страниц. Она не пользовалась книгами, а, между тем, у моего отца была огромная библиотека, почти целиком состоящая из английской литературы, но она крайне редко обращалась к нему за консультацией.» [21, с. 25—36]

М-р В. К. Джадж написал об этом же в своей статье,

опубликованной в газете «New York Sun» от 26 сентября 1892 года: «Разоблаченная Изида» привлекла к себе широкое внимание, и в откликах всех нью-йорских газет подчеркивалось, что в книге содержится результат огромной исследовательской работы. Для меня и для многих других свидетелей подготовки этой книги было очень странным то, что автор для своих исследований не пользовался библиотекой и при этом отсутствовали предварительные заметки. Все было написано сразу, как бы по волшебному мановению руки. Но тем не менее, книга содержит множество ссылок на издания, хранящиеся в Британском Музее, а также в других крупнейших библиотеках. И каждая ссылка абсолютно верна. Это говорит о том, что или эта женщина была способна хранить в своей памяти такую массу фактов, дат, чисел, названий и сюжетов, на что не способен ни один человек, или остается признать, что ей помогали какие-то невидимые существа».

Д-р Корсон описал следующий забавный эпизод: «Однажды мой отец сказал ей: «Жаль, Мадам, что вы еще не видели красоту, окружающую вас. Я бы хотел предоставить вам экипаж, чтобы вы осмотрели здания университета и чудесные окрестности». В конце концов, она согласилась, но мой отец попросил ее не курить во время прогулки, так как это могло вызвать нежелательные толки людей, не привыкших к подобному и которые повредили бы его репутации солидного университетского профессора. На это она весьма неохотно согласилась.

Однако, перед самым окончанием поездки, Мадам сказала, что ей совершенно необходимо выкурить сигарету, что она больше не может терпеть ни минуты. Она попросила остановить экипаж, чтобы выйти и спокойно покурить, присев на придорожный камень, заметив при этом, что не произойдет ничего страшного, если кто-то и примет ее за цыганку. Итак, автор «Разоблаченной Изиды» и «Тайной Доктрины» сидела, поглощенная своими думами, забыв обо всем, что ее окружало, забыв о лошадях, кучере, экипаже и его обитателях. Возможно, не табак был тому причиной, а ее желание побыть наедине с собой. Покурив, она вернулась в экипаж и прогулка была продолжена.

Мой отец, вспоминая ее и подчеркивая свое восхищение, часто говорил: «Никогда я не встречал такой сильной натуры, сильной в своих желаниях и стремлениях; окружающее не имело для нее значения, даже если небеса рухнут, она будет продолжать свой путь». [21, с.26, 27]

Е.П.Б. заранее добродушно предупреждала своих друзей в Итаке об этом своем «национальном грехе» — курении. Отвечая на их приглашение, она говорила: «Увы, мой дорогой сэр, я

действительно в своем роде большая грешница, я непростительно грешна в глазах добропорядочных американцев… Вы очень добры ко мне, пригласив в Каскад, но что вы скажете, увидев как ваша гостья каждые пятнадцать минут будет украдкой выходить из комнаты и прятаться за дверью или где-то во дворе, чтобы выкурить сигарету? Вынуждена признаться, что я, как и все женщины в России, курю прямо в своей гостиной, как принято в гостиных любой уважающей себя дамы, от великосветской княжны, до жены простого служащего. Согласно нашему национальному обычаю, они курят и в экипаже, и даже в фойе театра. Здесь же я вынуждена скрываться, как вор, из-за того, что американцы оскорбляли меня, приводили в замешательство, публикуя обо мне всякие небылицы, обзывая при этом самыми прекрасными именами. Все это привело к тому, что не сумев избавиться в течение более двадцати лет от своей безобидной привычки, дошла до того, что я считаю обыкновенным малодушием. Но, если вы можете простить мне мои национальные грехи, то, конечно, я буду счастлива принять ваше любезное приглашение… Скажите ей (миссис Корсон), что я обещаю никогда не курить в ее гостиной». [21, с.132, 133]

Глава 37
Кто писал «Разоблаченную Изиду»?

«Рукописи» Е.П.Б., изготовленные в разное время, имели большие отличия. Почерк определяет особенности характера, поэтому человек, знакомый с ним, всегда способен определить любую страницу Е.П.Б. Но при тщательном исследовании можно обнаружить по крайней мере три или четыре варианта ее стиля, и каждый из них, постоянный в продолжение нескольких страниц рукописи, дает новый каллиграфический вариант… Один из почерков Е.П.Б. был мелкий, но простой; еще один — отчетливый и свободный; другой — простой, среднего размера и очень четкий; следующий — быстрый и неразборчивый со странными иностранными буквами. Все эти стили почерка были связаны с огромнейшими различиями в ее английском языке. Иногда мне приходилось делать по нескольку исправлений на каждой строчке, в других случаях, просматривая целые страницы, я едва ли находил всего одну ошибку. Самыми лучшими были рукописи, написанные для нее, когда она спала. Тому пример — начало главы о цивилизации древнего Египта. Как обычно, мы закончили в два часа ночи, оба очень уставшие, предвкушая перекур и последнюю беседу перед сном. На следующее утро, когда я спустился к завтраку, она показала мне целую кипу, по крайней мере 30-40 страниц рукописи, написанных прекрасным почерком. Она сказала, что все это было написано для нее Учителем, имя которого в отличие от других никогда не упоминалось. Эти страницы были совершенны во всех отношениях и пошли в печать без исправлений.

Любопытно, что каждое изменение в рукописи Е.П.Б. происходило либо после того, как она на какой-то момент выходила из комнаты, либо когда она входила в транс или абстрактное состояние, и ее взгляд был безжизненно направлен мимо меня в пространство.

Также имели место отчетливые изменения в ее индивидуальности, скорее в ее личных особенностях, в походке, в голосе, в манерах и более того — в ее нраве… Она выходила из комнаты одним человеком, а возвращалась другим. Но менялись не физическое тело, а особенности ее движений, речи и манер, ментальная ясность, взгляд на вещи, английская орфография, а главное — очень менялось ее настроение… Мистер Синнет говорил: «Она была философом и могла пожертвовать всем миром ради спиритуалистического прогресса, в то же время

предавалась неистовым страстям из-за простейших причин. Долгое время это было для нас серьезной загадкой.» Согласно теории, если тело занято мудрецом, то оно вынуждено действовать со спокойствием мудреца, если нет, то нет. Загадка решена.» [18, т. I, с.210]

«В вопросе замещения тела Е.П.Б. (Авиша) существовало дополнительное доказательство, известное тем, кто обращал на него внимание. Предположим, что Учитель А. или В. был «на страже» час или более, работал над «Изидой» один или вместе со мной, и в определенный момент сказал что-то мне или кому-то из третьих лиц, если таковые присутствовали. Неожиданно она (он?) замолкает и, извинившись, выходит из комнаты. Она вскоре возвращается, осматривается, как человек, впервые попавший в незнакомую комнату, скручивает себе свежую сигарету и говорит что-то, не имеющее ни малейшего отношения к нашему предыдущему разговору. Кто-то из присутствующих, желая вернуть ее к обсуждаемому ранее предмету, любезно просит пояснить. Она смущается, потеряв нить разговора; начинает говорить нечто противоположное сказанному ранее, а если ей делали замечание, то раздражается, применяя при этом крепкие выражения. Если же ей напоминали, что до этого она говорила то-то и то-то, она на мгновение задумывалась и, извинившись возвращалась к первоначальной теме. Иногда она была быстра, как молния, в этих переменах. Я забывал о ее сложной натуре, часто раздражался из-за ее кажущейся неспособности придерживаться определенного мнения и ее отказа от слов, произнесенных ею минуту назад.

Позднее мне объяснили, что требуется некоторое время после вхождения в живое тело для соединения чьего-то сознания с мозговой памятью предыдущего владельца. Если кто-то пытается продолжить беседу до того, как произойдет это соединение, то возможны ошибки, подобные вышеуказанным. Кто-то выходящий говорил: «Я должен оставить эту мысль в уме, чтобы мой последователь смог найти ее там», или Кто-то входящий, дружески поприветствовав меня, спрашивал, каков был предмет обсуждения перед изменением.» [18, т. I, с. 289—291]

«…Не требовалось многословных объяснений, после того как мы стали «двойниками», проработав вместе достаточно долго, и я познакомился с особенностями ее речи, настроений и импульсов. Обмен происходил просто; после того, как она выходила из комнаты и возвращалась, мне достаточно было быстрого взгляда на черты лица и поведение, чтобы я мог сказать себе то или другое и всегда оказывался прав». [18, т. I, с.243]

«Они поняли, что я научился различать их и даже придумал

им имена, которыми мы с Е.П.Б. называли их, когда они отсутствовали. Они часто приветствовали меня низким поклоном или дружеским прощальным кивком, выходя из комнаты перед очередным изменением. Иногда они беседовали со мной друг о друге, как говорят друзья о своих знакомых, поэтому я узнал о некоторых их личных историях». [18, т. I, с.246]

По любопытному совпадению, перечитывая предыдущий отрывок, я вспомнил одно обстоятельство, стал перелистывать кучу старых ньюйоркских писем и заметок, пока не обнаружил следующее. В заметке того времени встречается описание моей беседы с одним Махатмой, венгром по происхождению, который в тот вечер вселился в тело Е.П.Б.: «Прикрыв глаза, он убавил газ в светильнике, стоящем на столе. Спрашиваю, зачем. Отвечает, что свет это физическая сила. Попадая в глаза незанятого тела, он встречает препятствие, отражаясь, наносит удар и травмирует астральную душу временного владельца. Этим ударом он может быть вытолкнут. При этом возможен даже паралич незанятого тела. При вхождении в тело должны быть соблюдены исключительные предосторожности. Полное слияние не происходит, пока не будут соответствовать до автоматизма их кровообращение, дыхание и т. п. Тем не менее даже на больших расстояниях существует эта тесная связь. Тогда я зажег люстру, но заместитель сразу же взял газету и закрыл ею свою голову от света. Удивившись, я попросил объяснения. Мне ответили, что сильный верхний свет, освещающий макушку, более опасен, чем направленный прямо в глаза». [18, т. I, с.275]

Я заметил, что когда физическая Е.П.Б. находилась в раздражительном состоянии, редко кто занимал ее тело, за исключением Учителя — духовного наставника и опекуна, чья железная воля была сильнее ее. Кроткие философы в такое время предпочитали держаться в стороне.» [18, ст. I, с.257]

Один из этих ее Alter Ego («Второе Я»), которого я затем встречал лично, носит большую бороду, длинные усы, закрученные на раджпутский манер, переходящие в бакенбарды. У него привычка теребить свои усы в минуты глубокой задумчивости. Он это делает механически и бессознательно. Временами личность Е.П.Б. исчезала, и она становилась «Кем-то другим». Я наблюдал, как она с отрешенным видом разглаживала и закручивала несуществующие у нее усы, пока мой пристальный взгляд не выводил ее из этого состояния, тогда она быстро убирала руку от лица и продолжала свою писательскую работу.

Следующим был некто, кто не любил английский язык так сильно, что не желал со мною разговаривать ни на каком другом языке, кроме французского. У него был прекрасный

артистический талант и страстное увлечение всякими механическими изобретениями. Время от времени приходил другой. Он сидел, небрежно чертил что-то карандашом, сочинял дюжины станцев, содержащие и возвышенные идеи и юмористические строки. Итак, каждый из них имел свои отличительные особенности так же, как все наши обычные знакомые и друзья. Один был хороший рассказчик, веселый и очень остроумный; другой олицетворял собой достоинство, сдержанность и эрудицию. Один был спокойным, терпеливым и доброжелательным помощником, другой дотошный и иногда раздражительный. Один всегда подчеркивал и объяснял научное и философское значение предметов, о которых я писал, демонстрируя феномены мне в назидание; в то время как другому я не осмеливался даже упоминать о них». [18, т. I, с.244]

«Когда один из Них был «на страже», как я обычно говорил, то все особенности ее рукописи повторяли свойственный ему литературный стиль как и в предыдущее его посещение. Он обычно писал на различные темы по своему вкусу, и Е.П.Б. играла роль не только секретаря, а того и другого одновременно. Если бы в то время мне дали любую страницу из «Изиды», то я с полной уверенностью смог бы сказать, кем они были написаны». [18, т. I, с.246]

«Мы работали, сотрудничая по крайней мере с одним невоплощенным существом — чистой душой одного из мудрейших философов современности… Он был великим исследователем Платона, и мне говорили, что изучение смысла жизни настолько поглотило его, что он стал привязан к земле, то есть не смог разорвать эти узы и сидел в астральной библиотеке, созданной им ментально, предаваясь своим философским размышлениям… Он страстно желал работать с Е.П.Б. над этой книгой и внес большой вклад в философскую ее часть. Он не материализовывался и не сидел с нами, не вселялся в Е.П.Б. медиумически, а просто его голос диктовал текст, советовал ей, как использовать сноски, отвечал на мои вопросы о деталях, инструктировал меня о принципах и играл роль третьего лица в нашем литературном симпозиуме…» [18, т. I, с.243]

«Е.П.Б. служила Платонисту секретарем самым настоящим образом. Их отношения ни в чем не отличались от отношений, характерных между личным секретарем и его хозяином, кроме того, последний был видимым для нее и не видим для меня… Он казался не совсем «Братом», как мы обычно называли Адептов, и все же более им, чем кем-нибудь иным… Он никогда ни единым словом не намекал нам, что он считал себя ни кем иным, как живым человеком. Но мне говорили, что он не осознавал, что уже

умер и покинул свое тело. Он плохо ориентировался во времени, и я помню, как мы с Е.П.Б. смеялись, когда однажды под утро в 2-30 после необычайно тяжелой ночной работы мы собрались уже покурить напоследок, он тихо спросил ее: «Вы готовы начать?» И я также помню, как она сказала: «Ради Бога, не смейтесь даже в глубине своей души, иначе старичок обязательно услышит и обидится» [18, т. I, с. 238—243]

Я имел доказательство, что по крайней мере некоторые из тех, кто с нами работал, были живыми людьми; увидев их в астральном теле в Америке и Европе, я позднее видел их в Индии, встречался и беседовал с ними». [18, т. I, с.236]

«Однажды вечером в Нью-Йорке, пожелав Е.П.Б. спокойной ночи, я сидел в своей спальне, куря сигарету, предаваясь размышлениям. Вдруг возле меня оказался мой Чохан. Дверь открылась бесшумно, если она открывалась вообще, но тем не менее он был здесь. Он сел, и мы беседовали с ним приглушенными голосами некоторое время, и пользуясь его расположением ко мне, я попросил его об одолжении. Я сказал, что мне хотелось иметь реальное доказательство его посещения, что это не было простой иллюзией или майей, созданной Е.П.Б. Он усмехнулся, развязал свой расшитый индийский тюрбан из хлопчатобумажной ткани, бросил его ко мне, и — исчез. Эта ткань и сейчас хранится у меня, там в углу вышиты инициалы моего Чохана… М.'.» [11, с.110; 18, т. I, с.434; 23, август, 1932]

«Однажды летом мы с Е.П.Б. находились в своем кабинете в Нью-Йорке в послеобеденное время. Были ранние сумерки, и газ еще не зажигали. Она сидела у окна, выходящего на юг, а я стоял у камина, погруженный в свои мысли. Я услышал как она сказала: «Смотри и учись», и взглянув, увидел дымку, поднимающуюся над ее головой и плечами. Это было похоже на одного из Махатм, того, кто позднее оставил мне свой замечательный тюрбан, астральный двойник которого он в то время носил на своей, рожденной из тумана голове. Поглощенный феноменом, я застыл в молчании. Показалось смутное очертание верхней части торса, затем постепенно исчезло, либо поглощенное телом Е.П.Б., либо нет, я не знаю. Две-три минуты она сидела как изваяние, потом вздохнула, пришла в себя и спросила, видел ли я что-нибудь. Когда я попросил ее объяснить этот феномен, она отказалась, пояснив, что это нужно для развития моей интуиции и для понимания феноменов того мира, в котором я живу. Все, что она могла сделать — это показывать и предоставлять мне самому делать выводы.» [18, т. I, с.266]

«Сможет ли кто-нибудь понять мои чувства после того, как однажды вечером я обнаружил, что ничего не подозревая, я с

веселым легкомыслием поприветствовал степенного философа и тем самым нарушил его обычное спокойствие? Воображая, что обращаюсь только к своему «закадычному другу» Е.П.Б., я сказал: «Ну, старая кляча, давай приниматься за работу!» В следующее мгновение я покраснел от стыда — удивление и уязвленное благородство на ее лице показывали, с кем я имел дело… Это был тот, к кому я испытывал глубокое почтение. Не только за его обширные знания, возвышенный характер и благородные манеры, но также за его действительно отеческую доброту и терпение. Казалось, что он проник в самую глубину моего сердца, стремясь пробудить мои скрытые духовные возможности. Я узнал, что он выходец из Южной Индии, обладал большим духовным опытом, это был Учитель Учителей. Он жил под видом землевладельца, и никто вокруг не знал, кем он был в действительности. О, я получил от него столько высоких мыслей, разве я могу сравнить их с чем-либо в своей жизни!..

Это был Учитель, продиктовавший «Ответы английскому О.Т.О.» по вопросам, возникшим после прочтения книги «Эзотерический Буддизм», опубликованной в «Theosophist» в сентябре, октябре, ноябре 1883 года. Она записала это в Ootакамунде в доме генерал-майора Моргана, страдая от холода, закутавшись в плед.[61] Однажды утром я был в ее комнате и листал книгу, когда она сказала: «Пусть меня повесят, если я когда-нибудь слышала о Иафигианах. Вы что-нибудь читали об этом племени, Олькотт? Я ответил, что не читал и поинтересовался, почему она задавала этот вопрос. «Старый господин говорит, чтобы я записала это, — ответила она, — но мне кажется, здесь какая-то ошибка, что вы скажете?» Я ответил, что если Учитель указал ей это наименование, она должна написать его без опасений, так как он всегда был прав. Так она и сделала. Это пример тех многочисленных случаев, когда она писала под диктовку без своего личного знания». [18, т. I, с. 247—249]

«Однажды вечером я получил запомнившийся урок. Незадолго перед этим я принес домой два хороших мягких карандаша, очень подходящих для нашей работы, один отдал Е.П.Б., а другой оставил себе. У нее была плохая привычка брать якобы взаймы перочинные ножи, карандаши, ластики или другие канцелярские принадлежности, при этом забывая их вернуть; попав однажды в ящик ее письменного стола, они оставались там, несмотря ни на какие мои протесты. В тот вечер Некто рисовал лицо чернорабочего на листе бумаги, беседуя о чем-то со мной, как вдруг он попросил у меня другой карандаш. В моем мозгу возникла мысль, что если я отдам этот хороший карандаш, то

попав в ее ящик, он уже не вернется ко мне. Я не сказал этого, а только подумал, но Некто с сарказмом посмотрел на меня, поставил свой карандаш в подставку для ручек, некоторое время подержал его там и, о Боже! Появилась дюжина карандашей, абсолютно таких же по форме и качеству! Он не произнс ни слова, даже не удостоил меня взглядом, но я почувствовал, как кровь прилила к моему лицу. Подобного потрясения я не испытывал в моей жизни никогда. И все-таки я вряд ли заслужил этот своеобразный упрек, если учесть, каким «захватчиком карандашей» была Е.П.Б.» [18, т. I, с.245]

«Я упоминал о том, что часть «Изиды», написанная самой Е.П.Б. уступает по качеству части, написанной для нее Кем-то. Это абсолютно ясно, ведь как могла Е.П.Б., не имея необходимых знаний, правильно написать о разнообразных предметах, рассматриваемых в этой книге? В ее, по-видимому, нормальном состоянии она читала книгу, делала необходимые пометки, писала об этом, делала ошибки, исправляла их, обсуждала их со мной, заставляла меня браться за работу, помогала моей интуиции, просила друзей достать ей необходимые материалы и продолжала до тех пор, пока кто-нибудь из Учителей не приходил к ней на помощь. Во всяком случае Они не были с нами всегда.

Ею отлично написаны многие страницы, так как она обладала чудесными природными литературными способностями; она никогда не писала скучно или неинтересно и всегда была в равной мере блестящей на трех языках, когда полная сила была с ней. Она писала своей тете, что когда ее Учитель был занят где-то еще, он оставлял вместо себя заместителя и тогда это было ее «Светлое Я», ее Внутренний Голос, который думал и писал за нее. Я не рискну высказать свое мнение по этому поводу, так как никогда не наблюдал ее в этом состоянии. Я знал ее только в трех состояниях: собственно саму Е.П.Б., ее тело, занятое Учителем и секретаря, пишущего под диктовку. Может быть, ее Внутренний Голос занимая ее физический мозг, создавал впечатление, что рядом со мной работал один из Учителей, не могу точно сказать. Но она забыла рассказать своей тете, что часто, очень часто ее никто не занимал, не контролировал, не диктовал ей, она была просто Е.П.Б., нашим близким и любимым другом,[62] а затем и нашим учителем, стремящимся наилучшим образом выполнить свою литературную миссию.

Несмотря на различное содействие в работе над «Изидой», всю эту книгу, также как и другие работы пронизывает ее самобытность — что-то свойственное только ей…» [18, т. I, с.251, 252]

«Тогда как мы должны рассматривать авторство «Изиды» и

как к этому относилась сама Е.П.Б.? Что касается создателя книги, то это безусловно совместный труд, произведение нескольких различных авторов, а не одной Е.П.Б. Вопрос этот очень сложный и установить, какую лепту внес каждый в отдельности практически невозможно.

Личность Е.П.Б. была таким образом инструментом, распределившим весь материал, контролровавшим его форму, оттенки, выразительность, тем самым наложив отпечаток собственного стиля. Различные владельцы тела Е.П.Б. только изменяли ее привычный почерк, но не писали своим собственным; таким образом, используя ее мозг, они вынуждены были позволять ей окрашивать их мысли и располагать слова в определенном порядке. Подобно тому, как дневной свет, проникая сквозь окна храма, приобретает оттенки цветного стекла, так и мысли, переданные через мозг Е.П.Б., изменялись выработанным ею литературным стилем и способом их выражения.» [18, т. I, с.255, 256]

Е.П.Б. сообщала своим родным: «Когда я писала «Изиду», то она давалась мне настолько легко, что это не было трудом, а настоящим удовольствием. Почему меня нужно хвалить за это? Когда мне *говорят* писать, я повинуюсь, а затем могу легко писать почти обо всем — о метафизике, психологии, философии древних религий, зоологии, естественных науках и многом другом. Я никогда не задаюсь вопросом: «Могу я писать об этом?» или «Справлюсь ли я с этой задачей?» Я просто сажусь и пишу. Почему? Потому что мне диктует *тот, кто все знает* … Мой Учитель, а иногда другие, знакомые по моим прошлым путешествиям…

Пожалуйста, не думай, что я потеряла рассудок. Я намекала тебе о Них и прежде… и я искренне говорю тебе, что когда я пишу о незнакомом или малознакомом мне предмете, я обращаюсь к Ним, и один из Них вдохновляет меня. Он дает мне возможность просто переписать из рукописей, и даже печатный материал, возникающий перед моими глазами в воздухе, во время чего я ни разу не была в бессознательном состоянии. Именно осознание Его покровительства и вера в Его могущество позволили мне стать такой сильной умственно и духовно… и даже Он (Учитель) не всегда необходим; потому что во время Его отсутствия по каким-то другим делам Он оставляет во мне заместителя своих знаний… В такие моменты это уже пишу не я, а мое внутреннее Эго, мое «светлое я», которое думает и пишет за меня.» [20, с.157]

В другом письме она сообщала своей сестре: «Не знаю, Вера, веришь ты мне или нет, что-то необыкновенное происходит со мной. Ты не можешь себе представить, в каком удивительном

мире картин и видений я живу. Я пишу «Изиду», скорее не пишу, а переписываю и срисовываю, что она лично показывает мне. Иногда мне кажется, что древняя Богиня Красоты сама ведет меня через все страны и их прошлое, и я это описываю. Я сижу с открытыми глазами и по-видимому, все вижу и слышу, что реально происходит вокруг меня, и в то же время я вижу и слышу то, что пишу. У меня перехватывает дыхание, я боюсь шевельнуться, опасаясь, что чары исчезнут. Как в волшебной панораме медленно проходят предо мной столетие за столетием, образ за образом. Я пропускаю все это через себя, соединяя эпохи и даты, и *знаю наверняка, что ошибки быть не может*. Нации и народы, страны и города, давно ушедшие во тьму доисторического прошлого, возникают, затем исчезают, уступая место другим, после чего мне говорят соответствующие даты.

Седая старина сменяется историческими периодами, мифы объясняются мне с событиями и людьми, существовавшими в действительности, и каждое выдающееся событие, каждая новая страница этой многоликой книги жизни предстает передо мной с фотографической точностью. Мои собственные расчеты являются мне позднее, как отдельные цветные картины различной формы в игре, которая называется casse-tete («головоломка»). Я собираю их вместе и стараюсь правильно расположить их одну за другой, но, конечно, это не я делаю, а мое ego, мое высшее Я. И все это происходит при содействии моего Гуру и Учителя, помогающего мне во всем. Если я вдруг забуду что-то, то тут же мысленно обращаюсь к нему или к кому-то другому подобному, и все, что я забыла, предстает у меня перед глазами — иногда целые таблицы с цифрами и длинные перечни событий проходят предо мной. Они помнят все. Они знают все. Без Них, где бы я могла получить знания?» [19, январь, 1895]

Учитель Кут Хуми писал Синнету осенью 1882 года: «Е.П.Б. была первая, кто действуя по приказам Атриа (Некто, кого вы не знаете), — объяснила в «Spiritualist» разницу между psyche и nous, nefesh и ruach, между Душой и Духом. Ей пришлось представить весь арсенал доказательств, цитаты из Павла и Платона, из Плутарха и Джеймса и т. д., прежде чем спиритуалисты признали, что теософы правы. Это было тогда, когда ей было приказано написать «Изиду», — как раз год спустя после основания Общества. И так как там поднялась такая война около этого, бесконечная полемика и возражения о том, что не может быть в человеке двух душ, — мы решили, что еще преждевременно давать публике больше, чем она в состоянии ассимилировать, пока они не переварили «двух душ». И таким образом, дальнейшее подразделение троичности на семь принципов

осталось неупомянутым в «Изиде»… Она повиновалась нашим приказам и писала, умышленно вуалируя некоторые свои факты…» [16, с.298]

Полковник Олькотт говорил: «После своего появления «Изида» произвела такую сенсацию, что первое издание было распродано в течение десяти дней. Критика в целом отнеслась к ней благосклонно… Самое правдивое высказывание о ней — это слова американского автора, что это «Книга, содержащая в себе революцию». [18, т. I, с.294, 297]

Что касается ее английского языка в тот период, Е.П.Б. писала полковнику Олькотту 6-го января 1886 года: «Когда я приехала в Америку, я с трудом говорила по-английски, а писать совсем не умела — это факт, как вам известно. «Изида» — первая работа за исключением нескольких статей, исправленных вами или кем-то другим, это все, что я когда-либо писала на английском, и это в основном было продиктовано, как вы знаете, К.Х. (Кашмирцем). Я училась писать по-английски, так сказать, с его помощью. Я переняла все его особенности. Так что же удивительного в сходстве между стилем «Изиды» и писем к Синнету?[63] Я рассказывала вам, и вы знаете, что я говорила по-английски в десять раз хуже чем сейчас и, тем не менее, сорок — пятьдесят страниц за один раз в «Изиде» были написаны без единой ошибки. Пожалуйста, вспомните, что я с трудом говорила и вообще не умела писать по-английски. С детства я почти не разговаривала на этом языке. Впервые я стала подолгу говорить только на английском, когда стала общаться с Учителями — с Махатмой К. Х., переняв его стиль». [22]

Глава 38
Е.П.Б. — Американская подданная и Русская патриотка

1878 год был важным годом в жизни Е.П.Б.: она, едва избежав кремации, стала американской гражданкой, а затем уехала из Соединенных Штатов навсегда. Первый случай так описала мадам Желиховская:

> «Весной 1878 года что-то странное произошло с Блаватской. Однажды утром, приступив как обычно, к работе, она вдруг потеряла сознание и не приходила в себя в течение пяти дней. Состояние летаргии было настолько глубоким, что ее бы похоронили, если бы не телеграмма, полученная полковником Олькоттом и его сестрой, находившейся с ней в то время, от того, кого она называла своим Учителем. В ней говорилось: «Ничего не опасайтесь, она не умерла и не больна, ей необходим отдых; она переутомилась… С ней будет все в порядке.» Она, действительно пришла в себя, и прекрасно себя чувствуя, отказывалась верить, что проспала пять дней. Вскоре после этого Е. П. Блаватская строила планы отъезда в Индию.» [15, январь, 1895]

По этому поводу Е.П.Б. писала мадам Желиховской: «Я не писала тебе целый месяц, мой дорогой друг, угадай, по какой причине? В один прекрасный вторник, утром, в апреле, я как обычно встала, села за письменный стол, чтобы написать своим калифорнийским корреспондентам. Вдруг почти сразу же я поняла, что по какой-то странной причине оказалась в спальне в своей постели, что был вечер, а не утро. Я увидела вокруг себя несколько наших теософистов и докторов с удивленными лицами и Олькотта с его сестрой миссис Митчел — лучший мой друг здесь — оба бледные, угрюмые, осунувшиеся, как будто их вынули из воды.

«В чем дело? Что произошло?» — спросила я их. Вместо ответа они забросали меня вопросами: что случилось со мной? И как я могла говорить, что ничего со мной не произошло? Я ничего не помнила, но конечно, было странным, что тогда было утро вторника, а теперь они говорили, что был субботний вечер. Что касается меня, то эти четыре дня бессознательного состояния показались мне одним мгновением. Хорошенькое дельце! Только

представь, все они считали, что я умерла и хотели предать мое тело огню. При этом Учитель телеграфировал Олькотту из Бомбея: «Не бойтесь, она не больна, а отдыхает, с ней все будет хорошо». Учитель был прав. Он знает все, и в самом деле я была абсолютно здорова. Единственное, что я ничего не помнила. Я встала, потянулась, выслала их всех из комнаты и села писать. Ужасно представить, сколько накопилось работы. Я не могла найти ни одной мысли для писем.» [19, март, 1895]

«Е.П.Б. по различным причинам вынуждена была стать американской гражданкой.[64] Это очень беспокоило ее, так как подобно всем русским она была страстно предана своей стране», — вспоминала ее племянница миссис Джонстон в журнале «The Path». Е.П.Б. писала своей тете госпоже Фадеевой:

> «Моя дорогая, я пишу тебе, потому что меня теснят странные чувства. Сегодня, 8 июля, знаменательный день для меня, но только одному Богу известно, добрый это знак или дурной. Сегодня ровно пять лет и один день, как я приехала в Америку, и вот сейчас я пришла из Верховного Суда, где принимала присягу в верности Американской Республике. Теперь я равноправная с самим президентом Соединенных Штатов гражданка… Это все прекрасно: такова моя оригинальная судьба; но до чего противно было повторять за судьей тираду, которой я никак не ожидала, — что-де я, отрекаясь от подданства и повиновения Императору Всероссийскому, принимаю обязательство любить, защищать и почитать единую конституцию Соединенных Штатов Америки… Ужасно жутко мне было произносить это подлейшее отречение!.. Теперь я пожалуй, политическая и государственная изменница?.. Приятно!.. Только как же это я перестану любить Россию и уважать Государя?.. Легче языком сболтнуть, чем на деле исполнить». [19, февраль, 1895]

В интервью газете «New York Star» 28 июня 1878 года по поводу приближающегося события (она была первой русской женщиной, натурализовавшейся в Соединенных Штатах), Е.П.Б. сказала: «Американцы лучше, чем русские, они с большим почтением относятся к женщинам».

— «Вы являетесь сторонницей избирательных прав для женщин?»

— «Я не хочу голосовать сама, но не вижу причины запрещать это. Все женщины должны иметь это право. В моих бумагах сказано, что я являюсь гражанской, а разве не все в этой стране

свободны и независимы? Женщины в России имеют право голоса, и это не привилегия, они обязаны это делать. Я поражена, что здесь все по-другому. Но я не вижу большой разницы между теми, кто голосует и кто лишен этой возможности. Замужем? Нет, я вдова, счастливая вдова и слава Богу! Я не стала бы рабой и самому Всевышнему не то, что человеку.» [22]

После ее прибытия в Индию в 1879 году, (которое могло стать невозможным из-за ее русского подданства) она некоторое время подозревалась как русская шпионка. Вопрос о ее гражданстве обсуждался в печати. Она дала пояснение по этому поводу в «The Bombay Gazette» в мае 1879 года:

> «В тот день, когда я вернулась после месячного путешествия, американский Консул показал мне две газетные заметки: одна из ваших газет, называющая меня «русской баронессой» и другая в «Times of India», автор которой хотел блеснуть остроумием, но преуспел только в дерзости и клевете. В этой заметке обо мне говорят, как о женщине, называющей себя «русской принцессой»…

«Моя задача сейчас устроить нагоняй «Gazette» за то, что она напялила на мою непокорную голову корону баронессы. Запомните раз и навсегда, что я не «графиня», не «принцесса» и даже не скромная «баронесса», по крайней мере не обладала этими титулами до июля. В то время я стала обыкновенной гражданкой Соединенных Штатов Америки — титул, которым я дорожу больше, чем любым другим, дарованным мне Королем или Императором. Будучи ею, я не могла быть ни кем иным, если бы и пожелала; так как каждому известно, что если бы я и была принцессой королевской крови, то принеся клятву на верность, я потеряла право на все благородные титулы.

Помимо этого пресловутого факта, мой личный опыт, и в частности по поводу всех этих павлиньих перьев, укрепил мое презрение к титулам, поскольку ясно, что русские князья, польские графы, итальянские маркизы и германские бароны имеют гораздо большее влияние у себя на родине, чем за ее пределами. Позвольте мне заявить «Times of India» и стае других злобных мелких газетенок, занятых поисками макулатурных сенсаций, что никогда не имела титулов и всем могу доказать, что являюсь честной женщиной, гражданкой Америки, страны, принявшей меня, самой свободной страны в мире.» [23, август, 1931]

Основатели Теософического Общества покинули Америку 19 декабря 1878 года и прибыли в Бомбей 16 февраля 1879 года. Их

отъезд сопровождался большим переполохом в нью-йоркской прессе. Примером тому может служить статья в «New York Herald»:

РАСПРОДАЖА ЛЮБОПЫТНОГО

«Мадам Блаватская, автор «Разоблаченной Изиды», проживала в Нью-Йорке более пяти лет. Ее жизнь в основном прошла в восточных странах, она одна из немногих европеек с либеральными взглядами, ставшая на путь ориенталистики не только в склонностях, но и в религии.

Ее дом за последние два года стал центром движения современной мысли, привлекшей внимание всего мира. В исследованиях спиритизма она рассматривала феномены как подлинные, объясняя их даже более удивительной философией, чем сами спиритуалисты.

Под ее руководством было основано Общество, объединившее тех людей, кто, действительно, верил в магию и кто преуспел в ее изучении. История Розенкрейцеров повторилась в Нью-Йорке. Общество было тайным, но общественность получила достаточное представление о предмете, возбудившем сильную оппозицию и насмешки в различных слоях. Обосновавшись в квартире на 8-й Авеню и 47-й Стрит, мадам Блаватская обставила ее самым любопытным образом и в каждой комнате расположила странные трофеи своих путешествий. Всевозможные редкости от сиамских идолов до парижских безделушек переполняли гостиную, чучела животных и тропические растения красовались по углам. Дом был всегда открыт и для друзей и для их друзей, это был Дом Свободы. Диспуты на религиозные и философские темы всегда были здесь в порядке вещей, каждый был свободен в своих высказываниях, и это не являлось привилегией. Сюда приезжали со всех концов света, а также частыми посетителями были некоторые известнейшие люди Нью-Йорка.

«Разоблаченная Изида», опубликованная год назад, обратила на себя внимание своим вызовом догматизму религии и современной науки и привлекла большое количество ученых в «Ламасери». Среди ее ближайших друзей — философ доктор Д. А. Вейс и профессор Александр Вильдер, княгиня Раковиц (ныне жена нью-йоркского журналиста) и графиня Пашкова входили в число ее титулованных гостей. Генерал армии Соединенных Штатов Даблдей, Джон Л. О. Шулливан, экс-министр Португалии и его жена встречались там с епископом

методистской церкви, католическими священниками, художниками, артистами, писателями-атеистами, журналистами, спиритуалистами, врачами, масонами и другими выдающимися людьми.

Генерал Чейл Лонг, исследователь Африки, друг дяди мадам Блаватской, генерала Фадеева, русского военного и дипломата, любимца Великого Князя Александра, был частым гостем в «Ламасери». Масоны высокого ранга часто бывали там, так как эта дама к своим разносторонним интересам прибавила знание масонства, непревзойденное многими Великими Мастерами. Она получила диплом из Англии, высланный ей Джоном Яркером, о высшем посвящении по Обряду Мемфиса.

Социальная значимость этих вечеров в маленькой гостиной в большой степени способствовала успеху движения. Общество приобрело всемирную известность. Английские, немецкие, турецкие, индийские и русские газеты многократно упоминали о нем. Поскольку отделения Общества возникли по всему миру, была налажена связь с Арья Самадж в Индии, которая является великой реформаторской силой в Ведийском Обществе. Мадам Блаватская признает свою связь с тайными обществами Востока; она постоянно говорила, что как только выполнит свою миссию в Америке, то сразу же вернется в Индию. По ее словам это время пришло, и отъезд не будет отложен ни на один день. Поэтому аукционный флаг развевался у ее двери, и все ее редкости еще не проданы по наивысшей цене.» [22]

Несмотря на свое американское гражданство госпожа Блаватская всегда оставалась истинной русской патриоткой. Ее сестра Желиховская писала: «Наступила война России с Турцией, и не стало покоя Елене Петровне. Ее письма, написанные в 1876—1877 годах переполнены тревогой за своих соотечественников и страхом за своих близких родственников, принимавших в ней активное участие[65]. Она забыла свои антиматериалистические и антиспиритуалистические статьи, чтобы направить огонь и пламя против врагов русской нации…

Когда она услышала о знаменитой речи Пия IX, в которой он наставлял верующих, что «рука Божия может руководить и мечом баши-бузука» и дал свое благословение мухаммеданскому оружию, используемому против языческой ортодоксальной Греческой Церкви, она заболела. Затем она разразилась серией таких язвительных статей, что вся американская пресса приковала к ним свое внимание, и папский нунций в Нью-Йорке, шотландский кардинал Мак-Клоски, счел необходимым послать священника для переговоров с ней. Он мало выиграл от этого тем не менее, а Блаватская написала об этом в своей следующей

статье, сказав, что она попросила бы этого прелата быть настолько любезным, чтобы обратиться к ней через прессу, и она тогда наверняка ответит ему…

Все заработанные ею деньги за статьи в русских газетах, а также первые выручки за публикацию «Разоблаченной Изиды» были отосланы в Одессу и Тифлис для раненых солдат и их семей или в Общество Красного Креста. В октябре 1876 года она дала новый пример своих способностей к ясновидению. У нее были видения того, что происходило на Кавказе на границе с Турцией, где ее двоюродный брат Александр Витте, майор Нижегородского драгунского полка едва избежал гибели. Она упоминала об этом факте в одном из писем к своим родственникам. Когда она, как и прежде, описывала нам призраки людей, предупреждавших ее о своей смерти за несколько недель до того, как об этом можно было узнать из официальных источников, мы были не сильно удивлены.» [15, январь, 1895]

«Узнав о смерти Императора (царя Александра II), она писала мадам Желиховской:

> «Господи! Что ж это за ужас? Светопреставление, что ли, у вас?.. Или сатана вселился в исчадия земли нашей русской! Или обезумели несчастные русские люди?.. Что ж теперь будет? Чего нам ждать?!.. О, Господи! Атеистка я, по-вашему, буддистка, отщепенка, республиканская гражданка, — а горько мне! Горько. Жаль царя-мученика, семью царскую, жаль всю Русь православную!.. Гнушаюсь, презираю, проклинаю этих подлых извергов — социалистов. Пусть все смеются надо мной, но я, американская гражданка, чувствую к незаслуженной, мученической смерти царя Самодержавного такую жалость, такую тоску и стыд, что в самом сердце России люди не могут их сильнее чувствовать».

Е.П.Б. была удовлетворена, что журнал «The Pioneer» (в Аллахабаде) напечатал ее статью о смерти царя и сообщила об этом своей сестре: «Я отдала туда все, что могла вспомнить, и представь себе, они не выбросили ни одного слова и некоторые другие газеты перепечатали это. Но все равно, первое время, когда я пребывала в скорби, многие спрашивали меня: «Что это значит? Разве вы не американка? Я так разозлилась, что послала что-то вроде отповеди в «Бомбей газетт»:

«Не как русская подданная надела я траур, — написала я им, — а как русская родом! Как единица многомиллионного народа, облагодетельствованная тем кротким и милосердным человеком, по которому вся родина моя оделась в траур.

Я этим хочу высказать любовь, уважение и искреннее горе по смерти Царя моих отца и матери, сестер и братьев моих в России!» Эта моя отповедь заставила их замолчать, но перед тем две или три газеты решили использовать данное обстоятельство, чтобы поиздеваться над «Теософистом» за его траурное оформление.[66]

Теперь они знают причину и могут отправляться к дьяволу».

Получив фотографию мертвого царя в гробу, Е.П.Б. писала Фадеевой 10 мая 1881 года: «Как посмотрела я на него, верь, не верь — должно быть, помутилась рассудком. Неудержимое что-то дрогнуло во мне, — да так и толкнуло руку и меня саму: как перекрещусь я русским большим крестом православным, как припаду к руке Его, покойника, так даже остолбенела… Это я-то — старину вспомнила — рассентиментальничалась. Вот уж не ожидала.» Это настоящее бедствие: представь, даже сейчас я не могу спокойно читать русские газеты! Я стала постоянным источником слез, мои нервы совсем никуда не годятся!» [19, апрель, 1895]

В письме от 1879 года, напечатанном в журнале «The Path» в марте 1895 года Е.П.Б. писала: «Из Симлы я написала статью в «Новое Время» под названием «Правда о племяннике Нана Сахиба». Я собрала самую подробную информацию об этом негодяе. «Голос» постоянно передает письма, написанные этим лгуном, как будто специально для того, чтобы спровоцировать Англию на войну с Россией. И «Новое Время» пренебрегло моей заметкой. По какой причине? Она правдива и написана независимым корреспондентом. Кто бы мог подумать, что они не поверят в добрые намерения их соотечественницы, русской, стоящей у самого истока информации об этой фальшивке.

…И все-таки наши газеты не захотели напечатать мои статьи!»

Госпожа Писарева тоже обращает внимание на этот факт: «Из всех ее литературных трудов, открывших Западной Европе оккультные учения древнего Востока, только одна книга «Голос Безмолвия» была до последнего года переведена на русский язык [написано для «Theosophist» в январе 1913 г.]; а ее литературное имя Радда Бай известно только по индийским очеркам, опубликованным в «Русском Вестнике» в начале 80-х годов под названием «Из Пещер и Дебрей Индостана».»

Миссис Джонстон продолжает: «Несмотря на отсутствие учтивости со стороны русских газет по отношению к Е.П.Б., она всегда подписывалась на многие русские журналы и газеты; и не имея возможности прочесть их за день, она отрывала время от пяти-шестичасового ночного отдыха, желая знать, что

происходило в ее родной стране. Получение одной из этих газет дало повод для следующего психологического эксперимента осенью 1880 года. В письме Фадеевой Е. П.Б. благодарила ее за присланные ей газеты:

> «Что за интересная вещь произошла недавно со мной! Я получила твою посылку с газетами «Новое Время» и легла спать немного после десяти (ты знаешь, я встаю в пять). Взяв первую попавшуюся газету, я задумалась об одной санскритской книге, которая, я полагала, поможет мне высмеять Макса Мюллера в своем журнале. Так что, как видишь, я думала совсем не о тебе. Газета все время лежала у моего изголовья, немного закрывая мой лоб.
>
> Сразу же я переместилась в какой-то странный и в то же время знакомый дом. Комната была мне незнакома, а стол в центре ее — старым знакомым. За этим столом я увидела тебя, мой дорогой друг, с сигаретой и в глубокой задумчивости. Стол был накрыт к ужину, но в комнате никого больше не было. Правда, мне показалось, что я увидела мельком тетю[67], выходящую из комнаты. Затем ты подняла руку, и взяв со стола газету, положила ее в сторону. Но я успела прочитать заголовок «Одесский Вестник», после чего все исчезло.
>
> Во всем происходящем не было ничего странного, но кое-что все-таки было. Я была абсолютно уверена, что это был тот самый номер «Нового Времени», который я взяла. Увидев на столе черный хлеб, мне настолько захотелось попробовать хотя бы крошечный кусочек, что я почувствовала во рту его вкус. Я подумала: «Что все это значит?» Откуда может быть такое представление? И чтобы избавиться от неудовлетворенного желания я развернула газету и начала читать. О, Боже! Это действительно был «Одесский вестник», а не «Новое Время». Более того, к нему прилепились крошки долгожданного хлеба!
>
> Таким образом, эти фрагменты, возникшие от прикосновения ко лбу, передали моему сознанию всю сцену, произошедшую в определенный момент и запечатленную в газете. В этом случае крошки ржаного хлеба сыграли роль фотоаппарата. Эти высохшие крошки доставили мне такую радость, перенеся меня на мгновение к вам. Я вдохнула атмосферу дома и с восторгом лизнула самый крупный кусочек, что касается

маленьких — все они здесь. Я счистила их с бумаги и послала их обратно тебе. Пусть они вернутся домой с частицей моей души. Может быть, это немного глуповато, но искренне.» [19, ноябрь, 1895]

Она писала сестре Вере: «Люди называют меня и я должна признать, что сама называю себя язычницей. Я просто отказываюсь слушать, как люди говорят о несчастных индусах или буддистах, обращенных в англиканское фарисейство или папское христианство, это приводит меня в содрогание. Но когда я прочла о появлении русского Священника в Японии, мое сердце ликовало. Объясни, это, если можешь. Меня тошнит от одного только вида иностранного священника, но знакомая фигура русского попа воспринимается мной без всякого усилия… Я не верю никаким догмам, я не люблю всякие ритуалы, но мои чувства к нашим церковным службам совершенно другие. Я склонна считать, что у меня в голове не хватает седьмой извилины, возможно, это у меня в крови…

Я конечно, всегда скажу: в тысячу раз предпочтительнее буддизм, который является чистым моральным учением, абсолютно гармонирующим с проповедями Христа, чем современный католицизм или протестантизм. Но с верой в Православную русскую церковь не сравню я даже буддизм. Это сильнее меня. Такова моя глупая противоречивая натура». [19, ноябрь, 1895]

Может быть, «глупая» и «противоречивая», но это окончательно подтверждает, что Елена Петровна Блаватская по крайней мере иногда находилась в своем собственном теле.

Глава 39
Кем была Е. П. Б.?

По словам полковника Олькотта, одной из причин, побудивших его написать книгу «Страницы старого дневника» было желание «оставить для будущего как можно более точное описание великой и загадочной личности Елены Петровны Блаватской, одного из создателей Теософического Общества…»

«Я знал ее как соратника, друга — в личностном плане; все наши коллеги являлись ее учениками, случайными знакомыми или просто корреспондентами. Никто не знал ее так близко, как я, так как никто, кроме меня, не наблюдал многочисленные изменения в ее настроении и в состоянии ума, изменения ее личных качеств. Обычная Елена Петровна, с ее неизменным русским нравом, только что приехавшая из богемного Парижа и «Мадам Лаура», замечательная пианистка, чьи лавровые венки и букеты цветов не увядали во время ее концертов в 1872—1873 годах в Италии, России и других странах мира — были мне хорошо знакомы, так же как и позднее Е.П.Б. Теософии…

Именно потому, что я знал ее намного лучше других, она была для меня более загадочной, чем для всех окружающих… Какая часть ее сознательной жизни принадлежала только ей самой, а какая часть исходила от некоей сущности, оставшейся в тени? Я не знаю. Если признать гипотезу, что она была медиумом Великих Учителей, и никем более, то загадка решается легко, так как в этом случае можно объяснить изменения ее ума, характера, вкусов, склонностей, о которых было упомянуто; тогда Е.П.Б. последних дней полностью соответствует Елене Петровне в Нью-Йорке и Париже, в Италии и в других странах, где она была в разные периоды своей жизни. Это подтверждает следующая запись (сделанная ее рукой в моем дневнике 6 декабря 1878 г.): «Мы, по-видимому, опять простудились. О, несчастное, трухлявое, старое тело!» Было ли это «трухлявое» тело свободно от своего истинного владельца? Если нет, то почему фраза была написана одним из вариантов ее настоящего почерка? Мы никогда не узнаем правду. Чем глубже я анализирую прошлое, снова и снова возвращаясь к этому вопросу, тем больший интерес возбуждает во мне данная загадка.» [18, т. II, с. VI]

«Один Махатма, сообщая мне о неких оккультных вещах, упоминал о Е.П.Б., как о «старом призраке». Другой раз, в 1876 г., Он писал о ней и «Брате внутри нее». Еще один Учитель спрашивал меня, между прочим, об ужасной вспышке гнева у

Е.П.Б., которую я (нечаянно) спровоцировал: «Вы хотите убить тело?» Он же в 1875 г. сообщал о «тех, кого представляет в оболочке» — слово подчеркнуто им.» [18, т. I, с.247]

«Были периоды, когда ее тело не было занято диктующими Махатмами; по крайней мере я предполагаю это, но подозреваю также, что никто из нас вообще не знал настоящую Е.П.Б., что мы просто имели дело с искусственно оживленным телом, истинная джива которого была убита в сражении у Ментаны, где она получила пять ужасных ран, была затем найдена в придорожной канаве и все посчитали ее мертвой. Нет ничего необычного в этом предположении.» [18, т. I, с.263]

«Разные Учителя в письмах ко мне упоминали о теле Е.П.Б., как об оболочке, занятой одним из них. В моем дневнике от 12 декабря 1878 г. и в письме Махатмы М. говорится: «Е.П.Б. беседовала с В. до двух часов ночи. Он готов поклясться, что наблюдал в ней три различные индивидуальности. Он знает это. Не желает говорить Олькотту, опасаясь, что Г.С.О. будет смеяться над ним!!!» Подчеркивание и восклицательные знаки поставлены Им. Упомянутый В. — это наш гость мистер Вимбридж.

Что касается записей в моем дневнике, сделанных другой рукой, я должен объяснить, что во время моего отсутствия, ежедневные пометки делала Е. П. Б. Описывая семерых посетителей, побывавших у нее вечером 13 октября, она отметила одного из них: «Доктор Пайк, едва увидев Е.П.Б., заявил, что никто еще не производил на него такого сильного впечатления. То он видит в Е.П.Б. шестнадцатилетнюю девушку, то столетнюю старуху, то бородатого мужчину!»

Той же рукой 22 октября записано: «Е.П.Б. оставила их (наших посетителей) в гостиной и вышла с Г.С.О. в библиотеку писать письма. N. (один Махатма) перешел наблюдать, вошел С. (другой Адепт) с указами от.'. завершить все (для нашего отъезда в Индию) к началу декабря». Другим измененным почерком 9 ноября Е.П.Б. написала: «Тело болит и нет горячей воды, чтобы умыть его.» 12 ноября рукою М. записано: «Е.П.Б. показала мне фокус, неожиданно потеряв сознание, чем сильно перепугала Бейтса и Уима. Применил величайшую силу воли, чтобы поставить тело на ноги».

14 ноября тем же почерком: «N. удрал, а М. вошел (имеется ввиду, что один вышел из тела Е.П.Б., а другой вошел в него). Пришел с определенными указаниями от.'. Необходимо ехать (в Индию) не позже пятнадцатого — двадцатого декабря. Другой Махатма 29 ноября писал, что он «ответил русской тетушке». … Заканчивая, чтобы долго не распространяться об этом, приведу записку Махатмы от 30 ноября: «Билл Митчел прибыл в полдень и

взял С. (Махатму М.) на прогулку. Пошли к Мэсси. Пришлось материлизовать рупии. Е.П.Б. вернулась домой в четыре часа».

«У меня имеются разные письма Махатм с намеками на то, что Е.П.Б. в своей индивидуальной оболочке иногда очень откровенно говорила о хороших и плохих особенностях своего характера.» [18, т. I, с.291] «Они также говорили об отсутствующей Е.П.Б., отличая ее от физического тела, которое они занимали». [18, т. I, с.247] «Насколько я понял, она сама одалживала свое тело, как одалживают, например, пишущую машинку, и переходила к другой деятельности в астральном теле. Определенная группа Адептов входила в ее тело и действовала им по очереди.» [18, т. I, с.246] Действительно, Е.П.Б говорила об этом, когда она и полковник Олькотт были в Лондоне на пути в Индию в январе 1879 года:

> «На следующий вечер, после обеда, Е.П.Б. объяснила нам и двум другим ее посетителям дуализм своей личности и закон, который это иллюстрировал. Она заявила напрямик, что может быть одной личностью в один момент и другой в следующий момент. Подтверждая это, она представила нам поразительное доказательство. Сидя у окна и положив руки на колени, она позвала нас, чтобы мы взглянули на ее руки. Одна была белой, как обычно, другая оказалась более длинной и с коричневой кожей индуса; затем, приглядевшись к ее лицу, мы с изумлением обнаружили, что волосы и брови тоже изменили свой цвет, из светло-каштановых они стали черные, как смоль! Могут сказать, что это было гипнотической майей, но зато какой великолепной, и без единого слова! Это могло быть и майей; но я вспоминаю, что на следующее утро ее волосы еще были несколько темнее их натурального цвета, а брови так и остались совсем черными. Она и сама это заметила, взглянув на себя в зеркало, после чего сказала мне, что забыла убрать все следы перемены, отвернулась и провела руками вдоль лица и волос два или три раза, повернулась ко мне и вновь предстала в своем естественном виде.» [18, т. II, с.7]

«Я использовал слово «одержимость», но прекрасно понимаю его ужасное несоответствие данному случаю. Как «одержимость», так и «завладение» означают, что злые духи и демоны пристают к живым людям… Но все же, существует ли другой термин в английском языке? Почему Ранние Отцы не придумали другого более подходящего термина кроме «заполнения», обозначающего

обладание, контроль, овладение человека добрыми духами. «И они наполнились Святым Духом и начали говорить на разных языках, когда дух дал им дар речи.» [18, т. I, с.266] «…Слово «Эпистасис» не подойдет нам, потому что оно означает «наблюдение, управление, господство, умение владеть». «Епифания» («Богоявление») не намного лучше, так как *епифания* означает озарение, проявление и т. д. У нас нет подходящего слова, а оно так необходимо на современной стадии психических исследований. На поиски его мы должны отправиться на Восток. Вселение одного живого человека в другого находится за пределами нашего западного опыта, у нас даже нет подходящего для этого термина, но в Индии многое известно и многое определено в психологической науке, в том числе и данное явление. Авиша — это процесс овладения, то есть, вхождение и контролирование тела живого человека (его дживы). Авиша бывает двух видов: когда амса Адепта или его астральное тело покидает его физическое тело и входит в физическое тело другого человека, то это называется Сварупавиша; но, когда своей sankalpa (силой воли) он влияет или воздействует на тело другого человека, передает ему свои мысли, вынуждая его делать то, что было бы невозможно осуществить без такого вмешательства, например, говорить на незнакомом иностранном языке, понимать ранее неизвестные области знаний, мгновенно исчезать из поля зрения окружающих, превращаются в самые ужасные образы, такие как змея или какое-нибудь свирепое животное, — в таком случае это называется Шактиавиша.

Вот то, что нам нужно. Если мы взяли слово «Епифания» из греческого языка, то почему бы нам не согласиться с легким словом Авиша из санкскрита, ибо мы еще малые дети адептства и можем применить его в нашей учебе? Оно применимо только при физическом общении живых людей или при заполнении и вдохновении живого человека высшим духовным существом; оно не должно обозначать вхождение в тело медиума души умершего человека и все феномены, производимые духом. Это называется грахана, и элементарный graham (гра-хум) — душа умершего; это же слово используется для обозначения вхождения элементала или Духа Природы в живое тело». [18, т.1, с.266]

Полковник Олькотт рассуждает далее о термине Авиша и о различных формах вхождения в тела. Тем, кого заинтересовала эта тема, посоветуем обратиться к книге «Страницы старого дневника», т. I, гл. XVI. Представляет интерес отрывок из «Дневника индийского Челы», опубликованного В. К. Джаджем в журнале «The Path» в 1886 году и перепечатанного в «Theosophist» в июне 1928 года:

«Х. навестил нас. Он всегда говорит о себе «это тело». Он рассказал мне, что раньше находился в теле факира, и после того, как был ранен выстрелом в руку у крепости Бхартпур он вынужден был поменять свое тело, выбрав другое, в котором и находится в данный момент. В то время умирал семилетний ребенок, но еще до полной его физической смерти этот факир вошел в его тело, исцелил и использовал затем как свое собственное. В результате он совсем не тот, каким кажется. Как факир он изучал йогу в течение 65 лет; учеба была прервана после ранения, ибо это помешало ему выполнить свою задачу, и он вынужден был выбрать другое тело. В его сегодняшнем теле ему 53 года, а внутреннему Х. соответственно 118 лет… Ночью я слышал его беседу с Куналой, из которой следовало, что у них был один и тот же Гуру, величайший адепт, чей возраст 300 лет, а выглядит он только на 40!..

После того, как я закончил свою работу и собрался уже возвращаться, мне повстречался бродячий факир, который попросил показать ему дорогу в Карли. Я указал направление, а он задал мне несколько вопросов, из которых стала ясна его осведомленность в моих делах. Некоторые его вопросы вынудили меня передать ему слова, сказанные Куналой перед его уходом из Бенареса с указанием оставить их в тайне. Кунала сказал: «Вы не узнаете меня, но мы еще можем встретиться». Вернувшись домой и застав Х. одного, я рассказал ему случай с факиром. Он ответил, что это был не кто иной как сам Кунала, использовавший для своих целей тело факира, и, если я вновь встречу его, он не узнает меня и не сможет повторить свои вопросы, так как в тот момент его телом владел Кунала, часто проделывающий подобные вещи. Я спросил, в самом ли деле Кунала занял тело факира, на что Х. ответил, что если я имею в виду действительное вхождение в тело, то его не было, но если бы я спросил, влиял ли Кунала на чувства факира, заменяя их своими собственными, то ответ был бы положительным; он предоставил мне самому делать выводы. [Это пример Шактиавиши.]

Вчера мне посчастливилось наблюдать процесс вхождения в пустое тело и процесс использования тела, имеющего владельца. Я обнаружил, что в том и другом случае результат был одинаков… Никому кроме Куналы я бы не позволил использовать мое тело для экспериментов. Я был абсолютно уверен, что он не только впустит меня обратно, но и не позволит никакому незнакомцу, человеку или гандхарве войти после него… Меня охватило такое чувство, как будто я вдруг оказался на свободе. Он был рядом и направил мой взгляд вниз, там, на коврике я

увидел свое тело, находившееся очевидно в бессознательном состоянии. Затем оно открыло глаза и приподнялось, так как направляющая сила Куналы двигала им. Мне даже показалось, что оно заговорило со мной. Вокруг него, привлеченные этим магнетическим влиянием, колыхались астральные формы, нашептывавшие мне, на ухо о необходимости войти тем же путем. Напрасно! Они оказались под влиянием флюидов Куналы. Я обернулся к нему, ожидая увидеть его в состоянии самадхи. Он улыбался, как ни в чем не бывало или как будто ушла всего какая-то часть его силы… Еще мгновение, и я снова стал сам собой, прикоснулся к коврику и почувствовал его прохладу, бхуты исчезли, Кунала заставил меня подняться». [Это случай Сварупавиши.]

Современником Е.П.Б. с которым иногда происходила авиша, был Бабу Мохини Мохун Чаттерджи. Е.П.Б. писала м-ру Синнету, что «Олькотт, возможно, отправится в Англию, и Махатма К. Х. посылает своего челу в облике Мохини, чтобы он объяснил лондонским теософам из Эзотерической Секции все или почти все спорные вопросы… Не спутайте Мохини, которого вы знаете, с приезжающим. В этом мире есть больше, чем одна Майя, невидимая ни вам, ни вашим друзьям. Посланец будет облачен как во внутренние, так и во внешние одежды. Dixit. (Я сказал).» [14, с.65]

В августе 1892 года в журнале «The Path» опубликовано ее письмо, в котором говорится: «Это было сделано потому, что я одна ответственна за результаты, одна я должна была принять карму в случае неудачи и никакой награды в случае успеха… Я видела, что Т. О. разобъется вдребезги или мне придется стать козлом отпущения. Что и произошло. Т. О. существует — *я убита*, уничтожены моя честь, слава, имя — все, что было близко и дорого Е.П.Б. Это *мое* тело, и оно обладает обостренными чувствами… Притворство? Никто из нас не был притворщиком. Как Е.П.Б., я могла в чем-то ошибаться. Но не я ли работала 40 лет не покладая рук, играя роли, рискуя своим будущим, принимая карму на эту несчастную внешность? Я служила ИМ, не имя даже права голоса. Е.П.Б. непогрешима. Е.П.Б. — это старое, больное, измученное тело, но это все, что есть у меня в этом цикле. Поэтому идите *по пути, который я указываю*, — за ним стоят Учителя, но не следуйте за мной или по моему Пути. Когда я умру и уйду из этого тела, тогда вы, возможно, узнаете всю правду. Тогда вы поймете, что никогда, НИКОГДА я не была притворщицей, никогда никого не обманывала, но часто позволяла людям обманывать самих себя». [23, ноябрь, 1907]

Если и остались какие-то сомнения относительно того, была

ли Елена Петровна в контакте с телом Е.П.Б., они обязательно рассеются, если вспомнит ее страстный русский патриотизм и приверженность Греческой Православной Церкви до самого конца своей жизни. Это видно из предыдущей главы. Однако следует заметить, что личность Елены Петровны Блаватской не совпадала с ее Внутренней Сущностью. Положение дел она отразила в 1882 г. в своем письме к А. П. Синнету:

> «Я полагаю, что миссис Гордон не будет разочарована, напрасно вызывая меня с помощью медиумизма. Пусть она наконец убедится, что никогда это не будет моим духом или чем-то отличным от меня, это не будет даже моей оболочкой, так как она давно исчезла.» [14, с. 38]

Возникает вопрос, когда же исчезла ее оболочка? Можно предположить, что мадам Блаватская отчасти принадлежала своему телу в период после его «гибели» в битве у Ментаны в 1864 г. до великого «психо-физического изменения» в Филадельфии в 1875 году. Учитель Серапис писал в то время полковнику Олькотту: «Ее силы в настоящее время находятся в состоянии перехода… Попытайтесь представить ее миру в ее подлинном виде, не Адепто, м а интеллектуальной писательницей…» С тех пор мадам Блаватская не была настоящим владельцем своего тела, его использовали другие. Подтверждение этой гипотезы находится в ее письме полковнику Олькотту от 24 февраля 1888 г.: «Бабаджи потерял свою личность, когда его отправили в Симлу к мистеру Синнету. Со мной происходило то же в Америке и ранее.» [22] Необходимо отметить, что Бабаджи, так же, как и она, встретил Стража Порога. [14, с. 187]

Когда А. П. Синнет и А. О. Хьюм в Индии имели тесные контакты с Е.П.Б. и просили ее оказать содействие в их связях с Адептами, то возникли недоразумения и неприятности. После особенно возмутительного случая в Симле, Учитель Кут Хуми осенью 1881 г. писал Синнету: «Я полностью осведомлен о факте обычной непоследовательности ее изложения, в особенности, когда она возбуждена и о том, что ее странное поведение делает ее, по вашему мнению, весьма нежелательной передатчицей наших сообщений. Тем не менее, любезные братья, вы, может быть, взглянете на нее совсем другими глазами, если узнаете истину; что этот неуравновешенный ум, кажущаяся нелепость ее речей и идей, ее нервное возбуждение, короче говоря — все, что считается нарушающим спокойствие трезво мыслящих людей, чьи понятия о сдержанности и манерах шокированы странными

вспышками ее темперамента, и что вам так противно, — она ни в чем этом сама не виновата. Несмотря на то, что еще не пришло время целиком посвятить вас в эту тайну; что вы еще не подготовлены к пониманию великой тайны, даже если вам ее расскажут, — все же, вследствие причиненной по отношению к ней великой несправедливости и обиды, я уполномочен немного приоткрыть перед вами занавес. Это ее состояние тесно связано с ее оккультной тренировкой в Тибете и вызвано тем, что она послана в мир, чтобы подготовить путь для других. После почти столетних бесплодных поисков нашим руководителям пришлось использовать единственную возможность послать европейское тело на европейскую почву, чтобы создать связующее звено между той страной и нашей. Вы понимаете? Разумеется — нет. Тогда, пожалуйста, вспомните то, что она пыталась объяснить, и что вы довольно сносно от нее усвоили, а именно факт семи принципов у совершенного человеческого существа. Ни один мужчина или женщина, если только они не являются посвященными «пятого круга», не может покинуть область Бод-Лас [В Тибете] и вернуться обратно в мир весь целиком, если можно так выразиться. Самое меньшее, одному из семи его саттелитов приходится остаться, и по двум причинам: первая — для создания необходимого связующего звена, провода для передачи; вторая — для полной гарантии, что некоторые вещи никогда не будут разглашены. Она не является исключением из правил; вы видели другой пример — человека с большим интеллектом, который вынужден был оставить одну из своих оболочек, и теперь его считают весьма эксцентричным. Поведение и статус оставшихся шести зависит от врожденных качеств, особенно психо-физиологических особенностей данного лица, от унаследованных идиосинкразий, которые современная наука именует «атавизмом».

Поступая в согласии с моими желаниями, мой Брат М. сделал вам предложение, если помните. Вам достаточно было принять это предложение и в любое время, по желанию, на час или более у вас была бы беседа с подлинным подвижником (baithooly), вместо того, чтобы иметь дело с психологическим калекой.» [16, с.203]

Е.П.Б. писала А. П. Синнету 17 марта 1882 года: «А теперь вы, действительно, думаете, что знаете меня, мой дорогой Синнет? Верите ли вы, так как вы думаете, что измерили мою физическую скорлупу и мозг, что такой проницательный аналитик человеческой природы, каким бы вы ни были, — может когда-либо проникнуть хотя бы под первые покровы моего действительного Я? Если вы верите, то очень ошибаетесь. Все вы

считаете меня неправдивой, потому что до сих пор я показывала Миру только подлинную внешнюю мадам Блаватскую. Это то же самое, как если бы вы жаловались на лживость скалы, покрытой мхом, сорными травами и грязью за то, что она снаружи имела надпись: «Я не мох и не грязь, покрывающая меня; ваши глаза обманывают вас, и вы неспособны увидеть то, что находится под внешней коркой и т. д.» Вы должны понять эту аллегорию. Это не хвастовство, потому что я не говорю, что внутри этой беспристрастной скалы находится роскошный дворец или же скромная хижина. Я говорю лишь следующее: вы не знаете меня; ибо, чтобы ни было внутри меня — это не то, что вы думаете; и поэтому судить обо мне, как о *неправдивой*, есть величайшая ошибка, и кроме того, вопиющая несправедливость; Я (мое внутреннее действительное «Я») нахожусь в заключении и не могу показаться такой, какой я являюсь в самом деле, даже если бы я этого и захотела. Почему же тогда меня должны считать ответственной за наружную дверь моей тюрьмы и за ее внешность, когда я ее и не строила и не отделывала?..

…Нет, вы не ненавидите меня; вы только чувствуете ко мне дружескую снисходительность, что-то вроде благожелательного презрения к Е.П.Б. Тут вы правы, поскольку вы знаете в ней лишь ту, которая готова развалиться на куски. Может быть, вы еще обнаружите вашу ошибку по поводу той другой, хорошо спрятанной моей части…» [16, с.465, 466]

Это объяснение, похоже, еще более усложнило загадку. Поэтому мы завершаем вопрос «Кем была Е.П.Б.?» с последним высказыванием Сфинкса, записанным на авторском листе ее рукописи «Голос Безмолвия»:

H.P.B. To H. P. Blavatsky with no kind regards. [68]

Хронологическая таблица

1831 г.

Родилась в Екатеринославле.

(12 августа, 30-31 июля по русскому стилю).

1834 г.

Рождение сестры Веры

1842 г.

Рождение брата Леонида.

Смерть матери, переезд к дедушке и бабушке.

1844—1845 гг.

Приезд в Лондон с отцом.

Так же во Францию и Германию.

1848 г.

Замужество в Джелалогли 7-го июля.

Побег в октябре.

Путешествие с графиней Киселевой.

Египетский Копт, Паоло Метамон.

1849 г.

Париж.

Побег от гипнотизера.

1850 г.

Константинополь.

Нашла раненого Митровича.

Второй брак отца.

Путешествие по Европе с графиней Багратион.

Поездка в Германию.

1851 г.

Новый год в Париже.

Лондон, проживание на Сесил-стрит, Стрэнд в отеле Миварт.

12 августа встреча с Учителем в Гайд-парке.

Из Канады в Новый Орлеан.

Через Техас в Мексику.

Получила наследство.

1852 г.

Прибытие в Бомбей в конце года с англичанином и индусом.

1853 г.

Первая попытка попасть в Тибет пресечена британским резидентом в Непале.

Южная Индия.

Ява.

Сингапур.

Англия, отъезд из-за Крымской войны.

Америка в конце года.

1854 г.

Из Нью-Йорка в Чикаго.

С караваном через горы.

Сан-Франциско.

1855 г.

Из Америки в Индию через Японию и проливы.

Приезд в Калькутту.

1856 г.

Встреча с Кюльвейном и друзьями в Лахоре.

Через Кашмир в Лех в Ладакхе.

Вторая попытка попасть в Тибет.

Через границу с татарским шаманом (монгольским ламой).

1857 г.

Учитель указал ей покинуть Индию из-за предстоящих неприятностей.

Из Мадраса на Яву на датском пароходе.

1858 г.

Лондон.

Франция.

Германия.

Россия, Псков в конце года.

1859 г.

Псков.

Санкт-Петербург.

Ругодево.

1860 г.

Вновь открылась рана. Тяжелая болезнь.

Отъезд в Тифлис весной.

Трехнедельное путешествие в экипаже из Москвы в Тифлис. Первая встреча с Илларионом.

1861 г.

Остановилась в Тифлисе.

Там же Митрович и его жена.

1862 г.

Странствия по Грузии, Имеретии и Мингрелии.

Получила паспорт от 23 августа «для посещения провинций Таврия, Херсон и Псков». Купила дом в Озооргетти.

1863 г.

Очень больна в Озооргетти, послана в Тифлис. Провела там три с половиной дня с генералом Блаватским.

(В письме к Бильеру во Францию говорит, что год.)

1864 г.

Киев.

Сербия.

Карпаты.

Италия, Греция, Египет, Тибет.

1865 г.

В Тибете с Учителем.

1866 г.

В Тибете с Учителем.

1867 г.

Италия.

Взяла ребенка в Болонье.

Смерть ребенка по пути в Россию.

Возвращение в Италию с тем же паспортом. Ранение в битве у Ментаны 2-го ноября.

Флоренция, Рождество.

1868 г.

Из Флоренции в Антемари.

Ожидание в горах на пути к Белграду.

Константинополь, через Сербию и Карпаты. («Двойник-убийца».)

Возвращение в Тибет. Первая встреча с Махатмой К.Х.

1869 г.

В Тибете с Учителем.

Смерть сеньоры Терезии Митрович (возможно) 7-го апреля.

1870 г.

Поиски Митровичем Е. П.Б. в Египте по поручению тети, мадам Фадеевой. 11 ноября получение тетей письма К.Х.

В декабре Е.П.Б. на одном из первых пароходов пересекает Суэцкий канал.

1871 г.

Кипр, встреча с Илларионом, предсказавшим смерть Митровича.

21 июня взрыв на корабле «Евмония». Александрия.

Каир — мисс Эмма Каттинг (Куломб).

«Спиритуалистическое Общество», копт Паоло Метамон.

1872 г.

Смерть Митровича 19 апреля.

В Каире до апреля.

Сирия, Палестина, Пальмира.

Одесса, Россия — май, 18 месяцев после письма.

В Бухаресте навестила мадам Попеско.

1873 г.

Март Из Одессы в Париж.

Июнь Из Парижа в Нью-Йорк по Указу.

Июль 7 Прибытие в Нью-Йорк.

Июль 15 Смерть отца.

Октябрь 29 Телеграмма от сестры Элизы, наследство.

1874 г.

Июнь 22 Партнерские статьи на ферме в Лонг-Айленде.

Июль 1 Партнерство начинается. Е.П.Б. едет жить на ферму.

Сентябрь 17 Полковник Олькотт едет в Читтенден, Вермонт, в дом Эдди.

Октябрь 14 Е.П.Б. отправляется туда же. Возвращается на 16-ю стрит, 124, Нью-Йорк.

Ноябрь Писала полковнику Олькотту с просьбой получить журналистскую работу. Он заехал к ней в Нью-Йорк на Ирвинг Плейс, 236.

Декабрь Они оба в Хартфорде обсуждают вместе с издателем его книгу «Люди с того света».

1875 г.

Январь Адрес полковника в Нью-Йорке: Бикман стрит, 7.

Е.П.Б. упала на тротуаре в Нью-Йорке и повредила колено.

Январь 4 Полковник прибыл в Филадельфию, где уже находилась Е.П.Б. и присоединился к ней у миссис Мартин, Жирард-стрит, 3.

Они исследовали медиумов Холмсов и доктора Чайльда. Позднее сформировался исследовательский комитет.

Январь 25 Последний сеанс полковника в Филадельфии.

Январь 29 Полковник в Гаване, Нью-Йорке исследует медиумизм миссис Комптон.

Февраль «Джон Кинг» начинает свой собствен ный портрет для генерала Липпита.

Февраль 13 Е.П.Б. пишет генералу Липпиту, что ей на ногу упала кровать, когда она пыталась ее передвинуть.

Февраль 22 Она пишет генералу Липпиту, что с ногой плохо.

Март 1 Полковник в Хартфорде; его книга выйдет через десять дней. Полковник едет в Бостон.

Март 9 Е.П.Б. пишет генералу Липпиту, что она очень больна и несчастна. Желает отправиться «домой наверх».

Март 9 Полковник принят Неофитом. Письмо послано ему Туитит Беем.

Март 16 Е.П.Б. приказано разоблачить доктора Чайльда.

Март 22 М. К. Бетанелли пишет генералу Липпиту, что они живут на Сэнсом стрит, 3420; (следовательно, вступили в брак), он надеется открыть большую торговлю с Россией; удивительные манифестации происходят в доме ежедневно.

Март 24 Е.П.Б. пишет генералу Л., что Колби из «Banner» отказался от ее статьи, и просит зайти к Э. Д. Брауну, издателю «Spiritual Scientist» в Бостоне, чтобы оказать содействие в

публикации статьи, отосланной ею Брауну. Книга Олькотта производит фурор.

Апрель 2 Е.П.Б. в Бостоне, послала генералу Л. портрет Джона Кинга.

Апрель 12 Она в Филадельфии, там же и полковник, по крайней мере, с 4-го по 22-е. до 17-го Она пишет генералу Л., что с ногой хуже;

Джон лечил ее и предписал трехдневный отдых. Она нарушила его указание, в результате — ухудшение. Она завершила «Послание из Люксора».

Апрель 17 Послание из Люксора под заголовком «Специально для Спиритуалистов» по является в «Spiritual Scientist».

Апрель 17 Она пишет генералу Л., что должна ехать в Риверхед 26-го августа, т. к. там состоится судебное разбирательство, поэтому она не может ехать в Бостон.

Май 1 Е.П.Б. пишет генералу Л. из Нью-Йорка, что выиграла тяжбу и пять тысяч долларов из того, что потеряла. Дальнейшие затруднения. Сразу возвращается в Филадельфию.

Май 21 Начался паралич ноги. Ей доверено обучение его (Г.С.О.), но она желала бы большего… Ложа пришлет на этой неделе письмо с дальнейшими инструкциями.

Май 24 Пишет Аксакову, что к ним пришло несчастье; паника в стране. Книга Олькотта не продается.

Май 26 Отсылает Бетанелли. Угроза ампутации ноги.

Май 27 Заметка в «Spiritual Scientist», что двое или более восточных спиритуалистов проследовали через Нью-Йорк и Бостон в Калифорнию и Японию. Е.П.Б. говорит, что это Илларион и Атриа. М. ежедневно появляется в Кама Рупа.

Май 27 В «Spiritual Scientist» также появляется заметка «Хорошие новости» с утверждением, что «Клуб Чудес» полковника Олькотта пользуется популярностью. Е.П.Б. по этому поводу комментирует, что ей приказано рассказывать правду о феноменах, и сейчас начнутся ее муки. Учитель Серапис пишет полковнику, что она в большой опасности, должна победить или умереть; перед лицом «угрозы» «Ат(риа) и Илл(арион)» отправились обратно в Калифорнию и Японию.

Июнь 18 Бетанелли пишет генералу — она очень больна; все последние часы в состоянии транса, доктора трижды заявляли, что она умерла, говорит, что по ночам она посещает «комнату духов».

Июнь 19 Она пишет генералу Л., что «устала от всех этих смертельных мучений. Хотела бы умереть раз и навсегда».

Июнь 22 Учитель Серапис пишет полковнику, что «ее чаша горечи полна» и просит полковника успокоить ее.

Июнь 22 Объявление для медиумов о поездке в Россию появляется в «Spiritual Scientist».

Июнь 25 Учитель Серапис просит полковника писать ей ежедневно.

Июнь 30 Она пишет генералу Л., что ее здоровье все еще в плохом состоянии, но опасность миновала, и она должна ехать в Бостон, несмотря на хромоту. Полковник Олькотт в Бостоне.

Июль 7 Она пишет генералу Л., что уезжает с миссией установить ущерб, нанесенный Р. Д. Оуэну доктором Чайльдом. Увидит его в Бостоне.

Июль 15 «Мой первый оккультный опыт» — не сколько вопросов к «Хирафу» — написано в Бостоне. Она и полковник — гости мистера и миссис Хоуттон. Они иссле дуют феномены миссис Тейер.

Учитель Серапис пишет полковнику: «Вы трое (с Брауном) должны вместе работать для вашего будущего. Постарайтесь помочь бедной женщине с разбитым сердцем.»

Учитель Серапис пишет полковнику: «Задача в Бостоне выполнена. Не разрешайте ей возвращаться в Филадельфию, а возьмите ее с собой в Нью-Йорк».

Август Адрес Е.П.Б. в Нью-Йорке: сначала Ирвинг-Плейс, 23, затем 46. Она и полковник исследуют феномены миссис Янг.

Сентябрь 7 Собрание на ее квартире, где оглашено образование Общества.

Сентябрь 10 Она пишет Аксакову об ужасных нападках на них со всех сторон.

Сентябрь 18 Второе заседание Общества; Доклад Комитета по Уставу и Постановлению. Принятие резолюции о названии Организации Теософическим Обществом.

Сентябрь 20 Она остановилась в Итаке у Корсонов на месяц.

Сентябрь 23 «Открытое письмо», на которое решились бы немногие — Мадам Блаватская своим корреспондентам». В «Spiritual Scientist»

Ноябрь 17 Вступительная речь полковника Олькотта как Президента Теософического Общества, Мотт Мемориал Холл, Нью-Йорк.

1877 г.

Публикация «Разоблаченной Изиды» в сентябре или октябре в Нью-Йорке.

1878 г.

Май 25 Развод с М. К. Бетанелли. Июль 8 Стала американской гражданкой, при няв присягу на верность США.

Декабрь 18 Е.П.Б. и полковник отплыли из Нью-Йорка в Индию.

1879 г.

Февраль 16 Прибытие в Бомбей после двухнедельной остановки в Англии.

Апрель Они посещают Пещеры Карли и Раджпутана.

Октябрь Основан «Theosophist»

Декабрь 4-30 Они навещают мистера и миссис Синнет в Аллахабаде.

1880 г.

Май 7 Они отплыли из Бомбея на Цейлон с группой из шести О.Т.О.

Май 25 Они получили Панчашилу (пять буддийских обетов) в Галле, Цейлон.

Июль 14 Они отплыли из Галле обратно в Индию.

Сентябрь 8 В Симле, навещает Синнетов.

Октябрь 21 А. О. Хьюм посылает первое письмо Учителю К. Х. через Е.П.Б. и получает ответ от Махатмы, начало «Писем Махатм».

Декабрь 1 Они едут в Аллахабад навестить Синнетов.

Книга Е.П.Б. «Из пещер и дебрей Индостана» опубликована в России.

1881 г.

Февраль 19 Архат Илларион посетил Основателей в Бомбее на пути в Тибет.

Март Мистер и миссис Синнет едут в Англию.

Июнь Мистер Синнет возвращается.

Сентябрь 30 —

Декабрь 1 Учитель Мориа в своем физическом теле посещает Основателей в Бомбее.

Октябрь Е.П.Б. посещает Симлу, Умбаллу, Дехра Дан.

Ноябрь Е.П.Б. находится несколько дней в Аллахабаде. «Оккультный Мир» Синнета опубликован в Англии.

1882 г.

Январь Миссис Синнет возвращается в Индию, оба посещают Основателей в Бомбее.

Март Е.П.Б. навещает Синнетов в Аллахабаде течение нескольких дней.

Апрель 6 Встреча Е.П.Б. с полковником в Калькутте.

Апрель 19 Они отплывают в Мадрас.

Апрель 23 Прибытие в Мадрас.

Май 3 Они отправились вниз по Букингемскому каналу на лодке, основали Неллоре Лодж.

Май 31 Они посещают Хаддлстоун Гарденз в Адьяре. Принято решение купить его как Штаб-квартиру Т. О.

Июнь 8 Они вернулись в Бомбей.

Июнь 16-24 Они в Бароде.

Сентябрь Е.П.Б. в Сиккиме с Учителем.

Ноябрь Она в Дарджиллинге с Учителем.

Декабрь 17 Основатели уезжают из Бомбея, чтобы занять резиденцию в Адьяре, Мадрас.

Декабрь 19 Прибывают в Адьяр. Опубликованы теософические книги: «Истинный путь» Анны Кингсфорд и «Заметки по эзотерической Теософии» А. О. Хьюма.

1883 г.

Февраль Синнеты проводят несколько дней в Адьяре по пути в Англию.

Июль 17 Е.П.Б. в Оотакамунде в доме генерала Моргана. «Эзотерический буддизм» Синнета опубликован в Англии.

1884 г.

Февраль 7 Е.П.Б. уехала в Вадхван, Варел и т. д. По пути в Бомбей. Е.П.Б. и полковник отплыли в Европу из Бомбея с Мохини М. Чаттерджи и Падшахом на пароходе «Чандернагар».

Март Ницца, Париж.

Апрель В Лондоне у Синеттов.

Май Куломбы удалены из Адьяра Контрольным Советом.

Июнь, июль Г. Шмихен написал портреты двух Учителей в Лондоне.

Июль 24 Е.П.Б. со своими спутниками прибыла в Эльберфельд в дом Гебхарда.

Июль 26 В. С. Соловьев прибыл туда же.

Июль 31 Прибыли Ф. В. Г. Майерс и его брат.

Сентябрь 10 Дамодар написал о заговоре мадрасских миссионеров совместно с Куломбами.

Сентябрь 15 Г. Шмихен приехал, чтобы написать портрет Е.П.Б.

Сентябрь 28 Отъезд Н. А. Фадеевой после посещения Е.П.Б.

Октябрь 2 Приехали Синнеты для участия в обсуждении нападок Куломбов.

Октябрь 20 Полковник Олькотт отплыл в Мадрас.

Октябрь 31 Отплытие Е.П.Б. с мистером и миссис

Купер-Оклей из Ливерпуля в Египет на пароходе «Клан Маккарти». К.В.Л. Присоединился к ним в Египте.

Декабрь 17 Они прибывают в Коломбо.

Декабрь 21 Они прибывают в Мадрас.

Опубликован «Предварительный отчет Общества Психических Исследований».

Книга Е.П.Б. «Загадочные племена на Голубых Горах» опубликована на русском языке; «Идиллия Белого Лотоса» Мейбл Коллинз; «Человечество: фрагменты забытой истории» написано

двумя челами (М.М. Чаттерджи и миссис Холлуэй).

1885 г.

Январь Ходжсон в Адьяре проводит исследования для Общества Психических Исследований.

Январь 14 Полковник и К.В.Л. отплывают в Бирму.

Январь 28 Полковник получает телеграмму о своем отзыве из-за болезни Е.П.Б.

Февраль 5 Е.П.Б. на грани смерти.

Март 19 Полковник возвращается в Адьяр.

Март 29 Е.П.Б. уходит с должности секретаря Т. О.

Март 31 Она отплывает в Европу на пароходе «Тибер» с Бабаджи, доктором Францом Хартманом и Мэри Флин.

Апрель-июль Неаполь.

Июль Швейцария, на пути в Вюрцбург.

Август Вюрцбург, Германия, где ее навещают Синнеты и мисс Арундейл.

Декабрь 31 Опубликован «Отчет Общества Психических Исследований» и получен Е.П.Б. через Селлина.

Опубликована книга «Голос Безмолвия» Е.П.Б.; роман Синнета «Карма»; «Свет на пути» Мейбел Коллинз.

1886 г.

Май 8 Е.П.Б. покидает Вюрцбург.

Май-июнь Она в Эльберфельде с Гебхардами.

Июнь 24 Она приезжает в Остенд, Бельгия.

Опубликована книга Синнета «Эпизоды из жизни мадам Блаватской» и его роман «Единение».

1887 г.

Май 1 Е.П.Б. уехала из Остенда в Лондон.

Май 14 Она основывает Ложу Блаватской в Лондоне.

Сентябрь Она основывает журнал «Lucifer».

1888 г.

Е.П.Б. основала Эзотерическую Школу Теософии. Она была награждена Медалью Субба Роу в 1888 году за лучшее теософическое сочинение года — «Эзотерический характер Евангелий», опубликованное в журнале «Lucifer».

Была опубликована «Тайная Доктрина»; а также роман Мейбл Коллинз «Цветок и плод».

1889 г.

Опубликован «Ключ к Теософии» Е.П.Б.

Полковник Олькотт посетил Европу, прибыв в Лондон 24 сентября.

Май 8 Е.П.Б. скончалась в Лондоне.

Список использованной литературы

1. Блаватская Е. П. Из пещер и дебрей Индостана. СПб., 1912 (1-е изд. «Русский Вестник», 1880, 1884—1885).

2. Блаватская Е. П. Загадочные племена. Три месяца на «Голубых Горах» Мадраса. СПб., 1893 (1-е изд. «Русский вестник», 1884—1885).

3. Витте С. Ю. Воспоминания. т.1, М., 1960.

4. Соловьев В. С. Современная жрица Изиды. СПб., 1904 (1-е изд. «Русский вестник», февраль-декабрь, 1892).

5. Blavatsky H. P. Isis Unveiled. vol. 1-2.L., 1910 (first ed. N.Y., 1877).

6. Blavatsky H. P. Secret Doctrine, vol. 1-2, L., 1893 (first ed. L., 1888).

7. Blavatsky H. P. A Modern Panarion.

8. H.P.B.'s «Scrapbooks» («Альбомы» Е.П.Б.)

9. «The Canadian Theosophist.»

10. Early Teachings of the Masters of the Wisdom.

11. Hume A. O. Hints on Esoteric Theosophy. L., 1882.

12. Jinaradjadasa C. The Golden Book of the Theosophisal Society., Adyar.

13. Letters from the Masters of the Wisdom. Compiled by C. Jinaradjadasa, vol. 1-2, Adyar, 1925.

14. Letters of H. P. Blavatsky to A. P. Sinnett. Ed. by A. T. Barker. N.Y.-L., 1925.

15. «Lucifer». — V. P. Jelihovsky. Helena Petrovna Blavatsky.

16. The Mahatma Letters to A. P. Sinnett. Ed. by A. T. Barker. L., 1923.

17. Olcott H. S. People from Other World. Hartford, 1875.

18. Olcott H. S. Old Diary Leaves. vol. 1-2, L., 1892.

19. «The Path». — «Letters of H. P. Blavatsky». Transl. by V. C. Jonston.

20. Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky. L., 1913 (first ed. L., 1886)

21. Some Unpublished Letters of Helena Petrovna Blavatsky. Compiled by E.R.Corson., L., 1929.

22. The Theosophical Society Arhives.

23. «Theosophist».

24. The Tibetan Book of the Dead. Transl. by Lama Kazi Dawa Samdup. Ed. by M. Y. Evans-Wentz, Oxford, 1927.

25. Wachtmeister K.E. Reminiscences of H. P. Blavatsky and The Secret Doctrine., L., 1893.

notes

Примечания

1

Одна из способностей раджа-йогов (см. главу 14)

2

Ее сестра, В. Желиховская, писала: «Лишь спустя 10 лет, период, который был необходим для легализации ее развода с мужем, Блаватская вернулась в Россию».

3

Это было в 1848 г., а в 1851 г. она была в Англии и Америке.

4

«Однако она тайно имела общение с отцом, и отец принимал участие в обсуждении программы ее заграничных путешествий… Он снабжал свою беглянку-дочь деньгами, но никому не говорил, где она находится».

5

Эта фраза найдена в ее записной книжке, в которой она начала вести записи не позже 1851 года, может быть даже ранее, со дня свадьбы, так как далее она там отмечает свою первую встречу с Учителем, которая произошла в день ее двадцатилетия, то есть в 1851 году (см. главу 8).

6

В книге Г. С. Олькотта «Страницы старого дневника» названо его имя: «это Паоло Метамон». [18, т.1, с.23]

Здесь, по-видимому, ошибка, так как она сама говорила, что в этот приезд была одна.

8

Впечатления от этого путешествия и, быть может, также отдельные события из предыдущего, она собрала в книге «Из пещер и дебрей Индостана». Они составляют содержание 11, 12, 13 и 14 глав этой книги.

9

Буддистская троица — Будда, Дхарма и Сангха (Община) или Fo, Fa и Sengh, как их величают в Тибете. (Прим. Е.П.Б.)

Такие камни буддисты-ламаисты высоко ценят; ими украшен трон Будды; Далай-Лама носит такой камень на четвертом пальце; их можно найти в Алтайских горах и вблизи реки Ярхун (Yarkun). Мой талисман принадлежал раньше очень уважаемому жрецу-калмыку и дан мне в дар. Хотя бродячее племя калмыков считается отпавшим от первоисточника ламаизма, они поддерживают дружеские отношения с племенами Восточного Тибета и кукунорскими чокотами, а также и с лхасскими ламаистами. Не один раз нам случалось встречаться и знакомиться с этим народом в астраханской степи, так как не раз в юности мы останавливались и ночевали в их кибитках и были даже гостями у принца Тумена, их неудачливого предводителя. (Прим. Е.П.Б.).

11

Полковник Олькотт написал на полях принадлежавшего ему экземпляра книги «Из пещер и дебрей Индостана» слова: «Учителя не видели». [1, с.41].

12

Сравните с подземными коридорами, о которых говорится в 7 главе, и со следующим отрывком из «Тайной Доктрины»: «Великий Путь являет только Мудрый Змей, Змей, который теперь находится в пещерах под треугольными камнями». «Мудрые Змеи хорошо спрятали свои записи, и человеческая история записана как в небесах, так и под землей». «Адепты третьей, четвертой и пятой рас жили в подземных помещениях, обычно под каким-нибудь пирамидальным возвышением, если не под пирамидами». [1, с.104].

13

В русском издании книги «Из пещер и дебрей Индостана» главы названий не имеют.

Предположительно, что это происходило в ее первый приезд в Индию, в 1852—1853 гг.

15

Вера, тогда мадам Яхонтова, остановилась в Пскове у генерала Н. А. Яхонтова отца ее бывшего мужа. Она второй раз вышла замуж за М. Желиховского некоторое время спустя.

16

Подробно об этом написано в книге А. П. Синнета «Incidents in the Life of Mme Blavatsky» («Эпизоды из жизни г-жи Блаватской»), с. 75—77. [15, ноябрь, 1894]

17

Полковник Олькотт говорил, что эта рана открылась, когда Е.П.Б. была в Читтендене, в доме Эдди, в 1874 году. По его описанию, рана была нанесена стилетом, прямо у самого сердца.

18

Более подробно о «Мемуарах С. Ю. Витте» см. в главе 26.

Позднее об этих местах писал Н. К. Рерих в «Сердце Азии»:

«С древних времен лишь в немногих, особо просвещенных монастырях, были учреждаемы школы Шамбалы. В Тибете главным местом почитания Шамбалы считается Таши-Лунпо, а таши-ламы являлись распространителями Калачакры и всегда ближайше соединялись с понятием Шамбалы. Таши-ламы выдают так называемые разрешения на посещения Шамбалы».

«Ближе к области Шигадзе, на живописных берегах Брамапутры и в направлении к священному озеру Манасаровар, еще совсем недавно существовали ашрамы Махатм Гималаев… Здесь еще живут престарелые люди, которые помнят их личные встречи с Махатмами. Они называют их «Азары» и «Кутхумпа». Некоторые жители помнят, что здесь была, как они выражаются, религиозная школа, основанная Махатмами Индии». (Прим. перев.) [8, т. XIX, с.292]

«И еще, он пишет: «Она теперь говорит, что никогда не была тибетской монахиней»!!! Когда я говорила что-нибудь более абсурдное? Когда я сказала подобное хотя бы однажды?.. В Тибете настоящая «ани» (монахиня), принявшая обет, никогда не покидает монастыря, разве только совершая паломничество.

Я никогда не получала никаких инструкций от монахов, под «монастырской крышей»… Я могла жить в мужском ламаистском монастыре, как это делают тысячи не принявших обет мужчин и женщин, и я могла бы получить «инструкции» там. Каждый может добраться до Дарджилинга и всего в нескольких милях от него учиться у тибетских монахов, и под «монастырской крышей». Но я никогда не стремилась к этому по той простой причине, что никто из Махатм, чьи имена известны на Западе, не был монахом…» [8, т. XX, с.190]

20

Аум — мистический санкритский термин, обозначающий Троицу; мани святой драгоценный камень; падме в лотосе («падма» название лотоса); хум да будет так. Шесть слогов этой фразы соответствуют шести главным силам природы, излучаемым Буддхи (это абстрактное Божество, а не Гаутама) седьмым принципом альфой и омегой бытия. (Прим. Е.П.Б.)

21

«Мору» («чистейший») один из самых знаменитых монастырей Лхассы. Там Далай-лама пребывает во время большей части зимних месяцев. В течение двух-трех месяцев теплого времени года он находится в Фохт-ла. В Мору работает самая большая типография страны.

Или Гью-дэ — ред.

23

«Она никому, никогда не покорявшаяся, во всем, от раннего детства поблажавшая одной своей воле, чуть ли не в старости, по пятому десятку, нашла человека, господина и повелителя, перед волей которого безмолвно склонилась?.. Да еще какого человека! Какого-то колдуна, полумифического индуса с берегов Ганга!.. Я ничего не понимала!» (Прим. перев.)

24

Господь Сангьяс — Будда

25

Это первое из «Писем Махатм».

26

Где-то в другом месте она писала: «…умерла в 1870 году». Это должно быть правильнее, ибо она также писала: «Когда его жена умерла, он переехал в Одессу в 1870 г.

27

О ребенке см. главу 27. — Прим. ред.

28

Очевидно, речь идет о том, что говорили профессора Боткин и Пирогов в Пскове в 1862 году.

29

Это ошибка. Он умер 15 июля 1873 г. Она получила телеграмму слишком поздно, так как ее местонахождение не было известно ее семье в России.

30

Возможно, это была миссис Магнон.

31

Учение француцзских спиритов школы Кардека в нескольких важных пунктах отличалось от учения английских и американских спиритов, именуемых обычно «спиритуалистами» — прим. ред.

Вероятно, имеются в виду Учителя, о которых тогда она не могла говорить открыто.

33

Илларион Смердис, живший на Кипре архат.

Учитель К.Х.

35

Послание «Комитета Семи из Братства Люксор» (подробнее в главе 31).

Это объясняется тем, что Джон был выше ее в оккультной силе или по крайней мере равен ей.

37

Слово «пытайтесь» и картина, подаренная «Джоном», похоже, указывают на то, что генерал Липпит имел контакты с Братством.

38

См. главу 33.

О вкусах не спорят» (лат.).

40

Ее Учитель однажды писал м-ру Синнету: «Скажите ей [г-же Фадеевой, тетке Е.П.Б], что я — Хозяин (она звала меня Хозяином своей племянницы, когда я трижды посещал ее), случайно сказал вам, советуя написать ей и снабдить таким образом, вашим автографом, а также через Е.П.Б. выслать обратно ее портреты в Одессу, после того как покажете их вашей жене, ибо она [тетка] очень озабочена, чтобы получить их обратно, в особенности, то юное лицо… Это ее, как я знаю, первая «миловидная девушка». [16, с.254]

41

В июле 1874 года она приобрела на паях ферму в Лонг-Айленде. Полковник Олькотт вспоминал: «Случилось то, чего мы и ожидали: Е.П.Б. стала жить на ферме; не получала от нее доходов, был скандал, она залезла в долги, потом был подан иск, и через долгое время друзья помогли ей уладить это дело». [18, т.1, с.31] Рассказ об этом самой Е.П.Б. смотри в «Ранней истории Т. О.», опубликованной в журнале «Theosophist» в мае 1923 г.

42

Скорее всего она писала «Объявление для медиумов», опубликованное в «Spiritual Scientist» 22 июня 1875 года (см. главу 34).

43

Представляет интерес примечание м-ра Джинараджадаса о Страже: «В этих письмах, касающихся Е.П.Б., есть несколько сносок о «Страже Порога». Эта таинственная фраза встречается в книге «Занони» [автор Бульвер Люттон]. Очевидно, что вызов Стражу, с риском для собственного существования, это одно из испытаний Посвященного. В письмах нет ответа на вопрос какой же опасности подверглась Е.П.Б. во время этого тяжелого испытания» [13, т. II, с.21]

44

Сотрудник Секции Эллоры (Индийской) Великого Братства.

45

В оригинале письма это слово неразборчиво.

46

Она получила 5000 долларов в результате положительного решения ее иска о ферме на Лонг-Айленде.

47

Избавление от Бетанелли (оформление развода).

48

У полковника Олькотта было двое детей.

49

В оригинале письма это слово неразборчиво.

Это действительно было ее предложение, но она никогда не настаивала на строгом его выполнении.

51

Возможно это был «Джон Кинг»?

52

См. главу 30.

53

Генерал Ростислав Андреевич Фадеев.

Возможно, это та самая золотая цепочка, на которой она выводила на прогулку своего ньюфаундленда.

55

Из письма полковнику Олькотту от 6 декабря 1887 г.

56

Их было семнадцать человек.

Ее полный текст опубликован в журнале «Theosophist» в августе 1932 г.

«Ламасери» — дословно: «ламаистский монастырь».

59

Это была сестра полковника Олькотта — миссис Митчел.

60

Фотография опубликована в журнале «Theosophist» в октябре 1929 г.

61

Этого Учителя называют Регентом Индии. Смотри книгу «"Братья» Блаватской», особенно «Ответы» в главе IV, «Учитель Мория и Регент Индии.»

Полковник говорил: «Жизнерадостность характера Е.П.Б. — одна из самых очаровательных ее черт. Она любила остроумно шутить и ценила это качество в других. В ее салоне никогда не приходилось скучать, особенно интересно было тем, кто пришел впервые и ничего не знал о восточной литературе и ничего не понимал в восточной философии». [18, т.1, с.456]

63

Письма Махатмы К. Х. к Синнету.

64

См. главу 27.

Ее дядя Ростислав Андреевич Фадеев, ее кузен Александр Юльевич Витте и сын ее сестры Веры, Ростислав Николаевич Яхонтов.

66

Журнал «Theosophist» вышел в траурной обложке — это было внимание Олькотта к её чувствам.

Мадам Витте.

Е.П.Б. — Е. П. Блаватской без добрых пожеланий.